УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА АФРИКИ РАН

2026 Том 12 № 3 (76)

Научный журнал. Год основания 1998

Главный редактор

Д.А. ДЕГТЕРЕВ

д-р полит. наук, канд. экон. наук, профессор, Институт Африки РАН

Приглашенный редактор номера: **Н.Г. ГАВРИЛОВА**, канд. экон. наук, н.с.,
Центр изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН

Редколлегия:

И.О. АБРАМОВА (Институт Африки РАН, РФ), **У.-Э.Л. АНАНГИСЬЕ** (Университет Дар-эс-Салама, Танзания), **Э.Т. АНИШЕ** (Федеральный Университет Отуоке, Нигерия), **К.Ф. АПУУЛИ** (Университет Макерере, Уганда), **Ф. АТТУКУАЙЕФИО** (Университет Ганы, Гана), **Д. БОЛОРИНВА** (Нигерийский институт международных отношений, Нигерия), **Д.М. БОНДАРЕНКО** (Институт востоковедения РАН, РФ), **А.М. ВАСИЛЬЕВ** (Институт Африки РАН, РФ), **Т.М. ГАВРИСТОВА** (ЯрГУ, Ярославль, РФ), **ГОТТШАЛК К.** (Университет Западного Кейпа, ЮАР), **Л. Де КОКЕР** (Университет Ла Троуб, Мельбурн, Австралия), **С. ДИПАМА** (Университет Тома Санкары, Буркина-Фасо), **Р.В. ДМИТРИЕВ** (Институт Африки РАН, РФ), **Н.А. ДОБРОНРАВИН** (Кунсткамера, Санкт-Петербург, РФ), **Н.А. ЖЕРЛИЦЫНА** (Институт Африки РАН, РФ), **Л.М. ИСАЕВ** (НИУ ВШЭ, РФ), **В.М. КАССАЕ НЫГУСИЕ** (РУДН им. П. Лумумбы, РФ), **А. КИАМБА** (Университет Найроби, Кения), **А.В. КОРОТАЕВ** (НИУ ВШЭ, РФ), **А.В. КУЗНЕЦОВ** (ИНИОН РАН, РФ), **А. ЛИ** (Пекинский университет, КНР), **С.В. МАЗОВ** (ИВИ РАН, РФ), **Б. МОНСЕФ** (Университет Алжир-2, Алжир), **К.Ч. НГАНГ** (Национальный университет Лесото, Лесото), **С. НДЛОВУ** (Университет Южной Африки, ЮАР), **К.А. ПАНЦЕРЕВ** (СПбГУ, РФ), **Б. РАЙДЕР** (Кембриджский Университет, Великобритания), **И.С. СЕМЕНЕНКО** (ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, РФ), **Г.М. СИДОРОВА** (МГЛУ им. М. Тореза, РФ), **К. ШАЙ** (Университет Лимпопо, ЮАР), **Т. ШО** (Университет Массачусетса, Бостон, США), **В.Г. ШУБИН** (Институт Африки РАН, РФ), **Э. ЭЙРИСЕ** (Университет социальных наук Анкары, Турция)

Редакция:

Зам. главного редактора **Ю.Д. КРЮЧКОВ**
Зам. главного редактора **О.Л. ФИТУНИ**
Ответственный секретарь **М.В. БОРИСЕНКО**
Дизайн и верстка **Г.М. АБИШЕВА**

Учредитель издания: **Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН.** Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-60887 от 2 марта 2015 г.

ISSN 2412-5717 (Print). ISSN 3034-3496 (Online). Подписка по каталогу «Пресса России», индекс **85011.**

При цитировании ссылка на журнал «Ученые записки Института Африки РАН» обязательна. Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Ученых записок Института Африки РАН» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Позиция редакции необязательно совпадает с мнениями авторов.

Адрес редакции:
123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

E-mail: uch-zap@inafr.ru
Интернет: http://africajournal.ru

© Институт Африки РАН, 2026
© Авторы, 2026

JOURNAL OF THE INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

2026 Volume 12 № 3 (76)

Academic Research Journal. Published since 1998

Editor-in-Chief

Denis A. DEGTEREV

DSc (IR), PhD (Economics), Professor, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Guest Editor of the Issue: **Nina G. GAVRILOVA,** PhD in Economics, Research Fellow, Centre for Transition Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Editorial Board:

ABRAMOVA Irina (Institute for African Studies, Russia), **ANANGISYE William-Andey** (University of Dar es Salaam, Tanzania), **ANICHE Ernest** (Federal University of Otuoke, Nigeria), **APUULI Kasaija** (Makerere University, Uganda), **ATTUQUAYEFIO Philip** (University of Ghana, Ghana), **BOLORINWA Joshua** (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), **BONDARENKO Dmitry** (Institute of Oriental Studies, Russia), **De COCKER Louis** (La Trobe University, Australia), **DIPAMA Samiratou** (Thomas Sankara University, Burkina Faso), **DMITRIEV Ruslan** (Institute for African Studies, Russia), **DOBRONRAVIN Nikolay** (Kunstkamera, Russia), **EYRİCE Elem** (Social Sciences University of Ankara, Republic of Türkiye), **GAVRISTOVA Tatyana** (Yaroslavl State University, Russia), **GOTTSCHALK Keith** (University of the Western Cape, South Africa), **ISAEV Leonid** (Higher School of Economics, Russia), **KASSAE NIGUSSIE Mikael** (RUDN University, Russian Federation), **KIAMBA Anita** (University of Nairobi, Kenya), **KOROTAEV Andrey** (Higher School of Economics, Russia), **KUZNETSOV Aleksey** (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russia), **LI Anshan** (Peking University, PRC), **MAZOV Sergey** (Institute of World History, Russia), **MONCEF Bakail** (University of Algiers-2, Algers), **NDLOVU Sifiso** (University of South Africa, South Africa), **NGANG Carol** (National University of Lesotho, Lesotho), **PANTSEREV Konstantin** (St. Petersburg State University, Russia), **RIDER Barry** (University of Cambridge, UK), **SEMENENKO Irina** (Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russia), **SHAI Kgothatso** (University of Limpopo, South Africa), **SHAW Timothy** (University of Massachusetts at Boston, USA), **SHUBIN Vladimir** (Institute for African Studies, Russia), **SIDOROVA Galina** (Moscow State Linguistic University, Russia), **VASILIEV Aleksey** (Institute for African Studies, Russia), **ZHERLITSINA Natalia** (Institute for African Studies, Russia)

Editorial Office:

Deputy Editor-in-Chief **Yury KRYUCHKOV**
Deputy Editor-in-Chief **Olga FITUNI**
Executive Secretary **Maria BORISENKO**
Designer **Gulzhamal ABISHEVA**

Publisher: **Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.** The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration Certificate PI No. FS77-60887 of March 2, 2015.

ISSN 2412-5717 (Print). ISSN 3034-3496 (Online). Subscription by the catalog "Russian Press", Index **85011**.

In case of citing, quoting or reproducing in any form of any part of the texts and/or other materials published in the Journal of the Institute for African Studies, a reference to the original issue of the Journal is obligatory. Reproduction of complete texts and/or visual materials (diagrams, tables, illustrations, photos, etc.) is subject to a written permission from the Editor-in-Chief and proper citation of the Journal of the Institute for African Studies as the original source. The opinions expressed in this publication are those of the authors. They do not purport to reflect the opinions or views of the Journal or its publisher.

Address:
30/1 Spiridonovka Str.
Moscow, Russia, 123001

E-mail: uch-zap@inafr.ru
Internet: http://africajournal.ru

© Institute for African Studies, 2026
© Authors, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера: ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АФРИКИ

Лукомец В.М., Лукомец А.В., Цаценко Н.А. Системы семеноводства агрокультур и пути обеспечения продовольственной безопасности в Эфиопии **5**

Мурина Н.С., Гламаздин И.Г. Ветеринарная безопасность Африки и перспективы сотрудничества с Россией **24**

Амухайа К.А. Структурные детерминанты продовольственной небезопасности в Африке: почвы, землевладение, монокультуры **44**

Гаврилова Н.Г. Экстренная продовольственная автономия в лагерях беженцев и зонах конфликтов Африки южнее Сахары **65**

Сугаков Г.К. Роль аквакультуры в мировом хозяйстве и ее значение для Африки **86**

Рубо О.П. Политика Китая в сфере обеспечения продовольственной безопасности в Африке: акторы, институты и механизмы сотрудничества **100**

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Аду-Гьямфи С., Бочвей К.К.Н., Габиану Н., Аддае П.А., Нкрума Э.Э., Баффур-Авуа Ф. Натуральные специи в Кумаси с 1980-х годов: роль в культуре, экономике и здравоохранении **116**

Гришина Н.В. Трущобные поселения в странах Тропической Африки и проблема продовольственной безопасности **132**

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Умар М.Б. Продовольственная безопасность в санкционной политике ЭКОВАС в отношении Мали и Нигера: гуманитарные исключения и издержки мер принуждения (2022–2025 гг.) **149**

Мамед-заде П.Н. «Атлантическая инициатива» короля Марокко Мухаммеда VI: геополитические и экономические аспекты **168**

РЕЦЕНЗИИ

Белкина Н.А., Крючков Ю.Д. Африка южнее Сахары: вода жизни и жизнь воды **182**

Яковлев А.И. Журналы «Лотос» и «Призыв»: новая жизнь африканской поэзии **186**

Абул-Дахаб К.М. Египетский трудовой корпус: принудительная мобилизация полумиллиона египтян **190**

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Морозенская Е.В., Кузнецова Н.П. У истоков российской экономической науки о развивающихся странах (к 125-летию со дня рождения С.И. Тюльпанова) **194**

Турьинская Х.М. Скотоводы Восточной Африки: экономика и общество **199**

CONTENTS

Focus of the Issue: FOOD SECURITY IN AFRICA

Lukomets V.M., Lukomets A.V., Tsatsenko N.A. Seed Production Systems for Agricultural Crops and Ways to Ensure Food Security in Ethiopia **5**

Murina N.S., Glamazdin I.G. Veterinary Security in Africa and Prospects for Cooperation with Russia **24**

Amuhaya C.A. Structural Determinants of Food Insecurity in Africa: Soils, Land Tenure, Monocultures **44**

Gavrilova N.G. Emergency Food Autonomy in Refugee Camps and Conflict Zones in Sub-Saharan Africa **65**

Sugakov G.K. The Role of Aquaculture in the World Economy and Its Importance for Africa **86**

Rubo O.P. China's Policy on Ensuring Food Security in Africa: Actors, Institutions, and Cooperation Mechanisms **100**

SOCIAL ANTHROPOLOGY

Adu-Gyamfi S., Botchway K., Gabianu N., Addae P.A., Nkrumah E.E., Baffour Awuah F. Natural Spices in Kumasi Since the 1980s: Cultural Significance, Economic Transformation, and Health Impacts **116**

Grishina N.V. Slum Settlements in Sub-Saharan Africa and the Problem of Food Security **132**

INTERNATIONAL POLITICS

Umar M.B. Food Security in ECOWAS Sanctions Against Mali and Niger: Humanitarian Exemptions and the Costs of Coercion (2022–2025) **149**

Mamed-zade P.N. The Atlantic Initiative of King Mohammed VI of Morocco: Geopolitical and Economic Aspects **168**

REVIEWS

Belkina N.A., Kryuchkov Yu.D Sub-Saharan Africa: The Water of Life and the Life of Water **182**

Yakovlev A.I. Magazines "Lotus" and "The Call": The New Life of African Poetry **186**

Aboul-Dahab K.M. The Egyptian Labour Corps: The Forced Conscription of Half a Million Egyptians **190**

ACADEMIC HERITAGE

Morozenskaya E.V., Kuznetsova N.P. The Trailblazer of Russian Economic Studies of Developing Countries (on the 125th Anniversary of S.I. Tyulpanov) **194**

Turinskaya Kh.M. Pastoralists of East Africa: Economy and Society **199**

Тема номера:

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АФРИКИ

Научная статья

СИСТЕМЫ СЕМЕНОВОДСТВА АГРОКУЛЬТУР И ПУТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭФИОПИИ

© 2026 В.М. Лукомец, А.В. Лукомец, Н.А. Цаценко

ЛУКОМЕЦ Вячеслав Михайлович, академик РАН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, ректор, Российский государственный аграрный университет – МСХА им К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация. ORCID: 0000-0001-9162-0317. E-mail: rector@rgau-msha.ru

ЛУКОМЕЦ Артем Вячеславович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Лаборатория экономики, Всероссийский научно-исследовательский институт масличных культур имени В.С. Пустовойта, Краснодар, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-0721-7822. E-mail: alukomets@vniimk.ru

ЦАЦЕНКО Наталья Андреевна, PhD, начальник отдела международных связей и экономики, Национальный центр зерна имени П.П. Лукьяненко, Краснодар, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-4258-1865. E-mail: natalia27tsatsenko@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам продовольственной безопасности через анализ двух важнейших факторов: агробиоразнообразия сельскохозяйственных культур и доступа фермеров к качественным семенам улучшенных сортов и гибридов. За изучение взята страна региона Восточной Африки – Эфиопия, которая, по теории Н.И. Вавилова «О центрах происхождения культурных растений», является центром генетического разнообразия сельскохозяйственных растений на Африканском континенте. Особое внимание уделяется оценке современного набора зерновых культур, возделываемых в Эфиопии, таких как пшеница, кукуруза, тефф, сорго и ячмень. На основе статистических данных ФАО и статистического центра Эфиопии выявлены тренды путей сельскохозяйственного производства – экстенсивное (увеличение площадей возделывания) и интенсивное (увеличение урожайности сельскохозяйственных культур) – для обеспечения питанием быстрорастущего населения. Анализ научной литературы позволил установить взаимосвязь между исторически возделываемыми вышеуказанными злаковыми и их современным потенциалом в обеспечении населения Эфиопии продовольствием. Дилемма между агробиоразнообразием сельскохозяйственных культур и доступом к качественным семенам непосредственно связана с ролью мелких фермерских хозяйств в африканской стране. Сложность проблемы коренится в двух ключевых факторах. С одной стороны, функционируя в неформальной системе семеноводства, мелкие фермеры обеспечивают сохранение локального генетического разнообразия культурных растений, например, теффа и твердой пшеницы. С другой стороны,

только сертифицированные семена из формальной системы семеноводства могут служить золотым стандартом качества семенного материала. Изучив национальную стратегию развития системы семеноводства в Эфиопии, авторы приходят к выводу, что, внедряя промежуточную систему, государство заинтересовано в сокращении доли неформального сектора семеноводства. Ввиду сложности и многоаспектности систем семеноводства в Эфиопии, их дальнейший анализ требует сбора эмпирических данных, которые позволят установить связь между видовым составом сельскохозяйственных культур и разработкой соответствующего законодательства.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, агробиоразнообразие, система семеноводства, доступ к семенам, регулирование семеноводства, зерновые культуры, Эфиопия

Конфликт интересов. Авторы заявили об отсутствии конфликта интересов.

Персональный вклад авторов. Совместное исследование.

Для цитирования: Лукомец В.М., Лукомец А.В., Цаценко Н.А. Системы семеноводства агрокультур и пути обеспечения продовольственной безопасности в Эфиопии. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2026. Т. 12. № 3. С. 5–23. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-5-23

ВВЕДЕНИЕ

По прогнозам ООН, к 2050 г. мировое население составит около 9,7 млрд человек[1]. Сельское хозяйство столкнется с новыми вызовами – обеспечением экономической, социальной и экологической устойчивости продовольственных и сельскохозяйственных систем. Этот процесс усложняется изменением климата, нехваткой воды, деградацией почв, изменением пищевых моделей в результате урбанизации и появлением новых антропогенных нагрузок вследствие интенсивного промышленного агропроизводства [Kahane et al. 2013: 674]. Африка к югу от Сахары или Субсахарская Африка – регион с быстрорастущим населением, сохраняющейся продовольственной необеспеченностью и аграрным суверенитетом, находящимся в стадии формирования. Африканские страны достаточно зависимы от международной продовольственной помощи [Морозенская и др. 2024: 87–89].

Малые фермерские хозяйства – это основа африканского аграрного сектора [Tsatsenko 2020: 38–39]. Фермеры занимаются сельскохозяйственным производством на земельных участках небольшой площади в основном около 2–10 га. Многие из них ограничены в доступе к семенам улучшенных сортов и гибридов сельскохозяйственных растений и получают семена через неформальную систему семеноводства[2]. Предполагается, что обеспечение фермеров семенами улучшенных сортов и гибридов сельскохозяйственных растений, обладающих повышенной адаптивностью к климатическим условиям, будет способствовать увеличению урожайности возделываемых культур и в целом повышению уровня продовольственной безопасности и продуктивности аграрного сектора. Доступ фермеров к таким семенам зависит от государственного регулирования, функционирующих систем семеноводства, которые в африканских странах делятся на формальные, промежуточные и

[1] Общее будущее общими силами. Демографические изменения. *ООН*. 2017. https://un.org/ru/un75/shifting-demographics (дата обращения: 05.05.2026)

[2] Report FAO. Report African Union Commission. The seed sector in Africa. Status Report and Ten-year Action Plan (2020–2030): A Summary. *AU*. 2021. https://au.int/en/documents/20220109/seed-sector-status-report (accessed: 05.05.2026)

неформальные [Лукомец, Лукомец, Цаценко 2025: 191]. Как показывает анализ научных публикаций, обеспечение фермеров качественным семенным материалом широкого спектра сельскохозяйственных культур находится в центре обсуждения проблем продовольствия и агробиоразнообразия [Asfaw et al. 2024; Kahane et al. 2013; Цаценко 2024].

Представления о мировых очагах и центрах происхождения важнейших культурных растений были сформулированы выдающимся русским ботаником, генетиком и географом Н.И. Вавиловым в книге «Центры происхождения культурных растений» (1926). Первоначально ученый выделял восемь очагов происхождения, один из которых – абиссинский [Вавилов 1960: 29–57]. Теория Н.И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений с выделением первичных и вторичных очагов обрела международное признание и внесла существенный вклад в исследование агробиологического разнообразия флоры [Гончаров 2007: 565].

На Африканском континенте находится один из центров генетического разнообразия сельскохозяйственных растений – это территория современной Эфиопии. Как пишет ученик Н.И. Вавилова П.М. Жуковский, «Эфиопия – страна ботанического разнообразия тетраплоидных пшениц, пленчатых ячменей и многих других полевых растений. Но ни один из хлебных злаков, кроме сорго, в диком состоянии здесь не встречается; нет и ближайших родичей, поэтому ботаническое разнообразие местных пшениц и ячменей – явление вторичное. <…> Здесь установлены специально абиссинские подвиды твердой, английской, польской пшениц и эммера <…> открыты пшеницы с фиолетовой окраской зерна, из которых и хлеб получается окрашенный; пленчатые многорядные и отчасти голозерные двурядные ячмени; эндемичный злак *Eragrostis tef* (тефф[3]) с семенами мелкими, как частицы манной крупы, используемыми здесь в пищу» [Жуковский 1964: 38–39]. На основании этого можно сделать вывод, что Эфиопия исторически обладает исходным генетическим материалом для создания сортов и гибридов. Исходя из вышеизложенного, интересным представляется ответ на вопрос: каким образом функционирование национальной системы семеноводства и доступ фермеров к качественному семенному материалу влияет на современное состояние агробиоразнообразия зерновых культур в Эфиопии?

Цель настоящего исследования – проанализировать современный спектр возделываемых зерновых культур в Эфиопии, а также упорядочить информацию о национальной системе семеноводства и роли фермеров в ее функционировании.

АГРАРНЫЙ СЕКТОР В ЭФИОПИИ

В настоящее время Эфиопия – это вторая по численности страна африканского континента после Нигерии. Население Эфиопии увеличилось за период 2010–2024 гг. с 90,5 до 132,1 млн человек (*табл.* 1). Вопросы обеспечения продовольствием стоят весьма остро. В период 2022–2024 гг. около 19,7% населения сталкивалось с проблемой недоедания[4]. В структуре экономики аграрный сектор занимает ключевую роль, его доля составляет 34,8% от валового внутреннего продукта. Несмотря на продолжающийся процесс внутренней миграции из сельских районов в городские центры, демографическая структура страны характеризуется доминированием сельских

[3] Тефф (лат. *Eragrostis tef*) – однолетнее травянистое злаковое растение. Его выращивают как зерновую и кормовую культуру.

[4] Карты голода и отсутствия продовольственной безопасности. Картирование распространенности голода в мире. *ФАО*. https://fao.org/interactive/hunger-map/ru/ (дата обращения: 05.05.2026)

жителей, чья доля достигает 76,4%. В 2024 г. примерно 61% трудоспособного населения страны было занято в сельскохозяйственном производстве (см. *табл.* 1).

Таблица 1. **Социально-экономический профиль Эфиопии, 2010–2024 гг.**

Показатель	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2024 г.	2024 г. в % к 2010 г. (–/+)
Население, млн	90,5	103,9	118,9	132,1	41,6
ВВП на душу населения (в постоянных ценах), долл. США	421,9	597,9	768,7	883,5	461,6
Доля населения, проживающего в сельской местности (% от общей численности населения)	82,5	80,5	78,4	76,4	–6,1
Доля сельского хозяйства в ВВП, %	41,4	36,1	35,6	34,8	–6,7
Доля занятых в сельском хозяйстве, %	73,8	68,0	63,6	61,0	–12,8

Источник: Составлено по данным World Development Indicators. *World Bank*, включая показатели: 1) Population, total (million); 2) GDP per capita (constant 2015 US$); 3) Employment in agriculture (% of total employment) (modeled ILO estimate); 4) Agriculture, forestry, and fishing, value added (% of GDP); 5) Rural population (% of total population) https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators%C2%A0 (accessed: 05.05.2026)

Сельское хозяйство входит в число важнейших направлений государственной программы стимулирования экономического роста и развития страны. В рамках масштабного проекта модернизации агропромышленного комплекса правительство уделяет особое внимание поддержке отрасли растениеводства и мелких фермеров, которые составляют большинство сельскохозяйственных производителей, особенно зерновых культур. Создание прочной и инклюзивной системы семеноводства сельскохозяйственных растений, гарантирующей доступность и надежность инноваций и технологий адаптации к изменению климата, остается критически важным вызовом [Alemu et al. 2023].

ЗЕРНОВЫЕ КУЛЬТУРЫ – ОСНОВА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Зерновые культуры являются ключевой группой сельскохозяйственных растений в Эфиопии, выступая главным источником углеводов и покрывая основную потребность жителей страны в калориях. Если сравнивать относительную долю зерновых, зернобобовых и корнеплодов по площади возделывания и валовому сбору, то производство зерновых культур занимает стабильно первое место. За период 2010–2024 гг. относительная доля площадей возделывания под зерновыми культурами составила около 85%, при этом абсолютное значение выросло с 10790 до 12070 тыс. га. В течение исследуемого периода удельный вес посевных площадей зернобобовых культур снизился с 12,7% (1606 тыс. га) до 11,2% (1583 тыс. га). Одновременно произошло расширение площади под выращивание корнеплодов в Эфиопии – с 1,9% (242 тыс. га) до 3,2% (452 тыс. га), что свидетельствует о структурной перестройке аграрного сектора (*рис.* 1). Интересно отметить, что в странах Западной Африки преобладают корнеплоды, в то время как в Эфиопии и в соседних странах Восточной Африки преобладают зерновые в структуре производства [ФАОСТАТ[5]].

[5] Crops and livestock products. *FAO*. https://fao.org/faostat/en/#data/QCL (accessed: 05.05.2026)

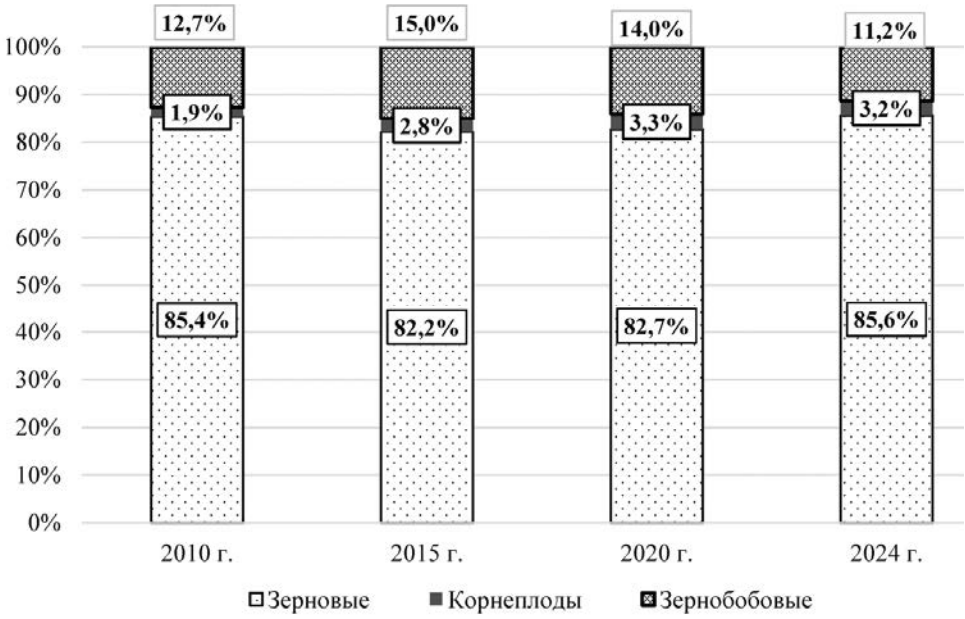

Рис. 1. **Динамика структуры площадей возделывания по трем группам сельскохозяйственных растений в Эфиопии, 2010–2024 гг**.
Источник: Составлено по данным FAOSTAT. Crops and livestock products. Area harvested (ha). *FAOSTAT*. https://fao.org/faostat/en/#data/QCL (accessed: 05.05.2026)

В южных и юго-западных регионах страны к наиболее распространенным корнеплодам относятся картофель (*Solanum tuberosum* L.), батат (*Ipomoea batatas* L. Lam), таро (*Colocasia esculenta.*), энсета (*Ensete ventricosum,* Musaceae). Согласно национальной статистике, ключевые зерновые регионы или штаты в Эфиопии располагаются на севере и в центральной части, а именно Амхара, Тыграй, Оромия, Народов юго-запада Эфиопии и Наций, национальностей и народов Юга (последние два до 2023 г. входили в один регион)[6].

Как показывает динамика структуры валового сбора, среди трех ключевых групп сельскохозяйственных растений в Эфиопии первое место приходится на зерновые, второе – на корнеплоды и третье – на зернобобовые. Несмотря на то, что относительная доля валового сбора зерновых культур в общей структуре производства несколько сократилась – с 78,3% в 2010 г. до 75,6% в 2024 г., абсолютное значение данного показателя значительно увеличилось – с 19000 до 31761 тыс. т. За рассматриваемый период относительная доля корнеплодов выросла с 13,0 до 16,9%, валовой сбор в абсолютном значении увеличился более чем в 2 раза – с 3160 до 7111 тыс. т. Удельный вес зернобобовых культур сократился на 1,2%, с 8,7% в 2010 г. до 7,5% в 2024 г. (*рис.* 2).

Основные сельскохозяйственные культуры среди зерновых, обеспечивающих продовольственную безопасность страны – пшеница, тефф, кукуруза, ячмень и сорго. В 2019 г. федеральный центр статистики Эфиопии опубликовал отчет «О посевных площадях и прогнозе производства сельскохозяйственной продукции на основные сельскохозяйственные культуры на 2019/2020 гг. для домохозяйств»[7]. Согласно

[6] Ethiopian Statistical Service (ESS). Crop production Forecast Sample Survey, 2019/20 (2012 E.C). P. 12, 15. *Ethiopian Statistical Service*. https://ess.gov.et/download/2012-forecsat-report/ (accessed: 05.05.2026)
[7] Crop production Forecast Sample Survey, 2019/20 (2012 E.C). *Ethiopian Statistical Service.* https://ess.gov.et/download/2012-forecsat-report/ (accessed: 05.05.2026)

статистическому отчету, тефф, кукуруза, сорго, пшеница и ячмень занимали общую площадь обрабатываемых земель, составлявшую около 3152 тыс. га, 2447 тыс. га, 1785 тыс. га, 1748 тыс. га и 802 тыс. га соответственно. В статистических данных, публикуемых ФАОСТАТ, тефф относят к группе «других зерновых».

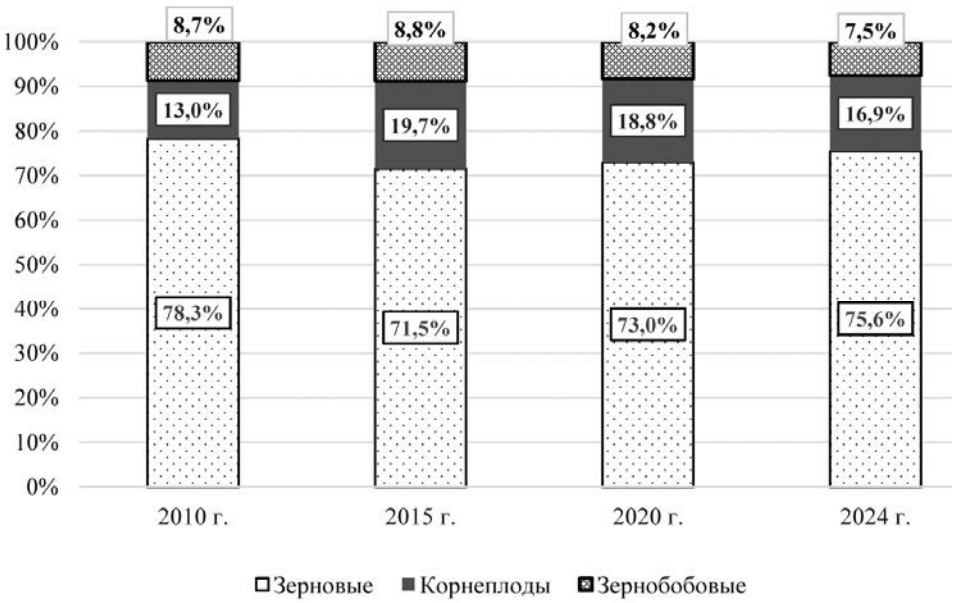

Рис. 2. **Динамика структуры валового сбора по трем группам сельскохозяйственных растений в Эфиопии, 2010–2024 гг.**
Источник: Составлено по данным ФАО. Crops and livestock products. Production Quantity (t). *FAO.* https://fao.org/faostat/en/#data/QCL (accessed: 05.05.2026)

Таблица 2. **Структура площади возделывания по зерновым культурам в Эфиопии, 2010 и 2024 гг.**

Сельскохозяйственная культура	2010 г.		2024 г.	
	тыс. га	%	тыс. га	%
Пшеница	1826	16,9	2130	17,6
Кукуруза	2500	23,2	3398	28,2
Рис	56	0,5	94	0,8
Ячмень	1301	12,1	1069	8,9
Сорго	1898	17,6	1650	13,7
Просо	408	3,8	455	3,8
Овес	44	0,4	28	0,2
Другие зерновые	2761	25,6	3245	26,9
Всего зерновых	10794	100,0	12070	100,0

Источник: Составлено по данным ФАО. Crops and livestock products. Area harvested (ha). *FAO.* https://fao.org/faostat/en/#data/QCL (accessed: 05.05.2026)

Сравнивая структуру площади возделывания зерновых за 14 лет, можно зафиксировать ряд изменения. *Во-первых*, совокупный объем посевных площадей под зерновые культуры в Эфиопии увеличивается, что свидетельствует об экстенсивном

пути аграрного производства. *Во-вторых*, наибольший объем посевных площадей отдан под возделывание кукурузы и теффа. В качестве примера – удельный вес площади возделывания под кукурузу вырос с 23,2% до 28,2%. *В-третьих*, доля площадей под пшеницей увеличилась с 16,9% до 17,6%. Одновременно наблюдается сокращение площадей возделывания под сорго и ячменем. *В-четвертых*, несмотря на то, что удельный вес площадей под возделывание риса занимает стабильно менее 1%, абсолютное значение выросло с 56 тыс. га в 2010 г. до 94 тыс. га в 2024 г. (*табл.* 2).

ТЕНДЕНЦИИ В ПРОИЗВОДСТВЕ КЛЮЧЕВЫХ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР

Тефф. Эфиопия является центром происхождения и разнообразия теффа (*Eragrostis tef* (Zucc.) Trotter). Предполагается, что данная сельскохозяйственная культура была одомашнена в период между 4000 и 1000 годами до н.э. [Waktola, Dabalo 2025: 147; Boruah, Daimary 2026: 325]. В настоящее время тефф – это вторая по важности после кукурузы продовольственная культура для миллионов жителей Эфиопии. Данный злак выращивают около 8 млн мелких фермеров[8]. В отчетах центра национальной статистики Эфиопии его выделяют в пятерку важнейших зерновых культур наравне с кукурузой, пшеницей, ячменем и сорго. Площадь возделывания под теффом занимает в Эфиопии более 3 млн га земли. По урожайности тефф уступает кукурузе, пшенице, ячменю и сорго. Согласно официальным данным статистического центра Эфиопии, урожайность данной сельскохозяйственной культуры варьируется в диапазоне 17–19 ц/га[9].

Исследования по селекции теффа в Эфиопии ведутся с 1950-х гг. Ведущую роль играет Сельскохозяйственный исследовательский центр Дебре Цайт (*Debre Zeit Agricultural Research Center*), расположенный в штате Оромия и входящий в структуру Эфиопского института сельскохозяйственных исследований (*Ethiopian Institute of Agricultural Research, EIAR*)[10]. В рамках селекционных программ проводятся исследования, направленные на повышение урожайности и устойчивости к полеганию. На данный момент в рамках программы создано 35 сортов, отличающихся урожайностью и адаптируемостью[11].

Важно подчеркнуть, что зерно теффа признано ценным продуктом благодаря высокому содержанию питательных веществ. В нем много белка, железа, кальция и клетчатки, а также отсутствует глютен. По калорийности тефф сравним с пшеницей и рисом, богат незаменимыми аминокислотами, особенно лизином. В 100 г зерен теффа содержится 357 ккал, что соответствует показателям пшеницы и риса [Waktola, Dabalo 2025: 153]. В научной литературе подчеркивается, что тефф – это недоиспользованная местная культура, которой недостаточно уделили внимания в рамках селекционных программ. Применение современных инструментов редактирования генома, таких как *CRISPR/Cas9*, позволит увеличить урожайность теффа и повысит устойчивость к полеганию [Malhotra 2025: 9; Waktola, Dabalo 2025: 152].

[8] Crop Research Directorate. Tef Research Program. *Ethiopian Institute of Agricultural Research (EIAR).* http://eiar.gov.et/research/programs/27/ (accessed: 05.05.2026)

[9] Crop production Forecast Sample Survey, 2019/20 (2012 E.C). *Ethiopian Statistical Service*. https://ess.gov.et/download/2012-forecsat-report/ (accessed: 05.05.2026)

[10] Debre Zeit Agricultural Research Center. http://www.eiar.gov.et/main-center-debrezeit/ (accessed: 05.05.2026)

[11] Tef Research Program. Crop Research Directorate. *Ethiopian Institute of Agricultural Research (EIAR).* http://www.eiar.gov.et/research/programs/27/ (accessed: 05.05.2026)

Пшеница. Эфиопия, выращивающая 6185 тыс. т этого продукта, входит в число крупнейших производителей пшеницы на Африканском континенте наряду с такими странами, как Египет (9400 тыс. т), Марокко (2442 тыс. т), Алжир (3000 тыс. т) и Южно-Африканская Республика (1925 тыс. т), по объемам производства уступая лишь Египту в 2024 г.[12] Пшеница в Эфиопии считается стратегической культурой, способствующей укреплению продовольственной безопасности [Anteneh, Asrat 2020: 4]. Производство данной культуры, площадь посевов и урожайность демонстрируют положительный тренд. В период 2010–2024 гг. посевная площадь увеличилась на 16,6%, в то же время валовой сбор вырос на 86%. В 2024 г. было собрано 6185 тыс. т. Наблюдается увеличение урожайности пшеницы с 18,2 до 29 ц/га или на 59,5% (*табл.* 3).

Таблица 3. **Динамика производства пшеницы в Эфиопии, 2010 и 2024 гг.**

Показатель	2010 г.	2024 г.	2024 г. в % к 2010 г.
Посевная площадь, тыс. га	1826	2130	116,6
Валовой сбор, тыс. т	3326	6185	186,0
Урожайность, ц/га	18,2	29,0	159,5

Источник: Составлено по данным ФАО. Crops and livestock products, включая показатели: 1) Area harvested (ha); 2) Production Quantity (t); Yield (kg/ha). *FAO.* https://fao.org/faostat/en/#data/QCL

В то же время урожайность эфиопской пшеницы относительно невелика по сравнению с мировыми стандартами. Согласно данным выборочного обследования прогнозов производства сельскохозяйственной продукции Центра статистики Эфиопии за 2020 г., в основных штатах возделывания пшеницы, таких как Оромия, Амхара, Тыграй, Народов юго-запада Эфиопии и Наций и национальностей и народов Юга урожайность не превышает 30 ц/га[13].

Следует подчеркнуть, что в Эфиопии выращивается как мягкая (*Triticum aestivum* L.) (2n=42, гексаплоид), так и твердая пшеница (*Triticum durum* Desf.) (2n=28, тетраплоид). Твердая пшеница, которая на протяжении тысячелетий в основном возделывается в центральных и северных нагорьях, является аборигенным видом для Эфиопии [Senbeta, Worku 2023: 3; Sall et al. 2019: 4]. Считается, что высокогорья Эфиопии – это район богатого биоразнообразия зерновых, включая твердую пшеницу. В научных трудах Н.И. Вавилова, посвященных изучению происхождения культурных растений на различных континентах земного шара, описывается, что Эфиопия является одним из центров происхождения тетраплоидной пшеницы [Вавилов 1960: 50]. По результатам экспедиции в 1927 г. в Сомали, Эритрею и Абиссинию Н.И. Вавилов выделил подвид твердой пшеницы, основной ареал которой – это горная Абиссиния и Эритрея, – *T. durum abyssinicum* Vav. Такой подвид характеризуется «огромным полиморфизмом в признаках колоса и зерна» [Вавилов 1962: 48].

В современное время на основе цитогенетического анализа (С-бэндинга) и изучения хромосомных перестроек *Triticum aethiopicum* Jakubz. (2n = 4x = 28, геном BBAA) российский доктор биологических наук Е.Д. Бадаева и ее коллеги делают ряд выводов о происхождении эфиопской пшеницы [Бадаева и др. 2018]. *Во-первых*, предок *Triticum aethiopicum*, вероятнее всего, ведет происхождение от эфиопской полбы

[12] Crops and livestock products. *FAO*. https://fao.org/faostat/en/#data/QCL (accessed: 05.05.2026)
[13] Crop production Forecast Sample Survey, 2019/20 (2012 E.C). *Ethiopian Statistical Service*. https://ess.gov.et/download/2012-forecsat-report/ (accessed: 05.05.2026)

(*Triticum dicoccum*). Образование вида предположительно произошло в южных районах Эфиопии в результате гибридизации *T. dicoccum* с другими видами тетраплоидной пшеницы. *Во-вторых*, после возникновения дальнейшая эволюция эфиопской пшеницы проходила независимо от других видов голозерных пшениц. *В-третьих*, высказывается гипотеза, что эфиопская пшеница могла сыграть роль «промежуточного звена» и принять участие в формировании генофонда уникальной марокканской группы *T. dicoccum* в Северной Африке через межвидовую гибридизацию [Бадаева и др. 2018: 622–623].

Однако вопрос происхождения по-прежнему остается спорным. По данным научного коллектива ученых под руководством профессора биологии Амаду Тидиане Салл из Сенегальского института сельскохозяйственных исследований (*Senegalese Institute for Agricultural Research, ISRA*) и отделения Международного центра сельскохозяйственных исследований в засушливых регионах в Марокко (*International Center for Agricultural Research in the Dry Areas, ICARDA*), эфиопские пшеницы – это уникальная группа пшениц, которая возникла в результате независимого одомашнивания и обозначается как *T. turgidum ssp. Aethiopicum* [Sall et al. 2019: 4]. В целом, ландрасы (стародавние сорта) эфиопской пшеницы представляют собой уникальные источники ценных признаков для перспективных селекционных программ [Mengistu et al. 2015: 191].

Мягкая пшеница в Эфиопии получила активное распространение как полевая культура во второй половине прошлого века [Shiferaw et al. 2014]. Длительное время *T. durum* была основным возделываемым видом пшеницы в стране. До начала 1980-х гг. сорта твердой пшеницы составляли от 60% до 70% посевных площадей Эфиопии, занятых под возделывание данной культуры, тогда как мягкая пшеница занимала соответственно 30–40% [Shiferaw et al. 2014]. После внедрения усовершенствованных сортов мягкой пшеницы удельный вес сортов твердых снизился до уровня около 15–20%, причем большая часть приходится на местные сорта. Внедрение в Эфиопии улучшенных сортов мягкой пшеницы, полученных в результате реализации международных селекционных программ с участием Международного центра улучшения кукурузы и пшеницы (*International Maize and Wheat Improvement Center, CIMMYT*), и успешная их адаптация при достаточном уровне потенциальной урожайности обусловили доминирующее положение мягкой пшеницы [Mengistu et al. 2015: 191; Shiferaw et al. 2014: 273–274]. В статистических отчетах Центра Статистики Эфиопии приводятся данные об урожайности пшеницы без разделения на твердую и мягкую.

Сегодня твердая пшеница остается важным сырьем для производства муки, используемой при приготовлении традиционных блюд. В качестве примера может служить эфиопская лепешка ынджера (*Injera*), которую также называют эфиопским хлебом в ряде регионов страны [Neela, Fanta 2020: 1]. Для приготовления ынджера используется смесь муки из нескольких злаков, включая твердую пшеницу, тефф, кукурузу и сорго [Senbeta, Worku 2023: 3; Neela, Fanta 2020: 4]. Пропорции теффа и прочих зерновых в эфиопском хлебе определяются не только местными традициями и кулинарными предпочтениями, но и финансовым положением домохозяйств [Neela, Fanta 2020: 4].

Кукуруза. Кукуруза (*Zea mays* L.), родиной которой является Центральная Америка, – это одна из наиболее распространенных зерновых культур мира. В странах Африки к югу от Сахары она служит важнейшим продуктом питания, богатым углеводами, став неотъемлемым элементом повседневного рациона миллионов людей. Обзор многочисленных публикаций о производстве и потреблении кукурузы

свидетельствует о том, что данная сельскохозяйственная культура является одним из самых дешевых источников продовольственных калорий в странах Субсахарской Африки. Ее широкое распространение обусловлено высокой адаптивностью к местным агроэкологическим условиям [Asfaw et al. 2024; Cairns et al. 2013]. В Эфиопии кукуруза является стратегической сельскохозяйственной культурой в рамках обеспечения продовольственной безопасности и источников доходов.

По объемам производства среди зерновых культур кукуруза занимает первое место в Эфиопии. В период с 2010 по 2024 гг. валовой сбор кукурузы увеличился более чем вдвое – с 5481 до 11701 тыс. т, при этом средняя урожайность по стране возросла на 57,1% (с 21,9 до 34,4 ц/га (*табл.* 4). Это объясняется двумя путями развития агропроизводства: экстенсивным – за счет расширения посевных площадей; интенсивным – посредством создания новых сортов и гибридов кукурузы с повышенной адаптацией к условиям среды, что обеспечивает рост ее урожайности. Отчет Эфиопского агентства статистики подтверждает увеличение доли мелких фермеров, использующих улучшенные сорта и гибриды кукурузы[14].

Результаты исследования подтверждают, что совокупный рост производства кукурузы обусловлен совершенствованием агротехнических практик, повышением адаптивных качеств сортов и гибридов и увеличением инвестиций в отрасль [Asfaw et al. 2024]. Показатель урожайности кукурузы в Эфиопии значительно уступает аналогичным показателям ряда государств – участников БРИКС. В частности, средняя урожайность составляет: в России – 58,4 ц/га, в Китае – 65,9 ц/га, Бразилии – 54,3 ц/га, ЮАР – 48,7 ц/га[15].

Таблица 4. **Динамика производства кукурузы в Эфиопии, 2010 и 2024 гг.**

Показатель	2010 г.	2024 г.	2024 г. в % к 2010 г.
Посевная площадь, тыс. га	2500	3398	135,9
Валовой сбор, тыс. т	5481	11701	в 2,1 раза
Урожайность, ц/га	21,9	34,4	157,1

Источник: Составлено по данным ФАО. Crops and livestock products, включая показатели: 1) Area harvested (ha); 2) Production Quantity (t); Yield (kg/ha). *FAO.* https://fao.org/faostat/en/#data/QCL

Эфиопия продолжает сталкиваться с проблемами хронического недоедания, вызванными недостатком белка и витаминов группы А, поэтому в настоящее время большое внимание уделяется продвижению улучшенных сортов и гибридов белковой кукурузы (*quality protein maize, QPM*) и сортов кукурузы с провитамином А (*pro-vitamin A, PVA*) [Jambo et al. 2025: 1; Engida et al. 2024: 489]. Кукуруза является одним из основных продуктов питания, но традиционные разновидности этой сельскохозяйственной культуры характеризуются низким качеством белка. Следует отметить, что изначально сорта и гибриды *QPM* были разработаны Международным центром улучшения кукурузы и пшеницы (*CIMMYT*) в рамках селекционных программ в 1960-х гг. Как показывают современные исследования, проводимые в регионе Наций, национальностей и народов Юга, продвижение сортов и гибридов *QPM* осложняется рядом факторов, таких как ограниченность доступа к семенам белковой кукурузы, низкая урожайность по сравнению с уже возделываемыми традиционными сортами и

[14] The Ethiopia Socioeconomic Panel Survey (ESPS) 2021/22 Report. P. 108. *Ethiopian Statistical Service.* https://ess.gov.et/download/2021-22-survey-report/ (accessed: 05.05.2026)
[15] Crops and livestock products. *FAO.* https://fao.org/faostat/en/#data/QCL (accessed: 05.05.2026)

гибридами, отсутствие более выгодных рынков сбыта для *QPM* и низкая устойчивость *QPM* к болезням [Jambo et al. 2025: 1–2]. В целом, как показывают публикации по данной тематике, возрастает запрос на разработку насыщенных питательными веществами сортов и гибридов кукурузы, что позволит улучшить и оздоровить рацион питания для многих жителей Эфиопии.

Сорго. Территория современной Эфиопии считается центром происхождения и разнообразия сорго (*Sorghum bicolor* (L.) Moench). Процесс одомашнивания этой сельскохозяйственной культуры начался около 3000 лет до н.э. Благодаря своей устойчивости к сухому климату и богатому питательному составу сорго стало важной продовольственной сельскохозяйственной культурой в странах Субсахарской Африки [Doggett 1991: 147]. Интересно отметить, что в настоящее время сорго возделывают на различных континентах и во многих странах мира, включая Россию. Культурное сорго представлено примерно 50 видами, которые принято делить на четыре хозяйственные категории: зерновые, сахарные, веничные и кормовые (травянистые). Эта классификация дополняется разделением на эколого-географические группы (гаолян, дурра, кафрское сорго и майло), а также множеством сортовых типов [Алабушев и др. 2017: 7]. В Эфиопии произрастает четыре основных вида сорго: *bicolor*, *caudatum*, *durra* и *guinea* [Ayana, Bekele 1998: 195].

Эфиопия наряду с Нигерией и Суданом входит в тройку ведущих африканских производителей сорго. В период 2010–2024 гг. валовой сбор сорго в Эфиопии вырос на 2,5% (с 4000 до 4100 тыс. т) (*табл.* 5). В 2024 г. площади, занятые под сорго, составили 1650 тыс. га. Возделывание сорго в Эфиопии по-прежнему характеризуется низкой урожайностью по сравнению с соседним Египтом, где данный показатель достиг 52 ц/га в 2024 г.[16] За рассматриваемый период урожайность сорго варьировалась в пределах 21,1–24,8 ц/га. Современные исследовательские программы под руководством Эфиопского сельскохозяйственного исследовательского института направлены на создание высокоурожайных гибридов сорго[17].

Таблица 5. **Динамика производства сорго в Эфиопии, 2010 и 2024 гг.**

Показатель	2010 г.	2024 г.	2024 г. в % к 2010 г.
Посевная площадь, тыс. га	1898	1650	86,9
Валовой сбор, тыс. т	4000	4100	102,5
Урожайность, ц/га	21,1	24,8	117,9

Источник: Составлено по данным ФАО. Crops and livestock products, включая показатели: 1) Area harvested (ha); 2) Production Quantity (t); Yield (kg/ha). *FAO.* https://fao.org/faostat/en/#data/QCL

Ячмень (*Hordeum vulgare* L.) входит в пятерку ключевых зерновых культур и занимает пятое место по посевным площадям и производству в Эфиопии после теффа, кукурузы, пшеницы и сорго (см. *табл.* 2). Ячмень представляет собой высокоадаптированную сельскохозяйственную культуру, возделываемую в самых разных условиях – от засушливых низменностей на высоте 1500 м над уровнем моря до высокогорий Эфиопии на высоте 3400 м над уровнем моря при достаточной влажности [Asfaw 2000: 83]. История возделывания ячменя в Эфиопии насчитывает несколько тысяч лет. В сборнике Эфиопского института сельскохозяйственных исследований

[16] Crops and livestock products. *FAO.* https://fao.org/faostat/en/#data/QCL (accessed: 05.05.2026)

[17] Crop Research Directorate. Barley Research Program. Sorghum Research Program. *Ethiopian Institute of Agricultural Research.* http://www.eiar.gov.et/research/programs/25/ (accessed: 05.05.2026)

совместно с Международным центром сельскохозяйственных исследований в засушливых регионах (*International Center for Agricultural Research in the Dry Areas, ICARDA*), посвященном истории возделывания, селекционным исследованиям и разработкам в области ячменя, утверждается, что его выращивают на территории Эфиопии по меньшей мере последние 5000 лет [Mulatu et al. 2011].

Разнообразие и эндемичность форм ячменя получали различные трактовки в научной литературе. Н.И. Вавилов первоначально рассматривал Эфиопию как центр происхождения ячменя, а позднее – как вторичный центр происхождения этой культуры. Изменение позиции вызвано отсутствием достоверных сведений о нахождении дикорастущей формы предкового вида в Эфиопии. Последующие научные работы подтверждают гипотезу Н.И. Вавилова о данном регионе как о вторичном центре происхождения [Asfaw 2000: 78–79]. В настоящее время Эфиопский институт биоразнообразия (*Ethiopian Biodiversity Institute, EBI*) располагает коллекцией, приближающейся к 16000 местных сортов ячменя, сохраняемых в условиях холодного хранения [Yaynu 2011: 47; Yirgu et al. 2022: 2].

Как свидетельствуют статистические данные, наибольшее количество посевных площадей под возделывание ячменя располагается в северных и центральных регионах страны[18]. За период 2010–2024 гг. удельный вес ячменя от общей площади возделывания сократился с 12,1% (1301 тыс. га) до 8,9% (1069 тыс. га). За рассматриваемый период наблюдается увеличение урожайности на 61,1% (с 14,6 до 23,5 ц/га) и валового сбора на 32,4% (с 1902 до 2517 тыс. т) (*табл.* 6). Этот злак в Эфиопии выращивают два раза в год – в сезоны длинных и коротких дождей.

Таблица 6. **Динамика производства ячменя в Эфиопии, 2010 и 2024 гг.**

Показатель	2010 г.	2024 г.	2024 г. в % к 2010 г.
Посевная площадь, тыс. га	1301	1069	82,1
Валовой сбор, тыс. т	1902	2517	132,4
Урожайность, ц/га	14,6	23,5	161,1

Источник: Составлено по данным ФАО. Crops and livestock products, включая показатели: 1) Area harvested (ha); 2) Production Quantity (t); Yield (kg/ha). *FAO.* https://fao.org/faostat/en/#data/QCL

Ячмень играет важную роль среди злаковых культур, возделываемых малыми фермерскими хозяйствами в Эфиопии для обеспечения продовольственной безопасности населения и получения дополнительного дохода. На территории страны возделывается пищевой и пивоваренный ячмень. Потребление такой сельскохозяйственной культуры характеризуется многопрофильностью – это продовольствие, пивоварение, корм домашним животным. Несмотря на разработки Эфиопского института сельскохозяйственных исследований[19] в области селекции пивоваренного ячменя, семена новых сортов остаются недоступными для большинства местных земледельцев[20].

Рис. Наряду с кукурузой и пшеницей рис – это одна из важнейших сельскохозяйственных культур мирового значения. Хотя в настоящее время площади

[18] Crop production Forecast Sample Survey, 2019/20 (2012 E.C). *Ethiopian Statistical Service*. https://ess.gov.et/download/2012-forecsat-report/ (accessed: 05.05.2026)

[19] Crop Research Directorate. Barley Research Program. *Ethiopian Institute of Agricultural Research.* http://www.eiar.gov.et/research/programs/11/ (accessed: 05.05.2026)

[20] The Ethiopia Socioeconomic Panel Survey (ESPS) 2021/22 Report. P. 108. *Ethiopian Statistical Service.* https://ess.gov.et/download/2021-22-survey-report/ (accessed: 05.05.2026)

под рисом в Эфиопии значительно уступают другим зерновым культурам, он постепенно закрепляется в сельскохозяйственной системе страны. За период 2010–2024 гг. отмечается увеличение площадей посевов на 69,8% (с 56 до 94 тыс. га) (*табл.* 7). Интересно отметить, что по значению урожайности рис превосходит ячмень и тефф и составляет 29,9 ц/га. Эфиопский институт сельскохозяйственных исследований выводит гибридные сорта риса, адаптированные для орошаемых земель, а также для высокогорных и равнинных районов страны[21].

Таблица 7. **Динамика производства риса в Эфиопии, 2010 и 2024 гг.**

Показатель	2010 г.	2024 г.	2024 г. в % к 2010 г.
Посевная площадь, тыс. га	56	94	169,8
Валовой сбор, тыс. т	113	283	В 2,5 раза
Урожайность, ц/га	20,3	29,9	147,4

Источник: Составлено по данным ФАО. Crops and livestock products, включая показатели: 1) Area harvested (ha); 2) Production Quantity (t); Yield (kg/ha). *FAO.* https://fao.org/faostat/en/#data/QCL

ДОСТУП К КАЧЕСТВЕННЫМ СЕМЕНАМ

В первой половине 2010-х гг. власти Эфиопии начали воплощение масштабной программы модернизации сельского хозяйства, создав специальное Агентство по аграрным преобразованиям (*Agricultural Transformation Agency, ATA*), которое затем было преобразовано в Эфиопский институт сельскохозяйственных преобразований (*Ethiopian Agricultural Transformation* Institute, *ATI*); и также создав Национальную консультативную группу по вопросам семян (*National Seed Advisory Group, NSAG*) при Министерстве сельского хозяйства Эфиопии [Alemu et al. 2023]. В 2016 г. Министерство сельского хозяйства Эфиопии совместно с Агентством по аграрным преобразованиям разработало Стратегию развития национальной системы семеноводства. Документ определяет систему семеноводства как комплекс взаимосвязанных мероприятий и участников, обеспечивающих разработку, производство и распространение семян среди мелких фермеров[22]. В рамках этой стратегии в стране действуют три системы семеноводства.

Неформальная система семеноводства доминирует как в Эфиопии, так и во многих странах Субсахарской Африки и является главным источником получения посевного материала широкого спектра сельскохозяйственных культур для мелких фермеров[23]. Такая система, именуемая также традиционной (*traditional seed system*) или местной системой семеноводства (*local seed system*), – это нерегулируемый оборот семян между фермерами, соседями и общинами. В ее основе лежат местные практики селекции, размножения и обмена, которые строятся на бартерной торговле и социальных обязательствах, а не на официальной сертификации или проверке качества семян. В Эфиопии неформальный сектор подразделяется на три основных этапа: 1) отбор семян и сохранение; 2) производство зерна/семян; 3) неформальное

[21] Crop Research Directorate. Rice Research Program. *Ethiopian Institute of Agricultural Research.* http://www.eiar.gov.et/research/programs/23/ (accessed: 05.05.2026)
[22] Seed strategy. Policy and Strategy Resources: Policy and Strategy. Working strategy document “Seed System Development Strategy. Vision, systemic challenges, and prioritized interventions”. *F.D.R.E Ministry of Agriculture.* https://moa.gov.et/polices-and-strategies/ (accessed: 05.05.2026)
[23] Ibid.

распределение[24]. В неформальной системе семена могут выступать синонимом зерну [Лукомец, Лукомец, Цаценко 2025: 192]. Важно подчеркнуть, что фактически фермеры в Эфиопии традиционно выступали основными хранителями агробиологического разнообразия культурных растений, уделяя внимание физическим характеристикам растений, таким как высота растения, размер зерна и форма колоса [Asfaw 2000: 94–95]. Таким образом, неформальная система семеноводства отвечает специфическим потребностям малых фермерских хозяйств в различных агроэкологических зонах Эфиопии, обеспечивая сохранение местного генетического разнообразия. Этот аспект может служить связующим звеном с формальной и промежуточной системами семеноводства, выступая в качестве ресурса генетического разнообразия[25].

Развитие **формальной системы семеноводства** ориентировано на формирование динамичной, эффективной и строго регламентированной системы, обеспечивающей фермеров достаточным количеством доступного, своевременного и высококачественного сертифицированного посевного материала улучшенных сортов важнейших сельскохозяйственных культур через несколько каналов производства и сбыта, сохраняя национальное генетическое биоразнообразие. Формальная система семеноводства в Эфиопии представлена совокупностью официальных учреждений, участвующих в цепочке создания стоимости семян – от создания сорта или гибрида до распространения[26]. К этим учреждениям относятся научно-исследовательские организации, такие как Эфиопский институт сельскохозяйственных исследований (*Ethiopian Institute of Agricultural Research*) и Региональные институты сельскохозяйственных исследований (*Regional Agricultural Research Institutes, RARIs*), а также Региональные бюро сельского хозяйства (*Regional Bureau of Agriculture, RBoA*), государственные семеноводческие предприятия, зарегистрированные частные компании и кооперативы производителей семян [Kifle et al. 2022].

Формальная система состоит из трех основных этапов: 1) создание и выпуск сортов; 2) производство семян; 3) маркетинг и распространение семян. Например, эффективное производство и выведение на рынок селекционных сортов сельскохозяйственных культур представляет собой многоступенчатый процесс, который может занять в общей сложности от 3 до 4 лет. Весь производственный цикл также подлежит контролю качества и сертификации с учетом эфиопских стандартов качества семян и полевых условий, что регламентировано законодательно[27]. Как отмечается в «Стратегии развития системы семеноводства: концептуальные основы, системные проблемы и приоритетные направления реализации мероприятий» (*Seed System Development Strategy. Vision, systemic challenges, and prioritized interventions*), формальная система семеноводства удовлетворяет небольшую долю потенциального спроса на семена (около 20%) для сельскохозяйственных растений. Согласно отчету Центрального статистического агентства Эфиопии, за маркетинговый 2021–2022 г. около 59% домохозяйств, выращивающих кукурузу, использовали семена улучшенных сортов хотя бы на одном из своих полей. Среди производителей других культур этот показатель ниже: 19% – для пшеницы, 10% – для теффа и всего 1% – для сорго[28].

На сегодняшний день деятельность по производству семян в формальной системе семеноводства главным образом осуществляется под контролем государственных

[24] Ibid.
[25] Ibid.
[26] Ibid.
[27] Ibid.
[28] The Ethiopia Socioeconomic Panel Survey (ESPS) 2021/22 Report, P. 108. *Ethiopian Statistical Service.* https://ess.gov.et/download/2021-22-survey-report/ (accessed: 05.05.2026)

предприятий федерального и регионального уровней. Несмотря на обязанность государственных семенных компаний обеспечивать производство семян широкого ассортимента сельскохозяйственных культур (включая зерновые, зернобобовые, масличные, кормовые растения, овощные и плодово-ягодные), основной объем деятельности сосредоточен на производстве семян мягкой пшеницы и кукурузы, а также частично семян ячменя, сорго и теффа среди зерновых и нута среди зернобобовых культур.

Частные семеноводческие компании, официально зарегистрированные и являющиеся частью формальной системы семеноводства, проявляют ограниченный интерес к выращиванию семян самоопыляющихся растений, поскольку мелкие фермеры ежегодно не приобретают такие семена. Роль государственного сектора остается ключевой в поддержке создания сортов и гибридов сельскохозяйственных растений, производства и поставок семян, создании инфраструктуры и формировании благоприятных условий для национальной отрасли семеноводства [Alemu et al. 2023: 6].

Активное продвижение **промежуточной системы семеноводства** в странах Субсахарской Африки подтверждается стратегическими документами Африканского Союза, а также ее нормативно-правовым закреплением в законодательстве ряда государств континента, включая Эфиопию[29]. Согласно национальной стратегии развития семеноводства, такая система ориентирована на фермерские общины, которые занимаются размножением и распространением незарегистрированных семян современных или местных сортов. Как правило, их деятельность ограничена пределами самой общины и прилегающих территорий. Хотя эти объединения не имеют формальной регистрации, они могут обращаться в систему регулирования семенного материала с «декларированием качества семенного материала» (*Quality Declared Seed System, QDS*).

Таким образом, промежуточную систему семеноводства также называют «**декларированием** (или системой деклалирования) качества семенного материала» или система *QDS*. В соответствии с пунктом 2.20 статьи 2 Декларации № 1288 Федеративной Демократической Республики Эфиопия (2023 г.), стандартная схема сертификации семян в системе *QDS* выглядит так: «90% контролирует производитель, 10% – региональные власти. Однако при необходимости доля сертификации регионального органа власти может превышать 10%, тогда доля участия производителя будет меньше заявленных 90%, что будет прописано в специальной директиве министерства»[30].

В стратегическом документе Эфиопии по развитию семеноводства система *QDS* определена как механизм обеспечения мелких фермеров семенами малорентабельных сельскохозяйственных культур. Приоритетом системы являются самоопыляющиеся сорта (*self-pollinating varieties, SPVs*), за исключением пшеницы, поскольку данные культуры не входят в основной круг производственных задач государственных семеноводческих предприятий страны[31].

Анализ недавних публикаций показывает рост интереса к практической реализации рассматриваемой системы в странах Субсахарской Африки. Основное внимание уделяется вопросу ее интеграции в существующий ландшафт, для которого характерно

[29] The seed sector in Africa. Status Report and Ten-year Action Plan (2020–2030): A Summary. *AU*. 2021. https://au.int/en/documents/20220109/seed-sector-status-report (accessed: 05.05.2026)

[30] Seed Proclamation No.1288/2023. *Federal Negarit Gazette of the Federal Democratic Republic of Ethiopia.* 25.07.2023. https://fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC222196 (accessed: 05.05.2026)

[31] Seed strategy. Policy and Strategy Resources: Policy and Strategy. Working strategy document “Seed System Development Strategy. Vision, systemic challenges, and prioritized interventions”. *F.D.R.E Ministry of Agriculture.* https://moa.gov.et/polices-and-strategies/ (accessed: 05.05.2026)

преобладание неформального сектора производства семян [Лукомец, Лукомец, Цаценко 2026; Kifle et al. 2022; Sperling et al. 2003]. Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что ограниченный доступ малых фермерских хозяйств к генетически улучшенным сортам и гибридам сельскохозяйственных культур выступает одним из негативных факторов, влияющих на продовольственную безопасность и качество питания населения. При этом перспективы интеграции промежуточной системы семеноводства в существующую национальную систему семеноводства остаются предметом научной дискуссии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный выше анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, неформальная (традиционная) система семеноводства остается основным источником посевного материала для большинства мелких фермеров Эфиопии. Ее исключительная значимость определяется возможностью отвечать на запросы в широком спектре агроэкологических зон, а также служить центральным хранилищем агробиологического разнообразия. Таким образом, данная система представляет собой генетический ресурс для остальных систем семеноводства.

Во-вторых, формальная система семеноводства ориентирована на производство сертифицированных семян улучшенных сортов. В настоящее время данная система функционирует под доминирующим контролем государственных предприятий, чья деятельность сфокусирована на узком спектре приоритетных культур, преимущественно пшенице и кукурузе. Вследствие такой специализации формальный сектор обеспечивает покрытие лишь незначительной доли совокупного спроса, оцениваемой в диапазоне от 15 до 20%.

В-третьих, промежуточная система семеноводства (*QDS*) позиционируется как одно из решений проблемы доступа мелких фермеров к семенам малорентабельных и самоопыляющихся культур. Однако практические механизмы ее интеграции в существующую отрасль семеноводства, где безраздельно доминирует неформальная система, остаются открытым вопросом, от решения которого зависит уровень продовольственной безопасности страны.

В-четвертых, многообразие систем семеноводства (формальная, неформальная и промежуточная) связано с особой ролью мелких фермеров, преобладающих в производстве растениеводческой продукции.

Изучив вопросы продовольственной безопасности через агробиоразнообразие сельскохозяйственных культур и доступ к качественным семенам, авторы указывают на дилемму между двумя факторами. С одной стороны, фермер, функционируя внутри неформальной системы производства семян, может способствовать сохранению местного генетического разнообразия культурных растений. С другой – только официально сертифицированные семена из формальной системы семеноводства гарантируют наилучшее качество посевного материала. Анализируя национальный план развития семенной отрасли Эфиопии, авторы отмечают стремление государства внедрить промежуточный подход, направленный на уменьшение роли неформальных источников получения семян сельскохозяйственных культур.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алабушев А.В., Шишова Е.А., Романюкин А.Е., Ермолина Г.М., Горпиниченко С.И. Происхождение сорго и развитие его селекции. *Политематический сетевой электронный научный журнал*

Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 127. С. 281–294. https://doi.org/10.21515/1990-4665-127-017

Бадаева Е.Д., Шишкина А.А., Гончаров Н.П., Зуев Е.В., Лысенко Н.С., Митрофанова О.П., Драгович А.Ю., Кудрявцев А.М. Эволюция *Triticum aethiopicum Jakubz*. с позиции хромосомного анализа. *Генетика*. 2018. Т. 54. № 6. С. 613–628. https://doi.org/10.7868/S0016675818060048

Вавилов Н.И. *Проблемы селекции: роль Евразии и Нового света в происхождении культурных растений*. Т. 2. М.–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1960.

Вавилов Н. И. *Проблемы географии, филогении и селекции пшеницы и ржи: растительные ресурсы и вопросы систематики культурных растений*. Т. 3. М.–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1962.

Гончаров Н.П. Центры происхождения культурных растений. *Информационный вестник ВОГиС*. 2007. Т. 11. № 3–4. С. 561–574.

Жуковский П.М. (Ред.). *Культурные растения и их сородичи. Систематика, география, цитогенетика, иммунитет, экология, происхождение, использование*. 2-е изд. Ленинград: Колос, 1964.

Лукомец В.М., Лукомец А.В., Цаценко Н.А. Фермерство и системы семеноводства в странах Субсахарской Африки на примере Танзании и Уганды. *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2026. Т. 69. №. 1. С. 131–137. https://doi.org/10.55186/25876740_2026_69_1_131

Лукомец В.М., Лукомец А. В., Цаценко Н. А. Практика регулирования систем семеноводства в странах Африки. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2025. № 8(126). С. 189–203. https://doi.org/10.33938/258-189

Морозенская Е.В., Гаврилова Н.Г., Калиниченко Л.Н. Экономическая безопасность в странах Африки к югу от Сахары: возможные пути преодоления новых вызовов. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 82–101. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-82-101

Цаценко Л.В. (Ред.). *Генетическое разнообразие – основа доместикации и селекции растений: учебное пособие*. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2024.

Alemu D., Bishaw Z., Zeray T., Ayana A., Hassena M., Sisay D.T., Getnet M., Teklewold A., Semeane Y., Admasu M., Kumsa T., Kalsa K.K. (Eds.). *National Seed Sector Coordination in Ethiopia: Status, Challenges, and Way Forward*. Addis Ababa: Ethiopian Institute of Agricultural Research. 2023.

Anteneh A., Asrat D. Wheat production and marketing in Ethiopia: Review study. *Cogent Food and Agriculture*. 2020. Vol. 6. № 1. Pp. 1–14. https://doi.org/10.1080/23311932.2020.1778893

Asfaw D.M., Asnakew Y.W., Sendkie F.B., Abdulkadr A.A., Mekonnen B.A., Tiruneh H.D., Ebad A.M. Analysis of constraints and opportunities in maize production and marketing in Ethiopia. *Heliyon*. 2024. Vol. 10. № 20. Pp. 1–9. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e39606

Asfaw Z. The barleys of Ethiopia. In: Brush S.B. (Ed.). *Genes in the field: on-farm conservation of crop diversity*. Boca Raton: Lewis Publisher, 2000. Pp. 77–108.

Ayana A., Bekele E. Geographical patterns of morphological variation in sorghum (Sorghum bicolor (L.) Moench) germplasm from Ethiopia and Eritrea: Qualitative characters. *Hereditas*. 1998. № 129. Pp. 195–205. https://doi.org/10.1111/j.1601-5223.1998.t01-1-00195.x

Boruah T., Daimary D. Teff Seeds (*Eragrostis tef*). In: Gupta A.K. (Ed.). *Underutilized Seeds. Sustainable Solutions for Health, Industry, and Environment*. Singapore: Springer, 2026. Pp. 323–359. https://doi.org/10.1007/978-981-95-4802-6_11

Cairns J.E., Hellin J., Sonder K., Sonder K., Araus J.L., MacRobert J.F., Thierfelder C., Prasanna B.M. Adapting maize production to climate change in sub-Saharan Africa. *Food Security: The Science, Sociology and Economics of Food Production and Access to Food*. 2013. Vol. 5. Pp. 345–360. https://doi.org/10.1007/s12571-013-0256-x

Doggett H. Sorghum history in relation to Ethiopia. In: Engels J.M.M., Hawkes J.G., Worede M. (Eds.). *Plant Genetic Resources of Ethiopia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. Pp. 140–159. https://doi.org/10.1017/CBO9780511551543.011

Engida B.T., Yadesa L., Garoma B., Goben B. Hybrid performance and grain yield stability for advanced provitamin A and quality protein maize hybrids evaluated in Ethiopia. *Journal of Crop Science and Biotechnology*. 2024. Vol. 27. Pp. 489–500. https://doi.org/10.1007/s12892-024-00245-4

Jambo Y., Daka A., Nega, B. Determinants of adoption of quality protein maize varieties in Misrak Badewacho District, Southern Ethiopia: policy implications. *Frontiers in Nutrition*. 2025. Vol. 11. 1467632. Pp. 1–8. https://doi.org/10.3389/fnut.2024.1467632

Kahane R., Hodgkin T., Jaenicke H. et al. Agrobiodiversity for food security, health and income. *Agronomy for Sustainable Development*. 2013. Vol. 33. Pp. 671–693. https://doi.org/10.1007/s13593-013-0147-8

Kifle T., Tolossa D., Shibru A., Alemu D. Analysis of Seed System Actors: Roles, Responsibilities, and Linkages in Central Ethiopia. *Ethiopian Journal of Agricultural Sciences*. 2022. Vol. 32. № 2. Pp. 71–97.

Malhotra N. Harnessing genomics for sustainable food systems with orphan crops. *Malhotra Discover Agriculture*. 2025. Vol. 3. 159. https://doi.org/10.1007/s44279-025-00354-w

Mengistu D. K., Kiros A. Y., Pè M. E. Phenotypic diversity in Ethiopian durum wheat (*Triticum turgidum var. durum*) landraces. *The Crop Journal*. 2015. Vol. 3. № 3. Pp. 190–199. https://doi.org/10.1016/j.cj.2015.04.003

Mulatu B., Lakew B. Barley research and development in Ethiopia – an overview. In: Mulatu B., Grando St. (Eds.). *Barley Research and Development in Ethiopia*. Proceedings of the 2nd National Barley Research and Development Review Workshop; Ethiopian Institute of Agricultural Research. ICARDA. 2011. Pp. 1–16.

Neela S., Fanta S.W. Injera (An Ethnic, Traditional Staple Food of Ethiopia): A review on Traditional Practice to Scientific Developments. *Journal of Ethnic Foods*. 2020. Vol. 7. 32. https://doi.org/10.1186/s42779-020-00069-x

Sall A.T., Chiari T., Legesse W., Ahmed S., Ortiz R., Ginkel van M., Bassi F.M. Durum wheat (*Triticum durum Desf*.) origin, cultivation, and potential expansion in Sub-Saharan Africa. *Agronomy*. 2019. Vol. 9. № 5. 263. https://doi.org/10.3390/agronomy9050263

Senbeta A. F., Worku W. Ethiopia's wheat production pathways to self-sufficiency through land area expansion, irrigation advance, and yield gap closure. *Heliyon*. 2023. Vol. 9. № 10. e20720. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e20720

Shiferaw B., Kassie M., Jaleta M., Yirga C. Adoption of improved wheat varieties and impacts on household food security in Ethiopia. *Food policy*. 2014. Vol. 44. Pp. 272–284. https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2013.09.012

Sperling L., Cooper H.D. *Understanding seed systems and strengthening seed security: A background paper*. Plant Production and Protection Paper 181. Rome: Food and Agriculture Organization, 2003. Pp. 7–33.

Tsatsenko N.A. SME development, economic growth and structural change: evidence from Ghana and South Africa. *Journal of Agriculture and Environment*. 2020. Vol. 2. № 4. Pp. 38–50. https://doi.org/10.23649/jae.2020.2.14.7

Waktola M.G., Dabalo A.H. Teff (*Eragrostis tef (Zucc.) Trotter*) Breeding Progress: A Journey From the Category of Orphan Crop to a Modern Genomic Era. *Journal of Plant Sciences*. 2025. Vol. 13. № 3. Pp. 145–159. https://doi.org/10.11648/j.jps.20251303.16

Yaynu H. Response of barley landraces to low-moisture stress in a low-rainfall environment. In: Mulatu B., Grando St. (Eds.). *Barley Research and Development in Ethiopia, Proceedings of the 2nd National Barley Research and Development Review Workshop*. 2006. Holetta Agricultural Research Centre, Ethiopian Institute of Agricultural Research. ICARDA. 2011. Pp. 47–57.

Yirgu M., Kebede M., Feyissa T., Lakew B., Woldeyohannes A.B. Morphological variations of qualitative traits of barley (*Hordeum vulgare* L.) accessions in Ethiopia. *Heliyon*. 2022. Vol. 8. № 10. e10949. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e10949

Research article

SEED PRODUCTION SYSTEMS FOR AGRICULTURAL CROPS AND WAYS TO ENSURE FOOD SECURITY IN ETHIOPIA

© 2026 V.M. Lukomets, A.V. Lukomets, N.A. Tsatsenko

LUKOMETS Viacheslav Mikhailovich, Academician, Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (Agricultural Sciences), Professor, Rector, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9162-0317. E-mail: rector@rgau-msha.ru

LUKOMETS Artem Viacheslavovich, Dr.Sc. (Economics), Chief Research Fellow, Economic Laboratory, V.S. Pustovoit All-Russian Research Institute of Oil Crops, Krasnodar, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0721-7822. E-mail: alukomets@vniimk.ru

TSATSENKO Natalia Andreevna, PhD (Economics), Head, Department of International Relations and Economics, National Grain Center named after P.P. Lukyanenko, Krasnodar, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4258-1865. E-mail: natalia27tsatsenko@yandex.ru

Abstract. This article addresses the issues of food security through an analysis of two key factors: agrobiodiversity and the access of farmers to high-quality seeds of improved varieties and hybrids. The study focuses on Ethiopia in East Africa, which, according to N.I. Vavilov's hypothesis "On Centers of Origin of Cultivated Plants," is a center of genetic diversity for crop plants on the African continent. Special attention is given to assessing the current set of cereal crops cultivated in Ethiopia, such as wheat, corn, teff, sorghum, and barley. Based on statistical data from FAO and the Ethiopian Statistical Service, two trends have been identified as ways of developing agricultural production to provide for the needs of a rapidly growing population: extensive development (increase in cultivation areas) and intensive development (increase in crop yields). An analysis of academic literature has allowed the authors to establish a link between the historically cultivated cereals mentioned above and their current potential to feed the population of Ethiopia. The dilemma between the agrobiodiversity of crops and the access to quality seeds is directly related to the role of the smallholder farmer in Ethiopia. The essence of the dilemma is twofold. On the one hand, small farmers, operating in an informal seed system, ensure the preservation of the local genetic diversity of cultivated plants, for example, teff and durum wheat. On the other hand, only certified seeds from the formal seed system can serve as the gold standard for seed quality. Having studied Ethiopia's seed system development strategy, the authors assume that by introducing an intermediate seed system, the policymakers are interested in reducing the share of the informal seed sector. Thus, in the authors' opinion, the diversity of seed systems in Ethiopia is a complex and multifaceted phenomenon. Its further analysis calls for the collection of empirical data in order to establish the link between the species composition of agricultural crops and the development of appropriate legislation.

Keywords: food security, agrobiodiversity, seed system, access to seeds, regulation of seed system, cereals, Ethiopia

Conflict of interest. The authors declared that there is no conflict of interest.

Authors' contribution. Joint research.

For citation: Lukomets V.M., Lukomets A.V., Tsatsenko N.A. (2026). Seed Production Systems for Agricultural Crops and Ways to Ensure Food Security in Ethiopia. *Journal of the Institute for African Studies.* Vol. 12. № 3. Pp. 5–23. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-5-23

Научная статья

ВЕТЕРИНАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АФРИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ

© 2026 Н.С. Мурина, И.Г. Гламаздин

МУРИНА Наталья Сергеевна, проректор по международной деятельности, трансферу технологий и коммерциализации, Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Российская Федерация. ORCID: 0009-0001-9156-9096. E-mail: murinans@mgupp.ru.

ГЛАМАЗДИН Игорь Геннадьевич, доктор ветеринарных наук, профессор, директор Института ветеринарии, ветеринарно-санитарной экспертизы и агробезопасности, Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Российская Федерация. ORCID: 0000-0001-7119-906X. E-mail: glamazdin@mgupp.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль биологической безопасности и ветеринарии для устойчивого производства животноводческой продукции и ее доступности населению стран Африки. Цель исследования состояла в том, чтобы систематизировать ветеринарные риски в различных системах животноводства, обобщить опубликованные оценки их экономических и продовольственных последствий и определить приоритеты российско-африканского сотрудничества. Исследование выполнено в форме аналитического обзора научной литературы с сопоставлением примеров из разных стран Африки. Раскрыта роль животноводства в обеспечении населения полноценным белком и микронутриентами, в формировании доходов и сохранении активов домохозяйств. Сопоставлены ветеринарные риски мобильных пастбищных, оседлых смешанных, мелкотоварных и крупных специализированных хозяйств. Обобщенные данные показывают, что последствия болезней включают падеж и снижение продуктивности, нарушения воспроизводства, браковку продукции, ограничение торговли и сокращение занятости. При зоонозах дополнительная нагрузка связана с расходами на медицинскую помощь и потерями трудового дохода. Обобщены результаты исследований вакцинации, биобезопасности, диагностики и противопаразитарных мероприятий. Установлено, что возможности сокращения потерь зависят от эпизоотической ситуации, охвата поголовья, качества обслуживания и доступности профилактики. По результатам анализа предложены направления российско-африканского сотрудничества, включающие адаптацию диагностических и профилактических технологий, совместный эпизоотологический мониторинг, подготовку кадров и развитие местных компетенций. Сделан вывод, что устойчивость сотрудничества определяется соответствием проектов национальным потребностям, обеспечением текущих расходов и оценкой фактически достигнутых результатов. Практическая значимость работы заключается в определении критериев выбора ветеринарных проектов, ориентированных на сохранение поголовья, продуктивности и экономической доступности животноводческой продукции.

Ключевые слова: Африка, продовольственная безопасность, системы животноводства, болезни животных, зоонозы, экономический ущерб, ветеринарная профилактика, биобезопасность, российско-африканское сотрудничество, Единое здоровье

Конфликт интересов. Авторы заявили об отсутствии конфликта интересов.

Персональный вклад авторов. Совместное исследование.

Для цитирования: Мурина Н.С., Гламаздин И.Г. Ветеринарная безопасность Африки и перспективы сотрудничества с Россией. *Ученые записки Института Африки РАН.* 2026. Т. 12. № 3. С. 24–43. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-24-43

ВВЕДЕНИЕ

Продовольственная безопасность стран Африки зависит от совокупного объема доступного продовольствия, от качества питания, устойчивости сельскохозяйственного производства и способности домохозяйств приобретать необходимые продукты. В этой связи особое значение имеет животноводство, обеспечивающее население мясом, молоком и яйцами, а сельские домохозяйства – доходами и производственными активами. Исследование с использованием репрезентативных панельных данных Эфиопии, Малави, Нигерии, Танзании и Уганды выявило положительную связь потребления продуктов животного происхождения с показателями физического развития детей. Полученные результаты подчеркивают значение доступности таких продуктов для преодоления неполноценного питания [Khonje, Qaim 2024].

Исследование приоритетных потребностей мелких производителей в Восточной и Западной Африке выявило среди основных ограничений паразитарные болезни, ящур, бруцеллез, чуму мелких жвачных, болезнь Ньюкасла и грипп птиц. При этом авторы подчеркивают, что применение существующих ветеринарных технологий сдерживается системными барьерами доступа к услугам и средствам профилактики [Campbell et al. 2021].

Сезонная доступность пастбищ и воды, перемещения стад, кормовые ограничения и обеспеченность ветеринарными услугами определяют условия сохранения здоровья животных в экстенсивных хозяйствах [Cooke et al. 2025; Motta et al. 2018]. Так, исследование трех крупных молочных хозяйств Кении показало, что вспышки ящура сопровождались снижением производства молока на 16,1%, увеличением частоты мастита и выбраковки коров [Lewis et al. 2023]. Исследование в округе Баринго в Кении продемонстрировало связь бруцеллеза с потерями продукции, нарушениями воспроизводства и снижением хозяйственной ценности животных [Lokamar et al. 2020]. Обзор ветеринарных вмешательств в странах Африки к югу от Сахары продемонстрировал, что вакцинация во многих рассмотренных исследованиях была эффективной и экономически оправданной, тогда как нарушения холодовой цепи и несоответствие вакцин циркулирующим вариантам возбудителей снижали ее результативность [Nuvey et al. 2022].

Целью исследования являлось определение значения биологических и ветеринарных рисков для продовольственной безопасности стран Африки и обоснование приоритетных направлений российско-африканского сотрудничества с учетом особенностей систем животноводства, экономических последствий болезней животных, а также возможностей сокращения потерь.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование построено как аналитический обзор литературы с сопоставлением примеров из разных стран и оценкой продовольственных и экономических последствий болезней животных. Единицей анализа служил документированный случай болезни или профилактического вмешательства с указанием территории, системы животноводства и показателей ущерба. Источники формировали по рецензируемым статьям и монографиям по экономике животноводства, эпизоотологии,

продовольственной безопасности и российско-африканскому сотрудничеству (*PubMed, eLIBRARY,* сайты журналов и издательств, списки литературы включенных публикаций). Приоритет отдавался работам с первичными данными о падеже, снижении продуктивности, нарушениях воспроизводства, браковке продукции и затратах на противоэпизоотические мероприятия. Обзоры использовались для определения круга рисков и выявления исходных результатов исследований [Campbell et al. 2021; Nuvey et al. 2022].

Исследования молочных хозяйств Кении и хозяйств округа Баринго рассматриваются как примеры оценки потерь продуктивности и хозяйственных последствий болезней [Lewis et al. 2023; Lokamar et al. 2020] и не интерпретируются как национальные средние значения. Денежные показатели сохранялись в валюте и ценах первоисточников без корректировки на инфляцию. Показатели предотвращенного ущерба, отношения выгод к затратам и окупаемости приводились без самостоятельного перерасчета с учетом методики источника [Nuvey et al. 2022]. Ограничениями исследования являлись неоднородные данные, различия методик оценки ущерба, неполнота сведений о затратах и ограниченная переносимость локальных результатов; обобщение не представляет собой самостоятельную оценку совокупных потерь животноводства стран Африки.

ЗНАЧЕНИЕ ЖИВОТНОВОДСТВА ДЛЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Животноводство влияет на продовольственную безопасность стран Африки через производство и реализацию пищевых продуктов, формирование доходов у населения. При этом средние показатели по континенту скрывают существенные различия между регионами, системами производства и группами населения с разным уровнем дохода.

Вклад животноводческой продукции в энергетическую обеспеченность питания сравнительно невелик. По таблице *A2* доклада ФАО доступность пищевой энергии в среднем по континенту составляла 2567 ккал на человека в сутки. На мясо приходилось 81 ккал, на молоко без сливочного масла 57 ккал, на яйца 8 ккал. Рыба и морепродукты обеспечивали 18 ккал[1]. Эти показатели характеризуют доступность продовольствия по продовольственным балансам, а не фактическое индивидуальное потребление. Роль продуктов животного происхождения в обеспечении белком заметнее их вклада в калорийность. Согласно данным статистического ежегодника ФАО, в 2018–2020 гг. средняя доступность белка в Африке составляла около 64 г на человека в сутки, при этом 79% приходилось на растительные и 21% на животные источники, включая рыбу[2].

Пищевая ценность мяса, молока и яиц определяется количеством белка, а также его аминокислотным составом, содержанием витамина B_{12}, железа, цинка, кальция и других нутриентов. Именно поэтому сокращение производства животноводческой продукции может затрагивать качество питания даже при поддержании общей калорийности рациона.

Значение доступности таких продуктов подтверждается исследованиями питания детей. Так, на основе панельных данных Эфиопии, Малави, Нигерии, Танзании и Уганды (более 32 тыс. наблюдений за детьми до пяти лет) была установлена положительная связь между потреблением продуктов животного происхождения и

[1] Contribution of terrestrial animal source food to healthy diets for improved nutrition and health outcomes: an evidence and policy overview on the state of knowledge and gaps. *FAO.* 2023. Table A2. https://doi.org/10.4060/cc3912en (accessed: 01.11.2026)

[2] World Food and Agriculture: Statistical Yearbook 2023. *FAO.* 2023. Pic. 54, Tabl 45. https://doi.org/10.4060/cc8166en (accessed: 01.11.2026)

показателями роста. По результатам моделирования установлена связь потребления продуктов животного происхождения со снижением вероятности задержки роста у детей на 6,8%. Особенно значимую роль играли яйца и молочная продукция [Khonje, Qaim 2024].

Животноводство воздействует на продовольственную безопасность и через доходы домохозяйств. В исследовании, охватившем восемь стран Южной Африки, владение крупным рогатым скотом положительно соотносилось с доходами и расходами на потребление. При этом владение крупным рогатым скотом в расчете на одну условную тропическую единицу было связано с увеличением дохода домохозяйства на 29%, общего потребления на 9% и потребления продовольствия на 8% [Acosta et al. 2024]. Условная тропическая единица скота (*TLU*) используется для сопоставления поголовья животных разных видов и размеров. За одну такую единицу обычно принимают животное живой массой 250 кг. Таким образом, эти исследования также показали, что результаты для изученной группы хозяйств не могут быть универсальными для всех африканских стран.

Эффективность животноводства в выполнении продовольственной и экономической функций зависит от природных и производственных условий. В пастбищных системах сезонные изменения кормовой базы ограничивают устойчивость производства. Обзор исследований стран Юга Африки показал, что переход от влажного к сухому сезону сопровождается сокращением количества, качества и разнообразия кормов, особенно снижением содержания сырого протеина и фосфора, что провоцирует снижение продуктивности и воспроизводства животных [Cooke et al. 2025]. Кормовые ограничения усугубляются инфекционными и паразитарными болезнями и недостаточной доступностью ветеринарной помощи, поэтому сохранение продуктивности требует совместного решения вопросов кормления, профилактики заболеваний и организации ветеринарного обслуживания [Campbell et al. 2021].

БИОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ В РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМАХ ЖИВОТНОВОДСТВА АФРИКИ

Кочевое, полукочевое и оседлое содержание характеризуют пространственную организацию животноводства, с другой стороны, мелкотоварность и крупнотоварность отражают преимущественно его экономические параметры. Эти признаки могут сочетаться, образуя различные биологические и климатические условия возникновения и распространения болезней животных и человека [Campbell et al. 2021; Motta et al. 2018; Mutua, Dione 2021].

Кочевое и полукочевое пастбищное животноводство. Мобильное пастбищное животноводство позволяет использовать сезонно доступные кормовые и водные ресурсы. Вместе с тем такие перемещения животных меняют контактную структуру популяции и создают факторы риска передачи возбудителя болезней. К ним относятся совместное использование пастбищ, водопоев, мест остановок и рынков животными разных владельцев, а также контакты с другими домашними и дикими животными. *GPS*-мониторинг сезонных перемещений десяти стад крупного рогатого скота в Камеруне подтвердил разнообразие маршрутов и возможность таких контактов [Motta et al. 2018]. Сетевое моделирование распространения вируса ящура на основе данных северного Камеруна показало, что временные изменения перемещения стад существенно влияют на характеристики моделируемых эпизоотий [Pomeroy et al. 2019].

Для пастбищных систем существенными являются ящур, чума мелких жвачных, контагиозная плевропневмония, бруцеллез и паразитарные болезни. Их приоритетность должна определяться применительно к конкретной территории и виду животных [Campbell et al. 2021; Kimeli et al. 2025]. В районах распространения переносчиков самостоятельное значение имеют трипаносомозы. Систематический обзор исследований Африки к югу от Сахары рассматривает наличие переносчиков и распространенность болезней, факторы риска и устойчивость возбудителей к лекарственным средствам [Okello et al. 2022].

Профилактика распространения болезней в мобильных системах ведения хозяйства требует согласования вакцинации с сезонными маршрутами, организации выездного обслуживания и наблюдения в местах концентрации животных. Для трансграничных инфекций необходима координация мероприятий между территориями, связанными общими биологическими рисками. Такой принцип положен в основу Панафриканской стратегии контроля и искоренения чумы мелких жвачных[3]. При этом эффективность вакцинации зависит от качества доставки препаратов, возможности обеспечить температурный режим хранения и соответствия вакцин циркулирующим вариантам патогенов и возбудителей инфекций [Nuvey et al. 2022].

Дополнительным организационным ресурсом являются подготовленные, квалифицированные местные работники по охране здоровья животных (*Community Animal Health Workers*). Опыт соответствующего проекта в удаленных пастбищных районах южной Эфиопии был представлен в соответствующем исследовании [Admassu et al. 2005]. Их участие необходимо рассматривать в рамках национального регулирования, установленной компетенции и взаимодействия с ветеринарной службой; требования к подготовке таких работников систематизированы в руководстве Всемирной организации по охране здоровья животных[4, 5].

В оседлых смешанных хозяйствах животноводство и растениеводство взаимосвязаны через кормообеспечение, использование остатков урожая, побочных продуктов растениеводства и органических удобрений. Общинный выпас, приобретение животных, обмен производителями и совместное использование водоисточников сохраняют пути заноса и распространения возбудителей болезней. Ветеринарные ограничения здесь обусловливаются как острыми инфекциями, так и хроническими болезнями, паразитозами и нарушениями воспроизводства [Campbell et al. 2021; Kimeli et al. 2025].

Исследование в округе Баринго в Кении включало обследование людей и нескольких видов домашних жвачных животных с использованием серологических тестов и молекулярных методов. При этом серопозитивность нельзя полностью отождествлять с клинически выраженной болезнью или напрямую использовать для расчета производственного ущерба. Результаты серологических исследований необходимо интерпретировать с учетом примененного теста, сведений о вакцинации и данных дополнительных исследований [Lokamar et al. 2022].

---

[3] Pan-African strategy for the control and eradication of PPR. *African Union Inter-African Bureau for Animal Resources*. 2015. https://au-ibar.org/resources/pan-african-strategy-control-and-eradication-ppr (accessed: 01.11.2026)

[4] Всемирная организация по охране здоровья животных (World Organisation for Animal Health, WOAH), до 2003 г. – Международное эпизоотическое бюро (Office International des Epizooties, OIE), межправительственная организация, занимающаяся состоянием здоровья животных. Признана Всемирной торговой организацией (ВТО) в качестве консультативной организации. Штаб-квартира организации расположена в Париже, Франция.

[5] Competency and curriculum guidelines for community animal health workers. *World Organisation for Animal Health*. 2024. https://doi.org/10.20506/woah.3535 (accessed: 01.11.2026)

Приоритетными мерами в оседлых хозяйствах являются контроль происхождения приобретаемого поголовья, его обособление перед включением в стадо, регистрация абортов, безопасное обращение с последами и трупами животных, а также выполнение территориальных программ профилактики. Исследование потребностей мелких производителей подчеркивает, что существующие технологии нередко применяются недостаточно вследствие ограниченного доступа к услугам и средствам профилактики [Campbell et al. 2021].

Мелкотоварное овцеводство и козоводство. Среди значимых ограничений выделяют желудочно-кишечные нематодозы, легочные гельминтозы, фасциолез, ценуроз, чуму мелких жвачных, оспу овец и коз, контагиозную плевропневмонию коз и эктопаразитозы [Kimeli et al. 2025].

Контактные инфекции требуют управления перемещениями и иммунопрофилактики; пастбищные гельминтозы – учета сезонной динамики заражения и условий выпаса; болезни со сложным циклом развития – воздействия на соответствующие звенья передачи. Применение противопаразитарных препаратов должно учитывать диагностические данные и риск лекарственной устойчивости. Сходным образом иммунизация эффективна не только при наличии вакцины, но и при достаточном охвате восприимчивого поголовья [Nuvey et al. 2022; Kimeli et al. 2025].

Мелкотоварные и пригородные молочные хозяйства. Маститы и репродуктивные нарушения относятся к ограничениям, выделенным при анализе трудностей мелких производителей [Campbell et al. 2021]. Систематический обзор наличия субклинического мастита в Эфиопии подтверждает значимость скрытых форм болезни, одновременно выявляя высокую неоднозначность воспроизводимости результатов между исследованиями [Kolech et al. 2025]. Основные направления профилактики включают гигиену доения, санитарное содержание помещений, своевременное выявление субклинических случаев мастита и анализ повторных заболеваний. Управление здоровьем молочного стада необходимо сочетать с полноценным кормлением, сезонный дефицит кормов способен снижать продуктивность и воспроизводство независимо от инфекционного статуса животных [Cooke et al. 2025; Kolech et al. 2025].

Мелкотоварное свиноводство. К числу значимых факторов относятся источники приобретаемых животных, взаимодействие с торговцами, обращение с продукцией и отходами, потенциально несущими возбудитель, а также порядок утилизации павших свиней.

Биологические меры безопасности должны охватывать весь путь возможного заноса инфекции. К ним относятся контролируемое комплектование поголовья, ограничение контактов с посторонними свиньями, безопасное кормление, разобщение здоровых и подозрительных животных и своевременное обращение к ветеринарной службе. Международное руководство по биобезопасности свиноводства подчеркивает необходимость разработки выполнимых практик совместно с производителями[6].

Поэтому рекомендации для мелкотоварных хозяйств должны исходить из реальной стоимости оборудования, обеспеченности водой, возможности пространственного разобщения животных и доступности ветеринарного обслуживания [Mutua, Dione 2021].

Приусадебное птицеводство. Обзор эпизоотологии болезни Ньюкасла в Африке подтверждает ее значение как ограничения птицеводства и рассматривает проблемы

[6] Good practices for biosecurity in the pig sector: issues and options in developing and transition countries. *FAO*. 2010. https://fao.org/4/i1435e/i1435e00.htm (accessed: 01.11.2026)

контроля заболевания. Профилактика должна сочетать доступную вакцинацию, отделение вновь приобретенной и больной птицы, санитарное содержание мест ночевки и безопасное удаление трупов. Однако конкретная схема должна учитывать местную эпизоотическую ситуацию и возможности ветеринарной службы [Nuvey et al. 2022; Amoia et al. 2021].

Крупные специализированные предприятия. Риски заноса инфекций связаны с поступлением поголовья, транспортом, персоналом, оборудованием и другими элементами производственных связей. Метаанализ исследований африканских хозяйств выявил связь отдельных групп мер биобезопасности с регистрацией гриппа птиц, африканской чумы свиней и кокцидиоза. Вместе с тем авторы подчеркивают ограниченный географический охват и неоднородность исходных исследований [Ngom et al. 2024].

В промышленном птицеводстве международные руководства ориентируют на наличие письменного плана биобезопасности, ограничение доступа, прослеживаемость партий, пространственное разобщение возрастных групп, санитарную обработку и использование схемы «все занято – все свободно» там, где это практически реализуется[6]. В молочном скотоводстве сохраняется задача контроля трансграничных инфекций. По результатам исследования крупных хозяйств Кении была выявлена связь вспышек ящура со снижением удоя, маститом и выбраковкой [Lewis et al. 2023].

Взаимодействие с дикой фауной. Роль диких копытных в эпизоотологии ящура также была рассмотрена [Thomson et al. 2003]; при исследовании смены пастбищ и перемещений стад в Камеруне также обоснована необходимость учитывать взаимодействие домашних и диких животных [Motta et al. 2018]. Результаты данного анализа обусловливают необходимость дифференцированной организации ветеринарной помощи, которая включает в себя диагностику, профилактику, кормообеспечение.

Таким образом, биологические риски в животноводстве Африки обусловлены циркуляцией возбудителей болезней и условиями, способствующими их передаче между животными, а при зоонозах – от животных человеку. В пастбищных системах сезонные перемещения стад и совместное использование ограниченных водных и кормовых ресурсов увеличивают возможности контакта между домашними и дикими животными [Mashinagu et al. 2024; Miguel et al. 2013]. Например, в Зимбабве при наблюдении за 300 головами крупного рогатого скота в течение 16 месяцев выявлена связь между пространственно-временным перекрытием участков, используемых скотом и африканскими буйволами, и появлением антител, свидетельствующих о заражении вирусом ящура. Использование общих пастбищ и водопоев, особенно в засушливый сезон, рассматривалось авторами как один из механизмов такой связи [Miguel et al. 2013].

Угроза здоровью людей особенно наглядно проявилась при лихорадке долины Рифт. Во время вспышки заболевания в Кении в 2006–2007 гг. контакт с абортированными плодами животных был связан с более высокими шансами тяжелого течения болезни у человека. Отношение шансов тяжелого течения по сравнению с нетяжелым составило 3,83 при 95%-ном доверительном интервале 1,68–9,07 [Anyangu et al. 2007].

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БОЛЕЗНЕЙ ЖИВОТНЫХ

Экономический ущерб складывается не только из стоимости павшего скота. Его формируют снижение продуктивности и проблемы с воспроизводством, вынужденная

выбраковка животных и браковка недоброкачественной продукции, затраты на лечение и профилактику, а на более высоком уровне – ограничения доступа к рынкам. На примере ящура разграничиваются непосредственные производственные потери и косвенные последствия, связанные с контролем болезни, торговыми ограничениями и сдерживанием технологического развития [Knight-Jones, Rushton 2013].

При оценке продовольственных последствий важно разделять два явления, прежде всего физическую утрату продукции и снижение ее экономической доступности. Эти механизмы способны действовать одновременно, однако размер денежного ущерба сам по себе не отражает объема утраченных пищевых ресурсов и сдвигов в питании населения [Acosta et al. 2024; Knight-Jones, Rushton 2013].

Падеж животных и утрата воспроизводственного потенциала. Во время вспышки африканской чумы свиней в Ибадане (Нигерия) в 2001 г. в исследование были включены 31 916 свиней из 306 хозяйств. Общая смертность составила 91%, а стоимость потерь от гибели животных была оценена авторами в $941 491,67. Наибольшая доля финансового ущерба приходилась на свиноматок и составила 29,5%. Приведенная оценка относится к конкретной вспышке и историческим ценовым условиям. Она не характеризует современный национальный ущерб Нигерии и не должна непосредственно сопоставляться с денежными оценками других лет без соответствующей корректировки. Вместе с тем этот пример демонстрирует, что потеря воспроизводственной группы стада способна продлевать хозяйственные последствия болезней за пределы острой фазы эпизоотии [Babalobi et al. 2007].

Существенные экономические потери в семейных хозяйствах были определены для чумы мелких жвачных в северо-западной Эфиопии. Средние потери были оценены в $329 на пораженную отару овец и $300 на пораженное стадо коз. Эти величины соответствовали приблизительно 14% и 13% средних годовых расходов сельского домохозяйства, использованных авторами как приближенный показатель дохода. Смертность составляла 21,6% у овец и 25,1% у коз; на гибель животных приходилось около трех четвертей – четырех пятых общего ущерба. Однако соотношение ущерба со средними годовыми расходами не следует интерпретировать как непосредственно измеренное сокращение питания каждой обследованной семьи [Jemberu et al. 2022].

В исследовании трех крупных молочных хозяйств Кении, где наблюдались 507 коров, вспышки ящура сопровождались уменьшением производства молока на 16,1%. До 4,7% коров прекращали лактацию; частота мастита возрастала с 5,4 до 21,5%, а выбраковки – с 0,59 до 3,8%. Вместе с тем выявленное в исследовании снижение удоя нельзя автоматически переносить на все молочные хозяйства Кении или пересчитывать в национальную потерю белка, для этого нужны дополнительные сведения о структуре производства, длительности заболевания и охвате поголовья [Lewis et al. 2023].

Хронические инфекции и паразитарные болезни могут снижать хозяйственную эффективность животных вследствие нарушений воспроизводства, уменьшения массы тела и продуктивности. Эти последствия рассматриваются в исследовании, посвященном социально-экономическому влиянию бруцеллеза на животноводство в Кении [Lokamar et al. 2020], и в обзоре о болезнях мелких жвачных в Африке к югу от Сахары [Kimeli et al. 2025]. Дополнительным препятствием для контроля трипаносомозов является устойчивость возбудителей к лекарственным препаратам [Okello et al. 2022].

Послеубойная выбраковка и утрата пищевой продукции. Исследование трех боен Восточно-Капской провинции ЮАР включало ретроспективный анализ записей за 2010–2012 гг. и послеубойное обследование в июле-декабре 2013 г. За

шестимесячный период 2013 г. авторы оценили массу выбракованной печени в 3290,4 кг, стоимость – в 59 227,2 южноафриканского ранда, или $5889,82 по использованному ими пересчету.

Причины выбраковки включали патологические изменения, в том числе связанные с фасциолезом, а также морфологические нарушения у извлеченных внутренних органов. Поэтому всю указанную массу нельзя относить исключительно к инфекционным и паразитарным болезням [Jaja et al. 2017].

Выбраковка недоброкачественной и даже биологически опасной продукции является необходимой защитной мерой. Возможность сокращения соответствующих потерь обусловлена не ослаблением ветеринарно-санитарных требований, а предупреждением распространения болезней и технологического загрязнения до принятия решения о непригодности продукта.

Нарушение торговли и распределение ущерба. В исследовании ящура в отдельных районах Уганды были выявлены потери у производителей и других участников рынка крупного рогатого скота. На уровне переработки совокупный месячный доход обследованных участников снижался на 23% [Baluka 2016].

Аналогичный механизм показан при анализе вспышки лихорадки долины Рифт в Кении в 2007 г. В исследованных бойнях Найроби дневной заработок временных работников снижался примерно с 290–330 до 50–100 кенийских шиллингов. Модельная оценка сокращения стоимости совокупного внутреннего предложения составила около 2,1 млрд кенийских шиллингов, или $32 млн [Rich, Wanyoike 2010]. Последний показатель характеризует результат макроэкономического моделирования, а не стоимость погибшего поголовья или физическую утрату продовольствия.

Анализ последствий санитарных запретов Саудовской Аравии для Сомалиленда выявил совокупную потерю чистой прибыли экспортеров в $330 млн, но при опросе производителей годовые потери оценивались более чем в $8 млн. Эти показатели имеют разные временные рамки и относятся к разным участникам рынка, поэтому их нельзя непосредственно суммировать. Исследование также выявило неодинаковое распределение последствий, например, снижение цен на животных создавало относительную выгоду для местных потребителей, одновременно ухудшая положение экспортеров и производителей [Soumaré et al. 2006].

ВЕТЕРИНАРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Часть ущерба от болезней животных можно предотвратить, если профилактика и диагностика проводятся вовремя, а ветеринарное обслуживание организовано должным образом. Размер этой части зависит от исходной эпизоотической ситуации, охвата поголовья, качества обслуживания и стабильности финансирования. Эффективный препарат или хороший диагностический метод сами по себе еще не гарантируют успех в предотвращении ущерба. Их величина определяется исходной эпизоотической ситуацией, охватом поголовья, качеством ветеринарного обслуживания и устойчивостью финансирования, поэтому наличие эффективного препарата или диагностического метода само по себе не позволяет считать весь зарегистрированный ущерб предотвратимым. Наиболее корректно разграничивать биологическую эффективность технологии, ее результативность в производственных условиях и экономическую оправданность применения. Единую для всей Африки долю предотвратимого ущерба оценить нельзя, так как слишком различаются производственные системы, набор болезней и реальные возможности проводить мероприятия между регионами.

Вакцинопрофилактика. Наиболее обширная доказательная база среди рассмотренных вмешательств относится к вакцинации. Обзор, включивший 84 исследования профилактики инфекционных болезней жвачных в странах Африки к югу от Сахары, выявил преимущественно положительные результаты ее применения; неэффективность отдельных программ обусловливалась нарушениями непрерывности температурного режима хранения и транспортировки вакцин, неблагоприятными условиями полевых кампаний, а также несоответствием антигенных свойств препаратов циркулирующим вариантам патогенов [Nuvey et al. 2022]. Из этого можно сделать заключение, что экономическая результативность определяется функционированием всей системы логистики и применения препарата, а не исключительно его закупочной ценой.

Показателен пример чумы мелких жвачных в северо-западной Эфиопии. Стоимость вакцинации с доставкой составляла около $0,13 на животное, тогда как средние потери пораженных хозяйств оценивались в $300–329 на стадо или отару. Исследователи связывали низкие удельные затраты с относительно крупными группами животных и организацией обслуживания [Jemberu et al. 2022]. Полученные показатели свидетельствуют в пользу проведения профилактических мероприятий в рамках изученных условий. Вместе с тем их не следует напрямую интерпретировать как универсальный коэффициент окупаемости, поскольку затраты на вакцинацию одной особи и потери пострадавшего хозяйства рассчитываются на разной основе, что делает их прямое сопоставление некорректным.

На уровне международной программы потенциал профилактики был рассмотрен в анализе глобального искоренения чумы мелких жвачных животных. Для предложенной пятнадцатилетней программы отношение приведенных выгод к затратам составило 33,8 в основном сценарии и варьировало от 18,5 до 60,0 при изменении предположений о смертности [Jones et al. 2016]. Это прогнозная оценка глобального вмешательства, охватывающего страны Африки и Азии, а не фактически достигнутая доходность африканских проектов.

Для приусадебного птицеводства важны результаты контролируемых полевых исследований. В рандомизированном исследовании 537 домохозяйств западной Кении регулярная вакцинация против болезни Ньюкасла сопровождалась увеличением средней численности птицы приблизительно на одну голову на хозяйство по сравнению с контрольной группой за восемнадцатимесячное наблюдение; обе группы получали противопаразитарные обработки [Otiang et al. 2021]. Выявленный эффект отражает дополнительную пользу вакцинации на фоне проводимых противопаразитарных мероприятий. Однако он не означает устранения всех причин падежа и сам по себе не подтверждает экономическую окупаемость вакцинации или улучшение питания населения.

Выбор экономически оправданной стратегии. Максимальное снижение заболеваемости не всегда соответствует наибольшей экономической отдаче. В исследовании альтернатив контроля ящура в Эфиопии сопоставлялись кольцевая (вакцинация восприимчивых животных в определенной зоне вокруг выявленного очага инфекции, направленная на создание иммунного барьера), целевая (вакцинация групп животных с повышенным риском заболевания) и массовая профилактическая вакцинация. Массовая вакцинация обеспечивала наиболее быстрое снижение частоты вспышек в модели.

Наибольшую экономическую отдачу показала целевая стратегия, сочетавшая профилактическую вакцинацию в районах высокого риска с кольцевой вакцинацией на остальных территориях. Медианное отношение выгод к затратам для этой стратегии

составило 4,29. Вероятность того, что затраты превысят выгоды, составляла 11%. Данный результат показывает необходимость учитывать неопределенность: положительная центральная оценка не гарантирует прибыльности при любом сочетании эпизоотических и ценовых условий, а для ограниченных бюджетов значение имеют не только ожидаемые выгоды, но и вероятность финансовых потерь, потребность в первоначальных вложениях и возможность поддерживать программу в течение необходимого срока [Jemberu et al. 2016].

Диагностика и рациональная противоинфекционная профилактика. Диагностика болезней сокращает потери преимущественно через последующие решения, включая своевременное разобщение животных, выбор лечения, ограничение перемещений и корректировку профилактики. В подобных случаях увеличение числа лабораторных исследований не является самостоятельным доказательством предотвращенного ущерба. Исследование диагностики бруцеллеза у людей в северной Танзании показало, что некоторые применявшиеся коммерческие агглютинационные тесты уступали роз-бенгал пробе по диагностическим характеристикам и одновременно имели более высокие текущие затраты [Lukambagire et al. 2021]. Эти результаты показывают, что при выборе диагностического теста необходимо учитывать не только его стоимость, но и способность правильно выявлять болезнь и исключать ложноположительные результаты у здоровых людей. В противоинфекционных программах эффективность также не определяется максимальной частотой обработок. Наоборот, избыточное применение препаратов увеличивает расходы и создает селекционное давление, способствующее лекарственной устойчивости [Kimeli et al. 2025; Okello et al. 2022]. Альтернативой служит выборочное лечение, при котором препараты назначают отдельным животным на основании установленных критериев. Возможность применения такого подхода в мелкотоварном козоводстве была изучена на примере Ботсваны [Walker et al. 2015]. Для внедрения данных рекомендаций необходимо обучать владельцев животных правильно выбирать диагностические критерии и контролировать эффективность препаратов. При этом выборочный подход не должен препятствовать лечению животных с установленными клиническими показаниями.

Биобезопасность и предупреждение заноса инфекции. Меры биобезопасности направлены на предупреждение заноса и распространения возбудителей. Поэтому они важны независимо от наличия средств специфической профилактики. Метаанализ исследований африканских хозяйств показал, что отдельные меры контроля перемещений животных, удаления трупов и навоза, а также доступа работников и посетителей были связаны со снижением частоты регистрации отдельных инфекций. Однако число исследований было ограниченным, а их результаты различались, к тому же исследования охватывали только пять стран. Поэтому полученные оценки и оценки эффективности нельзя распространять на весь Африканский континент [Ngom et al. 2024].

Экономический потенциал мер биобезопасности для предупреждения африканской чумы свиней оценивался в хозяйствах полного производственного цикла. По расчетам, отношение выгод к затратам достигало 29, то есть на каждую денежную единицу, вложенную в эти меры, приходилось до 29 денежных единиц расчетной выгоды от предотвращения потерь. В модельном сценарии без вспышки африканской чумы свиней выполнение полного комплекса мер биобезопасности уменьшало расчетную годовую прибыль на 9,7% за счет дополнительных расходов [Häsler et al. 2013]. Это выявляет важное противоречие – мероприятие может быть экономически оправданным с учетом снижения риска возникновения болезни, но создавать заметную текущую

нагрузку на владельца. Следовательно, низкое применение профилактики не обязательно объясняется недостаточной информированностью: ограниченная ликвидность, необходимость немедленных расходов и неопределенность будущей выгоды способны препятствовать внедрению даже потенциально выгодных мер. Таким образом, программы должны учитывать выполнимость требований и распределение затрат между производителями, государством и другими участниками цепи [Mutua, Dione 2021; Häsler et al. 2013].

Межсекторальная эффективность контроля зоонозов. При зоонозах профилактика заражения животных приносит пользу здоровью людей, поскольку снижает риск передачи им возбудителей при контакте с животными или употреблении зараженных продуктов, а также связанные с болезнями расходы на лечение и потери трудоспособности. Поэтому оценка выгод только на уровне животноводческого хозяйства может недооценивать социальную значимость ветеринарной профилактики [Häsler et al. 2013; Kimani et al. 2016]. При моделировании последствий различных программ контроля лихорадки долины Рифт в пастбищных и агропастбищных районах высокого риска Кении расширение охвата животных вакцинацией до начала вспышки позволяло предотвратить потерю около 1200 лет здоровой жизни людей. Эти потери выражаются показателем *DALY*, который учитывает преждевременную смертность и время, прожитое с нарушениями здоровья, с поправкой на их тяжесть. Затраты на предотвращение потери одного года здоровой жизни составляли $43–53 [Kimani et al. 2016]. Эти результаты относятся к модельному анализу, включавшему гипотетическую эпидемию, и не характеризуют фактически наблюдавшийся эффект кампании, показатель затрат на предотвращенный *DALY* также не равнозначен финансовой рентабельности для владельца животных, поскольку отражает результат с позиции общественного здравоохранения. Различия между получателями выгод и плательщиками создают основание для межсекторального финансирования, но требуют самостоятельного обоснования организационной модели.

Условия реализации предотвращаемого эффекта. Сопоставление исследований позволяет выделить несколько условий результативной профилактики. Первое условие – соответствие мероприятия конкретной причине потерь. Например, вакцинация против одной инфекции не устраняет кормовой дефицит, другие инфекции и паразитозы, а также другие причины падежа [Cooke et al. 2025; Kimeli et al. 2025; Otiang et al. 2021]. Второе – доступность качественного выполнения, включая доставку, диагностику и повторное обслуживание [Campbell et al. 2021; Nuvey et al. 2022]. Третье – согласование мероприятий между эпизоотологически связанными хозяйствами, поскольку защита отдельного владельца зависит от ситуации за пределами его стада [Pomeroy et al. 2019; Knight-Jones, Rushton 2013]. Поэтому необходимо разграничивать наблюдаемый ущерб, ту его часть, которую можно сократить с помощью конкретного ветеринарного мероприятия, и потери, сохраняющиеся после его проведения.

Опубликованные исследования подтверждают, что ветеринарные мероприятия могут приносить существенную экономическую и социальную пользу. Однако их результаты не позволяют установить единую долю предотвратимых потерь для всей Африки. Также нельзя связывать ожидаемый эффект с участием конкретного международного партнера без данных о его вкладе, условиях работы и достигнутых результатах.

Эти выводы определяют критерии выбора проектов российско-африканского сотрудничества. Приоритет следует отдавать мероприятиям, которые отвечают документально подтвержденным потребностям и имеют доказанную результативность. Для их реализации необходимо обеспечить устойчивое финансирование, подготовку

специалистов и организацию работы. Результаты следует оценивать по сохранению поголовья и продуктивности животных, снижению риска передачи инфекции и доступности ветеринарных услуг. При этом необходимо сопоставлять достигнутые результаты с полной стоимостью программы.

РОССИЙСКО-АФРИКАНСКОЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Российско-африканское сотрудничество в области биологической и ветеринарной безопасности целесообразно рассматривать как инструмент укрепления национальных возможностей предупреждения болезней животных и сохранения животноводческой продукции. Его результативность определяется не только доступностью препаратов и оборудования, но и способностью принимающей стороны обеспечивать их применение, техническое сопровождение и включение в действующую систему ветеринарного обслуживания. В российской африканистике вопросы внешнего партнерства рассматриваются в связи с экономическим суверенитетом, развитием собственных производственных возможностей и региональной интеграцией [Абрамова, Дегтерев 2025]. Применительно к ветеринарии приоритетом сотрудничества должно стать повышение самостоятельности национальных служб в диагностике, профилактике и управлении эпизоотическими рисками.

Российские африканисты Е.В. Морозенская, Н.Г. Гаврилова и Л.Н. Калиниченко связывают ограничения экономической и продовольственной безопасности стран Африки к югу от Сахары с недостаточным финансированием, инфраструктурными проблемами и ограниченным применением современных технологий [Морозенская и др. 2024]. Эти факторы непосредственно влияют на реализацию биологических и ветеринарных проектов. Для работы диагностического оборудования необходимы стабильное энергоснабжение и регулярные поставки расходных материалов. Проведение вакцинации требует налаженной системы доставки и хранения вакцин. Эпизоотический надзор зависит от наличия подготовленных специалистов и своевременного обмена информацией. Таким образом, перед передачей технологии необходимо оценить условия ее практического применения.

Технологические приоритеты. Первое направление сотрудничества – развитие диагностики и эпизоотологического мониторинга. Совместные исследования могут включать определение приоритетных возбудителей, оценку диагностических методов на местном материале, сопоставление лабораторных результатов и подготовку специалистов. Для ящура принципиально учитывать региональную циркуляцию серотипов и сезонность эпизоотического процесса [Тимитей и др. 2009].

Выбор диагностической технологии должен определяться задачей. Для массового обследования значение имеют стоимость, пропускная способность и возможность выполнения теста на месте; для подтверждения диагноза и изучения циркуляции возбудителя – специфичность и аналитические возможности метода. Исследование диагностики бруцеллеза в Танзании показало, что более высокая стоимость теста не обязательно сопровождается лучшими диагностическими характеристиками [Lukambagire et al. 2021]. Поэтому оснащение лабораторий следует связывать с валидацией методов, контролем качества и организацией доставки проб.

Второе направление – вакцинопрофилактика. Опубликованные исследования подтверждают ее потенциал, одновременно выявляя зависимость результата от охвата животных, сохранности препаратов и организации кампаний. Для российских поставщиков и африканских партнеров это означает необходимость согласовывать препарат с местной эпизоотической ситуацией, обеспечивать регистрацию по

национальным требованиям, планировать доставку и проводить оценку результатов применения. Стоимость дозы должна рассматриваться как часть полной стоимости обслуживания, включающей транспорт, хранение, работу персонала и потери неиспользованного препарата. Документированным примером взаимодействия являются переговоры представителей ФГБУ «ВНИИЗЖ»[7] с послом Сьерра-Леоне в июне 2025 г. по вопросам поставок средств специфической профилактики болезней животных[8].

Третье направление – профилактика инфекционных и паразитарных болезней и рациональное применение лекарственных средств. Для мелкотоварного овцеводства и козоводства перспективны совместные исследования сезонной динамики заражения, эффективности препаратов и применимости целевого выборочного лечения. В районах распространения трипаносомозов необходим учет лекарственной устойчивости и местных факторов передачи. Такие проекты должны предусматривать оценку сохраненной продуктивности и расходов владельцев, а не ограничиваться регистрацией числа обработанных животных.

Четвертое направление связано с совершенствованием организации биобезопасности. Содержание мероприятий зависит от особенностей хозяйств. В мобильных системах необходимо учитывать маршруты перемещения животных и контакты между разными стадами. В мелкотоварном свиноводстве особое значение имеют приобретение животных, производственные связи и организация сбыта продукции. На крупных предприятиях приоритетными задачами являются разделение производственных потоков, контроль доступа персонала и соблюдение санитарных процедур.

Поэтому предметом сотрудничества могут стать программы профилактики, адаптированные к местным условиям и разработанные совместно с национальными ветеринарными службами и владельцами животных.

Организация совместных программ. В качестве организационной модели предлагается поэтапное партнерство ветеринарных служб, научных организаций, университетов и производителей. На начальном этапе необходимо определить территорию, производственную систему и ограниченный перечень задач, обеспеченных исходными данными. Основанием для выбора должны служить эпизоотологическая значимость болезни, величина документированных потерь и возможность выполнения профилактики [Campbell et al. 2021; Knight-Jones, Rushton 2013].

Дальше следует пилотное внедрение, причем показатели результата задаются заранее. В диагностическом проекте это точность выявления и время подтверждения случая, доля пригодных проб и согласованность результатов лабораторий. В профилактической программе смотрят на охват восприимчивого поголовья, заболеваемость, падеж и продуктивность. Сколько проведено семинаров и сколько доз лекарственных и профилактических препаратов поставлено, показывает лишь объем выполненных действий. По итогам проведения мероприятий нужно оценить, какой результат достигнут в снижении уровня болезней.

[7] ФГБУ «Федеральный центр охраны здоровья животных», основные направления деятельности: разработка методов и средств диагностики инфекционных болезней животных, профилактики и борьбы с болезнями, а также производство ветеринарных препаратов.

[8] Заместитель директора ФГБУ «ВНИИЗЖ» Никита Лебедев провел переговоры с Послом Республики Сьерра-Леоне Мохамедом Йонгава по вопросам поставок вакцин. *ФГБУ ВНИИЗЖ*. 23.06.2025 https://arriah.ru/press-sluzhba/news/predstaviteli-rosselkhoznadzora-proveli-peregovory-s-poslom-respubliki-serra-leone-mokhamedom-yongav/ (дата обращения: 01.11.2026)

Подготовка кадров должна включать обучение на рабочем месте, освоение стандартных процедур и последующее сопровождение. Для удаленных районов может рассматриваться участие подготовленных местных работников по охране здоровья животных при установленном объеме полномочий и взаимодействии с ветеринарными специалистами. Практический опыт такой организации представлен в исследовании южной Эфиопии [Admassu et al. 2005], а требования к подготовке систематизированы в руководстве Всемирной организации по охране здоровья животных[9].

Финансирование и распределение затрат. Источники финансирования необходимо определять с учетом характера результата и круга получателей выгод. Диагностика отдельного продуктивного животного может приносить преимущественно частную выгоду владельцу. Напротив, эпизоотический надзор и контроль трансграничных инфекций создают эффект для широкого круга хозяйств и территорий. Экономический анализ ящура показывает значение таких внешних эффектов и обосновывает участие государства в организации контроля [Knight-Jones, Rushton 2013].

Для совместных программ целесообразно сочетание бюджетного, грантового и коммерческого финансирования. Государственное участие целесообразно прежде всего в надзоре, референтной диагностике, подготовке кадров и координации противоэпизоотических мероприятий. Исследовательские гранты и межуниверситетские соглашения могут обеспечивать разработку и апробацию методов. Коммерческие договоры применимы к поставкам препаратов, оборудования и услуг при наличии платежеспособного заказчика. Эти варианты следует рассматривать как предлагаемые механизмы финансирования российского присутствия в Африке.

Для мелких производителей обоснованность софинансирования зависит от доступности услуги и общественной значимости профилактики. Даже потенциально выгодное мероприятие может быть недоступно владельцу из-за необходимости первоначальных расходов. Исследования биобезопасности свиноводства показывают, что внедрение определяется не только ожидаемой отдачей, но и ресурсами хозяйства и поведением участников рынка [Mutua, Dione 2021; Fasina et al. 2012]. Поэтому возможные субсидии, коллективные закупки или обслуживание через объединения производителей требуют оценки местных условий.

Для зоонозов финансирование должно учитывать межсекторальные выгоды, в т.ч. в рамках подхода «Единое здоровье» [Häsler et al. 2013]. Моделирование контроля лихорадки долины Рифт в Кении показывает, что профилактика у животных может приносить дополнительный результат для здоровья людей [Kimani et al. 2016]. Организационные принципы такого взаимодействия представлены в совместном руководстве *FAO*, *OIE* и *WHO*[10]. Однако наличие межсекторальной выгоды не означает автоматической экономии бюджета, ее величина и распределение должны оцениваться для конкретной программы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показывает, что биологическая и ветеринарная безопасность являются существенным условием продовольственной устойчивости стран Африки.

[9] Competency and curriculum guidelines for community animal health workers. *World Organisation for Animal Health*. 2024. https://doi.org/10.20506/woah.3535 (accessed: 01.11.2026)

[10] Taking a multisectoral, One Health approach: a tripartite guide to addressing zoonotic diseases in countries. *World Health Organization, Food and Agriculture Organization of the United Nations, World Organisation for Animal Health*. 2019. https://who.int/publications/i/item/taking-a-multisectoral-one-health-approach-a-tripartite-guide-to-addressing-zoonotic-diseases-in-countries (accessed: 01.11.2026)

Значение животноводства определяется производством пищевых продуктов, формированием доходов и сохранением активов домохозяйств. Поэтому болезни животных воздействуют одновременно на физическую доступность продукции и экономические возможности ее приобретения.

Структура рисков зависит от системы производства. В мобильном пастбищном животноводстве при организации ветеринарной помощи необходимо учитывать сезонные перемещения стад и доступность обслуживания. В оседлых и мелкотоварных хозяйствах особого внимания требуют хронические инфекции, паразитозы и ограниченные возможности проведения профилактических мероприятий. На крупных предприятиях приоритетными задачами являются предупреждение заноса возбудителей и распространения инфекции между производственными группами животных. Поэтому организация ветеринарного обеспечения должна учитывать особенности конкретных систем животноводства и условия отдельных территорий Африки.

Опубликованные исследования показывают, что болезни животных приводят к падежу, нарушениям воспроизводства, снижению продуктивности и браковке продукции, а также ограничивают торговлю и сокращают занятость. При зоонозах возникают дополнительные расходы на лечение людей и потери, связанные с временной или стойкой утратой трудоспособности. Однако рассмотренные исследования различаются по методикам, периодам наблюдения и учитываемым видам ущерба, поэтому полученные оценки нельзя суммировать или использовать для прямого сравнения стран по величине потерь.

Российско-африканское сотрудничество может содействовать решению этих задач через совместную диагностику, адаптацию профилактических средств, изучение биологии резервуарных хозяев и переносчиков возбудителей болезней, подготовку специалистов и развитие эпизоотологического мониторинга. Его устойчивость требует участия национальных ветеринарных служб и производителей, обеспечения текущих расходов и оценки достигнутых результатов.

В реализации указанных направлений Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ) может выступать научно-образовательным партнером африканских университетов и ветеринарных организаций. На сегодняшний день участие РОСБИОТЕХ в российско-африканском сотрудничестве включает образовательные проекты, научно-экспертные мероприятия и развитие договорных отношений с университетами африканских стран. Согласно официальному реестру международного сотрудничества, университет заключил договор с Университетом Зимбабве 23 ноября 2022 г., Технологическим университетом Тшване в ЮАР 15 апреля 2023 г. и Университетом Ботсваны 10 июля 2023 г. В апреле 2026 г. договорная база была расширена за счет соглашений о научном и образовательном сотрудничестве с Университетом Яунде I и компанией *N.O.M. Company S.A.* в Камеруне. Эти документы формируют организационную основу для разработки совместных образовательных и исследовательских инициатив.

Конкретным примером образовательного взаимодействия стала первая Школа молодого африканиста по продовольственной безопасности «*Chakula Kwanza!*»[11], проходившая 3–7 марта 2025 г. на площадках МГИМО МИД РФ и РОСБИОТЕХ[12]. Университет выступил одним из организаторов проекта, объединившего обсуждение

[11] В переводе с суахили «*еда прежде всего*»

[12] Выше всего ценится технологичность решений: РОСБИОТЕХ и МГИМО МИД РФ провели Школу молодого африканиста «Chakula Kwanza». *АгроXXI*. https://agroxxi.ru/amp/zhurnal-agroxxi/novosti-nauki/vyshe-vsego-cenitsja-tehnologichnost-reshenii-rosbioteh-i-mgimo-mid-rf-proveli-shkolu-molodogo-afrikanista-chakula-kwanza.html (дата обращения: 01.11.2026)

продовольственных проблем Африки, возможностей российско-африканского сотрудничества и применения биотехнологий в сельском хозяйстве. Мероприятие проводилось с участием Института Африки РАН. В рамках Школы представители Университета рассмотрели вопросы контроля сырья для производства пищевой продукции и паразитарных болезней продуктивных животных, представляющих опасность для человека[13].

Научно-экспертное направление сотрудничества представлено участием РОСБИОТЕХ в конференции «Стратегии промышленного развития стран Африки», организованной Институтом Африки РАН. Проректор Н.С. Мурина выступила с докладом о трансфере технологий в африканские страны с участием российских научных организаций и предприятий. В выступлении рассматривались возможности модернизации продовольственных систем и внедрения разработок российских специалистов[14].

Таким образом, опыт РОСБИОТЕХ сочетает развитие межуниверситетских связей, подготовку участников международного сотрудничества и обсуждение технологических решений для продовольственной безопасности Африки. Эта работа создает предпосылки для совместных проектов в области биологии, ветеринарии, диагностики и безопасности животноводческой продукции.

Практический приоритет состоит в сохранении продуктивности и воспроизводства существующего поголовья посредством мероприятий, соответствующих местным условиям. Развитие сотрудничества позволяет связать ветеринарные технологии с конкретными задачами продовольственной безопасности и укреплением национальных возможностей управления рисками.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамова И.О., Дегтерев Д.А. (Ред.). *Укрепление суверенитета стран Африки в контексте формирования многополярного мира.* М.: Институт Африки РАН, 2025.

Морозенская Е.В., Гаврилова Н.Г., Калиниченко Л.Н. Экономическая безопасность в странах Африки к югу от Сахары: возможные пути преодоления новых вызовов. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 82–101. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-82-101.

Тимитей А., Паршин П.А., Сухарев О.И., Макаров В.В. Особенности эпизоотологии ящура в Западной Африке. *Ветеринарная патология*. 2009. № 4. С. 107–114.

Acosta A., Nicolli F., Tirkaso W. Cattle ownership and households' welfare: evidence from Southern Africa. *Global Food Security*. 2024. Vol. 42. 100772. https://doi.org/10.1016/j.gfs.2024.100772

Admassu B., Nega S., Haile T., Abera B., Hussein A., Catley A. Impact Assessment of a Community-based Animal Health Project in Dollo Ado and Dollo Bay Districts, Southern Ethiopia. *Tropical Animal Health and Production*. 2005. Vol. 37. № 1. Pp. 33–48. https://doi.org/10.1023/B:TROP.0000047932.70025.44

Amoia C.F.A.N., Nnadi P.A., Ezema C., Couacy-Hymann E. Epidemiology of Newcastle disease in Africa with emphasis on Côte d'Ivoire: a review. *Veterinary World*. 2021. Vol. 14. № 7. 2. Pp. 1727–1740. https://doi.org/10.14202/vetworld.2021.1727-1740

Anyangu A.S., Gould L.H., Sharif S.K., Nguku P.M., Omolo J.O., Mutonga D., Rao C.Y., Lederman E.R., Schnabel D., Paweska J.T., Katz M., Hightower A., Njenga M.K., Feikin D.R., Breiman R.F. Risk factors for severe Rift Valley fever infection in Kenya, 2007. *The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*. 2010. Vol. 83. № 2 Suppl. Pp. 14–21. https://doi.org/10.4269/ajtmh.2010.09-0293

[13] В Университете РОСБИОТЕХ завершилась Школа по продовольственной безопасности. *Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова.* 10.03.2025. https://gorchakovfund.ru/portal/news/view/v_mgimo_zavershilas_shkola_po_prodovolstvennoi_bezopasnosti_66357 (дата обращения: 01.11.2026)

[14] РОСБИОТЕХ принял участие в конференции Российской академии наук «Стратегии промышленного развития стран Африки». *РОСБИОТЕХ*. 23.03.2026. https://rosbiotech.ru/news/novosti/rosbiotekh-prinyal-uchastie-v-konferentsii-rossiyskoy-akademii-nauk-strategii-promyshlennogo-razviti/ (дата обращения: 01.11.2026)

Babalobi O.O., Olugasa B.O., Oluwayelu D.O., Ijagbone I.F., Ayoade G.O., Agbede S.A. Analysis and evaluation of mortality losses of the 2001 African swine fever outbreak, Ibadan, Nigeria. *Tropical Animal Health and Production*. 2007. Vol. 39. № 7. Pp. 533–542. https://doi.org/10.1007/s11250-007-9038-9

Baluka S.A. Economic effects of foot and mouth disease outbreaks along the cattle marketing chain in Uganda. *Veterinary World*. 2016. Vol. 9. № 6. Pp. 544–553. https://doi.org/10.14202/vetworld.2016.544-553

Campbell Z., Coleman P., Guest A., Kushwaha P., Ramuthivheli T., Osebe T., Perry B., Salt J. Prioritizing smallholder animal health needs in East Africa, West Africa, and South Asia using three approaches: literature review, expert workshops, and practitioner surveys. *Preventive Veterinary Medicine*. 2021. Vol. 189. 105279. https://doi.org/10.1016/j.prevetmed.2021.105279

Cooke A.S., Machekano H., Gwiriri L.C., Tinsley J.H.I., Silva G.M., Nyamukondiwa C., Safalaoh A., Morgan E.R., Lee M.R.F. The nutritional feed gap: Seasonal variations in ruminant nutrition and knowledge gaps in relation to food security in Southern Africa. *Food Security*. 2025. Vol. 17. Pp. 73–100. https://doi.org/10.1007/s12571-024-01509-1

Fasina F.O., Lazarus D.D., Spencer B.T., Makinde A.A., Bastos A.D.S. Cost implications of African swine fever in smallholder farrow-to-finish units: economic benefits of disease prevention through biosecurity. *Transboundary and Emerging Diseases*. 2012. Vol. 59. № 3. Pp. 244–255. https://doi.org/10.1111/j.1865-1682.2011.01261.x

Häsler B., Gilbert W., Jones B.A., Pfeiffer D.U., Rushton J., Otte M.J. The economic value of One Health in relation to the mitigation of zoonotic disease risks. *Current Topics in Microbiology and Immunology*. 2013. № 365. Pp. 127–151. https://doi.org/10.1007/82_2012_239

Jaja I.F., Mushonga B., Green E., Muchenje V. A quantitative assessment of causes of bovine liver condemnation and its implication for food security in the Eastern Cape Province South Africa. *Sustainability*. 2017. Vol. 9. № 5. 736. https://doi.org/10.3390/su9050736

Jemberu W.T., Knight-Jones T.J.D., Gebru A., Mekonnen S.A., Yirga A., Sibhatu D., Rushton J. Economic impact of a peste des petits ruminants outbreak and vaccination cost in northwest Ethiopia. *Transboundary and Emerging Diseases*. 2022. Vol. 69. № 5. Pp. e2084–e2092. https://doi.org/10.1111/tbed.14544

Jemberu W.T., Mourits M., Rushton J., Hogeveen H. Cost-benefit analysis of foot and mouth disease control in Ethiopia. *Preventive Veterinary Medicine*. 2016. Vol. 132. Pp. 67–82. https://doi.org/10.1016/j.prevetmed.2016.08.008

Jones B.A., Rich K.M., Mariner J.C., Anderson J., Jeggo M., Thevasagayam S., Cai Y., Peters A., Roeder P. The economic impact of eradicating peste des petits ruminants: a benefit-cost analysis. *PLoS One*. 2016. Vol. 11. № 2. e0149982. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0149982

Khonje M.G., Qaim M. Animal-sourced foods improve child nutrition in Africa. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. 2024. Vol. 121. № 50. e2319009121. https://doi.org/10.1073/pnas.2319009121

Kimani T., Schelling E., Bett B., Ngigi M., Randolph T., Fuhrimann S. Public health benefits from livestock Rift Valley fever control: a simulation of two epidemics in Kenya. *Ecohealth*. 2016. Vol. 13. № 4. Pp. 729–742. https://doi.org/10.1007/s10393-016-1192-y

Kimeli P., Mwacalimba K., Tiernan R., Mijten E., Miroshnychenko T., Nautrup P.B. Important diseases of small ruminants in sub-Saharan Africa: a review with a focus on current strategies for treatment and control in smallholder systems. *Animals*. 2025. Vol. 15. № 5. 706. https://doi.org/10.3390/ani15050706

Knight-Jones T.J.D., Rushton J. The economic impacts of foot and mouth disease — what are they, how big are they and where do they occur? *Preventive Veterinary Medicine*. 2013. Vol. 112. № 3–4. Pp. 161–173. https://doi.org/10.1016/j.prevetmed.2013.07.013

Kolech T.A., Bitew A.B., Mekonnen S.A. Prevalence and associated factors of subclinical mastitis among dairy cows in Ethiopia: a systematic review and meta-analysis. *Veterinary Medicine International*. 2025. 2401778. https://doi.org/10.1155/vmi/2401778

Lewis R.A., Kashongwe O.B., Bebe B.O. Quantifying production losses associated with foot and mouth disease outbreaks on large-scale dairy farms in Rift valley, Kenya. *Tropical Animal Health and Production*. 2023. Vol. 55. № 5. 293. https://doi.org/10.1007/s11250-023-03707-z

Lokamar P.N., Kutwah M.A., Atieli H., Gumo S., Ouma C. Socio-economic impacts of brucellosis on livestock production and reproduction performance in Koibatek and Marigat regions, Baringo County, Kenya. *BMC Veterinary Research*. 2020. Vol. 16. 61. https://doi.org/10.1186/s12917-020-02283-w

Lokamar P.N., Kutwah M.A., Munde E.O., Oloo D., Atieli H., Gumo S., Akoko J.M., Ouma C. Prevalence of brucellosis in livestock keepers and domestic ruminants in Baringo County, Kenya. *PLOS Global Public Health*. 2022. Vol. 2. № 8. e0000682. https://doi.org/10.1371/journal.pgph.0000682

Lukambagire A.S., Mendes A.J., Bodenham R.F., McGiven J.A., Mkenda N.A., Mathew C., Rubach M., Sakasaka Ph., Shayo D., Maro V., Shirima G., Thomas K., Kasanga C., Kazwala R., Halliday J., Mmbaga B. Performance characteristics and costs of serological tests for brucellosis in a pastoralist

community of northern Tanzania. *Scientific Reports.* 2021. Vol. 11. 5480. https://doi.org/10.1038/s41598-021-82906-w

Mashinagu M.M., Wambura P.N., King D.P., Paton D.J., Maree F., Kimera S.I., Rweyemamu M.M., Kasanga C.J. Challenges of controlling foot-and-mouth disease in pastoral settings in Africa. *Transboundary and Emerging Diseases.* 2024. 2700985. https://doi.org/10.1155/2024/2700985

Miguel E., Grosbois V., Caron A., Boulinier T., Fritz H., Cornélis D., Foggin C., Makaya P.V., Tshabalala P.T., de Garine-Wichatitsky M. Contacts and foot and mouth disease transmission from wild to domestic bovines in Africa. *Ecosphere*. 2013. Vol. 4. № 4. 51. https://doi.org/10.1890/ES12-00239.1

Motta P., Porphyre T., Hamman S.M., Morgan K.L., Ngwa V.N., Tanya V.N., Raizman E., Handel I.G., Bronsvoort B.M. Cattle transhumance and agropastoral nomadic herding practices in Central Cameroon. *BMC Veterinary Research.* 2018. Vol. 14. 214. https://doi.org/10.1186/s12917-018-1515-z

Mutua F., Dione M. The context of application of biosecurity for control of African swine fever in smallholder pig systems: current gaps and recommendations. *Frontiers in Veterinary Science*. 2021. Vol. 8. 689811. https://doi.org/10.3389/fvets.2021.689811

Ngom R.V., Ayissi G.J., Akoussa A.M.M., Laconi A., Jajere S.M., Zangue H.A., Piccirillo A. A systematic review and meta-analysis of the efficacy of biosecurity in disease prevention and control in livestock farms in Africa. *Transboundary and Emerging Diseases*. 2024. 8683715. https://doi.org/10.1155/2024/8683715

Nuvey F.S., Arkoazi J., Hattendorf J., Mensah G.I., Addo K.K., Fink G., Zinsstag J. Bonfoh B. Effectiveness and profitability of preventive veterinary interventions in controlling infectious diseases of ruminant livestock in sub-Saharan Africa: a scoping review. *BMC Veterinary Research.* 2022. Vol. 18. 332. https://doi.org/10.1186/s12917-022-03428-9

Okello I., Mafie E., Eastwood G., Nzalawahe J., Mboera L.E.G. African animal trypanosomiasis: a systematic review on prevalence, risk factors and drug resistance in sub-Saharan Africa. *Journal of Medical Entomology*. 2022. Vol. 59. № 4. Pp. 1099–1143. https://doi.org/10.1093/jme/tjac018

Otiang E., Thumbi S.M., Campbell Z.A., Njagi L.W., Nyaga P.N., Palmer G.H. Impact of routine Newcastle disease vaccination on chicken flock size in smallholder farms in western Kenya. *PLoS One*. 2021. Vol. 16. № 3. e0248596. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0248596

Pomeroy L.W., Moritz M., Garabed R. Network analyses of transhumance movements and simulations of foot-and-mouth disease virus transmission among mobile livestock in Cameroon. *Epidemics*. 2019. Vol. 28. 100334. https://doi.org/10.1016/j.epidem.2019.02.005

Rich K.M., Wanyoike F. An assessment of the regional and national socio-economic impacts of the 2007 Rift Valley fever outbreak in Kenya. *The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*. 2010. Vol. 83. № 2 Suppl. Pp. 52–57. https://doi.org/10.4269/ajtmh.2010.09-0291

Soumaré B., Thys E., Berkvens D., Hashi A., Van Huylenbroeck G. Effects of livestock import bans imposed by Saudi Arabia on Somaliland for sanitary reasons related to Rift Valley fever. *Outlook on Agriculture*. 2006. Vol. 35. № 1. Pp. 19–24. https://doi.org/10.5367/000000006776207645

Thomson G.R., Vosloo W., Bastos A.D. Foot and mouth disease in wildlife. *Virus Research.* 2003. Vol. 91. № 1. Pp. 145–161. https://doi.org/10.1016/S0168-1702(02)00263-0

Walker J.G., Ofithile M., Tavolaro F.M., van Wyk J.A., Evans K., Morgan E.R. Mixed methods evaluation of targeted selective anthelmintic treatment by resource-poor smallholder goat farmers in Botswana. *Veterinary Parasitology*. 2015. Vol. 214. № 1–2. Pp. 80–88. https://doi.org/10.1016/j.vetpar.2015.10.006

Research article

VETERINARY SECURITY IN AFRICA AND PROSPECTS FOR COOPERATION WITH RUSSIA

© 2026 N.S. Murina, I.G. Glamazdin

MURINA Natalya Sergeevna, Vice-Rector for International Affairs, Technology Transfer, and Commercialization, Russian Biotechnology University (ROSBIOTECH), Moscow, Russian Federation. ORCID: 0009-0001-9156-9096. E-mail: murinans@mgupp.ru

GLAMAZDIN Igor Gennadievich, DrSc (Veterinary Science), Professor, Director of the Institute of Veterinary Medicine, Veterinary-Sanitary Expertise, and Agricultural Safety, Russian Biotechnology University (ROSBIOTECH), Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7119-906X. E-mail: glamazdin@mgupp.ru

Abstract. This article examines the importance of animal health security for sustainable livestock production and access to livestock products in African countries. The study aims to systematize animal health risks across livestock production systems, synthesize published estimates of their economic and food security consequences, and identify priorities for Russian–African cooperation. The research was conducted in the form of an analytical literature review that compares country-specific cases. It highlights the contribution of livestock farming to the supply of high-quality protein and micronutrients, income generation, and the preservation of household assets. The authors compare animal health risks in mobile pastoral, sedentary mixed, smallholder, and large-scale specialized farming systems. Generalized data show that the consequences of the animal diseases include death and decreased productivity of the livestock, reproductive disorders, product condemnation, trade restrictions, and employment losses. Zoonoses impose additional burdens through healthcare expenditure and lost labor income. Evidence on vaccination, biosecurity, diagnostics, and parasite control is synthesized in the research. The potential to reduce losses depends on the epidemiological situation, livestock coverage, service quality, and access to preventive care. The analysis is used by the authors to define potential priorities for Russian–African cooperation, which include adapting diagnostic and preventive technologies, joint animal disease surveillance, workforce training, and local capacity development. The results of the research show that sustainable cooperation requires alignment with national needs, provision for recurrent costs, and assessment of achieved outcomes. A practical dimension is added to the research by providing criteria for selecting veterinary projects aimed at preserving livestock populations and productivity and improving the affordability of livestock products.

Keywords: Africa, food security, livestock production systems, animal diseases, zoonoses, economic losses, preventive veterinary medicine, biosecurity, Russian-African cooperation, One Health

Conflict of interest. The authors declared that there is no conflict of interest.

Authors' contribution. Joint research.

For citation: Murina N.S., Glamazdin I.G. (2026). Veterinary Security in Africa and Prospects for Cooperation with Russia. *Journal of the Institute for African Studies*. Vol. 12. № 3. Pp. 24–43. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-24-43

Научная статья

СТРУКТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ НЕБЕЗОПАСНОСТИ В АФРИКЕ: ПОЧВЫ, ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ, МОНОКУЛЬТУРЫ

© 2026 К.А. Амухайа

АМУХАЙА Клэр Аюма, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-4063-6049. E-mail: amukhaya-k@rudn.ru

Аннотация. Несмотря на то, что страны Африки обрели независимость более шестидесяти лет назад, они продолжает сталкиваться с постоянной, а во многих регионах и усиливающейся проблемой нехватки продовольствия. В научных кругах продовольственную проблему достаточно часто объясняют изменением климата, высокими темпами роста численности населения и вооруженными конфликтами. Но так ли это на самом деле? В статье на основе исторического, политико-экономического анализа и сравнительного анализа проводимой политики утверждается, что причины продовольственных проблем в Африке обусловлены несколькими взаимосвязанными структурными детерминантами. Речь идет об специфических характеристиках африканских почв, политико-экономических аспектах производства и распределения удобрений, унаследованном от колониальной эпохи неравенстве в сфере землевладения и землепользования, а также исторически сложившейся модели монокультурной экономики, вытеснившей традиционные местные системы производства продовольствия. В статье проводится анализ на основе материала целого ряда стран Африки, в т.ч. Буркина-Фасо, Бурунди, Зимбабве, Кении, Кот-д'Ивуара, Мали, Сенегала, ЮАР, Эфиопии и ряда других. Автор статьи приходит к выводу, что для решения проблемы деградации почв Африка нуждается в специализированных местных технологиях, а не в привнесенных извне подходах, таких как использование удобрений. Кроме того, необходимо решить земельный вопрос, в частности, с помощью налогообложения, которое будет стимулировать использование и перераспределение земель и в то же время обеспечит поступление доходов в государственный бюджет. Африканским странам также следует стремиться к преодолению монокультурности сельскохозяйственной экономики, которая заменила традиционные продовольственные системы и сосредоточила внимание на внешних рынках в ущерб продовольственной безопасности внутри стран. Таким образом, для достижения продовольственной безопасности в странах Африки необходимо осуществить серьезные внутренние преобразования.

Ключевые слова: Африка, продовольствие, сельское хозяйство, почва, деградация, удобрения, земля, монокультура

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Амухайа К.А. Структурные детерминанты продовольственной небезопасности в Африке: почвы, землевладение, монокультуры. *Ученые записки Института Африки РАН.* 2026. Т. 12. № 3. С. 44–64. https://doi.org/ doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-44-64

ВВЕДЕНИЕ

Многие крупные международные и региональные сельскохозяйственные организации часто ссылаются на то, что Африка обладает всеми необходимыми условиями для успешного развития агропромышленного комплекса, который может обеспечить продовольственную безопасность как в настоящее время, так и в будущем. Так, Африканский банк развития (АфБР) прямо заявляет, что на долю Африки приходится не только 65% мировых запасов невозделанных пахотных земель, но и значительные ресурсы пресной воды, а также обилие солнечного света (около 300 солнечных дней в году). Однако, несмотря на это, регион производит лишь 10% мирового объема сельскохозяйственной продукции[1]. Это свидетельствует о том, что в Африке существуют благоприятные условия для сельского хозяйства, но потенциал производства сельскохозяйственного сырья остается недоиспользованным.

Ожидается, что к 2050 г. численность населения мира увеличится с 8 до 10 млрд человек. При этом население Африки достигнет примерно 2,5 млрд, что составит около 25% от общемирового показателя[2]. Таким образом, помимо нереализованного производственного потенциала, Африка располагает доступной рабочей силой. При этом более 70% населения континента, включая большинство людей, живущих в условиях крайней нищеты и недоедания, проживает в сельской местности, где основой экономики является сельское хозяйство[3].

Согласно данным Международного фонда сельскохозяйственного развития (МФСР)[4], большая часть сельскохозяйственных угодий Африки принадлежит мелким фермерам, которые занимаются натуральным хозяйством и производят 70% всего объема продовольствия, потребляемого на континенте[5]. Однако производимого продовольствия недостаточно. Отчасти это связано с тем, что государства ориентируются на выращивание экспортных культур, а также с чрезмерной зависимостью от отдельных продовольственных культур, таких как кукуруза (этот вопрос будет рассмотрен в третьем разделе данной статьи).

В 2020 г. от 40 до 67% населения трудоспособного возраста страдали от задержки роста в детстве. За два десятилетия, с 1990 по 2012 г., доля Африки в общем числе недоедающих людей увеличилась с 18 до 28%[6]. Несмотря на принятые меры, эта проблема остается актуальной. В докладе о продовольственной безопасности и питании за 2025 г., опубликованном ООН, сообщается о росте числа голодающих в Африке. Этот рост наблюдается уже восьмой год подряд, начиная с 2017 г., и к 2024 г. число голодающих достигло 306,5 млн человек. Уровень недоедания в Африке в 2024 г.

[1] Feed Africa: Strategy and operational guidance / 2019 annual report highlights. Abidjan, Côte d'Ivoire: African Development Bank. *AfDB Group. 2019*. https://afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Generic-Documents/Brochure_Feed_Africa_-En.pdf (accessed: 30.06.2026)

[2] African Century. *IMF*. 2023. https://imf.org/en/publications/fandd/issues/2023/09/pt-african-century (accessed: 30.06.2026)

[3] Smallholders and Family Farmers. *FAO*. 2012. https://fao.org/fileadmin/templates/nr/sustainability_pathways/docs/Factsheet_SMALLHOLDERS.pdf (accessed: 30.06.2026)

[4] Международный фонд сельскохозяйственного развития (International Fund for Agricultural Development, IFAD) – специализированное учреждение ООН, занимающееся мобилизацией финансовых ресурсов в целях увеличения производства продовольствия и улучшения положения с питанием бедных групп населения в развивающихся странах.

[5] Change starts here; Small farmers with a big message for the world. *International Fund for Agricultural Development*. https://ifad.org/thefieldreport/ (accessed: 30.06.2026)

[6] The Cost of Hunger in Africa Series. *World Food Programme*. 2020. https://wfp.org/publications/cost-hunger-africa-series (accessed: 30.06.2026)

составил 20,2%, в то время как среднемировой показатель равнялся 8,2%. Доля детей в возрасте до пяти лет, страдающих от задержки роста, превысила 30%[7].

В 2020 г. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) опубликовала данные, согласно которым в сельскохозяйственном секторе Африки было занято около 60% населения, но на его долю приходилось лишь 20% экспортной выручки[8]. Детская смертность, связанная с недостаточным питанием, привела к сокращению численности рабочей силы в странах на 1–8%[9].

Африка имеет огромный потенциал для значительного увеличения экспортных доходов. Например, по данным Африканского банка развития (АфБР), в 2019 г. на долю континента приходилось около 69,2% мирового производства какао-бобов в весовом выражении. Однако регион получил лишь 2% от общемировой выручки от продажи шоколада[10]. Это свидетельствует о серьезном недостатке перерабатывающих мощностей при растущем спросе на готовые пищевые продукты.

Ряд исследователей отмечает, что за последние 50 лет африканские потребители приобретают все большее количество обработанных пищевых продуктов [Reardon et al. 2021], что свидетельствует о растущем спросе на переработанную продукцию, в частности на продукты питания. Тем не менее, по данным Международного научно-исследовательского института продовольственной политики (*International Food Policy Research Institute, IFPRI*), доля Африки в рыночной стоимости переработанных стратегических сельскохозяйственных культур (таких как какао, кофе, кешью и хлопок), составляет примерно 10,4% [Odjo, Traoré, Zaki 2025].

Это можно объяснить спецификой сложившихся цепочек добавленной стоимости, отражающих добавленную стоимость промежуточных продуктов, которые в конечном итоге реализуются в качестве конечной продукции последней страной в цепочке[11]. На долю развитых стран приходится более высокая доля добавленной стоимости в глобальных цепочках создания стоимости[12] по сравнению с развивающимися странами [Adler, Meleshchuk, Buitron 2023], в частности, африканскими, что наглядно демонстрирует пример производства какао и шоколада.

Судя по некоторым статистическим данным, приведенным выше, в обозримом будущем Африка столкнется с одной из самых сложных проблем в области продовольственной безопасности.

Каковы истоки данной проблемы? В данном исследовании мы постараемся ответить на этот вопрос. Статья состоит из трех разделов и заключения, в которых выделяются шесть взаимосвязанных аспектов продовольственной безопасности:

---

[7] Africa regional overview of food security and nutrition 2025: Financing agrifood systems transformation. *Food and Agriculture Organization of the United Nations, United Nations Economic Commission for Africa, World Food Programme, African Union Commission. (2026*). https://doi.org/10.4060/cd7981en (accessed: 30.06.2026)

[8] Responding To Agricultural and Food Insecurity Challenges. Mobilising Africa to Implement Nepad Programmes. *Food Agriculture Organization.* https://fao.org/4/Y9483E/Y9483E00.htm#:~:text=At%20present%2C%20agriculture%20accounts%20for,the%20mainstay%20of%20the%20economy (accessed: 30.06.2026)

[9] The Cost of Hunger in Africa series. *World Food Programme.* 2020. https://wfp.org/publications/cost-hunger-africa-series (accessed: 30.06.2026)

[10] Feed Africa: Strategy and Operational Guidance / 2019 annual report highlights. Abidjan, Côte d'Ivoire: African Development Bank. *AfDB Group. 2019.* https://afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Generic-Documents/Brochure_Feed_Africa_-En.pdf (accessed: 30.06.2026)

[11] African Value Chains and the Visualisation of the Agricultural VC. *Trade Law Centre Annual Conference*. 2022. https://tralac.org/documents/events/tralac/4612-tralac-annual-conference-2022-background-note-african-value-chains-and-the-visualisation-of-the-agricultural-vc/file.html (accessed: 30.06.2026)

[12] Глобальные цепочки создания стоимости представляют собой механизм, при котором страны импортируют промежуточные товары, добавляют к ним стоимость и затем реэкспортируют.

наличие, доступность, использование, стабильность, агентность, устойчивость. Будут рассмотрены проблемы продовольственной безопасности в Африке, которые можно объяснить сочетанием структурных, политических, инфраструктурных и институциональных факторов.

В первом разделе будут рассмотрены почвы Африки и их особенности в сравнении с почвами других континентов, чтобы не попасть в ловушку якобы универсальных глобальных стратегий и технологий, предлагаемых по принципу «одно решение для всех». Во втором разделе предпринята попытка ответить на вопрос, кому принадлежат земли Африки, особенно пахотные и сельскохозяйственные угодья, и кто определяет, какие культуры будут выращиваться на этих землях. Третий раздел посвящен факторам, способствующим формированию экономик, основанных на монокультурах, в Африке. Автор будет доказывать, что деколонизация методов ведения сельского хозяйства так и не состоялась, и неоколониальные стратегии стали неотъемлемой частью политики африканских государств. С этой целью третий раздел подробно раскроет, как африканцев целенаправленно отучали от потребления традиционных продуктов питания, переориентируя сельское хозяйство Африки на удовлетворение потребностей стран «Глобального Севера». В заключении будут подведены итоги исследования.

ПОЧВЫ АФРИКИ

Примерно 65% пахотных земель в странах Африки к югу от Сахары классифицируются как деградированные. Это обходится региону примерно в $68 млрд ежегодно и приводит к снижению регионального сельскохозяйственного ВВП на 3% [Zingore et al. 2015]. Почвы в Африке считаются старыми и не обновляются естественным образом за счет вулканической активности. Они характеризуются наличием красных пористых латеритов, которые легко теряют питательные вещества и бедны азотом и фосфором – критически важными элементами для урожайности кукурузы [McCann 2005], являющейся основным продуктом питания в большинстве африканских стран.

Основными недостатками почвы являются ее низкая способность удерживать влагу и низкая влагоемкость. Избыточный поверхностный сток и инфильтрация воды, превышающая объем доступной влаги в почве, могут привести к потере питательных веществ и снижению плодородия [Sanchez 2019], процессу, известному как вымывание. Примеры этого процесса для некоторых африканских стран приведены в *табл.* 1.

Таблица 1. **Вымывание питательных веществ в некоторых африканских странах**

Тип почвы, страна	Тип растительного покрова	Осадки	Вымывание	Вымытые элементы питания (кг/га в год)					
		(мм/год)		**N**	**P**	**K**	**Ca**	**Mg**	**S**
Устальф, Сенегал	Сельскохозяйственные культуры	660	118	6	0.13	8	31	12	7
Удульт, Кот-д'Ивуар	Каучук	1569	845	79	2.90	63	31	40	–
	Бананы	2040	828	235	1.20	24	256	113	–

Источник: по материалам [Sanchez 2019: 150].

Повышенная кислотность почв является серьезной проблемой, которая затрагивает не только Африку, но и многие страны мира. Общая площадь пахотных земель, подверженных этой проблеме, составляет 3950 млн гектаров. В Юго-Восточной Азии кислые почвы занимают 38% всех сельскохозяйственных угодий, в Латинской Америке – 31%, в Восточной Азии – 20%, а в странах Африки к югу от Сахары – 56%. В Австралии и Новой Зеландии площадь кислых почв составляет 239 млн гектаров. В Китае и Индии к категории кислых почв относится около 12% сельскохозяйственных земель [Bian et al. 2013].

Некоторые из факторов, способствующих повышению кислотности почвы, включают чрезмерное использование азотных удобрений, ухудшение состояния окружающей среды, приводящее к кислотным дождям, интенсивное сельское хозяйство, вымывание и монокультурную специализацию [Chen et al. 2020] (последний фактор будет подробнее рассмотрен в разделе 3). В Африке, наряду с другими факторами, вымывание привело к тому, что четверть тропических почв стали кислыми. Эти почвы характеризуются дефицитом фосфора, кальция и магния и зачастую содержат токсичные концентрации алюминия [McCann 2005].

Известкование представляет собой метод внесения в почву соединений кальция (Ca) и/или магния (Mg), что позволяет снизить ее кислотность и повысить урожайность сельскохозяйственных культур [Esilaba et al. 2023]. Некоторые африканские страны активно внедряют решения в области известкования. Например, в 2010 г. в Мали была основана компания *Quarries and Lime of Mali*, которая занимается производством и поставкой доломитовой извести в страны Западной Африки[13].

Однако этого недостаточно, если учесть, что 56% сельскохозяйственных земель Африки имеют кислые почвы. В некоторых странах, таких как Кения, не только отсутствует развитая цепочка поставок сельскохозяйственной извести, но и до сих пор не проведен анализ соответствующей цепочки создания стоимости и не выработаны подходы к регулированию этой сферы. И это несмотря на то, что 63% пахотных земель в основных сельскохозяйственных районах, обеспечивающих продовольственную безопасность Кении, страдают от повышенной кислотности почв, что приводит к низкой урожайности [Esilaba et al. 2023].

Также сто́ит отметить отсутствие четких нормативных положений и стандартов качества сельскохозяйственной извести, отсутствие скоординированной общенациональной программы по ее продвижению, а также недостаточные меры стимулирования производства, распространения и применения этого удобрения. Все десять крупнейших производителей сельскохозяйственной извести находятся на Глобальном Севере, за исключением одного – в ЮАР, который специализируется на кормах для животноводства, а не на средствах для улучшения почвы[14].

Эрозия также является одной из основных причин деградации почв в Африке. По данным некоторых исследователей, 40% территории Африки имеют уклон более 8 градусов, что ведет к обширной эрозии под воздействием дождей и речных систем [с 2005]. В ряде стран, например, в Бурунди, потери почвы вследствие эрозии оцениваются в 18 т/га в год в центральном регионе и более 100 т/га в год в горном районе Мумирва. Этот район, расположенный вдоль крутых западных склонов водораздела Конго-Нил на западе страны, отличается самым сложным рельефом с уклонами, часто превышающими 70% и иногда достигающими 100%

[13] The Implication of Soil Acidity and Management Options for Sustainable Crop Production in Africa. *Growing Africa*. 08.08.2023. https://growingafrica.pub/the-implication-of-soil-acidity-and-management-options-for-sustainable-crop-production-in-africa/ (accessed: 30.06.2026)

[14] Top Agricultural Lime Suppliers. *Ensun.* https://ensun.io/search/agricultural-lime (accessed: 30.06.2026)

[Vianney et al. 2025]. В ЮАР, согласно оценкам, потери плодородного слоя почвы из-за эрозии составляют около 13 т/га в год, тогда как скорость почвообразования – лишь около 5 т/га в год, что свидетельствует о серьезном дисбалансе [Kidson, Grobler, Pule 2024].

Помимо проблемы эрозии почвы, уклон местности также влияет на выбор системы земледелия и типа используемой техники [Sanchez 2019], от импорта которой Африка зависит в значительной степени. В серьезную проблему импортная техника превращается в тех случаях, когда она не адаптирована к специфическим потребностям африканского региона. Из *табл.* 2 видно, что основные производители сельскохозяйственной техники находятся за пределами Африки.

Таблица 2. **Ведущие бренды тракторов в Африке**

Бренд	Страна происхождения	Ключевые особенности	Значительное присутствие в Африке
Massey Ferguson	США (AGCO)	Надежность и универсальность	Восточная, Западная и Южная Африка
John Deere	США	Технологичность и высокая производительность	Южная, Восточная и Западная Африка
New Holland	Италия (CNH Industrial)	Топливная экономичность	Северная и Южная Африка
Sonalika	Индия	Доступная цена	Западная и Центральная Африка
Mahindra	Индия	Долговечность и неприхотливость в обслуживании	Восточная и Южная Африка
Kubota	Япония	Компактные тракторы	Отдельные рынки Африки
Farmtrac	Индия	Механизация начального уровня	Растущее присутствие по всей Африке

Источник: составлено по: Blessing M. Top 7 Tractor Brands Dominating Africa's Agricultural Sector. *Agrimachinery*. 20.07.2026. https://agrimachinery.africa/tractors/best-selling-tractor-brands-in-africa/ (accessed: 02.08.2026)

Некоторые исследования утверждают, что использование удобрений может увеличить урожайность сельскохозяйственных культур примерно на 50% [Sharafi, Mottaghi, Omidvari 2025]. При этом, судя по данным за 1961–2022 гг., уровень потребления удобрений в Африке является самым низким в мире. В число 50 стран с наименьшими показателями потребления (из 187 проанализированных государств) входят 31 африканская страна[15]. Однако если взглянуть на 30 африканских стран с наиболее высокими темпами роста производства продовольствия[16], выясняется, что 17 из них характеризуются одними из самых низких показателей использования удобрений[17]. В связи с этим возникает вопрос: действительно ли увеличение объемов

[15] Fertilizer use, kg per hectare of arable land, 2023. *The Global Economy*. 2023. https://theglobaleconomy.com/rankings/fertilizer_use/ (accessed: 01.08.2026)

[16] Это общие статистические данные за период с 1961 по 2023 гг. Конкретная ежегодная статистика по некоторым странам может отличаться в зависимости от специфических обстоятельств, таких как конфликт в ДРК или Чаде.

[17] Food production index (2004–2006 = 100), 2022. *The Global Economy*. 2022. https://theglobaleconomy.com/rankings/food_production_index/Africa/ (accessed: 01.08.2026)

использования удобрений является одним из основных способов решения проблемы деградации почв в странах Африки?

При выборе систем земледелия часто упускают из виду традиционные африканские методы. Одним из таких методов является *Zaï* – древняя технология, которая широко распространена в регионе Сахель, в частности в Буркина-Фасо. Этот метод позволяет восстановить плодородие почвы и повысить урожайность. *Zaï* заключается в создании небольших ям диаметром 20–30 см и глубиной 10–20 см на твердой, деградировавшей почве. Эти ямы располагаются на расстоянии 60–80 см. Они служат для сбора скудной дождевой воды и внесения органического компоста. Этот эффективный способ борьбы с деградацией почв позволяет сократить потери растительного покрова и предотвратить эрозию. Благодаря *Zaï* можно сдерживать опустынивание на истощенных землях, что имеет важное значение для устойчивого развития сельского хозяйства.

Технология *Zaï* позволяет увеличить объемы производства примерно на 500%, что было доказано в высокогорных районах Эфиопии в период 2004–2006 гг. В этом регионе выпадает много осадков, однако почва плохо впитывает влагу, что приводит к эрозии из-за поверхностного стока воды. Внедрение данной технологии в сочетании с внесением азотных удобрений обеспечило рост урожайности картофеля на 500–2000%, а урожайности фасоли – на 250% [Danjuma, Mohammed 2015]. Тем не менее, заинтересованные стороны, включая Африканский союз, не уделяют должного внимания продвижению традиционных африканских методов восстановления почв и повышения урожайности. Вместо этого основным рекомендуемым решением для улучшения качества почвы остается использование минеральных удобрений.

Почему использование удобрений считается более предпочтительным по сравнению с традиционными методами? В *табл. 3* представлены пять крупнейших нетто-экспортеров удобрений в Африку, [18] а также два основных поставщика каждого из видов удобрений, которые доминируют в импорте этих стран.

Таблица 3. **Пять крупнейших нетто-экспортеров удобрений в Африку и основные страны-поставщики**

Страна	Основной вид импортируемых удобрений	Основные поставщики
Эфиопия	Смешанные минеральные или химические	Китай, Германия
Кот-д'Ивуар	Смешанные минеральные или химические	Марокко, Испания
Замбия	Азотные	ЮАР, ОАЭ
Кения	Смешанные минеральные или химические	Россия, Марокко
ДРК	Азотные	Замбия, ЮАР

Источник: составлено автором на основе данных *Observatory of Economic Complexity* по пяти крупнейшим нетто-импортерам удобрений в Африке и их основным поставщикам в 2024 г. https://oec.world/en/profile/hs/fertilizers (accessed: 12.10.2026)

Стоит отметить, что азотные удобрения являются наиболее распространенным видом удобрений в Африке [Odjo, Traoré, Zaki 2025].

[18] Agribusiness industry report: Focusing on agricultural commodities and fertilizer dynamics in Africa. *African Export-Import Bank*. 2022. https://wto.org/library/events/event_resources/agri_2802202310/84_378.pdf (accessed: 06.07.2026)

Итак, является ли Африка лишь рынком сбыта для стран, поставляющих на континент удобрения? Во время российско-украинского кризиса 2022 г. на полях 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Франция, Сенегал (в качестве председателя Африканского союза), Комиссия Африканского союза, Европейская комиссия и Председатель Совета министров Ливанской Республики при участии руководителей Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД), Всемирной продовольственной программы (ВПП), Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), Международного фонда сельскохозяйственного развития (МФСР), Группы Всемирного банка, Международного валютного фонда (МВФ), Всемирной торговой организации (ВТО) и Афрэксимбанка договорились о запуске новой инициативы под названием «Операция “Спасем урожай”» (*Save Crops Operation*), призванной содействовать обеспечению доступа к удобрениям и другим критически важным ресурсам в уязвимых странах[19].

Участники инициативы подтвердили, что удобрения не подпадают под действие режима санкций и обязались оказывать финансовую и материально-техническую поддержку механизму Африканской торговой биржи (*ATEX*) для облегчения закупок удобрений. Эта инициатива также запустила механизм экстренных закупок удобрений, чтобы облегчить доступ африканских фермеров к удобрениям, и способствовала выделению пожертвований на закупку удобрений в Африке[20].

Кроме того, на саммите по удобрениям и здоровью почв в Африке, состоявшемся в 2024 г., Африканский союз утвердил десятилетний план действий в рамках Инициативы по удобрениям и здоровью почв, призванный остановить деградацию почв на континенте за счет утроения объемов использования удобрений. Данное решение стало продолжением положений Абуджийской декларации 2006 г.[21], в которой подчеркивалась острая необходимость наращивания применения удобрений для стимулирования роста сельскохозяйственной продуктивности и преодоления тенденции к истощению запасов питательных веществ в почве[22].

Но как все эти акторы могут добиваться решения, если оно находится вне их компетенции? Последний тезис постараемся обосновать.

Вскоре после обретения независимости, в 1960-х и 1970-х гг., объемы использования удобрений в странах Африки к югу от Сахары росли в среднем на 9% в год, поскольку многие африканские правительства активно субсидировали применение удобрений, покрывая до 85% их стоимости, и контролировали их импорт и распределение, тем самым устраняя региональные различия в ценах [Cagley, Gugerty 2009]. Например, в 1960-х гг. правительство Ганы выступало единственным импортером, продавцом и дистрибьютором неорганических удобрений. В Кот-д’Ивуаре фермеры-хлопководы получали бесплатные удобрения, семена и пестициды от

[19] Agribusiness industry report: Focusing on agricultural commodities and fertilizer dynamics in Africa. *African Export-Import Bank.* 2022. https://wto.org/library/events/event_resources/agri_2802202310/84_378.pdf (accessed: 06.07.2026)

[20] Torero Cullen M. Rising Global Food Insecurity: Combinations of crisis drivers and their impacts on food security and nutrition and access to healthy diets. *The Pontifical Academy of Sciences.* https://pas.va/en/publications/scripta-varia/sv154pas/torero.html (accessed: 06.07.2026)

[21] Абуджийская декларация по удобрениям для африканской «зеленой революции» была принята 12 июня 2006 г. на Африканском саммите по удобрениям министрами сельского хозяйства стран-участниц АС в Абудже (Нигерия).

[22] Africa Fertilizer and Soil Health Summit. 7–9th May 2024 Nairobi, Kenya. *African Union.* 2024. https://au.int/sites/default/files/documents/43779-doc-Action_Plan_Fertilizer_and_Soil_Health_E.pdf (accessed: 06.07.2026)

государственной организации, курирующей производство хлопка, а совет по сбыту риса предоставлял бесплатные удобрения рисоводам, возделывающим орошаемые культуры и участвующим в программах распространения агротехнических знаний [Cagley, Gugerty 2009: 3].

Однако в 1980-х гг., после реализации программ структурной перестройки и проведения макроэкономических реформ, производство и реализация удобрений были выведены из-под государственного контроля. Сенегал, обладающий значительными запасами фосфатов, начал их экспорт еще в 1960 г. преимущественно в другие страны Западной Африки, а также в Индию через полугосударственную горнодобывающую компанию *Compagnie des Phosphates de Taiba* (*CSPT*). Позднее, в 1976 г., была основана компания *SIES* (*Société Industrielle d'Engrais du Sénégal*) – первый в Западной Африке производитель фосфорной кислоты и комплексных минеральных удобрений типа *NPK* (азот, фосфор, калий). После начала приватизации в 1980-х гг., которая была частью программ структурной перестройки, функции сбыта и распределения удобрений перешли в частный сектор. Это привело к уменьшению объемов их использования в стране [Gockel, Stokes-Prindle, Gugerty 2009]. Например, в 1975 г. потребление удобрений в Сенегале достигло своего исторического максимума – 87 тыс. т. Однако в период с 1981 по 1996 г. общее потребление удобрений в стране сократилось на 21% [Gockel, Stokes-Prindle, Gugerty 2009]. Кроме того, в 1989 г. Всемирный банк опубликовал отчет по Сенегалу, в котором четко указывалось, что в период после 1980 г. он не рекомендует предоставлять субсидии на производственные ресурсы ни при каких обстоятельствах[23].

Подобные тенденции наблюдаются и в других странах. В результате в некоторых африканских странах, таких как Кот-д'Ивуар, Кения и Мозамбик, частный сектор стал единственным импортером удобрений [Cagley, Gugerty 2009]. Это часто приводит к полной монополии со стороны страны-поставщика, компании-импортера и компании, занимающейся маркетингом и дистрибуцией.

При поддержке Африканского банка развития (АфБР) были предприняты шаги по укреплению позиций государственных компаний. Одним из таких примеров является марокканская государственная компания *OCP Group*, которая управляет *Africa Fertilizer Complex* (*AFC*) – первым предприятием по производству удобрений, ориентированным исключительно на нужды Африки[24]. АфБР начал сотрудничество с *OCP Africa*, чтобы достичь целей по повышению продуктивности сельского хозяйства, которые заложены в стратегии банка «Накормить Африку» (*Feed Africa*).

В 2020 г. АфБР учредил Африканский механизм финансирования закупок удобрений (*AFFM*) – специальный фонд под управлением банка, призванный обеспечить инновационные финансовые решения для улучшения производства, закупки и распределения органических и неорганических удобрений, а также для реализации мер по улучшению состояния почв в Африке. В рамках трехлетнего проекта (2020–2023 гг.) банк предоставил частичные гарантии по торговым кредитам *OCP Africa* на сумму $4 млн. При этом *OCP Africa* и *AFFM* внесли по $2 млн в качестве гарантийного обеспечения. Проект направлен на поддержку 430 тыс. мелких фермеров (включая 104 тыс. женщин) в Гане и Кот-д'Ивуаре. Им обеспечивали доступ к качественным средствам сельскохозяйственного производства, а также проводили

[23] The World Bank and Senegal, 1960 – 1987. Report No. 8041. 1989. *The World Bank; Operations and Evaluation Department*. https://documents1.worldbank.org/curated/en/922521533559327885/pdf/The-World-Bank-and-Senegal-1960-87.pdf (accessed: 10.07.2026)

[24] Who we are. *OCP Group*. https://ocpgroup.ma/en/who-we-are (accessed: 10.07.2026)

обучение передовым методам ведения сельского хозяйства. Предполагалось, что это повысит производительность и поможет увеличить урожайность риса и кукурузы на 35% в Гане, а урожайность риса – на 30% в Кот-д'Ивуаре[25].

Кроме того, в 2026 г. Группа Африканского банка развития и Группа *OCP* подписали соглашение о предоставлении частичной кредитной гарантии на сумму 450 млн евро, направленной на поддержку инвестиционной программы в сфере решений для питания растений и удобрений на основе фосфатов[26].

Таким образом, Марокко стало одним из ведущих поставщиков удобрений в большинство африканских стран. Начиная с 2018 г., Марокко неизменно занимает первое место по поставкам химических удобрений в Кот-д'Ивуар, обеспечивая до 90% общего объема импорта этой продукции. В 2024 г. доля Марокко в поставках химических удобрений составила 90% ($141 млн из общего объема импорта, равного $156 млн)[27].

Можно сделать вывод, что в Африке существует сложная политико-экономическая система, в рамках которой государственные институты зачастую ставят интересы частных компаний выше, чем обеспечение продовольственной безопасности граждан.

ВЛАДЕНИЕ ЗЕМЛЕЙ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В АФРИКЕ

В Африке проблема неравномерного распределения земельных ресурсов стоит особенно остро. Как было упомянуто ранее, значительная часть сельскохозяйственных угодий на континенте принадлежит мелким фермерам, которые ведут натуральное хозяйство и поставляют 70% продовольствия. Однако некоторые африканские страны, такие как Кения, Зимбабве и ЮАР, унаследовали крайне асимметричное распределение земель, которое стало результатом их колониального прошлого [Syagga 2006]. Именно эти три страны будут проанализированы в данном разделе.

Когда Зимбабве обрела независимость в 1980 г., 6 тыс. белых землевладельцев – крупных фермеров, ведущих товарное сельскохозяйственное производство – владели 15,5 млн га земли. В то же время 8,5 тыс. мелких фермеров из числа коренного африканского населения владели 1,4 млн га, а 700 тыс. крестьян владели 16,4 млн га [Syagga 2006]. Впоследствии, в 2000 г., в рамках земельной реформы в Зимбабве около 20% земель были переданы от коммерческих фермерских хозяйств, принадлежавших белым, к мелким и средним фермерам[28].

С тех пор правительство провело ряд реформ в сфере землепользования, а в 2020 г. власти Зимбабве и бывшие коммерческие фермеры подписали Соглашение о всеобъемлющей компенсации (*Global Compensation Deed*) на сумму $3,5 млрд, призванное урегулировать давние споры путем выплаты компенсаций белым фермерам

[25] The Africa Fertilizer Financing Mechanism, OCP Africa team up to increase access to fertilizers in Côte d'Ivoire and Ghana. *African Development Bank*. 2020. https://afdb.org/en/news-and-events/press-releases/africa-fertilizer-financing-mechanism-ocp-africa-team-increase-access-fertilizers-cote-divoire-and-ghana-38407 (accessed: 10.07.2026)

[26] Morocco: African Development Bank Group and OCP Group Sign €450 Million Partial Credit Guarantee to Accelerate Industrial Transition. *African Development Bank*. 2026. https://afdb.org/en/news-and-events/press-releases/morocco-african-development-bank-group-and-ocp-group-sign-eu450-million-partial-credit-guarantee-accelerate-industrial-transition-93526 (accessed: 10.07.2026)

[27] Ivory Fertiliser Imports. OEC. 2024. https://oec.world/en/profile/country/civ?selector343id=Import&selector345id=2024 (accessed: 10.07.2026)

[28] Scoones I. Zimbabwe's Land Reform After 25 Years. *Institute of Development Studies*. https://ids.ac.uk/projects/zimbabwes-land-reform-after-25-years/ (accessed: 10.09.2026)

за объекты инфраструктуры, созданные на землях, изъятых в ходе земельной реформы 2000 г.[29]

Еще одним примером служит Южная Африка, где в 1913 г. был принят Закон о землях коренного населения (*Native Land Act*), закрепивший за чернокожими жителями лишь 10% территории страны. К моменту крушения режима апартеида в 1994 г. 31 млн африканцев (76% населения) был ограничен в своих правах на землю, занимая лишь 13% территории, тогда как белое население (13% жителей) контролировало оставшиеся 87% [Syagga 2006]. Несмотря на многолетние земельные реформы, согласно правительственному отчету о земельном аудите за 2025 г. 77% зарегистрированных земель находятся в частной собственности, а 23% – в государственной собственности или под управлением традиционных трастов. К 2025 г. 72% ферм и сельскохозяйственных предприятий принадлежали на правах частной собственности белым гражданам (составляющим 7,3% населения), в то время как чернокожие африканцы (включая собственно африканцев, цветных и индийцев), составляющие 81,4% населения, владели лишь 24% земель[30] (см. *табл.* 4).

Таблица 4. **Землевладение в Южной Африке**

Земельный аудит 2017 г.	Площадь, га	% территории ЮАР	% Частной сельской собственности	% индивидуальной собственности
Южная Африка	122 000 000	100		
Сельские территории (государственные и частные)	118 386 849	97		
Городские территории (земельные участки и участки после межевания)	3 538 032	3		
Земельные участки в индивидуальной и долевой собственности	722 667			
Трасты, компании, кооперативы и т.д.	2 815 365			
Государственные земли (округленные данные)		23		
Бывшие резервации	18 000 000	15		
Прочее (природоохранные зоны, земли Сил национальной обороны ЮАР (SANDF), государственные корпорации и т.д.)	10 000 000	8		

[29] Progress Report of the Land Tenure Reforms, Compensation of Former Farm Owners and Resolution of Bilateral Investment Promotion and Protection Agreements (Bippas) Sector Working Group. *Ministry of Finance, Economic Development and Investment Promotion.* 2024. https://zimtreasury.co.zw/wp-content/uploads/2024/12/Lands-Sector-Working-Group-SDP-Progress-Report-25-November.pdf (accessed: 10.09.2026)

[30] Walker C. Land ownership in South Africa – the facts and figures, and figuring out the facts. *Daily Maverick.* 10.03.2025. https://dailymaverick.co.za/article/2025-03-10-land-ownership-in-sa-the-facts-and-figures/ (accessed: 16.07.2026)

Земельный аудит 2017 г.	Площадь, га	% территории ЮАР	% Частной сельской собственности	% индивидуальной собственности
Частная сельская собственность (округленные данные)	94 000 000	77		
Индивидуальная собственность	37 031 283	30	39	100
Белые	26 633 144	22	28	72
Чернокожие	8 718 046	7	9	24
«Африканцы»	1 314 873			4
«Цветные»	5 371 383			15
«Индийцы»	2 031 790			5
«Прочие» и совместная собственность	1 680 093		2	5
Неиндивидуальная собственность	56 924 839	47	61	
Трасты	29 291 857	24		
Компании	23 199 994	19		
Общественные организации (CBO)	3 549 489	3		
Объединения по управлению общественной собственностью (CPA) (2024 г.)	2 600 00		3	[6]
Комбинированные формы и прочее	883 589			
Земельная реформа 2024 года				
Земля, перешедшая в собственность государства (округленные данные)	9 230 000	8	10	
Реституция	3 896 511			
Перераспределение	5 300 000			
Требования арендаторов земли	30 530			
Земля, приобретенная в частную собственность	**2 400 000**		**2.5**	**6**

Источник: Walker C. Land ownership in South Africa — the facts and figures, and figuring out the facts. *Daily Maverick.* 10.03.2025

Третий пример относится к Кении. В 1960-х гг. европейские поселенцы в Кении владели на правах аренды или полной собственности более чем 3 млн га земли, что составляло 50% всех земель с высоким сельскохозяйственным потенциалом, в то время как в пользовании основной массы коренных жителей остались низкопродуктивные угодья [Syagga 2006]. Следует отметить, что как до, так и после обретения независимости было предпринято несколько попыток устранить это неравенство. Например, в 1960 г. была запущена программа расселения «Йомен» (*Yeoman*) – проект по созданию поселений с низкой плотностью населения. Реализацией этой программы занимался Совет по освоению земель и расселению (*Land Development and Settlement Board*). Это произошло после того, как Кенийский (земельный) указ, принятый Советом, установил следующее: «Если после 13 октября 1959 г. в отношении какого-либо земельного участка в Кении будет установлено обязательство, условие или

ограничение, возникшее после этой даты и препятствующее лицам определенной расы или тем, кто не принадлежит к определенной расе, владеть, занимать или приобретать права на этот участок, то такое обязательство, условие или ограничение будет признано недействительным»[31].

Проект финансировался Всемирным банком, Корпорацией развития Содружества (*Commonwealth Development Corporation*), а также за счет грантов и гарантий правительства Великобритании. После обретения страной независимости проект был передан независимому правительству Кении под названием «Программа “Миллион акров”» (*Million Acre Scheme*). Программа была ориентирована прежде всего на «состоятельных» или «опытных» африканских фермеров. Именно поэтому некоторые исследователи утверждают, что все эти меры преследовали лишь цель сформировать класс африканской сельской элиты, способной обеспечить либеральное руководство [Syagga 2006], **особенно в период после обретения независимости** (выделено автором).

В XXI в. было предпринято несколько инициатив, направленных на сокращение неравенства. Среди них стоит выделить Законопроект 2015 г. о минимальном и максимальном размере земельных владений[32] и Законопроект 2023 г. о землепользовании и контроле,[33] которые предлагали ограничить площадь частных земельных участков. Однако эти инициативы встретили сопротивление со стороны парламентариев и до сих пор не были вынесены на повторное обсуждение[34]. Как видно из *табл.* 5, проблема неравенства остается нерешенной и продолжает вызывать споры.

Таблица 5. **Формы собственности на сельскохозяйственные земли в Кении**

Доля хозяйств, %	Средний размер, га	Эквивалент, акр	Общая площадь сельскохозяйственных земель, %
98	1,2	2,97	46
1,9	20	49,42	15
0,1	200	494,21	39

Источник: Who Owns Kenya, Land, power, and the politics of tax justice. *Kenya Human Rights Commission.* 2025. P. 11. https://khrc.or.ke/wp-content/uploads/2025/12/Who-owns-Kenya.pdf (accessed: 16.07.2026)

Это происходит на фоне того, что лишь 20% земель Кении классифицируются как пахотные, в то время как 75% населения страны проживает именно на этих плодородных территориях. Согласно отчету Комиссии по правам человека Кении за 2025 г. (*Kenya Human Rights Commission*) (см. *табл.* 5), 0,1% населения владеет 39% сельскохозяйственных земель. Однако потенциал земельного налогообложения используется крайне слабо: в большинстве округов Кении поступления от таких налогов составляют менее 1% от общего объема доходов. Из-за этого у состоятельных

[31] The Kenya Land (Order) in Council. Kenya Colonial Government. 1959. P. 1249. https://legislation.gov.uk/uksi/1960/2202/pdfs/uksi_19602202_en.pdf (accessed: 16.07.2019)

[32] Minimum and Maximum Land Holding Acreage Bill. *Parliament of Government of Kenya*. 2015. https://kpda.or.ke/documents/Policies/Minimum%20and%20Maximum%20Land%20Holding%20Acreage%20Bill%202015.pdf (accessed: 16.07.2026)

[33] The Land and Control bill. *Parliament of Government of Kenya*. 2023. https://parliament.go.ke/sites/default/files/2023-08/THE%20LAND%20CONTROL%20BILL%2C%202023%20%282%29-1.pdf (accessed: 16.07.2026)

[34] Who Owns Kenya, Land, power, and the politics of tax justice. *Kenya Human Rights Commission.* 2025. https://khrc.or.ke/wp-content/uploads/2025/12/Who-owns-Kenya.pdf (accessed: 16.07.2026)

землевладельцев практически отсутствует стимул к освоению или высвобождению неиспользуемых земельных участков[35].

Также утверждается, что более двух третей земельных участков в Кении не имеют оформленных прав собственности. В правительственном «Руководстве по планированию землепользования» (2025 г.) указаны минимальные размеры участков, которые можно использовать для ведения городского сельского хозяйства. Эти размеры представлены в *табл.* 6[36].

Таблица 6. **Минимальный размер участка для городского сельского хозяйства в Кении**

Минимальный размер участка, га	Виды землепользования
0,05	Выращивание овощей, в том числе в мешках
0,1	Разведение кур, рыбоводство (аквапоника, приподнятые деревянные пруды, резервуары и бетонные пруды)
0,2	Молочное животноводство, пчеловодство (в пригородных зонах)

Источник: Physical and land use planning handbook. Ministry of Lands, Public Works, Housing and Urban Development. Department for Lands and Physical Planning. 2025. P. 60. https://lands.go.ke/physical-and-land-use-planning-handbook (accessed: 16.07.2026)

Однако более 60% жителей Найроби, проживающих в неформальных поселениях, не имеют документов, подтверждающих их право собственности на землю. Это ограничивает их доступ к финансовым инструментам, необходимым для накопления капитала[37].

ЭКСПОРТНЫЕ КУЛЬТУРЫ ЗА СЧЕТ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ КУЛЬТУР?

Однако вопрос владения землей – не единственная проблема. Не менее важно и то, что именно выращивается на этой земле. Кения занимает третье место в мире по экспорту чая, уступая лишь Китаю и Шри-Ланке. Чай является основным экспортным товаром (на его долю приходится 16,3% всего экспорта) и вторым по значимости источником иностранной валюты для страны. Чайные плантации занимают около 228,4 тыс. га в высокогорных районах Кении, а вклад этой отрасли в валовой внутренний продукт (ВВП) страны в 2024 г. составил 1,2%. Около 50,7% земель находится в ведении крупных производителей чая, тогда как на оставшихся 49,3% хозяйствуют более 680 тыс. мелких фермеров[38]. Возникает вопрос: не делает ли Кения акцент на товарных культурах, предназначенных для мирового рынка, в ущерб продовольственным культурам, необходимым для обеспечения населения страны?

[35] Who Owns Kenya, Land, power, and the politics of tax justice. *Kenya Human Rights Commission.* 2025. https://khrc.or.ke/wp-content/uploads/2025/12/Who-owns-Kenya.pdf (accessed: 16.07.2026)

[36] Physical and land use planning handbook. *Ministry of Lands, Public Works, Housing and Urban Development. Department for Lands and Physical Planning.* 2025. https://lands.go.ke/physical-and-land-use-planning-handbook (accessed: 16.07.2026)

[37] Who Owns Kenya. Land, power, and the politics of tax justice. *Kenya Human Rights Commission.* 2025. https://khrc.or.ke/wp-content/uploads/2025/12/Who-owns-Kenya.pdf (accessed: 16.07.2026)

[38] Brewing Trends – Analysis of Kenya's Tea Industry (Report No. KE2025-0020). *United States Department of Agriculture, Foreign Agricultural Service.* 2025. https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/ DownloadReportByFileName?fileName=Brewing%20Trends%20-%20Analysis%20of%20Kenya%27s%20Tea%20Industry_Nairobi_Kenya_KE2025-0020.pdf (accessed: 16.07.2026)

Кения, согласно классификации ФАО, относится к числу стран с низким уровнем дохода и дефицитом продовольствия (*Low-Income Food-Deficit Countries*)[39]. Это означает, что страна сталкивается с серьезными вызовами в области продовольственной безопасности, включая низкий доход на душу населения и острый дефицит основных продуктов питания. Несмотря на то, что 23,64% населения Кении не имеют достаточного доступа к продовольствию[40], страна занимает пятое место в Африке по объему сельскохозяйственного производства[41].

Из продовольственных культур в Кении важнейшее значение имеет кукуруза (см. *табл.* 7).

Таблица 7. **Производство продовольственных культур в Кении**

Площадь / Производственная площадь, га	2020 г.		2021 г.		2022 г.		2023 г.		2024 г.*	
	Площадь, тыс. га	Производство, тыс. т	Площадь, тыс. га	Производство, тыс. т	Площадь, тыс.га	Производство, тыс.т	Площадь, тыс.га	Производство, тыс.т	Площадь, тыс.га	Производство, тыс.т
Кукуруза	2171,7	3795,2	2168,6	3304,4	2113,5	3082,2	2430,0	4285,2	2407,0	4028,3
Пшеница	125,7	404,7	124,9	349,1	119,6	368,7	104,4	309,5	102,6	311,8
Рис	38,4	192,5	35,5	198,3	41,3	206,0	44,4	244,0	52,4	290,4
Сорго	220,0	310,6	207,8	138,9	206,9	125,4	207,7	198,9	250,4	241,3
Просо	116,9	152,0	126,0	59,2	108,4	59,5	129,9	86,8	112,0	62,6
Ячмень	11,1	35,0	13,3	33,1	7,5	20,1	13,3	32,9	13,9	48,2
Фасоль	1147,7	774,4	1131,6	670,9	1268,6	750,2	1220,0	861,0	1229,6	759,0
Вигна	244,5	182,4	236,0	125,4	199,9	115,6	249,4	171,8	234,4	73,6
Маш	280,7	207,9	269,5	121,0	253,5	111,0	308,4	182,3	300,9	117,2
Голубиный горох	133,3	123,1	126,7	103,9	266,1	159,9	303,3	183,7	141,6	90,9
Картофель	204,6	1939,7	215,7	2109,7	231,5	1831,8	239,3	2309,9	226,0	2150,0
Батат	54,0	671,0	56,9	666,5	55,1	703,8	58,5	683,2	68,5	862,7
Маниока	61,8	879,7	61,2	711,5	70,8	946,4	76,4	1137,5	82,0	1207,6

* Предварительные данные

Источник: Составлено из материалов National Agriculture Production Report 2025. *Kenya National Bureau of Statistics. 2025.* P. 7

В 2024 г. в Кении было произведено более 4 млн метрических тонн сухой кукурузы. Потребление кукурузы составило примерно 2,72 млн метрических тонн, то есть производство превысило внутреннее потребление. Однако, несмотря на это, в 2024 г.

[39] Low-Income Food-Deficit Countries (LIFDCs) 2026. *Food and Agriculture Organization.* 2026. https://fao.org/member-countries/lifdc/en (accessed: 16.07.2026)

[40] Africa Food Trade and Resilience Initiative. *Food security monitor, (66th ed.).* 02.2026. https://agra.org/wp-content/uploads/2026/03/Food-Security-Monitor_Feb-2026-report.pdf (accessed: 17.07.2026)

[41] Oamen S. African countries leading in agricultural production. *Inside Africa.* 19.09.2025. https://thenationonlineng.net/full-list-african-countries-leading-in-agricultural-production/ (accessed: 16.07.2026)

страна импортировала около 214 тыс. метрических тонн кукурузы[42]. Дело в том, что в Восточной Африке кенийская кукуруза является самой дорогой, уступая только кукурузе из Южного Судана. В то же время танзанийская кукуруза самая дешевая[43] (см. *рис.* 1). Это может быть одной из причин, по которым некоторые мукомольные предприятия предпочитают импортировать кукурузу, а не закупать зерно местного производства.

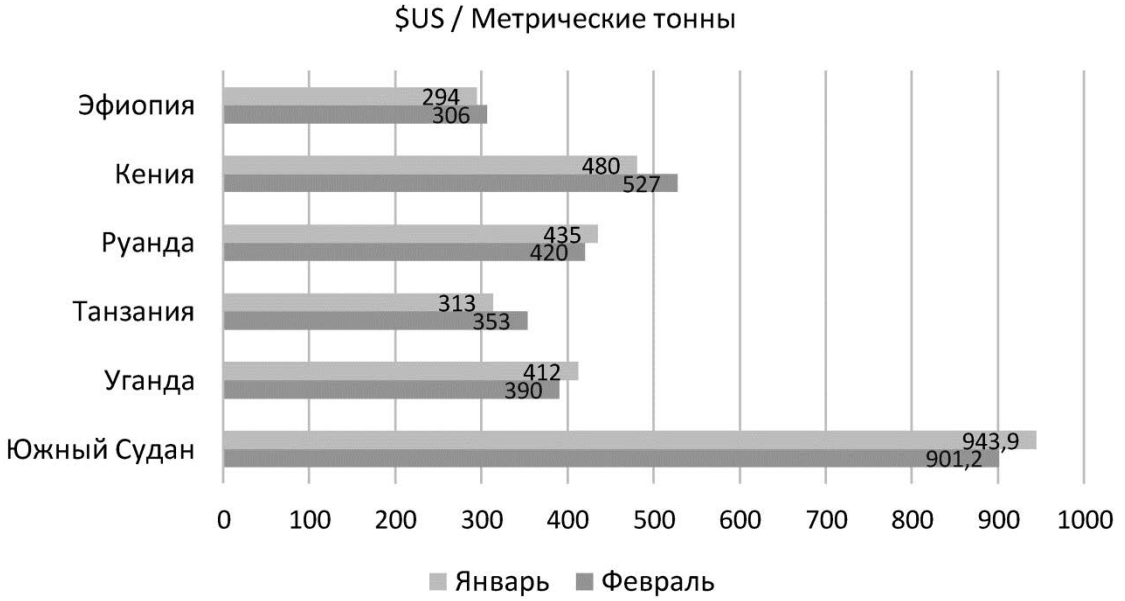

Рис. 1. **Цена на кукурузу в Восточной Афпмке, 2026 г.**
Источник: Africa Food Trade and Resilience Initiative. *Food security monitor (66th ed.).* 02.2026. P. 10. https://agra.org/wp-content/uploads/2026/03/Food-Security-Monitor_Feb-2026-report.pdf (accessed: 17.07.2026)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МОНОКУЛЬТУР И ВЫТЕСНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ АФРИКАНСКИХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ КУЛЬТУР

Сельскохозяйственный сектор многих африканских стран зависит от одного-единственного экспортного продукта. Когда в этом секторе происходят кризисы, экспортные поступления резко сокращаются. Например, во время пандемии *COVID-19* цены на орехи кешью упали на 30% из-за задержек в экспорте и проблем в цепочках поставок. Это негативно сказалось на странах, которые сильно зависят от экспорта кешью, таких как Кот-д'Ивуар[44].

Помимо негативного влияния на окружающую среду, которое приводит к деградации почв, системы сельскохозяйственной монокультуры в Африке порождают структурную экономическую уязвимость. Это явление было описано еще в 1971 г. японским исследователем Кеничи Инадой. Он утверждал: «Если страна продолжает

[42] Fwamba F.N. Opinion: Food security requires action, not empty granaries. *The Star*. 05.02.2026. https://the-star.co.ke/opinion/star-blogs/2026-02-05-opinion-food-security-requires-action-not-empty-granaries (accessed: 16.07.2026)
[43] Africa Food Trade and Resilience Initiative. *Food security monitor, (66th ed.).* 02.2026. https://agra.org/wp-content/uploads/2026/03/Food-Security-Monitor_Feb-2026-report.pdf (accessed: 17.07.2026)
[44] Record cashew crop in world leader Ivory Coast, but COVID-19 hits prices. *Agence France-Presse.* 05.10.2020. https://rappler.com/business/record-cashew-crop-ivory-coast-but-coronavirus-hits-prices-october-5-2020/ (accessed: 18.07.2026)

следовать монокультурной экономической модели, ей необходимо увеличивать объемы производства, чтобы повысить средний доход. Однако, когда производство растет, условия торговли для продукции ухудшаются. Как правило, спрос на товары, производимые в условиях моноэкономики, не очень эластичен по доходу и цене. Поэтому, когда предложение растет быстрее, чем спрос (например, за счет экономического роста в других странах), цены резко падают. Из-за этого прибыль в единственном капиталистическом секторе экономики снижается, что приводит к сокращению инвестиций в этот сектор» [Inada 1971: 161–162].

Иными словами, монокультурная экономика сталкивается с неизменным «потолком» доходов, поскольку рост объемов производства ведет к снижению цен на продукцию, сокращению прибыли, а также к спаду инвестиционной активности и оттоку капитала.

При этом для большинства африканских государств характерно монокультурное сельское хозяйство. Примерами таких стран могут служить Кения, которая является третьим по величине производителем чая в мире и первым в Африке[45], Кот-д'Ивуар, крупнейший в мире производитель какао-бобов[46], и Зимбабве, занимающая второе место в мире по производству табачного листа[47]. Примечательно, что ни одна из этих культур не является коренным растением Африки. Например, родина арахиса – Боливия [Lewis 2022], однако к моменту обретения независимости Сенегалом в 1960 г. его экономика уже была основана на монокультурном производстве арахиса. Как же возникли монокультурные экономики в Африке, и почему эта экономическая модель продолжает существовать в африканских странах, несмотря на все ее недостатки?

В 1820-х гг. мыловары Марселя (Франция), славившиеся своим белым или синим мылом с мраморным рисунком на основе оливкового масла, начали экспериментировать с альтернативными источниками жиров из-за сокращения производства оливкового масла во Франции и роста цен на него. Однако использование других масел придавало мылу желтоватый оттенок, что было допустимо для британского мыла, но совершенно неприемлемо для знаменитого марсельского. Вскоре выяснилось, что смешивание оливкового масла с маслом земляного ореха (арахисовым) не влияет на желаемый цвет. Это привело к поиску надежного источника дешевых земляных орехов [Tonolo 2026].

Согласно преданию, в 1840 г. один из местных вождей Ндакаару (так на языке волоф называется Дакар) услышал от французского купца: «Я дам вам все, что вы пожелаете привезти из Европы, в обмен на арахис». Так началась «арахисовая лихорадка» [Lewis 2022].

К моменту обретения Сенегалом независимости объем производства арахиса достиг 1 млн т. Эта культура занимала половину всех возделываемых земель, обеспечивая 75% совокупного дохода сельскохозяйственного сектора и 25% валового национального продукта страны. Кроме того, она поддерживала более 40% промышленного производства. Однако еще важнее то, что она обеспечивала занятость 90% трудоспособного населения, превратив Сенегал в классический пример

[45] Tea exports by country in 2025. *WITS*. https://wits.worldbank.org/trade/comtrade/en/country/ALL/year/2025/tradeflow/Exports/partner/WLD/product/0902 (accessed: 18.08.2026)

[46] Cocoa beans, whole or broken, raw or roasted exports by country in 2025. *WITS*. https://wits.worldbank.org/trade/comtrade/en/country/ALL/year/2025/tradeflow/Exports/partner/WLD/product/180100 (accessed: 18.08.2026)

[47] Tobacco, partly or wholly stemmed/stripped exports by country in 2024. *WITS*. https://wits.worldbank.org/trade/comtrade/en/country/ALL/year/2024/tradeflow/Exports/partner/WLD/product/240120 (accessed: 18.08.2026)

бывшей колонии, превратившейся в страну с монокультурной экономикой [Rempe 2009]. С тех пор ситуация существенно не изменилась: по состоянию на 2024 г. арахис остается основным экспортным товаром в категории сельскохозяйственной продукции[48].

Кукуруза считается одной из основных зерновых культур, выращиваемых примерно в 50% африканских стран, однако она не является аборигенным растением для этого континента. Ее родина – Америка. И хотя Африка не лидирует по объемам производства кукурузы, она зависит от этой культуры как от источника пищи сильнее, чем любой другой континент. Примечательно и то, что, если в мировом масштабе 90% урожая составляет желтая кукуруза, которая используется для технических нужд и в качестве корма для скота, то в Африке 90% всего объема производства приходится на белую кукурузу, предназначенную для питания людей[49]. Как же кукуруза утвердилась в Африке в качестве важнейшей продовольственной культуры?

В XIX в. на британском рынке промышленного крахмала и спирта зерно занимало около 80% переменных затрат производителей, которые использовали так называемые патентные кубы – аппараты непрерывного действия. Традиционно в производстве применялись ячмень, овес и рожь, но дистилляторы начали экспериментировать с новой культурой – кукурузой, которая была дешевле и содержала больше крахмала. Вскоре доля кукурузы в составе сусла, используемого британскими производителями, достигла 77%. Однако ко второй половине XIX в. все зерно, применяемое британскими производителями, было импортным. Это было обусловлено его более низкой ценой и стабильным качеством [Weir 1984].

На британских рынках белая кукуруза ценилась выше североамериканской желтой. Однако, поскольку эти виды кукурузы склонны к перекрестному опылению, для сохранения сортности урожая посевы необходимо было изолировать друг от друга. В связи с этим британская колониальная администрация начала активно контролировать цвет и сорта выращиваемой в своих колониях кукурузы. В 1911 г. секретарь Лондонской зерновой биржи направил фермерам-поселенцам указание, что для успешной конкуренции на европейском рынке им следует улучшить качество сортировки и обеспечить однородность продукции. В 1921 г. Родезийская ассоциация производителей семян кукурузы приняла резолюцию, в которой говорилось, что выращивание желтой кукурузы на этой территории представляет серьезную угрозу для всей отрасли кукурузоводства. В 1925 г. был принят Закон о кукурузе, который позволил фермерам в Южной Родезии выращивать в своих районах только один вид кукурузы – белую зубовидную, в отличие от кремнистой и сортов другого цвета [McCann 2005].

Поселенцы платили африканским работникам пайками белой кукурузы, что быстро привело к отказу от выращивания традиционных местных культур, таких как сорго, просо и корнеплоды. Со временем кукуруза стала очень популярной, так как она обеспечивала продовольствием и сырьем для местного пива большое количество людей. Стремясь сохранить государственный контроль и власть над продовольственными ресурсами, колониальные власти приняли соответствующие законы. Например, в Кении в 1935 г. было принято Постановление о сбыте продукции, выращенной коренным населением (*Marketing of Native Produce Ordinance*), которое

[48] Senegal Vegetable Products Export. *OEC*. 2024. https://oec.world/en/profile/country/sen (accessed: 18.07.2026)

[49] Maize in Africa. *IPBO*. 2017. https://ipbo.sites.vib.be/sites/ipbo.sites.vib.be/files/2021-01/Maize%20in%20Africa.pdf (accessed: 10.09.2026)

регулировало и контролировало рынок сельскохозяйственной продукции, производимой африканцами [Smale, Jayne 2003].

Примеры с арахисом и кукурузой подтверждают тот факт, что формирование в Африке экономик, основанных на монокультурах, и ставка на выращивание основных продовольственных культур были целенаправленными мерами, призванными обеспечить интересы экономик «Глобального Севера», а не самой Африки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уникальные особенности африканских почв требуют использования специализированной техники и методов ведения сельского хозяйства, адаптированных к местным условиям. Крупные аграрии, владеющие большей частью сельскохозяйственных угодий Африки, вносят недостаточный вклад в налоговые поступления. В связи с этим необходимо разработать и внедрить законодательные меры, которые позволили бы правительствам контролировать структуру выращиваемых культур, а также то, кто и для кого производит продукцию. Однако еще важнее провести реформу налоговых систем. Колониальное прошлое способствовало формированию в Африке экономики, ориентированной на монокультуры, что привело к предвзятому отношению к традиционным местным продуктам питания и недостаточному вниманию к их селекционному улучшению. Это усугубляет проблему продовольственной незащищенности региона как в экономическом, так и в экологическом плане, поскольку ведет к деградации почв.

Тем не менее, Африка обладает огромным потенциалом для достижения продовольственной безопасности. Чтобы реализовать этот потенциал, странам необходимо разработать эффективную аграрную политику, которая обеспечит население полноценным питанием и позволит получать экономические выгоды от продуктов местного производства. Подобные меры должны разрабатываться профильными государственными ведомствами в тесном сотрудничестве с научным сообществом, фермерскими объединениями и другими заинтересованными сторонами. При этом они должны учитывать уникальные особенности каждой африканской страны, опираясь на опыт других государств.

БИБЛИОГРАФИЯ

Adler G., Meleshchuk S., Buitron C.O. Global value chains and external adjustment: Do exchange rates still matter? *Economic Modelling.* 2023. Vol. 118. 106085. http://doi.org/10.1016/j.econmod.2022.106073

Bian M., Zhou M., Sun D., Li C. (2013). Molecular approaches unravel the mechanism of acid soil tolerance in plants. *The Crop Journal.* 2013. Vol. 1. № 2. Pp. 91–103. https://doi.org/10.1016/j.cj.2013.08.002

Cagley J.H., Gugerty M.K. *Political economy of fertilizer policy in Sub-Saharan Africa: Executive summary.* Evans School Policy Analysis and Research (EPAR). Seattle: University of Washington, 2009.

Chen L., Yang L., Guo P., Jiang H., Tang N. Aluminium toxicity and fruit nutrition. In: Srivastava A.K., Hu C. (Eds.). *Fruit Crops. Diagnosis and Management of Nutrient Constraints.* Amsterdam: Elsevier, 2020. Pp. 223–240. https://doi.org/10.1016/B978-0-12-818732-6.00017-4

Danjuma M.N., Mohammed S. Zai pits system: A catalyst for restoration in the dry lands. *IOSR Journal of Agriculture and Veterinary Science*. 2015. Vol. 8. № 2. Pp. 1–4. https://doi.org/10.9790/2380-08210104

Esilaba A.O., Opala P.A., Nyongesa D., Muindi E.M., Gikonyo E., Kathuku-Gitonga A.N., Kamau D.M., Kamau M., Kisinyo P. O., Wendt J., Mutegi J., Mbakaya D., Adolwa I., Nyambura M., Mangale N., Maina F.W., Gudu S.O., Wanyama J.M., Biko B. *Soil Acidity and Liming Handbook for Kenya.* Nairobi: Gatsby Africa and Kenya Agricultural and Livestock Research Organization, 2023.

Gockel R., Stokes-Prindle C., Gugerty M.K. *Political economy of fertilizer policy in Senegal.* EPAR Research Brief № 80. Seattle: Evans School Policy Analysis and Research, University of Washington, 2009.

Inada K. Development in monocultural economies. *International Economic Review.* 1971. Vol. 12. № 2. Pp. 161–185.

Kidson M.V., Grobler S.M., Pule H.T. Utilization and improvement of marginal soils through large stock grazing in semi-arid summer rainfall areas in South Africa. In: Nciizah A.D., Roopnarain A., Ndaba B., Malobane M.E. (Eds.). *The Marginal Soils of Africa. Rethinking Uses, Management and Reclamation.* Cham: Springer, 2024. Pp. 3–26. https://doi.org/10.1007/978-3-031-55185-7_1

Lewis J. *Slaves for peanuts: A story of conquest, liberation, and a crop that changed history*. New York: The New Press, 2022.

McCann J.C. *Maize and grace: Africa's encounter with a New World crop, 1500–2000*. Cambridge: Harvard University Press, 2005.

Odjo S., Traoré F., Zaki C. (Eds.). Africa Agriculture Trade Monitor 2025. Kigali: AKADEMIYA2063, Washington, DC: International Food Policy Research Institute, 2025. https://doi.org/10.54067/9798991636919

Reardon T., Tschirley D., Liverpool-Tasie L.S.O., Awokuse T., Fanzo J., Minten B., Vos R., Dolislager M., Sauer C.M., Dhar R., Vargas C., Lartey A., Raza A., Popkin B.M. The processed food revolution in African food systems and the double burden of malnutrition. *Global Food Security*. 2021. Vol. 28. 100466. https://doi.org/10.1016/j.gfs.2020.100466

Rempe M. (2009). Airy promises: Senegal and the EEC's Common Agricultural Policy in the 1960s. In: Patel K.K. (Ed.). *Fertile Ground for Europe? The History of European Integration and the Common Agricultural Policy since 1945*. Baden-Baden: Nomos, 2009. Pp. 221–240.

Sanchez P.A. *Properties and management of soils in the tropics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Sharafi S., Mottaghi F., Omidvari F. Tracking agricultural transformation: Fertilizer efficiency and crop production trends worldwide (1961–2022). *Cleaner and Circular Bioeconomy*. 2025. Vol. 12. 100191. https://doi.org/10.1016/j.clcb.2025.100191

Smale M., Jayne T.S. *Maize in Eastern and Southern Africa: "Seeds" of success in retrospect*. EPTD Discussion Paper № 97. Washington: International Food Policy Research Institute, 2003.

Syagga P. M. Land ownership and use in Kenya: Policy prescriptions from an inequality perspective. In: Readings on inequality in Kenya: Sectoral dynamics and perspectives. Nairobi: Society for International Development – East Africa, 2006. Pp. 291–344.

Tonolo G. Global entanglements of palm oil and kernel extraction from French West Africa (c. 1840–1960). *Global Environment.* 2026. Vol. 19. № 1. Pp. 175–192. https://doi.org/10.3828/whpge.63881453971811

Vianney N.J.M., Apollonio C., Castelli G., Bresci E., Petroselli A., Sabir M., Hicintuka C., Preti F. Impact of Slow-Forming Terraces on Erosion Control and Landscape Restoration in Central Africa's Steep Slopes. Land. 2025. Vol. 14. № 7. 1419. https://doi.org/10.3390/land14071419

Weir R.B. Distilling and agriculture 1870–1939. *The Agricultural History Review.* 1984. Vol. 32. № 1. Pp. 49–62.

Zingore S., Mutegi J., Agesa B., Desta L.T., Kihara J. Soil degradation in sub-Saharan Africa and crop production options for soil rehabilitation. *Better Crops.* 2015. Vol. 99. № 1. Pp. 24–26.

Research article

STRUCTURAL DETERMINANTS OF FOOD INSECURITY IN AFRICA: SOILS, LAND TENURE, MONOCULTURES

© 2026 C.A. Amuhaya

AMUHAYA Claire Ayuma, PhD (Historical Sciences), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-4063-6049. E-mail: amukhaya-k@rudn.ru

Abstract. It is over sixty years since independence, yet Africa continues to experience persistent and, in many regions, worsening food insecurity. Existing scholarly literature often attributes this to issues such as climate change, high population, and conflict, but is this really the case? Drawing on historical, political economy, and comparative policy analysis, this article demonstrates that Africa's food issues are rooted in several interrelated factors: the distinctive characteristics of African soil; the political economy of fertilizer production and distribution; unequal patterns of land ownership and

land use inherited from colonial rule; and the historical setup of monoculture economies that displaced indigenous food systems. The article provides an analysis based on material from a number of African countries, including Burkina Faso, Burundi, Zimbabwe, Kenya, Côte d'Ivoire, Mali, Senegal, South Africa, Ethiopia and several others. It concludes that Africa needs specialized local technologies and not exogenous solutions to its soil degradation challenge, including fertilizer use; the land question still needs to be addressed, including through taxation that encourages land use and/or redistribution while generating income for the state; and, finally, African countries need to step away from monoculture agriculture economies that displaced indigenous food systems and prioritized external markets over domestic food security. Therefore, Africa needs significant internal policy structural adjustments to resolve its food security challenge.

Keywords: Africa**,** food, agriculture, soil, degradation, fertilizers, land, monoculture

Conflict of interest. The author declared that there is no conflict of interest.

For citation: Amuhaya C.A. (2026). Structural Determinants of Food Insecurity in Africa: Soils, Land Tenure, Monocultures. *Journal of the Institute of African Studies*. Vol. 12. № 3. Pp. 44–64. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-44-64

Научная статья

ЭКСТРЕННАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ АВТОНОМИЯ В ЛАГЕРЯХ БЕЖЕНЦЕВ И ЗОНАХ КОНФЛИКТОВ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

© 2026 Н.Г. Гаврилова

ГАВРИЛОВА Нина Германовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Центр изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-0176-7804. E-mail: Ninagavrilova1976@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена поиску практических решений для смягчения острого голода в лагерях беженцев и зонах конфликтов Африки южнее Сахары. Доставку гуманитарной помощи затрудняют недофинансирование и логистические сбои. Внедрение передовых аграрных технологий требует оборудования и специальных навыков, а развитие базовой инфраструктуры – значительных инвестиций и времени. Рассматривается возможность дополнить гуманитарную помощь «экстренной продовольственной автономией» – производством отдельных продуктов на месте силами местных сообществ с применением доступных низкотехнологичных решений. Отбор решений опирается на концепцию применимых технологий, предполагающую учет местных ресурсов и навыков населения. На основе данных Глобального доклада о продовольственных кризисах, материалов международных организаций и полевых исследований систематизированы три категории решений: разведение съедобных насекомых, выращивание быстрорастущей зелени и содержание мелких животных с коротким воспроизводственным циклом. Для оценки пищевого потенциала рассчитаны содержание белка и энергии в порции массой 10 г каждого продукта и ее доля в расчетных ориентирах для условного взрослого и детей разных возрастных групп. Сопоставление показывает, что отдельные добавки могут увеличить поступление белка и других питательных веществ. Для оценки их влияния на состояние питания и результаты лечения истощения необходимы полевые исследования. Выявлены ограничения внедрения: риск немедленного потребления животных и семян, предназначенных для производства, необходимость завоза стартовых материалов, обучения и координации с местными властями и гуманитарными организациями. Научная новизна состоит в рассмотрении разрозненных полевых примеров применительно к условиям острого голода и в сопоставимом расчете состава отдельных продуктов. Сделан вывод о возможности дополнять гуманитарную помощь местным производством с учетом особенностей каждого лагеря или района кризиса. Осуществимость решений требует отдельной проверки.

Ключевые слова: острый голод; Африка южнее Сахары; лагеря беженцев; низкотехнологичные решения; продовольственная автономия; энтомофагия; белково-микронутриентный дефицит; вооруженные конфликты

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гаврилова Н.Г. Экстренная продовольственная автономия в лагерях беженцев и зонах конфликтов Африки южнее Сахары. *Ученые записки Института Африки РАН.* 2026. Т. 12. № 3. С. 65–85. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-65-85

ВВЕДЕНИЕ

Острый голод остается серьезной гуманитарной проблемой в отдельных районах Африки южнее Сахары (АЮС). Рост числа вооруженных конфликтов, климатические аномалии и сбои в глобальных цепочках поставок привели к тому, что, по оценке Африканского центра стратегических исследований (учреждения Министерства обороны США), в 2023 г. на Африканском континенте 149 млн человек испытывали острую продовольственную необеспеченность[1]. Традиционная гуманитарная помощь, поставляемая через международные организации, сталкивается с хроническим недофинансированием и логистическими трудностями, а два рассматриваемых в статье подхода – «технологический оптимизм» и «инфраструктурный прагматизм» – в условиях отсутствия инфраструктуры зачастую неприменимы.

Цель настоящей работы – выявить и систематизировать низкотехнологичные решения, которые могут дополнять продовольственную помощь в лагерях беженцев и других зонах острого голода, а также рассчитать содержание белка и энергии в отдельных продуктах и их долю в выбранных суточных ориентирах.

Исследование основано на анализе статистических данных и разборе полевых примеров. Для оценки пищевого потенциала выбранных продуктов рассчитано содержание белка и энергии; полученные значения сопоставлены с принятыми суточными ориентирами. Информационной базой послужили данные Глобального доклада о продовольственных кризисах, отчеты Комплексной классификации стадий продовольственной безопасности (ККС), аналитика Африканского центра[2], УВКБ ООН[3], ВПП[4], ФАО[5], а также рецензируемые публикации по затронутой теме. Для количественной оценки использованы данные пищевой ценности Министерства сельского хозяйства США, ФАО и исследований состава продуктов. Расчеты по 10 г продукта выполнены при модельных ориентирах 50 г белка и 2100 ккал для взрослого и опубликованных ФАО показателях для детей 1–3, 4–6 и 7–9 лет. Основным ограничением признана невозможность единого универсального решения для всех типов очагов скопления голодающих людей, в связи с чем обозначены параметры для будущей типизации таких мест.

В статье последовательно раскрываются масштабы и локализация острого голода в АЮС, кризис гуманитарной системы, инфраструктурные ограничения, три категории экспресс-решений (насекомые, быстрая зелень, мелкие животные), их нутритивный вклад, риски и направления для дальнейших полевых исследований.

---

[1] Conflict Remains the Dominant Driver of Africa's Food Crisis. *Africa Center for Strategic Studies.* 16.10.2023. https://africacenter.org/spotlight/unresolved-conflicts-continue-to-drive-africas-food-crisis/ (accessed: 20.10.2026)

[2] Африканский центр стратегических исследований – учреждение Министерства обороны США, созданное и финансируемое Конгрессом США для изучения вопросов безопасности в Африке. См.: Who We Are. *Africa Center for Strategic Studies.* https://africacenter.org/who-we-are/ (accessed: 20.10.2026)

[3] УВКБ ООН (Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев) – агентство ООН, которое занимается защитой и помощью людям, вынужденным покинуть свой дом из-за конфликтов, преследований или насилия.

[4] Всемирная продовольственная программа (ВПП) – крупнейшая в мире гуманитарная организация системы ООН, оказывающая продовольственную помощь в условиях конфликтов и катастроф. Основана в 1961 г. См.: Who We Are; History. *World Food Programme.* https://wfp.org/who-we-are; https://wfp.org/history (accessed: 20.10.2026)

[5] ФАО – Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций – специализированное учреждение ООН, которое координирует международные усилия по борьбе с голодом, обеспечению продовольственной безопасности и развитию сельского, лесного и рыбного хозяйства.

Научная новизна заключается в систематизации ранее разрозненных полевых примеров низкотехнологичных решений применительно к условиям острого голода, расчетной оценке вклада 10 г отдельных продуктов в ориентиры по белку и энергии для условного взрослого и детей.

ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ В АФРИКЕ

В современной научной литературе, посвященной путям преодоления продовольственного кризиса в странах Африки южнее Сахары, рассматриваются, в частности, два направления, которые условно можно обозначить как «технологический оптимизм» и «инфраструктурный прагматизм». Каждый подход опирается на впечатляющий массив научных исследований, но при этом оба сталкиваются с неприменимостью в условиях вооруженных конфликтов и острого продовольственного кризиса.

В рамках «технологического оптимизма» обсуждается возможность пропустить промежуточные этапы технологического развития и сразу перейти к использованию новейших технологий в аграрном секторе – искусственному интеллекту, спутниковому картографированию, гидро- и аквапонике – в малых фермерских хозяйствах, являющихся основными производителями продовольствия на континенте. Авторы рассматривают уже существующие решения, которые позволяют преодолевать проблемы продовольственного сектора, минуя этап строительства стационарных телефонных линий и централизованных электросетей и переходя сразу к использованию технологий мобильной связи и солнечных панелей [Sütterlin 2021; Kabbiri et al. 2018; Amankwah-Amoah 2015], исключить этап интенсивного химического земледелия, присущего «зеленой революции», и начать устойчивое производство за счет использования датчиков интернета вещей, дронов и точного земледелия [Jellason, Robinson, Ogbaga 2021]. Исследователи этой группы видят потенциал увеличения производства продовольствия за счет использования технологий Четвертой промышленной революции, тем самым отвечая на вызовы растущей продовольственной необеспеченности. Российские исследователи также подчеркивают необходимость перехода к передовым цифровым технологиям, роботизированным системам, обработке больших данных для повышения эффективности агропромышленного комплекса (АПК) [Папцов 2022; Лобачевский, Алферов 2024].

Ученые, критикующие теорию «технологического оптимизма», настаивают на том, что технологические достижения не могут быть внедрены, если институциональная среда остается на доиндустриальном уровне (неопределенные права на землю, ограниченный доступ к электричеству) [Sandu, Mantea 2018], и в отсутствие фундаментальных социальных и физических институтов цифровизация может усилить неравенство, лишив мелких фермеров ожидаемого прогресса [Ayre et al. 2019]. Российские исследователи также уделяют внимание инфраструктурному фактору. Ученые подчеркивают, что развитие сельского хозяйства циклично, и его устойчивость в первую очередь опирается на состояние базовых институтов, игнорирование которых ведет к кризисам [Nikulin, Kuznetsov 2016].

Таким образом, исследователи, поддерживающие «инфраструктурный прагматизм», подчеркивают, что технологические достижения неэффективны для основных товаропроизводителей из-за высокой стоимости, недостаточной цифровой грамотности, неразвитой дорожной сети и систем хранения готовой продукции, и признают более устойчивым путем поэтапное укрепление основ [Абрамова, Дегтерев 2025; Новикова, Калиниченко 2023; Anosike, Liravi, Silas 2024].

Однако оба рассмотренных подхода сталкиваются с множеством ограничений применительно к зонам острого продовольственного кризиса. «Технологический оптимизм» требует, как минимум, начальных вложений и специфических навыков, инфраструктурный подход – длительного горизонта планирования и крупных инвестиций, что невозможно в тех зонах, где уже сложилась ситуация, характеризующаяся как «острый голод» [Mhlanga, Ndhlovu 2023].

Концепция применимых технологий восходит, в частности, к идеям немецко-британского экономиста Э. Шумахера (1911–1977 гг.) о промежуточных технологиях, изложенным в книге «Малое прекрасно» [Габарта, Дегтерев 2025: 100]. Шумахер обосновывал использование относительно простых и доступных способов производства с учетом местных ресурсов, навыков населения и возможностей обслуживания и ремонта оборудования на месте [Schumacher 1973]. При этом низкотехнологичность характеризует степень сложности решения, а применимость – его соответствие конкретным условиям использования.

В рамках концепции применимых технологий рассматриваются быстрые низкотехнологичные решения, которые могут дополнять гуманитарную помощь при ограниченной инфраструктуре. Организация производства отдельных продуктов на месте в лагерях беженцев и зонах конфликтов условно обозначается в статье как «экстренная продовольственная автономия».

Перед тем, как перейти к рассмотрению конкретных решений, целесообразно уточнить понятие «острого голода», его ключевые характеристики и дать оценку масштабов этого явления в африканских зонах продовольственных кризисов.

ПАРАМЕТРЫ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ КРИЗИСОВ

Научная и операционная база терминов, характеризующих голод, представлена, в частности, в ежегодных докладах «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире» и в материалах по оценке острых кризисов, различающих показатели «недоедание» и «острый голод»[6]. В показателе ФАО «недоедание» означает длительное недополучение энергии с пищей, а «острый голод» характеризует ситуацию, когда недостаток пищи создает непосредственную угрозу жизни или средствам существования. В качестве основного инструмента для его анализа ООН и другие организации используют ККС, которая учитывает кризисы в реальном времени на территориях, подверженных шокам. Методология ККС была разработана подразделением ФАО по анализу продовольственной безопасности в Сомали. Ее данные используются в Глобальном докладе о продовольственных кризисах, который подготавливается при участии ФАО, ВПП и Глобальной сети по борьбе с продовольственными кризисами[7]. Использование методики ККС и данных доклада позволяет проанализировать глубину продовольственного кризиса, отследить его динамику и определить конкретные причины голода. Этот показатель необходим для раннего реагирования на кризисные ситуации и быстрого оказания гуманитарной

[6] См.: Putting a Number on Hunger. The State of Food Security and Nutrition in the World 2023. *FAO*. 2023. https://fao.org/interactive/state-of-food-security-nutrition/2023/en/ (accessed: 28.09.2026); Frequently Asked Questions: Measuring Hunger, Food Security and Food Consumption. *FAO*. https://fao.org/measuring-hunger/access-to-dietary-energy/frequently-asked-questions/ (accessed: 28.09.2026)

[7] См.: IPC – 10 YEARS of Multi-partner Collaboration Towards Better Food Security Decisions and Country Impact. *Integrated Food Security Phase Classification*. 2014. https://ipcinfo.org/ipcinfo-website/featured-stories/news-details/en/c/1134406/ (accessed: 20.10.2026); 2026 Global Report on Food Crises: Joint analysis for better decisions. *FAO, WFP and GNAFC*. 2026. https://doi.org/10.71958/wfp131041 (accessed: 20.10.2026)

помощи. В соответствии с методикой выделяются пять стадий продовольственной безопасности (*табл.* 1).

Таблица 1. **Классификация состояний продовольственной системы**

Стадия	Статус безопасности	Стратегия выживания домохозяйства	Острое недоедание детей до 5 лет, %
1	Устойчивая	Потребление калорий близко к норме, без истощения активов, база для будущего восстановления сохранена	Менее 5
2	Напряженная	Питание на грани минимума, привлекаются заемные средства для покупки продовольствия	5,0–9,9
3	Кризисная	Дефицит еды, распродажа активов (инструменты, скот), подрывается способность самообеспечения	10,0–14,9
4	Чрезвычайная	Критический дефицит питания, полная потеря активов, нет возможности восстановить доход, зависимость от гуманитарной помощи	15,0–29,9
5	Катастрофическая	Полное истощение ресурсов, смерть от голода более 2 чел. на 10 тыс. населения в день, коллапс социальной системы	30 и более

Примечание. В таблице приведена распространенность острого недоедания среди детей до пяти лет, определяемая по Z-показателю соотношения массы тела и роста с учетом наличия двусторонних отеков. Стадию ККС определяют с учетом состояния питания детей, потребления пищи и способов преодоления ее нехватки.

Источник: составлено по методологии ККС. *Integrated Food Security Phase Classification. IPC Technical Manual*. Version 3.1. 2021. https://ipcinfo.org/fileadmin/user_upload/ipcinfo/manual/IPC_Technical_Manual_3_Final.pdf (accessed: 28.09.2026)

В текущем исследовании под острым голодом понимаются стадии 3–5, когда сложившаяся ситуация угрожает жизням людей и требует немедленного гуманитарного участия.

По данным Глобального доклада о продовольственных кризисах 2026 г., в 2025 г. в 47 охваченных им странах и территориях 266 млн человек находились в стадиях ККС 3–5 или сопоставимых категориях[8]. Данные обследований в Африке южнее Сахары представлены на *рис.* 1.

[8] 2026 Global Report on Food Crises: Joint analysis for better decisions. *FAO, WFP and GNAFC*. 2026. https://doi.org/10.71958/wfp131041 (accessed: 20.10.2026)

Рис. 1. **Острый голод в странах Африки южнее Сахары, охваченных анализом**
Примечание. Столбцы с числом людей (млн чел.) соотносятся с левой шкалой; линии с их долей (%) – с правой шкалой. Проценты рассчитаны от численности населения, охваченного анализом в соответствующей региональной группе в данном году. ККС 3+ обозначает стадии 3–5. Состав стран и территорий и охват анализа могут меняться по годам.
Источники: *Food Security Information Network. GRFC Database 2016–2023*. https://fsinplatform.org/grfc-database-2016-2023 (accessed: 28.09.2026); *Food Security Information Network. Global Report on Food Crises 2024*. 2024. https://fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC2024-full.pdf (accessed: 28.09.2026); *Food Security Information Network. Global Report on Food Crises 2025*. 2025. https://fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC2025-full.pdf (accessed: 28.09.2026); *FAO, WFP & GNAFC. 2026 Global Report on Food Crises: Joint analysis for better decisions. Rome, FAO & WFP, 2026.* https://doi.org/10.71958/wfp131041 (accessed: 20.10.2026)

Распределение продовольственной необеспеченности неравномерно, и концентрируется она в нескольких районах, где совпало несколько факторов развития кризиса (*табл*. 2).

Таблица 2. Отдельные очаги острого голода в Африке южнее Сахары

Страна / регион	Динамика ситуации	Численность затронутого населения	Основные причины
Судан	Стабильно высокий уровень голода	Сентябрь 2025 г.: стадия 5 – 375 тыс. чел.; Стадия 4 – 6,3 млн чел.; Стадия 3 – около 14,5 млн чел.[9]	Вооруженный конфликт, блокада городов, использование голода как оружия, разрушение ферм, перекрытие путей доставки помощи
Южный Судан	Рост голодающих на 280 тыс. чел. с сентября 2025 г.	Прогноз на апрель–июль 2026 г.: стадия 5 (Верхний Нил и Джонглей) – около	Локальные конфликты, наводнения, разрушенная инфраструктура,

[9] Sudan: Acute Food Insecurity Situation for September 2025 and Projections for October 2025–January 2026 and for February–May 2026. *Integrated Food Security Phase Classification*. 03.11.2025. https://ipcinfo.org/ipc-country-analysis/details-map/en/c/1159787/ (accessed: 20.10.2026)

Страна / регион	Динамика ситуации	Численность затронутого населения	Основные причины
		73 тыс. чел.; Стадия 4 – 2,5 млн чел.; Стадия 3 – 5,3 млн чел.[10]	экономический спад, возвращение беженцев из Судана
ДР Конго	Рост продовольственной необеспеченности в восточных провинциях (стадия 4). Прогнозируется ухудшение в 2026 г. до 26,6 млн с 6 новыми территориями (до стадии 4)	Сентябрь–декабрь 2025 г.: стадия 4 – 3,2 млн чел.; Стадия 3 – 21,5 млн чел.[11]	Затяжной конфликт на востоке, массовые перемещения, ослабление экономики, ограниченный доступ к сельхозресурсам и рынкам
Нигерия (северо-восточные штаты)	Хронический кризис продовольствия шестой год подряд	По анализу Гармонизированной системы на июль 2026 г.: стадия 4 – более 1,1 млн чел.; стадия 5 – 10,3 тыс. чел.; стадии 3–5 – около 6,4 млн чел.[12]	Джихадистское повстанчество, массовые перемещения, высокая инфляция, неурожаи из-за погодных условий
Эфиопия (лагеря беженцев)	Крайне негативная, сокращение продовольствия	Октябрь 2025 г.: около 780 тыс. беженцев в 27 лагерях; объем пайка – 40% стандартного[13]	Сокращение гуманитарного финансирования, приток беженцев из Судана и Южного Судана, засухи и наводнения
Уганда (лагеря беженцев)	Сохраняются локальные очаги стадии 4 и высокие показатели стадии 3	Прогноз на август 2025 г. – февраль 2026 г. для обследованных поселений и Кампалы: стадия 4 – 16 тыс. чел.; стадия 3 – 696 тыс. чел.; всего 712 тыс. чел.[14]	Сокращение гуманитарного финансирования, приток беженцев из ДРК и Южного Судана

Источник: составлено автором по данным ККС, ФАО и ВПП.

[10] South Sudan: Acute Food Insecurity Projection Update for April–July 2026. *Integrated Food Security Phase Classification*. 28.04.2026. https://ipcinfo.org/ipc-country-analysis/details-map/en/c/1163302/ (accessed: 20.10.2026)

[11] Democratic Republic of the Congo: Acute Food Insecurity Situation for September–December 2025 and Projection for January–June 2026. *Integrated Food Security Phase Classification*. 04.11.2025. https://ipcinfo.org/ipc-country-analysis/details-map/en/c/1159775/ (accessed: 20.10.2026)

[12] Escalating Food Crisis Leaves 6.4m People Food Insecure in Northeast Nigeria. *FAO*. 06.07.2026. https://fao.org/nigeria/news/detail/escalating-food-crisis-leaves-6.4m-people-food-insecure-in-northeast-nigeria/en (accessed: 28.09.2026)

[13] Refugees in Ethiopia face rising hunger as WFP forced to reduced rations. *World Food Programme*. 10.10.2025. https://wfp.org/news/refugees-ethiopia-face-rising-hunger-wfp-forced-reduced-rations (accessed: 20.10.2026)

[14] Uganda Refugees: Acute Food Insecurity Situation April–July 2025 and Projection for August 2025–February 2026. *Integrated Food Security Phase Classification*. 16.09.2025. https://ipcinfo.org/ipc-country-analysis/details-map/en/c/1159717/ (accessed: 20.10.2026)

По сообщениям ВПП, прогноз на июнь–август 2026 г. указывал на высокий риск дальнейшего ухудшения в Западной и Центральной Африке: острый голод может затронуть до 55 млн человек, а недоедание в 2026 г. – более 13 млн детей[15]. В Судане на июнь–сентябрь 2026 г. был выявлен риск голода в 14 районах Северного и Южного Дарфура и Южного Кордофана при неблагоприятном развитии ситуации[16]. В Южном Судане число остро нуждающихся в пище в апреле–июле 2026 г. оценивалось в 7,8 млн человек (более половины населения, охваченного анализом)[17].

В рассматриваемых районах вооруженные конфликты являются одной из главных причин острого голода [Денисова, Костелянец 2023]. В Судане именно военные действия и связанные с ними блокады городов привели к официально подтвержденному голоду в Эль-Фашере и Кадугли[18]. В Нигерии действия радикальной организации «Боко Харам»[19] [Денисова, Костелянец 2024] парализуют сельское хозяйство на северо-востоке страны, а в ДРК насилие на востоке привело к росту числа людей, оказавшихся в чрезвычайной стадии[20].

Однако конфликты редко приводят к катастрофам в одиночку. Им сопутствуют кризисы природного и экономического характера. В Южном Судане к локальным столкновениям добавились наводнения, затронувшие сотни тысяч человек, и резкий экономический спад, усугубленный массовым возвращением беженцев [Денисова, Костелянец 2022]. В лагерях беженцев Эфиопии и Уганды положение усугубило резкое сокращение гуманитарного финансирования.

Таким образом, очаги острого голода в Африке формируются в результате сочетания нескольких причин, включающих вооруженное насилие, экономические кризисы и климатические катаклизмы, приводящие к разрушению продовольственных систем и подрывающие возможности выживания [Морозенская, Гаврилова, Калиниченко 2024]. В таких условиях стандартные модели гуманитарного реагирования оказываются недостаточными или просто невозможными.

По оценке Африканского центра за 2025 г., 130 млн человек (78% от числа испытывавших острую продовольственную необеспеченность в Африке) проживают именно в странах, охваченных конфликтами[21]. Согласно Глобальному докладу о продовольственных кризисах, в 2025 г. в охваченных им странах и территориях по всему миру насчитывалось более 85 млн вынужденно перемещенных лиц, включая

[15] Humanitarian aid cuts push millions deeper into hunger amid rising violence and population displacement in West and Central Africa. *World Food Programme*. 16.01.2026. https://wfp.org/news/humanitarian-aid-cuts-push-millions-deeper-hunger-amid-rising-violence-and-population (accessed: 28.09.2026)

[16] Sudan: Acute Food Insecurity Situation for February–May 2026 and Projections for June–September 2026 and for October 2026–January 2027. *Integrated Food Security Phase Classification*. 14.05.2026. https://ipcinfo.org/ipc-country-analysis/details-map/en/c/1163315/ (accessed: 20.10.2026)

[17] South Sudan: Acute Food Insecurity Projection Update for April–July 2026. *Integrated Food Security Phase Classification*. 28.04.2026. https://ipcinfo.org/ipc-country-analysis/details-map/en/c/1163302/ (accessed: 20.10.2026)

[18] Sudan: Acute Food Insecurity Situation for September 2025 and Projections for October 2025–January 2026 and for February–May 2026. *Integrated Food Security Phase Classification.* 03.11.2025. https://ipcinfo.org/ipc-country-analysis/details-map/en/c/1159787/ (accessed: 28.09.2026)

[19] Здесь и далее: «Боко харам» – организация запрещена в России по решению Верховного суда Российской Федерации.

[20] WFP, FAO call for urgent action as hunger deepens in DRC. *World Food Programme; Food and Agriculture Organization of the United Nations.* 29.10.2025. https://wfp.org/news/wfp-fao-call-urgent-action-hunger-deepens-drc (accessed: 20.10.2026)

[21] Africa's Unresolved Conflicts Drive Acute Food Insecurity. *Africa Center for Strategic Studies.* 02.12.2025. https://africacenter.org/spotlight/conflicts-drive-food-insecurity/ (accessed: 28.09.2026)

беженцев и внутренне перемещенных лиц (ВПЛ)[22]. В частности, Уганда сталкивается с одним из самых значительных кризисов беженцев в мире, приняв на свою территорию более 1,9 млн человек[23]. Продолжающиеся конфликты и природные катастрофы приводят к дальнейшему притоку людей в лагеря и поселения. В ряде из них острое и хроническое недоедание сочетается с высокой зависимостью от внешней гуманитарной помощи. Ее предоставляют и координируют несколько международных организаций (*табл.* 3).

Таблица 3. **Основные акторы гуманитарного реагирования в Африке**

Название	Назначение (в сфере продбезопасности)	Охват и примеры работы (с указанием периода)	Проблемы организации
ВПП	Предоставление чрезвычайной продовольственной помощи и логистика	В Судане в октябре 2025 г. – около 4 млн чел. ежемесячно[24]; в Эфиопии в том же месяце – 780 тыс. беженцев в 27 лагерях[25]	Дефицит бюджета, невыполнение планов по оказанию помощи, сокращение рационов
УВКБ ООН	Мониторинг перемещений, регистрация беженцев, распределение базовых товаров, координация защиты	В 2024 г. организация помогла 36,4 млн чел.; по оценке июля 2025 г., около 11,6 млн могли лишиться прямой помощи[26]	Итоговый бюджет 2025 г. – $10,6 млрд при доступном финансировании около $3,9 млрд[27]
Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)	Мониторинг питания детей, лечение тяжелого острого истощения, поддержка служб здравоохранения в лагерях	В августе 2025 г. объявлена программа поставок лечебного питания примерно для 1 млн детей в 13 странах мира[28]	Задержки поставок терапевтического питания из-за сокращения финансирования

[22] 2026 Global Report on Food Crises: Joint analysis for better decisions. *FAO, WFP and GNAFC*. 2026. https://doi.org/10.71958/wfp131041 (accessed: 20.10.2026)
[23] Uganda Refugees: Acute Food Insecurity Situation April–July 2025 and Projection for August 2025–February 2026. *Integrated Food Security Phase Classification.* 16.09.2025. https://ipcinfo.org/ipc-country-analysis/details-map/en/c/1159717/ (accessed: 28.09.2026)
[24] WFP warns that six critical operations are facing significant food aid pipeline breaks by year-end. *World Food Programme*. 15.10.2025. https://wfp.org/news/wfp-warns-six-critical-operations-are-facing-significant-food-aid-pipeline-breaks-year-end (accessed: 20.10.2026)
[25] Refugees in Ethiopia face rising hunger as WFP forced to reduced rations. *World Food Programme*. 10.10.2025. https://wfp.org/news/refugees-ethiopia-face-rising-hunger-wfp-forced-reduced-rations (accessed: 20.10.2026)
[26] On the Brink: The Devastating Toll of Aid Cuts on People Forced to Flee. *The UN Refugee Agency*. 2025. https://unhcr.org/sites/default/files/2025-07/unhcr-on-the-brink-report-july-2025.pdf (accessed: 28.09.2026)
[27] Global Report 2025. *UNHCR*. 2026. https://unhcr.org/publications/global-report-2025 (accessed: 20.10.2026)
[28] Statement from UNICEF USA President and CEO, Michael J. Nyenhuis, on U.S. Department of State $93 million grant for Ready-to-Use Therapeutic Food. *UNICEF USA*. 11.08.2025. https://unicefusa.org/press/statement-unicef-usa-president-and-ceo-michael-j-nyenhuis-us-department-state-93-million (accessed: 20.10.2026)

Название	Назначение (в сфере продбезопасности)	Охват и примеры работы (с указанием периода)	Проблемы организации
«Врачи без границ»	Экстренная медицинская помощь, лечение критических форм истощения у детей в зонах конфликтов	В 2025 г. организация «Врачи без границ» оказывала медицинскую помощь в лагере Куле (Эфиопия); из-за дефицита средств в четырех из семи лагерей региона прекратились услуги по лечению недоедания[29]	В 2025 г. в лечебном центре организации «Врачи без границ» в Куле число обращений детей выросло на 55% по сравнению с 2024 г.
ФАО	Глобальный мониторинг рисков с помощью системы информации и раннего предупреждения ФАО, оценка рынков, программы восстановления сельского хозяйства	В поселении Калобейеи (Кения) в 2024 г. более 3200 домохозяйств участвовали в птицеводческих инициативах[30]	Снижение добровольных взносов; недофинансирование программ
Сеть систем раннего предупреждения о голоде	Аналитика для прогнозирования стадий ККС и независимые рекомендации для доноров	Сеть публикует данные и прогнозы более чем по 30 странам[31]	После временной приостановки в начале 2025 г. платформа данных возобновила работу в августе 2025 г.[32]
Международный комитет Красного Креста (МККК)	Продовольственная и денежная помощь, поддержка восстановления производства продовольствия в районах конфликтов	Судан: 44 610 ВПЛ получили денежную помощь на питание в январе–июне 2025 г.[33]	Боевые действия затрудняют доступ к нуждающимся

Источник: составлено автором по публикациям указанных организаций (см. сноски к строкам).

Совместная работа международных гуманитарных организаций обеспечивала не только доставку продовольствия, но и мониторинг, прогнозирование и координацию действий. Однако в условиях нарастающего дефицита финансирования эта система оказалась неспособной полностью справиться с возложенными на нее задачами.

[29] Aid cuts threaten refugee lives in Ethiopia's Gambella region. *Médecins sans frontières*. 06.08.2025. https://msf.org/aid-cuts-threaten-refugee-lives-gambella-ethiopia (accessed: 28.09.2026)

[30] Poultry production and marketing for Kalobeyei refugees. *FAO*. 05.07.2024. https://fao.org/kenya/news/newsdetails/Poultry-production-and-marketing-for-Kalobeyei-refugees-/en (accessed: 28.09.2026)

[31] Button H. Launch of enhanced FEWS NET website marks new era of food security data sharing. *Famine Early Warning Systems Network*. 04.04.2023. https://fews.net/blog/2023-04-04/launch-enhanced-fews-net-website-marks-new-era-food-security-data-sharing (accessed: 28.09.2026)

[32] August 2025: Back Online and Ready to Explore. *FEWS NET*. https://help.fews.net/fde/v3/august-2025-back-online-and-ready-to-explore (accessed: 28.09.2026)

[33] Sudan: January to June 2025 Facts & Figures. *International Committee of the Red Cross*. 25.08.2025. https://icrc.org/en/article/sudan-facts-and-figures-january-june-2025 (accessed: 28.09.2026)

КРИЗИС ГУМАНИТАРНОЙ СИСТЕМЫ И НЕОБХОДИМОСТЬ ЛОКАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

Основными донорами продовольственных программ ООН в Африке выступали США (через Агентство США по международному развитию[34]) и страны Западной Европы. По оценке ВПП от октября 2025 г., ожидаемый объем ее финансирования в 2025 г. был на 40% ниже уровня 2024 г.[35] ВПП предупреждала о риске сокращения и приостановки помощи в ряде стран Западной и Центральной Африки[36]. Согласно аналитическому отчету Управления ООН по координации гуманитарных вопросов о пересмотре приоритетов гуманитарной помощи на 2025 г.[37], глобальное падение финансирования привело к стратегии «гиперприоритезации» – сосредоточению ограниченных ресурсов на помощи людям в наиболее тяжелом положении при сокращении общего охвата поддержки.

Сокращение норм выдачи питания уже привело к катастрофическим последствиям. По данным отчета ВПП «Спасательный круг под угрозой», глобальное падение донорского финансирования угрожает перемещением до 13,7 млн человек из стадии кризиса (ККС 3) в стадию чрезвычайной ситуации (ККС 4), которая является предпоследней ступенью к голоду[38]. Так, в Мали в общинах, которые стали получать сокращенные пайки, уровень острого голода вырос на 64% по сравнению с 2023 г., а в общинах с полноценным рационом он сократился на 34%[39]. В ДР Конго, по сообщению ВПП от 15 октября 2025 г., из 2,3 млн человек в стадии ККС 4, которых планировалось охватить помощью, поддержку получили лишь 1 млн; ее охват предполагалось сократить до 600 тыс. человек[40]. Это может привести к разрастанию зон нестабильности и ухудшению положения тех многомиллионных слоев населения, которые лишились поддержки.

Помимо недоедания, сокращение продовольственной помощи имеет долгосрочные социальные последствия. В том же докладе ВПП отмечается, что ее сокращение и прекращение влечет за собой череду негативных эффектов. Беженцы, особенно девушки и женщины, вынуждены прибегать к «негативным стратегиям выживания» – опасной работе, включая секс-услуги, ранним бракам, вовлечению в детский труд, – за возможность получить еду и деньги. Разлучение семей, увеличение детского труда,

---

[34] В июле 2025 г. часть функций и программ агентства перешла Государственному департаменту США. См.: Evaluation of Department of State Administration of Foreign Assistance Programs Transferred from the U.S. Agency for International Development. AUD-FA-26-17. *U.S. Department of State, Office of Inspector General*. July 2026. https://stateoig.gov/report/aud-fa-26-17 (accessed: 20.10.2026)

[35] From Afghanistan to South Sudan: shrinking aid, spiking hunger. *World Food Programme*. 15.10.2025. https://wfp.org/stories/afghanistan-south-sudan-shrinking-aid-spiking-hunger (accessed: 20.10.2026)

[36] Humanitarian aid cuts push millions deeper into hunger amid rising violence and population displacement in West and Central Africa. *World Food Programme*. 16.01.2026. https://wfp.org/news/humanitarian-aid-cuts-push-millions-deeper-hunger-amid-rising-violence-and-population (accessed: 20.10.2026)

[37] A hyper-prioritized Global Humanitarian Overview 2025: the cruel math of aid cuts. *United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs*. June 2025. https://humanitarianaction.info/document/hyper-prioritized-global-humanitarian-overview-2025-cruel-math-aid-cuts (accessed: 20.10.2026)

[38] A lifeline at risk: Food assistance at a breaking point. *World Food Programme*. 2025. https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000168974/download/ (accessed: 20.10.2026)

[39] Humanitarian aid cuts push millions deeper into hunger amid rising violence and population displacement in West and Central Africa. *World Food Programme*. 16.01.2026. https://wfp.org/news/humanitarian-aid-cuts-push-millions-deeper-hunger-amid-rising-violence-and-population (accessed: 20.10.2026)

[40] Funding cuts: six critical WFP operations at risk. *World Food Programme*. 15.10.2025. https://wfp.org/stories/funding-cuts-six-critical-wfp-operations-risk (accessed: 20.10.2026)

отток учащихся из школ, рост насилия – прямые результаты снижения поддержки уязвимых слоев населения.

Можно выделить три ключевых аспекта, характеризующих проблемы продовольственной обеспеченности среди уязвимых слоев населения:

1. Недостаточность калорий и монодиета. В октябре 2025 г. ВПП сократила помощь беженцам в 27 лагерях Эфиопии до 40% стандартного пайка – менее 1000 ккал в сутки на человека[41]. Помимо этого, часть нуждающихся питается раз в день преимущественно крупами (кукурузой или сорго) без достаточного количества белковых продуктов и овощей. Так, в кенийском лагере Какума в июне 2025 г. на одного человека в месяц выдавали 3 кг риса, 1 кг чечевицы и 500 мл растительного масла[42]. Качество питания из такого набора продуктов крайне низкое. Исследования в отдельных лагерях беженцев и ВПЛ показали высокую распространенность анемии и истощения среди детей. Так, в эфиопском лагере Кебрибейя по обследованию марта 2010 г. анемия была выявлена у 52,4% детей, в кенийском лагере Какума (2009–2010 гг.) – у 55–60%, в лагерях ВПЛ Уганды (2005–2007 гг.) – у 69–72% [Gooding et al. 2024]. Белковое голодание имеет тяжелые последствия особенно у детей – необратимые задержки физического и когнитивного развития.

2. Истощение беременных и кормящих женщин, а также детей до 5 лет. Согласно обзору исследований 2024 г., доля детей-беженцев с острым недоеданием (истощением) в отдельных исследованиях достигала 29,3%, а с хроническим недоеданием (задержкой роста) составляла 18,8–52,1% [Gooding et al. 2024]. В лагере Нгуеньйиэль в Гамбелле (Эфиопия) среди обследованных в июне–августе 2021 г. детей до 5 лет у 92 выявили недостаточную массу тела [Benoni et al. 2022]. По сообщению ВПП от мая 2025 г., распространенность острого недоедания среди детей-беженцев, а также беременных и кормящих женщин в Кении превысила 13%; ВПП расценивает показатель выше 10% как чрезвычайную ситуацию в области питания[43].

3. Неэффективность распределения продовольственных ресурсов. Исследование трех лагерей беженцев на юге Чада в 2024 г. показало, что между раздачами помощи суточное потребление калорий в домохозяйствах в среднем сокращалось на 1,1–1,5% за день. К концу цикла это усиливало нехватку пищи [Aubery, Buisson 2024].

Выявленная институциональная хрупкость и несовершенство глобальной гуманитарной системы еще раз показывают необходимость разработок локальных продовольственных решений, которые могут снизить зависимость от колебаний донорского финансирования или политической воли некоторых стран. В связи с этим важное значение приобретает внедрение экспресс-методов обеспечения продовольственной автономии непосредственно в местах скопления людей, оказавшихся в бедственном положении. Такие решения – простые, малозатратные и низкотехнологичные – могут расширить доступ к отдельным продуктам питания силами местных сообществ в дополнение к гуманитарной помощи.

[41] Refugees in Ethiopia face rising hunger as WFP forced to reduced rations. *World Food Programme*. 10.10.2025. https://wfp.org/news/refugees-ethiopia-face-rising-hunger-wfp-forced-reduced-rations (accessed: 20.10.2026)

[42] Musambi E. Food rations are halved in one of Africa's largest refugee camps after US aid cuts. *Associated Press*. 20.06.2025. https://apnews.com/article/8fc82dcca596ba5ef17434b0208d6b04 (accessed: 20.10.2026)

[43] Refugees in Kenya at risk of worsening hunger as WFP faces critical funding shortfall. *World Food Programme*. 22.05.2025. https://wfp.org/news/refugees-kenya-risk-worsening-hunger-wfp-faces-critical-funding-shortfall (accessed: 20.10.2026)

УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ БЫСТРЫХ РЕШЕНИЙ

В лагерях беженцев и ВПЛ, затронутых продовольственным кризисом, физическая и институциональная инфраструктура может быть недостаточно развита или нарушена. С подобными трудностями сталкиваются и местные жители районов конфликтов или стихийных бедствий. Эти обстоятельства осложняют реализацию высокотехнологичных и капиталоемких проектов. Рассмотрим основные ограничения.

1. Ограниченность физической инфраструктуры. Стандартные подходы к развитию продовольственной базы, как правило, опираются на существующую или планируемую инфраструктуру – дороги, склады, надежное электроснабжение. В отдельных лагерях жилье представлено простыми укрытиями – палатками, самодельными конструкциями из веток, травы, пластиковых пакетов – без подключения к электросетям. В труднодоступных районах Южного Судана из-за затопленных дорог доставлять продовольствие приходится по воздуху[44]. Это делает подвоз продовольствия и материалов крайне сложным, а иногда невозможным. При слаборазвитой дорожной сети дополнительные трудности возникают в сезон дождей, когда дороги размываются, мосты разрушаются, и целые районы становятся отрезанными от внешнего мира. Гуманитарные организации сталкиваются с этими препятствиями, что приводит к критическим задержкам в доставке помощи.

2. Отсутствие или ограниченность доступа к электроэнергии. По глобальной оценке, опубликованной в 2022 г., около 94% перемещенных лиц, живущих в лагерях, не имеют доступа к электроэнергии. Гуманитарные программы чаще сосредоточены на поставках еды и воды, рассматривая электричество как второстепенную задачу. Даже в таком известном «городе» для беженцев, как Какума в Кении, существующем с 1992 г., подключения к электроэнергии остаются нестабильными [Rosenberg-Jansen, Al-Kaddo 2022]. В этих условиях большинство беженцев полагается на дрова, древесный уголь, керосин и мелкие солнечные лампы.

3. Ограниченность аграрных навыков и возможностей. Даже если в прошлом перемещенные лица имели опыт ведения сельского хозяйства, то его эффективное применение в лагере сталкивается со множеством трудностей. Это – ограниченность земли, пригодной для выращивания растений. Там, где земля имеется, у людей может не быть доступа к инструментам и семенам.

Представленные три барьера осложняют применение стандартных решений.

ЭКСТРЕННАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ АВТОНОМИЯ

Дополнить доставку продовольствия могут решения с коротким производственным циклом, не требующие крупных капитальных вложений и сложных специальных навыков. Их отбор должен учитывать местные природные условия.

Прежде чем перейти к описанию отдельных решений, важно подчеркнуть: отдельные описанные ниже практики уже применяются в разных условиях Африки. Масштаб их внедрения в лагерях и кризисных зонах остается ограниченным. Рассмотрим самые популярные примеры подобных проектов.

1. Разведение насекомых для питания людей (энтомофагия) и кормления птицы; употребление отдельных видов в пищу издавна распространено в странах Африки [van Huis et al. 2013]. В числе рассматриваемых видов – мучной хрущак, домовый

[44] Tah H. The backstory: WFP's airdrops offer a food lifeline in hunger-hit South Sudan. *World Food Programme*. 25.02.2026. https://wfp.org/stories/backstory-wfps-airdrops-offer-food-lifeline-hunger-hit-south-sudan (accessed: 20.10.2026)

сверчок и личинки черной львинки. Их выращивание не требует пастбищ и больших площадей, а потребность в воде, помещении и подходящем кормовом субстрате зависит от вида и условий. Цикл выращивания короткий – от 7 до 40 дней. Мучной хрущак и сверчки могут употребляться в пищу целиком или в виде порошка, а личинок черной львинки используют как корм для птицы. Мучной хрущак и сверчки могут дополнять рацион белком и энергией при условии безопасного выращивания и приготовления. В 2022–2026 гг. Международный центр физиологии и экологии насекомых[45] и Копенгагенский университет реализуют в поселении беженцев Кьяка II (Уганда) проект по выращиванию беженцами насекомых для питания людей и кормления животных при поддержке фонда «Ново Нордиск». Проект сочетает практические мероприятия и исследование, цель которого – оценить влияние школьных блюд с добавлением личинок мучного хрущака на состояние питания и здоровье детей 6–9 лет. Личинок черной львинки выращивают на корм животным[46].

2. Выращивание быстрорастущих овощных культур и зелени, включая микрозелень, простейшие гидропонные установки и контейнерное огородничество (мешочные сады), позволяет получать продукцию, которая может дополнять рацион отдельными микроэлементами и витаминами. Высокое содержание витамина С в свежей зелени улучшает усвоение растительного железа. При этом есть много преимуществ перед стандартным выращиванием культур: микрозелень может быть выращена за 5–7 дней, гидропонные установки при определенных условиях могут сокращать расход воды по сравнению с выращиванием в грунте, мешочные сады не требуют плодородной земли и позволяют осваивать вертикальное пространство на каменистых или загрязненных грунтах. Кроме того, такие культуры, как вигна и оранжевый батат, отличаются засухоустойчивостью и способностью восстанавливать истощенные земли, а батат дает «двойной» урожай (съедобные листья и калорийные клубни) всего за 70–90 дней. Гидропонные установки применяли в поселениях беженцев Уганды для выращивания овощей (по публикации ВПП 2022 г.)[47].

3. Мелкие животные с быстрым репродуктивным циклом – куры, кролики, морские свинки, камышовые крысы, улитки – способны быстро «перерабатывать» дешевые локальные корма (пищевые отходы и насекомых) в полноценный животный белок. Эти животные не требуют больших пространств и специальных построек, а высокая плодовитость позволяет быстрее получать продукцию: одна крольчиха приносит 20–40 крольчат в год, улитки и морские свинки размножаются круглогодично, а куры начинают нестись с 4–5 месяцев. Продукты животного происхождения могут дополнять рацион белком и отдельными микронутриентами. Кроме того, улитки могут храниться живыми без холода, что очень важно в условиях отсутствия электричества. По сообщению ФАО от июля 2024 г., в поселении Калобейеи (Кения) птицеводством занимались более 3200 домохозяйств; аналогичная практика описана и для лагеря Какума (Кения)[48]; в публикации ФАО от декабря 2025 г. – для Кирьяндонго (Уганда)[49].

[45] Международный центр физиологии и экологии насекомых – научно-исследовательский институт.

[46] См.: Refugee Insect Production for Food and Feed. *INSEFF Programme, icipe*. https://inseff.icipe.org/inseff-projects/refugee-insect-production-for-food-and-feed/ (accessed: 20.10.2026); RefIPro: Refugee Insect Production for Food and Feed. *University of Copenhagen, Department of Nutrition, Exercise and Sports*. https://nexs.ku.dk/english/research/nutrition-health/sustainable-nutrition-and-health/refipro/ (accessed: 20.10.2026)

[47] WFP Innovation Accelerator. Hydroponic gardens support livelihoods in Uganda's refugee settlements. *Medium*. 08.09.2022. https://wfpinnovation.medium.com/hydroponic-gardens-support-livelihoods-in-ugandas-refugee-settlements-b8bde374bc5a (accessed: 20.10.2026)

[48] Poultry production and marketing for Kalobeyei refugees. *FAO*. 05.07.2024. https://fao.org/kenya/news/newsdetails/Poultry-production-and-marketing-for-Kalobeyei-refugees-/en (accessed: 20.10.2026)

Для количественной оценки рассчитаны содержание белка и энергии в 10 г каждого продукта и их доли в расчетных ориентирах для взрослых (*табл.* 4) и детей (*табл.* 5). Для таблицы 4 использованы 50 г белка в сутки для условного взрослого массой около 60 кг (0,83 г/кг[50]) и 2100 ккал – средний ориентир ВПП для общего продовольственного пайка на человека[51], не индивидуальная норма. Для таблицы 5 взяты показатели ФАО: 1–3 года – 14 г и 1022 ккал, 4–6 лет – 22,2 г и 1352 ккал, 7–9 лет – 25,2 г и 1698 ккал[52]; эти группы служат расчетными примерами. Значения на 10 г равны одной десятой показателей на 100 г съедобной части; процент – округленное значение из *табл.* 4, деленное на ориентир и умноженное на 100. Формы продуктов указаны в строках, а сопоставление порошков и влажных продуктов по одинаковой массе требует учета воды.

Таблица 4. **Вклад экспресс-решений (10 г продукта) в расчетный рацион условного взрослого (2100 ккал и 50 г белка)**

Продукт	Белок, г	Доля белка, %	Калорийность, ккал	Доля энергии, %	Микронутриентный вклад
Сверчки (порошок)	6,3	12,6	45,9	2,2	Железо, цинк
Мучной хрущак (заморож.)	1,4	2,8	13,6	0,6	Железо, цинк, витамины группы B
Кролик (тушеное мясо)[53]	3,1	6,2	18,5	0,9	B12
Яйцо (вареное)[54]	1,3	2,6	15,5	0,7	B12
Улитка (сырое мясо)[55]	1,8	3,6	10,7	0,5	
Микрозелень кайлана	0,3	0,6	2,5	0,1	Витамин C
Вигна (вареная)[56]	0,8	1,6	11,6	0,6	Железо

[49] Eggs of Hope: Refugees in Kiryandongo find stability and nutrition through FAO's poultry farming initiative. *FAO*. 01.12.2025. https://fao.org/uganda/news/detail/eggs-of-hope--refugees-in-kiryandongo-find-stability-and-nutrition-through-fao's-poultry-farming-initiative/en (accessed: 20.10.2026)

[50] Protein and amino acid requirements in human nutrition: Report of a joint FAO/WHO/UNU expert consultation. WHO Technical Report Series 935. *World Health Organization*. Geneva, 2007. https://iris.who.int/items/78c03092-bcc2-40f5-90d1-60641ecdf6ea (accessed: 20.10.2026)

[51] What is a food basket? *World Food Programme*. 08.01.2025. https://wfp.org/stories/wfp-food-basket (accessed: 20.10.2026)

[52] Setting Up and Running a School Garden: A Manual for Teachers, Parents and Communities. Nutrition Factsheet 4: Energy and Nutrient Needs. Table "Daily recommended intake for energy and nutrients". *FAO*. 2005. https://fao.org/4/a0218e/a0218e15.htm (accessed: 20.10.2026)

[53] West African Food Composition Table. Entry 07_061: Rabbit, meat, stewed (without salt). *FAO*. 2012. https://fao.org/docrep/015/i2698b/i2698b00.pdf (accessed: 20.10.2026)

[54] USDA National Nutrient Database for Standard Reference, Release 28. Egg, whole, cooked, hard-boiled. NDB 01129. *U.S. Department of Agriculture*. 2015. https://ars.usda.gov/ARSUserFiles/80400525/Data/SR/SR28/reports/sr28fg01.pdf#page=384 (accessed: 20.10.2026)

[55] Food Composition Table for Use in Africa. Entry 1423: Snail, African (Achatina marginata), raw. *FAO*. 1968. https://fao.org/4/x6877e/X6877E17.htm (accessed: 20.10.2026)

Продукт	Белок, г	Доля белка, %	Калорийность, ккал	Доля энергии, %	Микронутриентный вклад
Оранжевый батат (вареный)[57]	0,2	0,4	6,9	0,3	β-каротин

Источник: расчет автора по [Mshayisa et al. 2026: *табл.* 1; *EFSA NDA Panel* 2025: *табл.* 1; Kowitcharoen et al. 2021: *табл.* 3] и таблицам состава ФАО и Министерства сельского хозяйства США (сноски к строкам).

Таблица 5. **Вклад экспресс-решений (10 г продукта) в рацион детей по возрастам**

Продукт	Дети 1–3 лет		Дети 4–6 лет		Дети 7–9 лет	
	Доля ориентира, %		Доля ориентира, %		Доля ориентира, %	
	белок (14 г)	ккал (1022)	белок (22,2 г)	ккал (1352)	белок (25,2 г)	ккал (1698)
Сверчки (порошок)	45,0	4,5	28,4	3,4	25,0	2,7
Мучной хрущак (заморож.)	10,0	1,3	6,3	1,0	5,6	0,8
Кролик (тушеное мясо)	22,1	1,8	14,0	1,4	12,3	1,1
Яйцо (вареное)	9,3	1,5	5,9	1,1	5,2	0,9
Улитка (сырое мясо)	12,9	1,0	8,1	0,8	7,1	0,6
Микрозелень кайлана	2,1	0,2	1,4	0,2	1,2	0,1
Вигна (вареная)	5,7	1,1	3,6	0,9	3,2	0,7
Оранжевый батат (вареный)	1,4	0,7	0,9	0,5	0,8	0,4

Источник: расчет автора по *табл.* 4 и возрастным ориентирам ФАО[58].

Представленные количественные оценки позволяют сделать несколько основных заключений:

1. Для добавки массой 10 г можно рассчитать вклад в поступление белка и энергии. Для условного взрослого 10 г порошка из сверчков соответствуют 12,6% принятого ориентира по белку и 2,2% по энергии. Если базовый паек сокращен ниже 1000 ккал в сутки, такая добавка дает измеримый, но небольшой вклад в покрытие энергетической потребности.

2. Для детей расчетная доля такой добавки по белку выше, чем для условного взрослого. Для детей 1–3 лет 10 г порошка из сверчков соответствуют 45,0% принятого

[56] USDA National Nutrient Database for Standard Reference, Release 28. Cowpeas, common (blackeyes, crowder, southern), mature seeds, cooked, boiled, without salt. NDB 16063. *U.S. Department of Agriculture*. 2015. https://ars.usda.gov/ARSUserFiles/80400535/Data/SR/SR28/reports/sr28fg16.pdf#page=290 (accessed: 20.10.2026)

[57] The Pacific Islands Food Composition Tables. Second edition. Entry A030: Sweet potato, orange, peeled, boiled. *FAO*. 2004. https://fao.org/4/y5432e/y5432e06.htm (accessed: 20.10.2026)

[58] Setting Up and Running a School Garden: A Manual for Teachers, Parents and Communities. Nutrition Factsheet 4: Energy and Nutrient Needs. Table “Daily recommended intake for energy and nutrients”. *FAO*. 2005. https://fao.org/4/a0218e/a0218e15.htm (accessed: 20.10.2026)

расчетного ориентира по белку. Расчет показывает возможный вклад добавки в белковую часть рациона, но не позволяет судить о клиническом результате.

3. Эти продукты могут увеличить поступление белка и отдельных микронутриентов при их включении в рацион. Для оценки их влияния на анемию и течение истощения необходимы полевые исследования.

4. По массе порошок из сверчков содержит больше белка, чем замороженные личинки мучного хрущака. Сравнение способов производства или доставки требует дополнительных данных и учета различий во влажности продуктов.

5. Предлагаемые решения носят взаимодополняющий характер. Так, сверчковая мука может добавляться в каши, увеличивая поступление белка, микрозелень и вигна могут увеличить поступление отдельных витаминов и минералов, а оранжевый батат содержит бета-каротин. В комплексе такие добавки могут улучшить состав рациона при сохранении базового пайка.

Количественный анализ иллюстрирует возможный вклад рассмотренных продуктов в поступление белка и энергии, а влияние местного производства на питание в лагерях беженцев требует полевой проверки.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что ни одно из описанных решений не является универсальным. Возможность их внедрения зависит от конкретных условий лагеря – климата, доступности воды, культурных предпочтений, логистической доступности стартовых наборов. В зависимости от местных условий можно рассмотреть разведение насекомых, гидропонное выращивание зелени или содержание мелких животных. Но это не снижает ценности каждого решения по отдельности. Они могут применяться как поодиночке, так и в различных сочетаниях и при фактическом потреблении увеличивать поступление отдельных питательных веществ. Одна из возможных цепочек – использование подходящих органических отходов для выращивания личинок черной львинки с последующим их применением в кормлении кур.

ОГРАНИЧЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАБОТЫ

Несмотря на высокий потенциал описанных решений, их внедрение в условиях лагерей беженцев и других мест скопления людей, оказавшихся в экстремальной обстановке, сопряжено с рядом ограничений, которые следует учитывать при планировании помощи.

Прежде всего, это риск немедленного потребления «производственного капитала». В условиях острого голода люди склонны удовлетворять сиюминутные потребности. Выданные на размножение цыплята, кролики или яйца насекомых могут быть съедены в первые дни, не достигнув репродуктивного возраста. Этот риск можно смягчить использованием уже продуктивных животных (кур-несушек вместо цыплят) и коллективной формой организации «экстренного производства» (кооперативы, женские группы), где действует взаимный контроль. Важнейшая роль должна быть отведена обучению и просвещению – краткосрочным тренингам, демонстрационным проектам и наглядным пособиям, формирующим понимание долгосрочной выгоды от сохранения репродуктивного поголовья. В 2024 г. инициатива «Виджана Твавеза» в лагере Какума обучила птицеводству 10 женщин, возглавляющих домохозяйства, и после восьминедельного курса участницы начали вести собственные хозяйства, а некоторые – продавать излишки яиц[59].

[59] O'Keeffe P. Vijana Twaweza community chicken-farming training: refugee-led development in Kakuma Refugee Camp. *Humanitarian Practice Network*. 07.02.2025. https://odihpn.org/en/publication/vijana-twaweza-community-chicken-farming-training-refugee-led-development-in-kakuma-refugee-camp/ (accessed: 08.06.2026)

Вторым ограничением является необходимость стартового завоза материалов, начального поголовья или семян. В условиях блокады или полной изоляции это может быть крайне затруднительно, но объем таких поставок несопоставимо меньше объема готового продовольствия для регулярных пайков.

Третьим ограничением является необходимость координации процессов масштабирования производства и периодической информационной и технической поддержки. Основной формой обучения выступают фермерские полевые школы, проводящие групповые занятия непосредственно на объектах производства и передающие опыт. Так, ФАО в 2020 г. описала пилотный проект таких школ с акцентом на улучшение питания в поселении Калобейеи (Кения), объединяющий местное фермерское сообщество и беженцев из лагеря Какума для совместного выращивания и употребления более питательных продуктов[60]. Успех обучения напрямую зависит от эффективности структуры управления. В основе изменений стоят местные организации, обучающие беженцев пермакультуре или разведению мелких животных[61]. При планировании проектов следует привлекать местные органы власти к решению вопросов доступа к земле и воде и содержания животных[62]. Крупные структуры – международные организации, такие как ВПП, УВКБ ООН и ФАО, обеспечивают глобальную логистику, финансирование и методологическую основу.

Дальнейшие исследования и практические шаги должны быть направлены на:

1. Типизацию лагерей беженцев и других мест размещения уязвимых категорий населения по параметрам, определяющим применимость экспресс-решений (климатическая зона, доступность и качество воды, тип и объем доступных органических отходов, культурные и религиозные пищевые ограничения, логистическая доступность для завоза стартовых наборов и возможность координации в дальнейшем, размер лагеря, плотность населения, уровень нуждаемости);
2. Моделирование сценариев для нескольких типовых лагерей, для каждого из которых можно оценить, какие из быстрых решений технически реализуемы, параметры стартовых наборов, ожидаемый выход питательных веществ на единицу площади и другие параметры;
3. Разработку типовых стартовых наборов на основе результатов моделирования;
4. Привлечение междисциплинарных специалистов для верификации модели: диетологов, агрономов, ветеринаров, антропологов и других;
5. Координацию с гуманитарными организациями для проведения полевых экспериментов.
6. Определение роли Российской Федерации в данной области: разработка адаптированных низкотехнологичных решений, обучающие модули и иные направления.

Таким образом, при учете перечисленных ограничений местное производство может дополнять гуманитарную помощь; его влияние на состояние питания следует проверить в полевых условиях.

[60] Nutrition-sensitive Farmer Field Schools in Kenya's Kalobeyei settlement: Developing the capacity of refugees and host communities to produce, process and consume nutritious food in Turkana County. *FAO*. 2020. https://openknowledge.fao.org/handle/20.500.14283/cb0573en (accessed: 04.06.2026)

[61] New refugee-led permaculture network launches in Nakivale, Uganda. *Permaculture for Refugees*. 2023. https://permacultureforrefugees.org/new-refugee-led-permaculture-network-launches-in-nakivale-uganda/ (accessed: 20.10.2026)

[62] Poultry production and marketing for Kalobeyei refugees. *FAO*. 05.07.2024. https://fao.org/kenya/news/newsdetails/Poultry-production-and-marketing-for-Kalobeyei-refugees-/en (accessed: 28.09.2026)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать несколько ключевых выводов.

1. По оценке Африканского центра, в 2025 г. в Африке в целом 167 млн человек испытывали острую продовольственную необеспеченность. 78% из них проживали в странах, охваченных конфликтами[63].

2. Сокращение донорского финансирования ограничивает возможности гуманитарной системы. Стратегия «гиперприоритезации» предусматривает первоочередную помощь людям в наиболее тяжелом положении при сокращении общего охвата поддержки. В отдельных лагерях беженцев урезаны пайки, а обследования детей выявляли высокий уровень анемии. Люди, лишившиеся помощи, могут прибегать к опасным стратегиям выживания.

3. Рассмотренные подходы – «технологический оптимизм» и «инфраструктурный прагматизм» – сталкиваются с серьезными ограничениями в зонах острого голода. Первый требует вложений и навыков, второй – длительного горизонта планирования. Применение обоих подходов затруднено при недостатке инфраструктуры.

4. Местное производство отдельных продуктов с использованием низкотехнологичных решений, отобранных по принципам применимых технологий, может дополнять срочную продовольственную помощь в очагах острого голода.

5. Расчет для 10 г порошка из сверчков дает 45,0% принятого ориентира по белку и 4,5% по энергии для детей 1–3 лет. При фактическом потреблении рассмотренные продукты могут дополнять базовый паек; расчет состава не доказывает улучшения состояния питания.

6. Внедрение требует учета местных условий и стартовых ресурсов, обучения и координации с местными властями и гуманитарными организациями.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на типизацию лагерей, моделирование сценариев, разработку вариантов стартовых наборов через привлечение междисциплинарных специалистов. Российские научные и инжиниринговые организации могли бы внести вклад в адаптацию низкотехнологичных решений для экстремальных условий.

Осуществимость местного производства и его влияние на состояние питания требуют проверки в полевых условиях.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамова И.О., Дегтерев Д.А. (ред.). *Укрепление суверенитета стран Африки в контексте формирования многополярного мира*. М.: Институт Африки РАН, 2025.

Габарта А.А., Дегтерев Д.А. (ред.). *Экономические системы незападных стран*. М.: Аспект Пресс, 2025.

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Южный Судан: последствия отделения. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 38–46. https://doi.org/10.31857/S032150750018778-7

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Формирование экономики войны в ходе вооруженных конфликтов в Африке. *Вопросы истории*. 2023. № 6(2). С. 64–75.

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Бассейн озера Чад: территория нестабильности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 1. С. 33–41. https://doi.org/10.31857/S032150750029645-1

Лобачевский Я.П., Алферов А.А. Актуальные исследования ученых отделения сельскохозяйственных наук РАН. *Российская сельскохозяйственная наука*. 2024. № 2. С. 3–6. https://doi.org/10.31857/S2500262724020012

[63] Africa's Unresolved Conflicts Drive Acute Food Insecurity. *Africa Center for Strategic Studies*. 02.12.2025. https://africacenter.org/spotlight/conflicts-drive-food-insecurity/ (accessed: 28.09.2026)

Морозенская Е.В., Гаврилова Н.Г., Калиниченко Л.Н. Экономическая безопасность в странах Африки к югу от Сахары: возможные пути преодоления новых вызовов. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 82–101. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-82-101

Новикова З.С., Калиниченко Л.Н. ЭКОВАС: энергетическая и цифровая инфраструктура как фактор региональной интеграции и развития. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 58–67. https://doi.org/10.31857/S032150750026540-6

Папцов А.Г. (Ред.). *Аграрная политика России: устойчивость и конкурентоспособность*. Труды Международной научно-практической конференции, посвященной столетию В.Р. Боева. М.: ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, 2022.

Amankwah-Amoah J. Solar Energy in Sub-Saharan Africa: The Challenges and Opportunities of Technological Leapfrogging. *Thunderbird International Business Review*. 2015. Vol. 57. № 1. Pp. 15–31. https://doi.org/10.1002/tie.21677

Anosike A., Liravi P., Silas U. A Roadmap for Intelligent Agriculture in Africa – A Case Study of Sub-Saharan Africa. *Proceedings of the 14th International Conference on Industrial Engineering and Operations Management*. 2024. Pp. 413–429. https://doi.org/10.46254/AN14.20240100

Aubery F., Buisson M.-C. Making ends meet in refugee camps: food distribution cycles, consumption and undernutrition. *Food Policy*. 2024. Vol. 128. 102666. https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2024.102666

Ayre M., Mc Collum V., Waters W., Samson P., Curro A., Nettle R., Paschen J.-A., King B., Reichelt N. Supporting and practising digital innovation with advisers in smart farming. *NJAS: Wageningen Journal of Life Sciences*. 2019. Vol. 90–91. 100302. https://doi.org/10.1016/j.njas.2019.05.001

Benoni R., Sartorello A., Paiola E., Moretti F., Buson R., Tsegaye A., Tardivo S., Manenti F. Cross-sectional nutrition assessment in a refugee camp in Gambella region, Ethiopia. *European Journal of Public Health*. 2022. Vol. 32. № S3. ckac131.518. https://doi.org/10.1093/eurpub/ckac131.518

EFSA NDA Panel. Safety of frozen and dried forms of whole yellow mealworm (Tenebrio molitor Larva) as a novel food pursuant to Regulation (EU) 2015/2283. *EFSA Journal*. 2025. Vol. 23. № 1. e9155. https://doi.org/10.2903/j.efsa.2025.9155

Gooding C., Musa S., Lavin T., Sibeko L., Ndikom C.M., Iwuagwu S., Ani-Amponsah M., Maduforo A.N., Salami B. Nutritional Challenges among African Refugee and Internally Displaced Children: A Comprehensive Scoping Review. *Children*. 2024. Vol. 11. № 3. 318. https://doi.org/10.3390/children11030318

Jellason N.P., Robinson E.J.Z., Ogbaga C.C. Agriculture 4.0: Is Sub-Saharan Africa Ready? *Applied Sciences*. 2021. Vol. 11. 5750. https://doi.org/10.3390/app11125750

Kabbiri R., Dora M., Kumar V., Elepu G., Gellynck X. Mobile phone adoption in agri-food Sector: Are farmers in Sub-Saharan Africa connected? *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. Vol. 131. Pp. 253–261. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.12.010

Kowitcharoen L., Phornvillay S., Lekkham P., Pongprasert N., Srilaong V. Bioactive Composition and Nutritional Profile of Microgreens Cultivated in Thailand. *Applied Sciences*. 2021. Vol. 11. № 17. 7981. https://doi.org/10.3390/app11177981

Mhlanga D., Ndhlovu E. (Eds.). *The Fourth Industrial Revolution in Africa: Exploring the Development Implications of Smart Technologies in Africa*. Cham: Springer, 2023. https://doi.org/10.1007/978-3-031-28686-5

Mshayisa V.V., Biyela T.B., Netsianda P., Mayekiso L., Kinyuru J. Nutritional, structural, physicochemical and techno-functional properties of wheat-cricket (Acheta domesticus) composite flours. *Discover Food*. 2026. Vol. 6. 72. https://doi.org/10.1007/s44187-026-00811-5

Nikulin A., Kuznetsov I. *Cycles and Crises of Agricultural Development: Past and Present*. SSRN Working Paper. 2016. https://doi.org/10.2139/ssrn.2805963

Rosenberg-Jansen S., Al-Kaddo H. *The State of the Humanitarian Energy Sector: Challenges, Progress and Issues in 2022*. Oxford: Global Platform for Action on Sustainable Energy in Displacement Settings, 2022. https://rsc.ox.ac.uk/publications/the-state-of-the-humanitarian-energy-sector-challenges-progress-and-issues-in-2022 (accessed: 15.09.2026)

Sandu M., Mantea Ș. The Role of Research and Innovation in the Transformation of Agri-Food Systems. *The Annals of «Valahia» University of Targoviste*. 2018. Vol. 12. № 2. Pp. 60–63. https://doi.org/10.2478/agr-2018-0019

Schumacher E.F. *Small Is Beautiful: A Study of Economics as If People Mattered*. London: Blond and Briggs, 1973.

Sütterlin S. Leapfrogging for Africa's Agri-Food Sector. *The International Journal for Rural Development (Rural 21)*. 2021. Vol. 55. № 1. Pp. 14–17.

Van Huis A., Van Itterbeeck J., Klunder H., Mertens E., Halloran A., Muir G., Vantomme P. *Edible Insects: future prospects for food and feed security*. Rome: FAO, 2013.

Research article

EMERGENCY FOOD AUTONOMY IN REFUGEE CAMPS AND CONFLICT ZONES IN SUB-SAHARAN AFRICA

© 2026 N.G. Gavrilova

GAVRILOVA Nina Germanovna, PhD (Economics), Research Fellow, Centre for Transition Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0176-7804. E-mail: ninagavrilova1976@gmail.com

Abstract. This article examines practical ways to alleviate acute hunger in refugee camps and conflict zones in Sub-Saharan Africa. Humanitarian food delivery is hampered by funding shortfalls and logistical disruptions. The adoption of advanced agricultural technologies requires equipment and specialized skills, while the development of basic infrastructure requires substantial investment and time. The article considers whether "emergency food autonomy," understood as the local production of selected foods by affected communities using accessible low-tech methods, could complement humanitarian assistance. The selection of these solutions draws on the concept of appropriate technology, which takes local resources and skills into account. Drawing on the Global Report on Food Crises and the materials from international organizations and field studies, the study groups the solutions into three categories: farming edible insects, cultivating fast-growing greens, and raising small animals with short reproductive cycles. It calculates the protein and energy content of a 10 g serving of each product and its percentage contribution to the reference values used for a hypothetical adult and children in different age groups. The comparison suggests that selected additions may increase the intake of protein and other nutrients. Field studies are needed to assess their effects on nutritional status and the outcomes of treatment for wasting. The study identifies constraints to implementation: the immediate consumption of animals and seeds intended for production, the need to bring in initial supplies, training requirements, and coordination with local authorities and humanitarian organizations. Its contribution is to examine previously scattered field examples together in the context of acute hunger and to present comparable calculations for selected foods. The article concludes that local production may supplement humanitarian assistance when the circumstances of each camp or crisis area are taken into account. The feasibility of these solutions requires separate evaluation.

Keywords: acute hunger, Sub-Saharan Africa, refugee camps, low-tech solutions, food autonomy, entomophagy, protein and micronutrient deficiency, armed conflicts

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Gavrilova N.G. (2026). Emergency Food Autonomy in Refugee Camps and Conflict Zones in Sub-Saharan Africa. *Journal of the Institute for African Studies.* Vol. 12. № 3. Pp. 65–85. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-65-85

Научная статья

РОЛЬ АКВАКУЛЬТУРЫ В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ АФРИКИ

© 2026 Г.К. Сугаков

СУГАКОВ Глеб Константинович, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация. ORCID: 0000-0001-6270-209X. E-mail: g.sugakov@inafr.ru

Аннотация. В статье рассматривается значение аквакультуры для мировой экономики в целом и стран Африки в частности в контексте продовольственной проблемы. Предпринятый автором анализ показателей продовольственной безопасности по макрорегионам мира показал, что ситуация с недоеданием и потреблением белка животного происхождения в XXI в. в Африке не только не улучшилась, но даже несколько ухудшилась. Учитывая относительную дешевизну рыбы по сравнению с мясом, рыбная продукция обладает бóльшим потенциалом для количественного и качественного улучшения рациона африканцев. Однако в последние десятилетия объем добычи рыбы в Мировом океане, реках и озерах не может удовлетворить растущий спрос, в связи с чем покрыть недостаток в рыбе может только аквакультурное производство. Для этого требуются рыбные корма, важным слагаемым которых является рыбная мука, производимая в том числе из мелких видов рыб, ранее употреблявшихся африканцами в пищу напрямую. В результате автором выявлен замкнутый круг, подрывающий потенциал рыболовства и аквакультуры для повышения уровня продовольственной безопасности. Для выхода из него в статье рассматриваются 4 стратегии по ответственному использованию рыбной муки в аквакультуре, предлагаемые ФАО: 1) поддержка развития невскармливаемой и низкозатратной аквакультуры; 2) определение альтернативных ингредиентов – заменителей рыбной муки; 3) выборочное использование рыбной муки; 4) повышение эффективности использования кормов и кормления. Автор приходит к выводу, что наиболее перспективной в контексте российско-африканского сотрудничества является четвертая стратегия. Выделены конкретные российские продукты (кормовые добавки), которые могут найти применение в Африке, способствуя увеличению аквакультурного производства и, следовательно, повышению уровня продовольственной безопасности. Важное значение при этом может быть отведено складывающемуся в России комплексному биоэкономическому подходу (как управленческой модели), образованию (подготовке африканских кадров в российских вузах) и совместным научным исследованиям.

Ключевые слова: аквакультура, мировое хозяйство, экономика рыбного хозяйства, российско-африканские отношения, продовольственная безопасность, продовольственный суверенитет, голубая экономика, биоэкономика

Благодарности. Статья подготовлена по материалам исследований по теме Государственного задания ИАфр РАН № FMZE-2025-0012 «Пространственные векторы экономических и демографических трансформаций в странах и регионах Африки в эпоху новой многополярности».

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сугаков Г.К. Роль аквакультуры в мировом хозяйстве и ее значение для Африки. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2026. Т. 12. № 3. С. 86–99. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-86-99

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СУВЕРЕНИТЕТ АФРИКИ

Перед современными государствами Африки стоит новая по форме, но старая по содержанию задача – обретение подлинного суверенитета. Как отмечает российский африканист Л.Л. Фитуни, процесс деколонизации в большинстве африканских стран завершился лишь де-юре[1], и сегодня «Запад, по сути, стал выступать в роли коллективного колонизатора, а остальной мир <…> стал превращаться в единую зону квази-колониальной эксплуатации» [Фитуни 2020: 14].

Одним из важных аспектов колониализма нового типа [Абрамова 2025], безусловно, является контроль над продовольственными ресурсами развивающихся стран, включая африканские. Ни одной стране невозможно обрести настоящий суверенитет без достижения продовольственной безопасности, что пока является нерешенной проблемой для большинства африканских государств [Ревенко и др. 2022; Ревенко и др. 2024]. При этом Россия, исторически поддерживающая африканцев в борьбе за суверенитет, готова способствовать его укреплению и на современном этапе [Дегтерев 2024: 44], в том числе создавая условия для долгосрочного решения продовольственной проблемы в Африке.

Таблица 1. **Показатели продовольственной безопасности по макрорегионам мира**

Макрорегион	Доля недоедающих, %		Число недоедающих, млн чел.		Среднее количество белка, г/чел./день		Среднее количество белка животного происхождения, г/чел./день		Доля энергетической ценности рациона, получаемой из злаков, корнеплодов и клубнеплодов, %	
	Ср. 2000–2002	Ср. 2020–2022	Ср. 2000–2002	Ср. 2020–2022	Ср. 2000–2002	Ср. 2020–2022	Ср. 2000–2002	Ср. 2020–2022	Ср. 2000–2002	Ср. 2020–2022
Африка	21,5	18,7	183,1	265,1	62,6	66,3	12,7	15,7	65	62
в т.ч. Африка южнее Сахары (вкл. Судан)	24,3	20,9	170,7	251,5	56,2	61,2	11,2	13,3	65	63
Азия	14,5	7,9	549,8	374,7	69,2	92,2	20,6	33,6	61	52
Латинская Америка и Карибский бассейн	10,3	5,9	54,4	38,4	76,3	93,0	36,4	53,1	41	38
Океания	6,4	7,5	2,0	3,3	97,7	101,9	62,5	63,5	28	31
Европа	<2,5	<2,5	–	–	98,6	111,9	54,6	67,6	37	32
Северная Америка	<2,5	<2,5	–	–	113,0	122,6	71,8	82,4	25	24
Мир	**12,8**	**8,6**	**803,0**	**687,6**	**74,9**	**91,0**	**27,8**	**37,7**	**55**	**50**

Источник: составлено автором по данным ФАО. Suite of Food Security Indicators. *FAO.* https://fao.org/faostat/en/#data/FS (accessed: 18.03.2026)

[1] Ряд островов, относящихся к африканскому макрорегиону, например, в Индийском океане, не деколонизированы до сих пор *(прим. авт.)*.

Для оценки достижения продовольственной безопасности используется как достаточность энергетической ценности потребляемой пищи, так и, например, удовлетворение потребности в белках, учитывая их важнейшую роль в рационе для поддержания здоровья и работоспособности человека [Дубенко, Мажаева, Насыбуллина 2019: 97].

Как видно из *табл.* 1, ситуация с продовольственной безопасностью в мире в период с 2000–2002 по 2020–2022 гг.[2] не претерпела кардинальных изменений, а в случае Африки (как и Океании) она даже несколько ухудшилась. Хотя относительная распространенность недоедания[3] в Африке уменьшилась с 21,5% до 18,7%, абсолютное число недоедающих африканцев за 20 лет увеличилось на 82 млн человек.

Что касается потребления белка, то здесь темпы прироста в Африке были значительно ниже среднемировых: 5,9% против 21,5%. Это же касается и потребления белка животного происхождения: темп прироста 23,6% в Африке против 35,6% в среднем по миру[4]. Таким образом, разрыв в качестве рациона только увеличивается.

Следует отметить, что уровень потребности в белке зависит от множества факторов, включая пол, возраст, вес, климат, образ жизни, и определение универсального норматива его потребления является труднорешаемой задачей [Дубенко, Мажаева, Насыбуллина 2019: 98–99]. Тем не менее нельзя не обратить внимание, что уровень его потребления в Африке сегодня сильно отстает не только от развитых стран, но и от стран Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна, Океании (см. *табл.* 1).

Для определения возможных путей улучшения ситуации в Африке логично учесть опыт других стран, которые во многом уже решили обозначенные проблемы. Так, в Китае в период с середины 1980-х гг. до середины 2010-х гг. удалось в 3 раза увеличить долю белка животного происхождения в рационе [Растянникова 2016: 182], причем темпы прироста производства продукции аквакультуры (рыбы) в Китае были на 3–4% выше, чем в мясном секторе. Аналогичный рост внимания к аквакультурному сектору произошел в Индии, где, как и в Китае, с конца 1990-х гг. стали реализовываться государственные программы по развитию аквакультуры [Растянникова 2016: 190].

Что касается Африки, то, по мнению эфиопских ученых, ключевыми проблемами для рыбного сектора сегодня являются: забор воды для сельского хозяйства и загрязнение водоемов; нехватка инфраструктуры для хранения, переработки, транспортировки рыбы; незаконный промысел; чрезмерный вылов; болезни рыб [Pal et al. 2025: 5].

Учитывая, как правило, бóльшую экономическую доступность рыбы по сравнению с мясом [Сугаков 2025: 67], а также отсутствие каких-либо массовых религиозных и культурных ограничений на ее потребление в африканских странах, рассмотрим основные тенденции производства рыбы в мире и его потенциал для повышения уровня продовольственной безопасности в Африке.

[2] Для обеспечения сравнимости данных используется статистика за последние доступные одновременно по всем макрорегионам и всем рассматриваемым показателям годы.

[3] Доля населения, не получающая достаточного количества пищевой энергии для ведения здорового и активного образа жизни. The State of Food Security and Nutrition in the World. *FAO*. 2025. https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/e3c60970-7123-4de4-9d82-81f4a08912e4/content (accessed: 16.03.2026)

[4] Расчеты автора по *табл.* 1.

РЫБОЛОВСТВО *VS* АКВАКУЛЬТУРА

Ключевой тенденцией в мировом рыбном хозяйстве в последние десятилетия является рост объема производства продукции аквакультуры (см. *рис.* 1). Это связано с тем, что объем добычи рыбы в естественных водоемах (прежде всего, в Мировом океане) при нынешнем уровне научно-технологического развития достиг своего предела: в 1994 г. была достигнута верхняя планка производства продукции промышленного рыболовства (за год) в размере 90 млн т, и с тех пор этот показатель колеблется в районе той же самой величины. Таким образом, единственной возможностью удовлетворить растущий спрос на рыбу стало развитие аквакультурного сектора, и уже более 30 лет рост общего объема производства рыбы и других водных животных в мире обеспечивается именно за счет него [Сугаков 2025: 66].

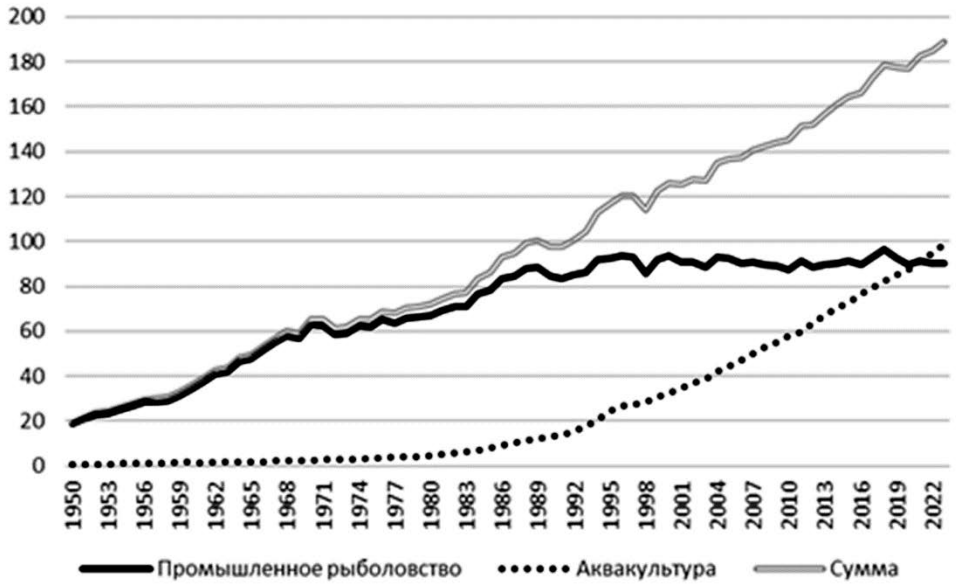

Рис. 1. **Мировое производство водных животных в 1950–2023 гг., млн т живого веса**
Источник: [Сугаков 2025: 65]

Однако, чтобы вырастить рыбу в искусственной среде, ее тоже нужно чем-то кормить, и одним из важнейших компонентов рыбного корма является рыбная мука – продукт, получаемый путем помола и сушки другой цельной рыбы и/или ее отдельных частей. Хотя средняя доля рыбной муки в кормах в последние годы сокращается (с 19% в 2000 г. до 9% в 2020 г.[5]), в большинстве случаев она все еще остается незаменимым элементом питания.

На аквакультуру сегодня приходится около 90% потребления рыбной муки, хотя в 1960 г. почти 100% ее объема уходило на свиноводство и птицеводство, которые сегодня сократили свою долю примерно до 5% и 1% соответственно (см. *рис.* 2).

Для многих отраслей в экономике характерно главенство экстенсивных стратегий над интенсивными, и многие проблемы удается решать (по крайней мере, на первый взгляд) простым увеличением масштабов производства. Однако в рыбохозяйственном

[5] Responsible use of fishmeal in aquaculture. FAO Innovation for Blue Transformation. *FAO.* 2025. https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/119e1468-ac53-4661-ab99-b55f5222bb48/content (accessed: 16.02.2026)

секторе иллюзорная уверенность в безграничности мировых ресурсов уже показала свою несостоятельность. Как видно из *рис.* 3, общий объем производства рыбной муки в мире миновал свой пик в 1994 г. (7,5 млн т) и в последние 20 лет колеблется в диапазоне 4,5–6 млн т. При этом взлеты и падения общемирового показателя явно коррелируют с динамикой производства в Перу, исторически являвшегося лидером в рамках этой деятельности. Основой для производства рыбной муки в стране является перуанский анчоус (самая вылавливаемая рыба в мире), однако его добыча сильно зависит от природных факторов [Сугаков 2025: 71–72].

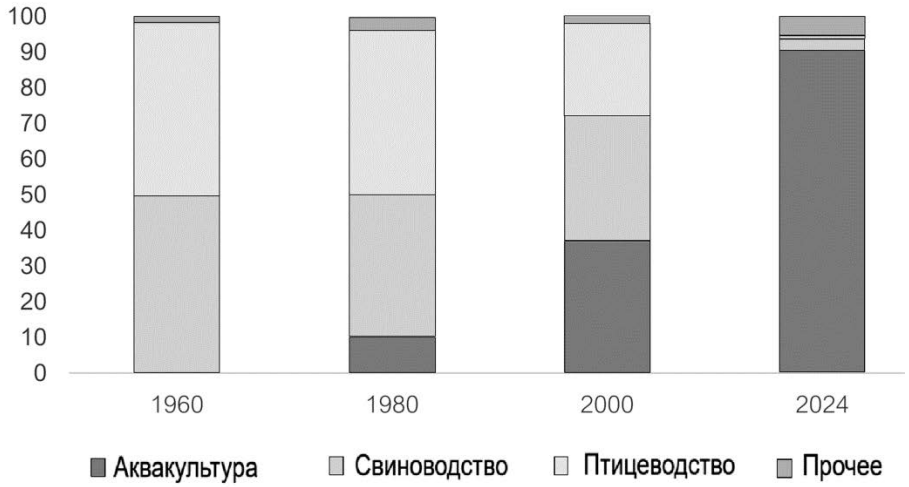

Рис. 2. **Потребление рыбной муки в мире по отраслям хозяйства, %**
Источник: Marine ingredients demand. *The Marine Ingredients Organisation*. 2024. https://iffo.com/marine-ingredients-demand (accessed: 01.03.2026)

В 2023 г. лидером производства рыбной муки впервые стал Китай (622,9 тыс. т), ненамного обогнавший южноамериканскую страну (519,8 тыс. т). Рост ее производства в Китае, начиная с 1990-х гг. (см. *рис.* 3), связан с общим развитием аквакультурного сектора в стране, что уже отмечалось выше. Сегодня Китай с огромным отрывом лидирует в производстве водных животных: так, в 2023 г. там было произведено 55,2 млн т (!), что составило 56% от общемирового объема[6]. Учитывая гигантские внутренние потребности в рыбной муке, рост ее производства в Китае не оказывает почти никакого влияния на объем ее предложения на мировом рынке.

Исходя из необходимости диверсификации рынка рыбной муки, связанного с высокой волатильностью производства в Перу, в последние годы многие инвесторы обратили внимание на страны Северо-Западной и Западной Африки, воды которых богаты пелагическими видами[7], весьма удобными для производства рыбной муки. Например, с 2016 г. правительство Гамбии инициировало строительство рыбомучных заводов с привлечением китайского и мавританского капитала [Jobe 2023: 45].

Однако, как отмечает гамбийская исследовательница Ф. Джобе, в результате та рыба, которая традиционно уходила на местный рынок для непосредственного

[6] Suite of Food Security Indicators. *FAO*. https://fao.org/faostat/en/#data/FS (accessed: 14.03.2026)
[7] Пелагические рыбы – рыбы, которые обитают в пелагической зоне океанов, морей или крупных озер, вдали от дна, на открытых водных пространствах. К ним относятся сельди, сардины, анчоусы, тунцы, меч-рыбы, акулы, марлины.

потребления, попадает на заводы, и затем рыбная мука отправляется на экспорт [Jobe 2023: 65].

Таким образом, получается сложная ситуация, похожая на замкнутый круг (см. *рис.* 4). Казалось бы, рациональное управление рыбными ресурсами могло бы внести решающий вклад в повышение уровня продовольственной безопасности в африканских странах, но складывающиеся в секторе рыболовства и аквакультуры факторы приводят к обратному результату. При этом есть вполне конкретные решения, которые могут позволить выйти из этого замкнутого круга, в том числе с помощью российских продуктов и технологий, что будет рассмотрено далее.

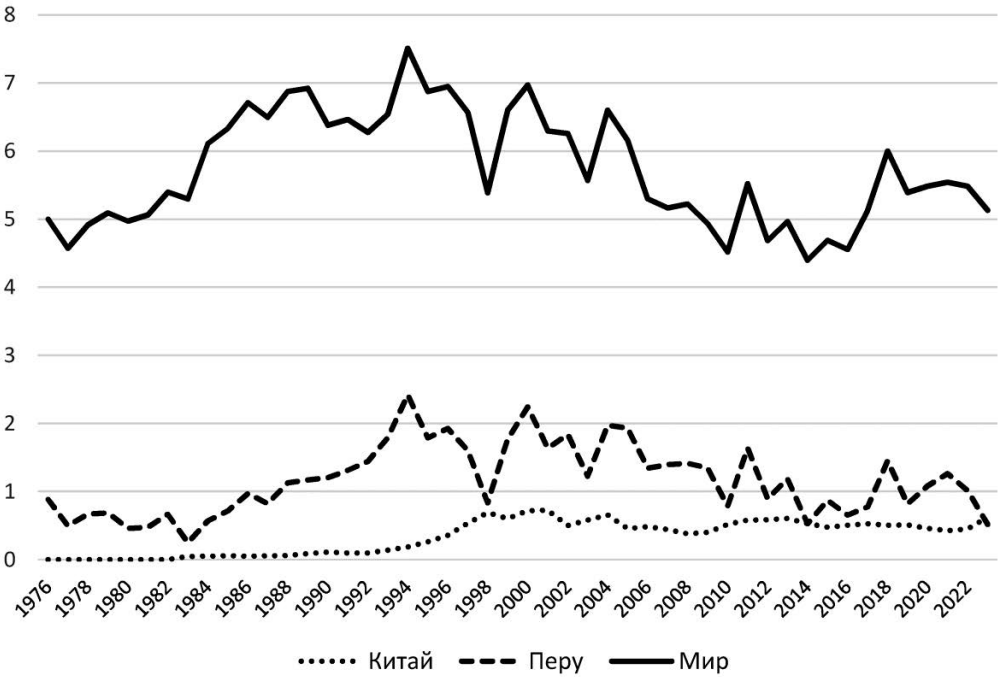

Рис. 3. **Мировое производство рыбной муки в 1976–2023 гг., млн т**
Источник: составлено автором по данным ФАО. Suite of Food Security Indicators. *FAO.* https://fao.org/faostat/en/#data/FS (accessed: 01.04.2026)

Рис. 4. **Проблемы повышения уровня продовольственной безопасности в Африке за счет рыбных ресурсов.**
Источник: составлено автором

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ АКВАКУЛЬТУРЫ В ИНТЕРЕСАХ АФРИКИ И РОССИИ

Принимая во внимание имеющиеся сложности и ограничения, Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО) выдвинула[8] четыре стратегии по сокращению использования рыбной муки в аквакультуре (упомянутые на *рис*. 4), что является одной из ключевых задач для устойчивого развития сектора. Рассмотрим каждую из стратегий с точки зрения ее выполнимости и потенциала для решения проблемы продовольственной безопасности в африканских странах.

1. Поддержка развития невскармливаемой и низкозатратной аквакультуры. В рамках данного сценария предлагается переориентация в производстве с рыб-хищников, которым требуется потреблять другую рыбу, по крайней мере в виде рыбной муки, на виды более низкого трофического уровня, например, на всеядных рыб, на рыб-фильтраторов, а также на моллюсков и морские водоросли.

Хотя эта стратегия имеет под собой вполне логичные основания, у нее есть и весьма серьезное ограничение, связанное с потребительскими предпочтениями, которые складывались у человечества в течение многих поколений. В последние годы все большее внимание уделяется альтернативным источникам питания, и, например, морские водоросли (съедобные виды) стали более широко использоваться в пищу во многих странах мира (особенно в Азии и Южной Америке). Тем не менее существует и ряд опасений, связанных с возможным токсическим действием на организм человека при их употреблении [Rogel-Castillo et al. 2023: 15].

Конечно, данная стратегия имеет право на жизнь и в той или иной степени будет точечно реализовываться, что требует отдельного рассмотрения. Однако в настоящем исследовании ее предлагается считать «планом Б», при котором человечество, чтобы прокормить себя, будет вынуждено массово перейти на такие «нетрадиционные» для себя продукты, как водоросли, моллюски или, скажем, насекомые, что также является предметом серьезных научных изысканий [Matandirotya et al. 2022]. Ниже будут рассмотрены более консервативные сценарии, которые могут позволить остаться в пределах привычного и проверенного временем «рыбного меню» с более предсказуемым долгосрочным влиянием на здоровье человека.

2. Определение альтернативных ингредиентов – заменителей рыбной муки. Как уже отмечалось выше, доля рыбной муки в кормах сокращается. При этом в контексте рассматриваемых проблем с производством рыбной муки у ученых возникает закономерный вопрос: а можно ли вообще уйти от ее использования в рыбных кормах, полностью заменив ее, например, растительными компонентами? Ответ на данный момент неутешительный: в кратко- и среднесрочной перспективе такой вариант невозможен, но вектор научного поиска в этом направлении обладает большим потенциалом и сулит большие экономические выгоды [Пахомов и др. 2022]. Например, как показала оценка такой возможности для очень популярного аквакультурного вида – африканского сома, весьма перспективно внедрять кормовые ингредиенты растительного происхождения, особенно микроводоросли, дополняя их насекомыми и червями, но требуются дальнейшие исследования [Saba et al. 2023: 166].

3. Выборочное использование рыбной муки. Рациональное регулирование доли рыбной муки в корме на разных стадиях развития рыбы может позволить существенно снизить объем ее использования. Так, рыбная мука (и содержащийся в ней белок) в наибольшей степени важны на ранних этапах развития и на завершающем этапе нагула,

[8] Responsible use of fishmeal in aquaculture. FAO Innovation for Blue Transformation. *FAO*. 2025. https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/119e1468-ac53-4661-ab99-b55f5222bb48/content (accessed: 16.02.2026)

тогда как на самом нагульном этапе (самом длительном по времени) ее потребление можно сократить вплоть до нуля, заменив другими источниками белка. Важно отметить, что в корма для пресноводных рыб (таких как тиляпия или карп) рыбная мука почти не добавляется, что особенно актуально для Африки с ее важной ролью озер и рек для обеспечения населения рыбными ресурсами. Таким образом, данная стратегия представляется весьма перспективной и может использоваться в дополнение к другим.

4. Повышение эффективности использования кормов и кормления. Наконец, четвертая рассматриваемая стратегия заключается в том, чтобы повышать конверсию корма (*Feed Conversion Ratio, FCR*) – это показатель, отражающий, сколько килограммов корма необходимо для получения 1 кг прироста живой массы (продукции)[9]. За последние полвека коэффициент конверсии корма для некоторых аквакультурных видов снизился в среднем с 3,5–9,0 до 1,5–1,8, что свидетельствует о явном повышении качества кормов и эффективности кормления [Glencross et al. 2023: 346].

Важно отметить, что в России разработаны продукты и технологии, позволяющие снизить конверсию корма у аквакультурных видов рыб без вреда для их здоровья. Например, как показали результаты испытания технологии (препарата) «Цитогумат» в одном из рыбопитомников в Омской области, кормовой коэффициент у гибрида осетровых рыб в экспериментальном бассейне равнялся 0,5–0,9, тогда как в контрольных 0,5–13,2 и 0,7–2,2. При этом, если в контрольных бассейнах значительное число особей погибло из-за жирового перерождения печени, в экспериментальном бассейне такое заболевание не наблюдалось. Средний прирост массы гибридов увеличился на 25% без потери во вкусовых качествах[10].

Существенной особенностью аквакультурного сектора в Африке является преобладание прудовой культуры (65–75% хозяйств) ввиду ее низкой стоимости и простоты, что особенно важно для сельской местности. 10–15% используют садки, которые набирают популярность на крупных водоемах, таких как озеро Виктория. Установки замкнутого водоснабжения (УЗВ), популярные в России, в странах Африки пока используют лишь 3–5% хозяйств из-за относительно высоких капитальных и эксплуатационных затрат. Еще 5–7% хозяйств используют проточные системы (в районах с богатыми водными ресурсами), а 5–8% работают в рамках интегрированной аквакультуры (такой как системы «рис–рыба»[11]) [Mnyoro 2025: 281].

Таким образом, четвертая стратегия (повышение эффективности использования кормов и кормления) представляется наиболее эффективной и выполнимой. Уже сегодня в России имеются кормовые добавки, позволяющие повысить продуктивность аквакультурного производства экологически чистыми методами при наименьших затратах. Безусловно, потребуется их адаптация под африканские условия и опробование на типичных для Африки аквакультурных видах, однако это не должно стать большим препятствием ввиду универсальности российских технологий.

Резюмируя, можно представить выводы по итогам критического анализа предлагаемых стратегий в виде *табл.* 2.

---

[9] Конверсия корма. *Сфера Медиа*. 18.05.2025. https://sfera.fm/articles/korma/konversiya-korma (дата обращения: 30.04.2026)

[10] Акт о результатах применения органоминерального комплекса «Цитогумат» на УЗВ «Сибирский рыбопитомник». https://drive.google.com/file/d/1slryH7RsN1Wt2E3BdkjJft_MUHL_lXS6/view?usp=sharing (дата обращения: 30.04.2026)

[11] В рамках данной системы выращивание риса и рыбы совмещают на одном и том же затопленном водой поле.

Таблица 2. **Оценка стратегий ФАО по сокращению использования рыбной муки в аквакультуре**

Стратегия	Сохранение привычного рациона человека с доказанной безопасностью	Возможность комплексного внедрения в кратко- и среднесрочной перспективе	Экономическая выгода
1	-	+/-	+
2	+/-	-	+
3	+	+	+
4	+	+	+

Источник: составлено автором.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АФРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АКВАКУЛЬТУРНОМ СЕКТОРЕ

Итак, выход из выявленного выше замкнутого круга (см. *рис*. 4) может произойти в случае внедрения инновационных технологий, повышающих эффективность использования рыбных кормов, – такими технологиями обладает и готова делиться Российская Федерация. Этот подход (стратегия 4) вкупе с рациональным регулированием использования рыбной муки в кормах (стратегия 3) может уже в ближайшей перспективе помочь вывести аквакультурный сектор африканских стран на новый уровень, тем самым обеспечив им продовольственную безопасность.

Говоря о конкретном влиянии на нее аквакультурного сектора, можно опереться на данные *табл.* 3.

Таблица 3. **Пищевая ценность распространенных в Африке видов рыб**

Вещества	Тиляпии	Сомы	Сардины
Белки (г/100 г)	20,1	18,7	25,1
Омега-3 (г/100 г)	0,6	0,4	2,2
Витамин А (мг/100 г)	0	15	100
Кальций (мг/100 г)	10	18	230
Железо (мг/100 г)	0,6	0,8	2,5

Источник: [Saidu 2025: 498].

Сопоставляя эти значения с показателем «среднее количество белка животного происхождения» из *табл.* 1, можно рассчитать, что дополнительное потребление 100 г/день тиляпий или сомов (основные аквакультурные виды в Африке) позволит увеличить этот показатель для Африки более чем в 2 раза (с 15,7 до 34,4–35,8 г/чел./день) и приблизить его к среднемировому. Что касается еще более богатых белками, витаминами, макро- и микроэлементами сардин, которые добываются в рамках промышленного рыболовства, их прямое потребление в пищу (при сокращении переработки в рыбную муку) внесет еще больший вклад в рацион.

По некоторым прогнозам, к 2050 г. объем производства аквакультурной продукции в Африке достигнет 18,8 млн т (при нынешних 2,4 млн т[12]). При этом инвестиционные затраты фермерских хозяйств на три ключевых статьи расходов (корма, рабочую силу и

[12] Расчеты автора по данным ФАО. Suite of Food Security Indicators. *FAO*. https://fao.org/faostat/en/#data/FS (accessed: 01.04.2026)

рыбопосадочный материал) должны составить $11,6 млрд, что принесет доход в размере $20,4 млрд [Chan et al. 2021: 14]. Таким образом, помимо экспорта отечественной продукции, для российских компаний имеется большой потенциал и для участия в развитии сектора в качестве инвесторов.

Тем не менее нельзя не отметить, что у российско-африканского сотрудничества в аквакультурном секторе есть и другие важнейшие аспекты, помимо чисто экономических. Подробнее остановимся на них.

Трансфер управленческих моделей (биоэкономика). По итогам участия Президента РФ В.В. Путина в пленарном заседании Форума будущих технологий и встречи с учеными (в феврале 2026 г.) опубликован перечень поручений, среди которых – утверждение до 1 июня 2026 г. Стратегии долгосрочного развития биоэкономики в Российской Федерации на период до 2036 г. и дальнейшую перспективу[13]. С текущего года также началась реализация национального проекта «Технологическое обеспечение биоэкономики»[14]. Биоэкономика должна стать не просто набором разрозненных «биологизированных» отраслей, но основной экономической парадигмой развития России в указанный период и иметь комплексный характер. В условиях, с одной стороны, глобальных экологических вызовов, с другой стороны, огромного природно-ресурсного потенциала России, у страны есть все возможности стать концептуальным примером для других как развитых, так и развивающихся стран, в том числе для африканских, чтобы российские технологии и лучшие практики расширяли свое применение и способствовали укреплению позиций России в мировой экономике и политике.

Аквакультура и переработка рыбы, по мнению автора, должны войти в состав формирующегося перечня технологических направлений развития биоэкономики, учитывая стратегический характер этих секторов и их важную роль для продовольственной безопасности в России и в мире в целом, включая Африку. Как показали результаты библиографического и контент-анализа научных публикаций, биоэкономика, как и «зеленая» и циркулярная экономика, ориентирована «на сохранение окружающей среды, устранение различных загрязнителей, использование в хозяйственной деятельности возобновляемого сырья», но одним из ее основных отличий от указанных концепций является опора на «механизмы увеличения разработки и интеграции в хозяйственную деятельность технологических инноваций, преобразующих технологий» [Титова 2024: 249].

Построение аквакультурного хозяйства на принципах биоэкономики вполне возможно [Ярош, Кобечинская 2020], в связи с чем находящаяся на этапе становления новая управленческая модель в Российской Федерации имеет большие перспективы для последующего внедрения и в странах Африки, учитывая пока нереализованный потенциал сектора на континенте.

Образование. Ключевым условием реального социально-экономического развития (а не только механического роста) является достаточный уровень образования, связанный как с конкретными навыками и квалификацией, так и с общими ментально-психологическими установками людей, системой ценностей. Одним из ключевых направлений сотрудничества со странами Африки еще со времен СССР является образование, причем по количеству студентов это сотрудничество на современном

[13] Перечень поручений по итогам участия Президента в пленарном заседании Форума будущих технологий и встречи с учеными. *Официальный сайт Президента России*. 02.05.2026 г. http://kremlin.ru/acts/ assignments/orders/79689 (дата обращения: 07.05.2026)

[14] Национальный проект «Технологическое обеспечение биоэкономики». *Национальные проекты*. https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/bioekonomika/ (дата обращения: 07.05.2026)

этапе вышло на новый уровень. Только в 2025/2026 учебном году в России одновременно училось более 32 тыс. африканцев[15].

При этом в аквакультурном секторе вопрос образования имеет важнейшее значение. Учитывая его большую технологическую гибкость, знание методик и подходов существенно облегчает задачу по развитию сектора, особенно в наименее развитых странах, где используются более простые и дешевые способы воспроизводства рыбы. В России программа бакалавриата «Водные биоресурсы и аквакультура» реализуется в 37 вузах в 30 городах[16], что может быть чрезвычайно интересно африканским студентам.

Кроме того, было бы перспективно рассмотреть вопрос о включении программ в области подготовки кадров для аквакультуры в Российско-Африканский сетевой университет (РАФУ)[17].

Совместные научные исследования и институты. Тема российско-африканских научных исследований является весьма значимой. С помощью совместных исследований может осуществляться взаимный трансфер навыков и технологий, которые позволят рыбоводам существенно расширить арсенал приемов и средств, а также бороться с болезнями рыб.

Одним из примеров координации работы научных институтов и компаний в секторе аквакультуры в Африке является французская неправительственная организация (НПО) Ассоциация рыбоводства и развития сельских районов во влажной тропической Африке (*Association pisciculture et développement rural en Afrique tropicale humide; APDRA*), основанная в 1996 г. Ассоциация реализует проекты в сфере аквакультуры в 10 африканских странах, руководя процессом на всех этапах, начиная с оценки его целесообразности. *APDRA* опирается на многопрофильную команду во Франции и в других странах, в которую входят французские и африканские рыбоводы, волонтеры, технические специалисты и местные партнеры[18]. Специалисты этой НПО также проводят научные исследования, к примеру, оценивают возможности внедрения инноваций на семейных аквакультурных фермах в Западной Африке [Lethimonnier et al. 2022].

Большим потенциалом – и с экономической, и с научной точки зрения – обладает экспорт российских препаратов, повышающих продуктивность хозяйств. Например, уже продемонстрированные результаты на осетровых видах рыб в российских рыбопитомниках позволяют рекомендовать препарат «Цитогумат»[19] для последующей апробации на других объектах аквакультуры – лососевых, тиляпии, карповых, ракообразных – в том числе в условиях африканского рыбоводного сектора с учетом преобладающих там прудовых и садковых технологий.

Отдельным направлением является внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в аквакультуру. ИИ все более активно используется, например, для поиска оптимальных норм внесения кормовых добавок для конкретного вида, а также для прогноза его отзывчивости на данный препарат [Haque, Al Jufaili 2026].

---

[15] Более 32 тысяч африканцев учатся в российских вузах, заявил Лавров. *РИА Новости*. 18.12.2025. https://ria.ru/20251218/afrika-2062967824.html (дата обращения: 15.04.2026)

[16] Вузы по специальности «Водные биоресурсы и аквакультура» (35.03.08) в России, 2026, бакалавриат. *Vuzopedia.ru*. 2026. https://vuzopedia.ru/spec/15/vuzy (дата обращения: 08.05.2026)

[17] Список курсов Российско-Африканского Сетевого Университета. *Российско-Африканский Сетевой Университет*. 2026. https://rafu.ru/courses (дата обращения: 08.05.2026)

[18] Our history. *APDRA Pisciculture Paysanne*. 2026. https://apdra.org/index.php/en/about-us/our-history (accessed: 10.05.2026)

[19] Органоминеральный комплекс «Цитогумат». *ООО НПК «АГРОФАРМИКА»*. https://cytohumate.com/ (дата обращения: 10.05.2026)

* * *

Важнейшую роль в продовольственной безопасности стран Африки играют рыбные ресурсы, причем будет возрастать вклад в нее аквакультуры. Учитывая серьезные экономические, экологические и технологические вызовы, можно сделать вывод, что ключевым фактором успеха стратегий развития аквакультуры в Африке становится ответственное использование рыбной муки, и помочь в этом могут передовые российские исследования, разработки, продукты и технологии. Проведенный анализ показал, что повышать эффективность производства – неизбежная необходимость для всех хозяйств в ближайшей перспективе, поэтому и российским, и африканским рыбоводам важно учитывать общемировые тенденции и реагировать на них уже сейчас. Комплексный биоэкономический подход и взаимодействие в сфере науки и образования способны внести значительный вклад в развитие этого процесса. Полученные в статье результаты могут стать основой для разработки дорожной карты по развитию сотрудничества России и стран Африки в аквакультурном секторе.

Возможным направлением для дальнейшего практического углубления рассмотренной темы также является анализ условий и конкурентной среды на африканском рынке рыбных кормов и добавок с учетом влияния развития аквакультуры на занятость и доходы населения в условиях продолжающегося демографического роста.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамова И.О. Россия–Нигер: диалог академий наук и возможности научно-образовательного сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 12. С. 5–15. https://doi.org/10.7868/S2782238925120012

Дегтерев Д.А. Ресуверенизация Африки в контексте формирования нового миропорядка. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 4. С. 29–48. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-69-4-29-48

Дубенко С.Э., Мажаева Т.В., Насыбуллина Г.М. Значение количественной и качественной оценок белка в рационе питания работающих. *Медицина труда и промышленная экология*. 2019. № 59 (2). С. 97–103. http://doi.org/10.31089/1026–9428–2019–59–2–97–103

Растянникова Е.В. *БРИКС: первичный сектор экономики в мировом хозяйстве в начале XXI века*. М.: ИВ РАН, 2016.

Пахомов В.И., Хлыстунов В.Ф., Брагинец С.В., Бахчевников О.Н. Состояние и перспективы использования растительного сырья в кормах для аквакультуры (обзор). *Аграрная наука Евро-Северо-Востока*. 2022. Т. 23. № 3. С. 281–294. https://doi.org/10.30766/2072-9081.2022.23.3.281-294

Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. Продовольственная безопасность Африки: недоедание и ожирение. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 5. С. 37–45. https://doi.org/10.31857/S032150750020171-0

Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. Продовольственная безопасность малых островных развивающихся государств Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 8. С. 22–32. https://doi.org/10.31857/S0321507524080037

Сугаков Г.К. Экономика Мирового океана: перспективные направления российско-африканского сотрудничества. М.: Институт Африки РАН, 2025.

Титова Е.С. Особенности моделей «зеленой», циркулярной и биоэкономики для достижения устойчивого развития. *Экономика устойчивого развития*. 2024. № 2 (58). С. 245–251.

Фитуни Л.Л. Довести до конца процесс деколонизации! *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 4. С. 5–17. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2020-53-4-5-17

Ярош О.Б., Кобечинская В.Г. Перспективы развития аквакультурного хозяйства в Республике Крым на принципах биоэкономики. *Экономика строительства и природопользования*. 2020. № 2 (75). С. 24–33. https://doi.org/10.37279/2519-4453-2020-2-24-33

Chan C.Y., Tran N., Cheong K.C., Sulser T.B., Cohen P.J., Wiebe K., Nasr-Allah A.M. The future of fish in Africa: Employment and investment opportunities. *PloS ONE*. 2021. Vol. 16. № 12. Pp. 1–12. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0261615

Glencross B., Fracalossi D.M., Hua K., Izquierdo M., Mai K., Overland M., Robb D., Roubach R., Schrama J., Small B., Tacon A., Valente L.M.P., Viana M.-T., Xie S., Yakupityage A. Harvesting the benefits of

nutritional research to address global challenges in the 21st century. *Journal of the World Aquaculture Society*. 2023. Vol. 54. № 2. Pp. 343–363. https://doi.org/10.1111/jwas.12948

Haque S.A., Al Jufaili S.M. Applications of Artificial Intelligence in Fisheries: From Data to Decisions. *Big Data and Cognitive Computing*. 2026. Vol. 10. № 19. Pp. 1–36. https://doi.org/10.3390/bdcc10010019

Jobe F.H. Fishmeal Production and the Dispossession of Women in the Gambia. *Feminist Africa*. 2023. Vol. 4. № 1. Pp. 43–73.

Lethimonnier D., Bentz B., Mikolasek O., Oswald M. Case study of innovations in commercial West African family fish farming that led to an ecological intensification. *Aquatic Living Resources*. 2022. Vol. 35. № 6. Pp. 1–11. https://doi.org/10.1051/alr/2022006

Matandirotya N.R., Filho W.L., Mahed G., Maseko B., Murandu C.V. Edible Insects Consumption in Africa towards Environmental Health and Sustainable Food Systems: A Bibliometric Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. № 19 (22). 14823. https://doi.org/10.3390/ijerph192214823

Mnyoro M.S. The status of recirculating aquaculture systems in Africa: A review. *International Journal of Fisheries and Aquatic Studies*. 2025. Vol. 13. № 5. Part D. Pp. 279–293. https://doi.org/10.22271/fish.2025.v13.i5d.3169

Pal M., Bekele A., Rebuma T., Ragasa T. Contribution of Fisheries to Food Security in Ethiopia: a Comprehensive Review. *Journal of Nutrition and Food Processing*. 2025. Vol. 8. № 3. Pp. 1–7. https://doi.org/10.31579/2637-8914/297

Rogel-Castillo C., Castañeda M.L., Muñoz-Muñoz C., Agurto-Muñoz C. Seaweeds in Food: Current Trends. *Plants*. 2023. Vol. 12. № 12. 2287. https://doi.org/10.3390/plants12122287

Saba A.O., Fakoya K., Elegbede I.O., Amoo Z.O. Replacement of Fishmeal in the Diet of African Catfish (Clarias gariepinus): A Systematic Review and Meta-Analysis. *Pertanika Journal of Tropical Agricultural Science*. 2023. Vol. 46. № 1. Pp. 153–176. https://doi.org/10.47836/pjtas.46.1.09

Saidu M. Contributions of Fisheries and Aquaculture to Food Security in Africa. In: Sundaray J.K., Rather M.A., Ahmad I., Amin A. (Eds.). *Food security, nutrition and sustainability through aquaculture technologies*. Cham: Springer Nature, 2025. Pp. 493–502. https://doi.org/10.1007/978-3-031-75830-0_28

Research article

THE ROLE OF AQUACULTURE IN THE WORLD ECONOMY AND ITS IMPORTANCE FOR AFRICA

© 2026 G.K. Sugakov

SUGAKOV Gleb Konstantinovich, PhD (Economics), Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6270-209X. E-mail: g.sugakov@inafr.ru

Abstract. The article examines the importance of aquaculture in the context of the food problem, for the world economy as a whole and for Africa, in particular. The author's analysis of food security indicators by macro-regions of the world has shown that in the 21st century, the situation with malnutrition and insufficient animal protein consumption in Africa not only has not improved but has even exacerbated further. Given the relative affordability of fish compared to meat, fish products have greater potential to improve the diet of Africans, both in quantity and quality of food. However, in recent decades, the volume of fish production in the oceans, rivers, and lakes has not been able to meet the growing demand, which means that only aquaculture production can compensate for the shortage of fish. This requires fish feed, and that includes fishmeal, which is produced from small fish species that were previously consumed in Africa directly. As a result, the author has identified a vicious cycle that undermines the potential of fisheries and aquaculture to improve food security in Africa. To overcome this challenge, the article discusses four strategies for the responsible use of fishmeal in aquaculture proposed by the FAO, namely 1) Supporting the increase of non-fed and low-input aquaculture; 2) Identifying alternative ingredients to replace fishmeal; 3) Selective use of fishmeal; 4) Improving feed and feeding efficiency. The author concludes that the last one is the most promising

strategy in the context of Russian-African cooperation. The paper identifies the Russian products (feed additives) that can be used in Africa to increase aquaculture production in an environmentally friendly way and, consequently, improve food security. In addition, a significant positive role can be played by the comprehensive bioeconomic approach (emerging as a management model in Russia), Russian education in the field of aquatic biological resources and aquaculture, and joint scientific research.

Keywords: aquaculture, world economy, economics of fish farming, Russian-African relations, food security, food sovereignty, blue economy, bioeconomy

Acknowledgments. The research was conducted as part of the Institute for African Studies RAS State Assignment, Project No. FMZE-2025-0012 “Spatial vectors of economic and demographic transformations in African countries and regions in the era of new multipolarity.”

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Sugakov G.K. (2026). The Role of Aquaculture in the World Economy and Its Importance for Africa. *Journal of the Institute for African Studies*. Vol. 12. № 3. Pp. 86–99. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-86-99

Научная статья

ПОЛИТИКА КИТАЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АФРИКЕ: АКТОРЫ, ИНСТИТУТЫ И МЕХАНИЗМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

© 2026 О.П. Рубо

РУБО Олеся Петровна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета международных отношений, докторант кафедры международных отношений, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь. E-mail: rubo@bsu.by

Аннотация. Статья посвящена анализу политики Китайской Народной Республики в сфере обеспечения продовольственной безопасности в Африке. В статье выявляются ключевые акторы, основные институты и механизмы реализации политики, а также оценивается роль китайско-африканского сотрудничества в решении продовольственных проблем континента. Показано, что взаимодействие прошло путь от политически мотивированной помощи к комплексной стратегии, сочетающей расширение политического взаимодействия, содействие развитию, инвестиции, торговлю и трансфер технологий как на двусторонней основе, так и в рамках многосторонних платформ, в частности Форума китайско-африканского сотрудничества и специализированного Форума сотрудничества в сфере сельского хозяйства. На основе анализа официальных документов КНР, совместных деклараций и данных международных организаций определен вклад Китая в снижение уровня голода и модернизацию аграрного сектора, одновременно выявлены сохраняющиеся вызовы: торговый дисбаланс, риски зависимости от сырьевого экспорта, вопросы землепользования. Подтверждается, что активное участие Китая и африканских государств в деятельности ООН и ее специализированных учреждений создает дополнительные предпосылки для согласования подходов к обеспечению глобальной продовольственной безопасности, а также реализации Целей устойчивого развития. Особое внимание в статье уделено перспективам цифровизации сельского хозяйства в африканских странах как фактору повышения производительности, формирования более устойчивых механизмов обеспечения населения продовольствием. Делается вывод о значимости дальнейшего развития китайско-африканского стратегического партнерства для укрепления продовольственной безопасности при условии повышения прозрачности проектов, расширения участия местных сообществ и совершенствования механизмов многосторонней координации.

Ключевые слова: Китай, Африка, продовольственная безопасность, Цели устойчивого развития, Форум китайско-африканского сотрудничества, «Один пояс, один путь», «Глобальный Юг», ООН, глобальное управление продовольственной безопасностью

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рубо О.П. Политика Китая в сфере обеспечения продовольственной безопасности в Африке: акторы, институты и механизмы сотрудничества. *Ученые записки Института Африки РАН.* 2026. Т. 12. № 3. С. 100–115. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-100-115

ВВЕДЕНИЕ

С начала XXI в. Африканский континент переживает быстрый и стабильный экономический рост, но из-за совокупного влияния внутренних и внешних факторов

ситуация с продовольственной безопасностью в Африке продолжает оставаться сложной. На континенте около 930 млн га земли, пригодных для сельского хозяйства [Kampini, Kalepa 2024], но около 60% плодородных земель континента остаются неиспользованными[1]. Африка ежегодно тратит от $70 до $100 млрд на импорт продовольствия, при этом ключевыми импортными позициями являются пшеница, рис, кукуруза и растительные масла[2].

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), в 2024 г. от 638 до 720 млн человек, что соответствует 7,8–8,8% мирового населения, испытывали нехватку продовольствия и сталкивались с проблемой голода. На Африканский континент приходилось около 307 млн голодающих. Прогнозируется, что к 2030 г. на Африку будет приходиться около 60% населения планеты, страдающих от недоедания[3].

Китай как важный партнер африканских государств на протяжении длительного времени оказывает содействие в решении проблемы обеспечения продовольственной безопасности на континенте. Это обусловлено большими достижениями самого Китая в обозначенной сфере и намерением поделиться своими опытом и знаниями в области сельскохозяйственных технологий [Kampini, Kalepa 2024].

Целью статьи является анализ политики Китая в сфере обеспечения продовольственной безопасности в Африке, выявление ключевых акторов, институтов и механизмов ее реализации, а также оценка роли китайско-африканского сотрудничества в решении продовольственных проблем африканских стран.

В условиях усиления роли «Глобального Юга» и трансформации мировой политической системы сотрудничество Китая со странами Африки привлекает повышенное внимание исследователей. Взаимодействие сторон в сфере продовольственной безопасности анализируют китайские авторы Цзян Лу [Jiang 2020], Чжао Вэньцзе, Чжу Лили, Лу Лили [Zhao, Zhu, Lu 2026], Чжан Шуай [Zhang 2023], Чжан Мэнъин, Лу Хан [Zhang, Lu 2023], Ли Сяоюнь [Li et al. 2017]. Изучению роли Китая в системе глобального управления продовольственной безопасностью посвящены научные работы Чжань Шаохуа [Zhan 2022], Лун Вэньцзиня [Long et al. 2025] и других аналитиков.

Африканские авторы также уделяют большое внимание анализу сотрудничества Китая со странами континента. Среди них следует выделить Пепа М. и Минойя П. [Pepa, Minoia 2026], А.А. Олуоко-Одинго, Э.Х.О. Айиемба [Oluoko-Odingo, Ayiemba 2020], Т. Кампини, Дж. Калепа [Kampini, Kalepa 2024]. Значительный вклад в исследование отношений Китая с африканскими странами, в том числе по вопросам сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности, внесли следующие российские авторы: Т.Л. Дейч [Дейч 2008; Дейч 2018], А.А. Забелла [Забелла 2017], Е.И. Зеленев и М.А. Солощева [Зеленев, Солощева 2020], В.А. Смирнова [Смирнова 2025]. В западной научной литературе вопросы китайско-африканского сотрудничества в сфере обеспечения продовольственной безопасности проанализированы в работах К. Олдена [Alden 2007], Д. Бройтигам [Bräutigam 2015], Л. Бакли [Buckley 2013].

Основу источниковой базы данного исследования составили официальные документы КНР, международных организаций, совместные китайско-африканские

[1] Musau Z. Africa's progress towards food security. *United Nations. Africa Renewal*. 31.03.2026. https://africarenewal.un.org/en/magazine/africas-progress-towards-food-security (accessed: 05.05.2026)
[2] Ibid.
[3] The State of Food Security and Nutrition in the World 2025 – Addressing high food price inflation for food security and nutrition. *FAO*. 2025. https://doi.org/10.4060/cd6008en (accessed: 04.05.2026)

декларации и планы действий, принимаемые по итогам каждого Форума китайско-африканского сотрудничества, выступления официальных лиц, материалы информационных агентств. Методология исследования основывается на историческом и сравнительном анализе, системном и структурно-функциональном подходах и дискурс-анализе.

ИСТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

1959–1990-е гг. Сотрудничество Китая и африканских государств в области сельского хозяйства начало формироваться в 1959 г., когда Китай приступил к оказанию помощи африканским странам. Первоначально данное взаимодействие носило преимущественно политический характер и основывалось главным образом на предоставлении односторонней помощи в целях развития [Zhao, Zhu, Lu 2026]. В 1960–1970-х гг. традиционные формы сельскохозяйственной помощи странам Африки, такие как строительство ферм и передача опыта в области развития сельского хозяйства, являлись важным инструментом внешнеполитической стратегии КНР. В условиях «холодной войны» такая деятельность страны была ориентирована на преодоление изоляции и расширение международной поддержки. При определении направлений сотрудничества КНР ориентировалась на потребности африканских государств в их развитии. В этой связи сельскохозяйственный сектор стал приоритетным ввиду его особого значения для стран Африканского континента. Сотрудничество в указанной сфере одновременно способствовало повышению продуктивности сельского хозяйства и укреплению продовольственной безопасности в африканских странах, а также соответствовало внешнеполитическим интересам КНР, содействуя расширению ее международного признания [Jiang 2020: 200].

В 1980–1990-х гг. сотрудничество Китая с Африкой претерпело процесс консолидации и трансформации, в ходе которого принципы «взаимного развития и взаимной выгоды» получили бóльшее признание и подтверждение на правительственном уровне [Jiang 2020: 201]. Китай продолжал поддерживать африканские страны в их усилиях по достижению продовольственной самообеспеченности. Взаимодействие сторон демонстрировало переход к взаимовыгодной модели сотрудничества.

2000–2012 гг. В начале XXI в. обеспечение продовольственной безопасности было определено китайским правительством в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики. Десятилетия индустриализации и интенсивного развития сельского хозяйства привели к загрязнению почв, ухудшению экологической ситуации и деградации сельскохозяйственных угодий, что подорвало производственные возможности Китая в аграрной сфере [Pepa, Minoia 2026: 209]. Для решения этих проблем руководство страны стало прилагать значительные усилия для обеспечения продовольственной безопасности на национальном и международном уровнях. Политика КНР в аграрной сфере характеризовалась последовательным продвижением стратегии «выхода вовне» (*going out*), направленной на ускорение интернационализации китайского сельского хозяйства[4].

Китай стал уделять повышенное внимание расширению сотрудничества со странами Африки, обладающими значительным сельскохозяйственным потенциалом. В первом политическом документе Китая в отношении Африки, принятом в 2006 г.,

[4] Utilization of Foreign Capital and International Cooperation in Agricultural Sector. Ministry of Agriculture and Rural Affairs of the People's Republic of China. *Ministry of Agriculture and Rural Affairs*. 02.06.2009. https://english.moa.gov.cn/overview/201910/t20191009_296594.html (accessed: 11.05.2026)

отмечается, что Китай и Африка имеют схожий исторический опыт, всегда поддерживали друг друга в борьбе за национальное освобождение, что позволило им сформировать прочные дружеские узы. В программном документе подчеркивается намерение Китая содействовать развитию сельскохозяйственного сотрудничества и расширению обменов с африканскими государствами на различных уровнях, по различным каналам и в различных формах. Обеспечение продовольственной безопасности обозначается как одно из приоритетных направлений взаимодействия сторон[5].

В связи с обнародованием политического документа правительством КНР в отношении континента нидерландский исследователь М.П. ван Дейк выделил следующие цели китайской внешней политики в отношении стран Африки в контексте обеспечения продовольственной безопасности КНР:

– обеспечить поставки сырья в Китай, включая сельскохозяйственную продукцию;
– создать рынок для китайских товаров и услуг;
– получить земли для сельскохозяйственных целей;
– заручиться дипломатической поддержкой африканских стран;
– предложить альтернативу западной модели развития;
– укрепить статус Китая как сверхдержавы [Van Dijk 2009].

Примечательно, что участие Китая в сельском хозяйстве Африки привлекло повышенное внимание после финансового кризиса 2007–2008 гг., ставшего поворотным моментом в глобальной экономической экспансии Китая. Одновременно в СМИ усилились нарративы о так называемой китайской «гонке за Африку» [Obeng-Odoom 2024].

После XVIII съезда Коммунистической партии Китая, прошедшего в 2012 г., китайско-африканское сельскохозяйственное сотрудничество вступило в новую фазу, характеризующуюся более тесными формами взаимодействия и расширением форматов партнерства, что привело к формированию относительно целостного механизма сотрудничества с более широкими каналами координации и охватом направлений.

Китайские исследователи и государственные деятели рассматривают продовольственную безопасность как комплексную проблему, тесно связанную с социально-экономическим развитием. Данная позиция получила развитие в выступлении китайского исследователя Чжан Сяошаня на Седьмой встрече парламентского партнерства Азия–Европа (ASEP-7) в 2012 г. Будучи членом Комитета Всекитайского собрания народных представителей XII созыва по сельскому хозяйству и сельским делам и одним из ведущих китайских экспертов в области продовольственной безопасности, он обосновал необходимость обеспечения всестороннего и сбалансированного развития сельскохозяйственного сектора[6]. Это обусловило наращивание усилий Китая по укреплению глобального управления продовольственной безопасностью.

С **2013 г.** ключевым фактором расширения присутствия КНР на международной арене стала инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), которая, в частности, способствовала развитию инфраструктурных проектов в африканских странах – партнерах Китая. По мнению китайского руководства, реализация данной инициативы должна способствовать раскрытию потенциала экономического роста государств-

[5] China's African Policy. *Chinadaily.com.cn*. 12.01.2006. https://chinadaily.com.cn/english/home/2006-01/12/content_511730_5.htm (accessed: 11.05.2026)
[6] China stresses global coordination on food security. *China Daily*. 04.10.2012. https://chinadaily.com.cn/business/2012-10/04/content_15796838.htm (accessed: 10.05.2026)

участников, укреплению взаимосвязанности и экономической интеграции, а также обеспечению взаимовыгодного развития [Tortajada, Zhang 2021: 34]. Эффективность реализации ОПОП впоследствии получила положительную оценку со стороны ряда африканских исследователей. По их мнению, данная инициатива способствует повышению производительности сельского хозяйства Африки и обладает огромным потенциалом для африканских стран в целях расширения внутриафриканской торговли и их интеграции в глобальные цепочки поставок, а также наращивания объемов поставок импорта и экспорта[7]. В рамках ОПОП наблюдается тенденция к развитию концепции «Продовольственного Шелкового пути», которую следует рассматривать как попытку Китая перестроить глобальные цепочки поставок продовольствия в свою пользу посредством зарубежных сельскохозяйственных инвестиций, передачи сельскохозяйственных технологий, развития инфраструктуры и формирования механизмов политической координации [Tortajada, Zhang 2021].

Приоритетное значение стабильного обеспечения продовольственной безопасности закреплено в официальных документах КНР. В «Центральном документе № 1» 2014 г. китайское правительство провозгласило курс на ускорение реализации стратегии выхода аграрного сектора на глобальный рынок[8]. Предполагалось, что реализация данной стратегии будет способствовать укреплению роли Китая в обеспечении глобальной продовольственной безопасности [Chen et al. 2017]. В 2015 г. Закон о национальной безопасности Китая включил продовольственную безопасность во всеобъемлющую систему национальной безопасности[9], что повысило значимость продовольственной безопасности в процессе выстраивания государственной политики [Long et al. 2025].

Опираясь на такие принципы, как искренность, достижение практических результатов, дружба и добросовестность, озвученные председателем КНР Си Цзиньпином в 2015 г. в Йоханнесбурге на церемонии открытия саммита в рамках Форума по китайско-африканскому сотрудничеству, Китай позиционирует себя как надежный друг и партнер стран Африки по развитию сотрудничества в области продовольственной безопасности. Си Цзиньпин подчеркнул, что в политической сфере стороны должны сохранять приверженность принципам политического равенства и взаимного доверия, а также отметил, что Китай обладает полной уверенностью в том, что Африка принадлежит африканским народам, которые должны самостоятельно принимать решения по вопросам, касающимся континента[10].

В опубликованном Министерством коммерции КНР в 2021 г. программном документе «Видение сотрудничества Китая и Африки до 2035 г.» подчеркивается намерение сторон углублять взаимодействие в сельском хозяйстве по всей цепочке создания стоимости, включая производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции[11].

Значительная часть африканского населения положительно воспринимает Китай, поскольку китайский подход к экономическому сотрудничеству рассматривается как

[7] Belt and Road Initiative transforming Africa's development landscape: Experts. *Xinhua.* 25.08.2022. https://english.scio.gov.cn/m/beltandroad/2022-08/25/content_78388818.htm (accessed: 25.04.2026)

[8] No.1 Central Document targets rural reform. *Embassy of the People's Republic of China in Nepal.* 21.01.2014. https://np.china-embassy.gov.cn/eng/News/201401/t20140121_1583361.htm (accessed: 19.04.2026)

[9] National Security Law of the People's Republic of China. *China Law Translate*. 01.07.2015. https://chinalawtranslate.com/en/2015nsl/ (accessed: 19.04.2026)

[10] Си Цзиньпин открывает новую главу в китайско-африканских отношениях. *Russian.news.cn.* 05.12.2015. https://russian.news.cn/2015-12/05/c_134888402.htm (дата обращения: 10.05.2026)

[11] China-Africa Cooperation Vision 2035. *Ministry of Commerce of China.* 10.12.2021. http://focac.org/eng/zywx_1/zywj/202201/t20220124_10632442.htm (accessed: 22.04.2026)

альтернатива западной экспансии. В основе современных китайско-африканских отношений лежит ориентация на взаимовыгодные практические результаты, отраженная в официальной политике КНР [Zhao et al. 2026]. Продвигаемые Китаем нарративы взаимовыгодного сотрудничества способствуют легитимации китайской политики на Африканском континенте, представляя ее преимущественно как прагматичную и деполитизированную модель сотрудничества [Mohan, Tan-Mullins 2019]. Китай представляет значительный практический интерес для стран Африки как пример государства, сумевшего обеспечить продовольственную безопасность при одновременном сохранении экологической устойчивости агроландшафтов. Малавийские исследователи Т. Кампини, Дж. Калепа рекомендуют странам Африки использовать сотрудничество с Китаем для получения передового опыта в целях развития сельскохозяйственного сектора и укрепления продовольственной безопасности [Kampini, Kalepa 2024].

Как один из основных партнеров африканских стран Китай взял на себя обязательство содействовать повышению продовольственной самообеспеченности на континенте. В белой книге «Китай и Африка в новую эпоху: партнерство равных», опубликованной в ноябре 2021 г., укрепление взаимовыгодного сотрудничества в сфере сельского хозяйства с Африкой указано в качестве одного из важных направлений взаимодействия сторон. В документе подчеркивается заинтересованность Китая в обмене опытом и технологиями в области развития сельского хозяйства с африканскими странами и значение КНР как экспортного направления для африканской сельскохозяйственной продукции[12]. Расширение сотрудничества Китая с Африкой, по мнению китайского руководства, должно служить построению китайско-африканского сообщества единой судьбы в новую эпоху и развитию китайско-африканского стратегического партнерства [Zhang 2023].

Приверженность Китая обеспечению глобальной продовольственной безопасности и продвижению концепции «сообщества единой судьбы человечества» сформировала основу китайской модели поддержки сельскохозяйственного развития в развивающихся странах [Zhang, Lu 2025]. Расширение взаимодействия Китая со странами Африки происходит и в рамках Форума китайско-африканского сотрудничества (ФКАС).

КЛЮЧЕВЫЕ АКТОРЫ И ИНСТРУМЕНТЫ

Ключевыми акторами, обеспечивающими реализацию внешней политики Китая в сфере продовольственной безопасности, выступают Министерство иностранных дел КНР, Министерство коммерции КНР и Министерство сельского хозяйства и села КНР и китайские компании.

Министерство иностранных дел КНР формулирует рекомендации, содействует проведению переговоров и координирует взаимодействие с профильными ведомствами. Департамент международных экономических дел непосредственно поддерживает стратегию выхода на зарубежные рынки. В начале XXI в. МИД КНР стал активным участником экономической дипломатии, в том числе через формирование региональных «форумов сотрудничества», одним из которых стал Форум китайско-африканского сотрудничества. **Министерство коммерции КНР** курирует экономических и торговых советников в составе китайских посольств за рубежом,

[12] China and Africa in the New Era: A Partnership of Equals. *The State Council Information Office of the People's Republic of China.* 2021. http://scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2021n_2242/202207/t20220704_130718.html (accessed: 05.05.2026)

поддерживает исходящие инвестиции через Департамент внешних инвестиций и экономического сотрудничества, содействует китайским компаниям при выходе на зарубежные рынки. Для продвижения сельскохозяйственных интересов за рубежом **Министерство сельского хозяйства и села КНР** использует два профильных подразделения – Департамент международного сотрудничества и Центр внешнеэкономического сотрудничества. Эти структуры осуществляют планирование, оценку и поддержку реализации иностранных аграрных проектов, выполняя функции, близкие к задачам Департамента внешних инвестиций и сотрудничества Министерства коммерции КНР, а также взаимодействуют с другими ведомствами при формировании стратегий выхода на мировые рынки [Bräutigam 2015]. Стратегия «выхода за рубеж» стимулирует китайские компании, в том числе государственные сельскохозяйственные предприятия, расширять инвестиционную деятельность за пределами страны. Это способствует расширению доступа Китая к глобальным продовольственным ресурсам и укреплению его потенциала в сфере продовольственной безопасности [Xu et al. 2016].

Расширение присутствия Китая в сельскохозяйственном секторе африканских государств и его участие в обеспечении продовольственной безопасности реализуются прежде всего посредством таких инструментов, как содействие развитию, торговля и инвестиции.

Китай оказывает африканским государствам помощь в развитии ирригационной инфраструктуры, реализации мер по борьбе с опустыниванием, оптимизации использования земельных угодий. В рамках соответствующих программ представители африканских стран посещают сельскохозяйственные объекты Китая, знакомятся с современными технологиями, а также проходят практическую подготовку [Дейч 2018: 130]. Глава китайской миссии при Африканском союзе Цзян Фэн заявил в 2025 г., что сотрудничество в сфере сельского хозяйства занимает важное место в системе взаимовыгодного взаимодействия между Китаем и африканскими государствами. По его словам, к 2025 г. Китай создал более 20 демонстрационных центров сельскохозяйственных технологий и внедрил более 300 передовых сельскохозяйственных технологий в Африке, направил более 500 китайских специалистов в области сельского хозяйства и организовал обучение почти 9 тыс. африканских специалистов[13].

Представляется, что открытие демонстрационных центров носит выраженный политический характер, поскольку соответствующие решения принимаются на высшем межгосударственном уровне. Одновременно функционирование таких площадок предполагает активное участие как китайских, так и местных компаний, что отражает увязку политических и экономических инструментов в развитии сотрудничества КНР со странами Африки.

Согласно позиции руководства Китая, решение проблемы продовольственной безопасности в Африке будет способствовать стабилизации цен на мировых продовольственных рынках. Передача сельскохозяйственных технологий, обмен опытом и развитие профессиональных компетенций рассматриваются как важные инструменты преодоления инфраструктурных и энергетических ограничений, сдерживающих развитие аграрного сектора африканских стран [Ndoricimpa 2022]. Африканские лидеры, со своей стороны, заинтересованы во взаимодействии с Китаем, поскольку тот располагает доступными сельскохозяйственными технологиями, эффективность которых обусловлена возможностью их адаптации к условиям стран

[13] China, AU renew partnership to advance modern agricultural technology in Africa. *Xinhua.* 2025. https://english.news.cn/20250830/e81510daaa8a4485a7cd3ed835dac99e/c.html (accessed: 20.04.2026)

Африки [Lawther 2017]. Например, внедрение и развитие технологии гибридного риса было осуществлено в странах Восточной Африки, что позволило Танзании стать крупнейшим производителем этого продукта в регионе [Siméon, Li, Xiao 2022]. Китайские компании осуществляют передачу технологий в рамках соглашений, заключаемых Китаем с правительствами африканских государств.

Китай последовательно стимулировал свои компании к инвестированию и реализации проектов развития в Африке. Такая политика страны обусловлена, в частности, сохраняющимся низким уровнем технологического развития ряда африканских стран и проблемами обеспечения продовольственной безопасности. Тем самым Китай стремится содействовать укреплению политической и экономической самостоятельности африканских государств. По состоянию на 2024 г. объем сельскохозяйственных инвестиций китайских предприятий в странах Африки превысил $1 млрд, более 200 китайских компаний осуществляли инвестиционную деятельность в аграрном секторе континента[14]. Географический охват данных инвестиций распространялся на более чем 30 африканских государств [Zhao et al. 2026].

Торговля сельскохозяйственной продукцией в последние годы превратилась в одно из ключевых направлений китайско-африканского сотрудничества. Китай превратился во второе по значимости направление экспорта африканской сельскохозяйственной продукции. Объем импорта сельскохозяйственной продукции из африканских стран существенно увеличился – с $190 млн в 2000 г. до $5,3 млрд в 2024 г. Однако доля импорта сельскохозяйственной продукции Китая из Африки в общем импорте остается относительно низкой – около 5%[15]. Вместе с тем Китай продолжал демонстрировать готовность создавать новые возможности для экспорта продукции сельского хозяйства. В частности, с 1 мая 2026 г. КНР ввела нулевые таможенные тарифы для 53 африканских государств, имеющих дипломатические отношения с Пекином, что обеспечило африканским экспортерам сельскохозяйственной продукции расширенный доступ на китайский рынок[16]. Данная китайская инициатива получила широкую поддержку со стороны африканских государств и была положительно оценена политическими элитами континента[17].

САММИТОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Начиная с XXI в. сотрудничество Китая с африканскими государствами сопровождалось поступательным развитием партнерских отношений. Центральным механизмом координации и выработки общерегиональных подходов становится Форум китайско-африканского сотрудничества [Смирнова 2023: 151].

Перед каждой сессией ФКАС правительство КНР проводит консультации с африканскими государствами для выявления их потребностей развития и обсуждает ключевые области взаимодействия. Такая процедура нацелена на координацию интересов сторон и достижение взаимной выгоды, а также на согласование

[14] China-Africa cooperation empowers African countries' drive toward modernization. *Xinhua*. 2024. https://english.www.gov.cn/news/202409/04/content_WS66d7c6fdc6d0868f4e8ea908.html (accessed: 24.04.2026)

[15] Sino-African relations continue to deepen, trade cooperation increasingly close. *China Daily*. 22.09.2025. https://fujian.gov.cn/english/business/news/202509/t20250922_7013183.htm (accessed: 20.04.2026)

[16] Очередная пресс-конференция 19 мая 2026 г. у официального представителя МИД КНР Го Цзякуня. *Официальный сайт посольства КНР в Республике Беларусь*. https://by.china-embassy.gov.cn/rus/fyrth/202605/t20260521_11914875.htm (дата обращения: 11.05.2026)

[17] Zhao J. Zero-tariff policy opens wider door for African goods. *China Daily*. 22.05.2026. https://chinadaily.com.cn/a/202605/22/WS6a10420da310d6866eb4a368.html (accessed: 22.05.2026)

стратегических планов развития КНР и африканских стран, что повышает адаптацию китайско-африканского сотрудничества в области сельского хозяйства к специфике каждой страны. Признание Китая африканскими политическими элитами в качестве стратегического партнера во многом связано с его значительным вкладом в финансирование инфраструктурных проектов стран континента [Zhao et al. 2026].

Исследователь Дж. Страусс отмечает, что тезис о том, что Китай является крупнейшей развивающейся страной мира, а Африка представляет собой континент с наибольшим числом развивающихся государств, присутствовал во всех выступлениях китайского руководства, открывающих встречи ФКАС [Strauss 2019: 36]. Данная формулировка допускает различные интерпретации. С одной стороны, она может рассматриваться как отражение логики, согласно которой китайский опыт развития выступает образцом, подлежащим адаптации в африканских странах. С другой стороны, эта риторика акцентирует внимание на взаимодополняемости Китая как единого крупного государства и Африки как совокупности многочисленных государств, различающихся по масштабам и уровням социально-экономического развития, что формирует основу для взаимовыгодного сотрудничества [Strauss 2019].

Китайское правительство активно поддерживает выход национальных компаний на африканские рынки посредством таких механизмов, как ФКАС. Со своей стороны, многие африканские правительства рассматривают китайские инвестиции как инструмент достижения собственных целей развития и активно участвуют в создании благоприятных условий для их привлечения и реализации [Pepa, Minoia 2026: 212]. Так, на третьем Форуме сотрудничества в 2006 г. была выдвинута инициатива создания десяти демонстрационных центров сельскохозяйственных технологий по всему континенту. На четвертом Форуме в 2009 г. были определены меры по расширению сети центров в соответствии с потребностями развития Африки [18]. После принятия в 2015 г. Повестки дня Африканского союза на период до 2063 г. в ее приоритетные направления были включены в План действий ФКАС на 2016–2018 гг. Особое внимание было уделено развитию сельского хозяйства как критически важного сектора экономики. Это свидетельствует о согласовании основных направлений развития китайско-африканских отношений с региональными стратегиями и долгосрочными целями развития Африки.

В 2022 г. Китайская академия сельскохозяйственных наук и Африканская академия сельскохозяйственных наук инициировали создание Китайско-африканского альянса по инновациям в области сельскохозяйственной науки и технологий как платформы для сотрудничества и обмена опытом между китайскими и африканскими научно-исследовательскими учреждениями и предприятиями. Инициатива была озвучена на втором Форуме китайско-африканского сотрудничества в области сельского хозяйства в ноябре 2023 г. в Санье, провинции Хайнань, в присутствии 40 министров сельского хозяйства Китая и стран Африки. Данная инициатива была позитивно воспринята участниками, вследствие чего представители ряда африканских научно-исследовательских учреждений и посольств в Китае заявили о намерении вступить в Альянс[19].

В ходе саммита Си Цзиньпин объявил о качественном повышении уровня взаимодействия со странами Африки – общий статус китайско-африканских отношений был поднят до уровня всепогодного китайско-африканского сообщества единой судьбы

[18] Forum on China-Africa Cooperation Sharm El Sheikh Action Plan (2010–2012). *FOCAC*. 12.11.2009. http://www.focac.org/eng/zywx_1/zywj/200911/t20091112_7933571.htm (accessed: 11.05.2026)

[19] Who We Are. *China-Africa Agricultural Science and Technology Innovation Alliance*. https://caastia.org/AboutUs/WhoWeAre/index.htm (accessed: 12.05.2026)

в новую эпоху[20]. Указанные изменения демонстрируют тенденцию к укреплению институциональных основ китайско-африканского партнерства и усилению политической консолидации сторон.

По итогам саммита ФКАС были опубликованы Пекинская декларация и Пекинский план действий на 2025–2027 гг., которые определили основные направления и приоритеты развития китайско-африканского сотрудничества на последующий трехлетний период. В Плане действий зафиксированы следующие обязательства КНР: строительство или модернизация 10 демонстрационных центров сельскохозяйственных технологий, создание зарубежных демонстрационных зон китайских стандартов ведения сельского хозяйства общей площадью около 6 тыс. га и предоставление африканским странам продовольственной помощи на сумму 1 млрд юаней[21]. Повышенное внимание сторон к развитию сельского хозяйства и обеспечению продовольственной безопасности в документах саммитов ФКАС свидетельствует о значимости данного направления в китайско-африканских отношениях.

МНОГОСТОРОННИЕ ИНСТИТУТЫ

Китай, обеспечивающий продовольствием примерно одну пятую часть населения мира[22], играет решающую роль как в региональной, так и в глобальной продовольственной безопасности благодаря своей продовольственной политике. Страна последовательно поддерживает центральную роль ООН в глобальном управлении продовольственной безопасностью и активно участвует в деятельности Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, Международного фонда сельскохозяйственного развития и Всемирной продовольственной программы ООН. В рамках этих международных платформ Китай уделяет повышенное внимание расширению сотрудничества в формате «Юг–Юг», направленного на оказание помощи африканским государствам в достижении продовольственной безопасности.

КНР последовательно выступает на международной арене, в том числе в рамках ООН, за обеспечение реализации права африканских государств на питание. Одновременно его стремление к созданию новых институциональных механизмов и поддержка стран Африки предоставляет ему возможность более активно участвовать в формировании глобальной повестки и содействовать распространению альтернативных норм и моделей развития.

Подчеркивая свою приверженность содействию в обеспечении продовольственной безопасности на Африканском континенте, Китай укрепляет образ надежного партнера в рамках сотрудничества «Юг–Юг». В этой связи Африка выступает площадкой для апробации инновационных форматов взаимодействия. К числу таких инициатив относятся совместные проекты КНР с учреждениями системы ООН, а также создание демонстрационных центров сельскохозяйственных технологий, которые впоследствии были интегрированы в глобальную сельскохозяйственную стратегию Китая. Китай не стремится к подрыву существующих механизмов глобального управления

[20] Си Цзиньпин принял участие в церемонии открытия пекинского саммита Форума китайско-африканского сотрудничества и выступил с программной речью. *МИД КНР*. 05.09.2024. https://mfa.gov.cn/rus/zxxx/202409/t20240908_11487195.html (дата обращения: 11.05.2026)

[21] Forum on China-Africa Cooperation Beijing Action Plan (2025–2027). *Forum on China-Africa Cooperation.* http://www.focac.org/eng/zywx_1/zywj/202409/t20240926_11497783.htm (accessed: 11.05.2026)

[22] China Focus: How China contributes to world food security by holding its "rice bowl" firmly. *Xinhua.* 14.10.2025. https://english.news.cn/20251014/71acb841e6784142b96ded2f19e197fb/c.html (accessed: 19.04.2026)

продовольственной безопасностью, а, напротив, усиливает свои позиции на международных переговорах посредством выстраивания сотрудничества со странами Глобального Юга [Смирнова 2025].

По мнению экспертов С. Тортахада и Чжан Хунчжоу, значимым подтверждением усиления роли Китая на международной арене стало избрание в июне 2019 г. китайского дипломата Цюй Дунъюя генеральным директором ФАО [Tortajada, Zhang 2021: 33]. В 2023 г. он был переизбран на второй срок[23]. Это демонстрирует расширение участия Китая в решении вопросов глобального продовольственного управления. Более того, на протяжении многих лет китайские официальные лица и исследователи продвигают «китайское решение» применительно к различным аспектам глобальных вызовов в сфере управления, включая обеспечение продовольственной безопасности [Tortajada, Zhang 2021: 33].

Существенное место в политике Китая по обеспечению продовольственной безопасности в Африке занимает развитие механизмов трехстороннего сотрудничества с международными организациями. В частности, в партнерстве с ФАО и Всемирным банком реализуются проекты в рамках сотрудничества «Юг–Юг», где китайская сторона обеспечивает передачу аграрных технологий, технических знаний и практического опыта, тогда как международные организации предоставляют финансовые ресурсы, институциональную поддержку и управленческую экспертизу. Так, целевой фонд сотрудничества «Юг–Юг», учрежденный Китаем при ФАО, поддержал ряд африканских проектов, а практическая модель «эксперты прокладывают путь – государство предоставляет платформу – предприятия реализуют» внесла значимый вклад в повышение производства риса в Уганде и других странах. Совместный механизм равноправного участия и разделения обязанностей между Китаем и ФАО содействовал, согласно утверждению Чжан Шуая, формированию у африканских партнеров стремления к самостоятельному развитию и самодостаточности [Zhang 2023].

Дополнительным инструментом продвижения китайского подхода стала Глобальная инициатива развития (*Global Development Initiative*), выдвинутая Китаем в 2021 г. В рамках данной инициативы продовольственная безопасность определена в качестве одного из восьми ключевых направлений международного сотрудничества. По мнению Чжан Шуая, Глобальная инициатива развития отражает стремление Китая укрепить свою роль в качестве значимого участника и конструктивного субъекта международной системы развития, одновременно содействуя формированию более сбалансированной модели глобального управления, учитывающей интересы государств Глобального Юга [Zhang 2023].

Министр иностранных дел КНР Ван И представил на встрече глав МИД *G20* на Бали 8 июля 2022 г. очередную инициативу по сотрудничеству в области глобальной продовольственной безопасности. Он подчеркнул, что продовольствие и энергетика являются критически важными для стабильного функционирования мировой экономики и реализации Повестки дня ООН в области устойчивого развития до 2030 г. Первой из восьми предложенных мер он обозначил укрепление роли ООН и усиление поддержки деятельности ее специализированных учреждений[24].

[23] Qu Dongyu of China re-elected FAO Director-General. *FAO.* 02.07.2023. https://fao.org/newsroom/detail/qu-dongyu-of-china-re-elected-fao-director-general/en (accessed: 11.05.2026)

[24] Wang Yi Puts Forward China's Cooperation Initiative on Global Food Security. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China.* https://fmprc.gov.cn/eng/wjbzhd/202207/t20220709_10717974.html (accessed: 22.04.2026)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

По мнению ряда исследователей, китайский подход, основанный на принципе невмешательства, в условиях взаимодействия со слабыми институтами государственного управления может снижать эффективность предоставляемой помощи в целях развития и одновременно способствовать формированию у местного населения более критического отношения к присутствию и деятельности Китая в Африке. [Xu, Zhang 2020]. Другие эксперты указывают на риски ослабления контроля африканских государств над стратегически значимыми ресурсами в контексте значительной концентрации китайских инвестиций в сфере земельных ресурсов и сельскохозяйственной инфраструктуры [Zhao, Zhu, Lu 2026].

Сохраняющийся торговый дисбаланс также осложняет оценку результатов китайско-африканского взаимодействия в сфере продовольственной безопасности. Африканские страны преимущественно экспортируют в Китай сырьевые и первичные сельскохозяйственные товары, включая древесину, хлопок, масличные культуры и табак, тогда как импорт из Китая представлен преимущественно готовой промышленной и переработанной продукцией. Сосредоточение внимания на товарных культурах для экспорта на такие рынки, как Китай, может исказить местные сельскохозяйственные приоритеты. Этот сдвиг вызывает серьезные опасения по поводу продовольственной безопасности в Африке, поскольку местные фермеры могут отдавать приоритет экономически выгодным товарным культурам перед основными продовольственными культурами, жизненно важными для местного потребления [Zhao, Zhu, Lu 2026]. В частности, местные партнеры по техническому сотрудничеству и фермеры из Танзании, Эфиопии, Мозамбика, Зимбабве, а также представители местных общин выражают мнение, что внешняя сельскохозяйственная политика Китая ориентирована на приобретение, покупку или долгосрочную аренду сельскохозяйственных земель в целях укрепления собственной продовольственной безопасности. Подобная позиция, в частности, связывается с деятельностью демонстрационных центров сельскохозяйственных технологий, в рамках которых значительное внимание уделяется распространению технологий производства гибридного риса. При этом недостаточно внимания уделяется традиционным и социально значимым продовольственным культурам, прежде всего кукурузе [Siméon, Li, Xiao 2022].

В целом, благодаря применению китайских инновационных технологий наблюдается рост сельскохозяйственного производства в африканских странах. Исследователи Чжан Д., Линь Ц., Стивен О.Т. и Мао С. [Zhang et al. 2025] представили подробные результаты, основанные на данных 40 африканских стран за период с 2000 по 2022 гг. Авторы установили, что трансфер китайских технологий в области рисоводства оказал статистически значимое положительное воздействие сразу на три ключевых показателя: общий объем производства риса, площадь его возделывания и урожайность с единицы площади. Исследователи также обнаружили снижение интенсивности выбросов метана в рисоводстве и ускорение процесса сближения показателей производства между африканскими странами, характеризовавшимися различным исходным уровнем развития рисового хозяйства [Zhang et al. 2025].

В то же время результаты исследования демонстрационного центра в Дакове (Танзания), действующего с 2011 г., свидетельствуют о существенной роли ирригационной инфраструктуры в повышении продуктивности рисоводства. Установлено, что урожайность на орошаемых участках более чем в два раза превышала показатели неорошаемых участков, тогда как влияние обучения фермеров на

урожайность без доступа к ирригации не достигало статистической значимости [Mgendi, Mao, Qiao 2021].

Наконец, эффективность сотрудничества Китая со странами Африки во многом определяется условиями реализации проектов в сфере сельского хозяйства на национальном уровне. Существенную роль играют особенности режимов землепользования и землевладения, способность местных органов власти различных африканских государств регулировать земельные отношения, а также их способность обеспечивать безопасность китайских инвестиций и учитывать интересы местных сообществ. Сохраняется необходимость совершенствования механизмов управления земельными ресурсами, повышения прозрачности соответствующих процессов, а также усиления систем мониторинга и контроля.

В условиях трансформации глобальной системы управления сельским хозяйством и усиления конкуренции за формирование международных цифровых норм сотрудничество Китая и африканских государств в сфере цифровизации сельского хозяйства приобретает все большее значение. Для Китая участие в цифровой трансформации африканского сельского хозяйства является одним из инструментов продвижения Глобальной инициативы развития и практической реализации приоритетов, обозначенных в рамках «девяти программ» Форума китайско-африканского сотрудничества.

Для африканских стран внедрение цифровых технологий рассматривается как инструмент ускоренной модернизации сельского хозяйства, позволяющий сформировать более устойчивые и самодостаточные продовольственные системы. Расширение китайско-африканского сотрудничества в сфере цифровизации сельского хозяйства потенциально способно стабилизировать международный рынок зерна, что имеет важное значение для глобальной продовольственной безопасности. Моделирование, проведенное Международным институтом исследований продовольственной политики (*IFPRI*), показывает, что увеличение самообеспеченности Африки зерном на 10 процентных пунктов при использовании цифровых технологий может привести к снижению мировых цен на продовольствие на 15–20%. [Sun et al. 2026].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция политики Китая в отношении Африки характеризуется переходом от преимущественно политически мотивированной сельскохозяйственной помощи к стратегической модели сотрудничества в сфере продовольственной безопасности, основанной на принципах взаимной выгоды, партнерства и расширения практического взаимодействия. Сотрудничество осуществляется как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях, включает различных акторов и охватывает широкий спектр инструментов, прежде всего содействие развитию, инвестиции и торговлю.

Существенную роль в институционализации сотрудничества сыграло создание таких многосторонних механизмов, как Форум китайско-африканского сотрудничества и Форум китайско-африканского сотрудничества в сфере сельского хозяйства. Активное участие Китая и африканских государств в деятельности ООН и ее специализированных учреждений создает дополнительные возможности для согласования подходов к обеспечению глобальной продовольственной безопасности и обеспечения продвижения Целей устойчивого развития, связанных с искоренением голода, повышением устойчивости агропродовольственных систем.

В целом, Китай внес значимый вклад в повышение сельскохозяйственного потенциала и технологическое развитие ряда африканских стран, в том числе

посредством реализации проектов, направленных на снижение уровня голода и содействие устойчивому развитию. Тем не менее, хотя китайское содействие улучшает показатели доступности продовольствия и устойчивости местных хозяйств африканских стран, его воздействие на сокращение хронического голода остается ограниченным. В этой связи особое значение приобретает повышение прозрачности реализуемых проектов и более последовательный учет интересов местных сообществ, а также применение цифровых технологий в сельском хозяйстве, ориентированных на повышение производительности сельскохозяйственного производства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Дейч Т. Л. *Африка в стратегии Китая.* М.: Институт Африки РАН, 2008.

Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 5. С. 119–141. https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141

Забелла А.А. Африка во внешнеполитическом курсе КНР. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2017. Т. 9. № 4. С. 341–352. https://doi.org/10.22363/2312-8127-2017-9-4-341-352

Зеленев Е.И., Солощева М.А. Китайское проникновение в Африку: сравнительно-историческая ретроспектива. *Сравнительная политика*. 2020. Т. 11. № 4. С. 106–122. https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10052

Смирнова В.А. *Особенности участия КНР в многосторонних механизмах обеспечения продовольственной безопасности в 2007–2021 гг. (на примере Африки и Юго-Восточной Азии). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук*. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2025.

Alden C. *China in Africa.* New York: Zed Books, 2007. https://doi.org/10.5040/9781350219106

Bräutigam D. *Will Africa Feed China?* New York: Oxford University Press, 2015.

Buckley L. Chinese Agriculture Development Cooperation in Africa: Narratives and Politics. *IDS Bulletin*. 2013. Vol. 44. № 4. Pp. 42–52. https://doi.org/10.1111/1759-5436.12041

Chen Y., Li X., Wang L., Wang S. Is China different from other investors in global land acquisition? Some observations from existing deals in China's Going Global Strategy. *Land Use Policy*. 2017. Vol. 60. Pp. 362–372. https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2016.10.045

Jiang L. *Beyond Official Development Assistance: Chinese Development Cooperation and African Agriculture.* Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. https://doi.org/10.1007/978-981-32-9507-0

Kampini T., Kalepa J. China–Africa Collaboration in Agriculture and Food Security: Prospects and Challenges. In: Muchie M., Baskaran A., Tang M. (Eds.). *China-Africa Science, Technology and Innovation Collaboration*. Singapore: Springer Nature, 2024. Pp. 157–175. https://doi.org/10.1007/978-981-97-4576-0_9

Lawther I. Why African countries are interested in building agricultural partnerships with China: lessons from Rwanda and Uganda. *Third World Quarterly*. 2017. Vol. 38. №. 10. Pp. 2312–2329. https://doi.org/10.1080/01436597.2017.1333889

Li X., Qi G., Tang L., Zhao L., Jin L., Guo Z., Wu J. *Agricultural Development in China and Africa: AComparative Analysis*. London: Routledge, 2012. https://doi.org/10.4324/9780203129111

Long W., Meng T., Tian X., Fan S. China's food security and food system governance: recent developments and global implications. *Food Policy*. 2025. Vol. 137. 103000. https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2025.103000

Mgendi G., Mao S., Qiao F. Is a Training Program Sufficient to Improve the Smallholder Farmers' Productivity in Africa? Empirical Evidence from a Chinese Agricultural Technology Demonstration Center in Tanzania. *Sustainability*. 2021. Vol. 13. № 3. 1527. https://doi.org/10.3390/su13031527

Mohan G., Tan-Mullins M. The geopolitics of South–South infrastructure development: Chinese-financed energy projects in the global South. *Urban Studies*. 2019. Vol. 56. № 7. Pp. 1368–1385. https://doi.org/10.1177/0042098018794351

Nantulya P. Grand strategy and China's soft power push in Africa. *African Center for Strategic Studies*. 30.08.2018. https://africacenter.org/spotlight/grand-strategy-and-chinas-soft-power-push-in-africa/ (accessed: 20.09.2026)

Obeng-Odoom F. China–Africa Relations in The Economist, 2019–2021. *Journal of Asian and African Studies*. 2024. Vol. 59. № 3. Pp. 1000–1017. https://doi.org/10.1177/00219096221125423

Oluoko-Odingo A.A., Ayiemba E.H.O. Food Security in the Afro-China Cooperation: The Hanging, Untapped 'Win-Win' Partnership. *The African Review*. 2020. Vol. 47. № 2. Pp. 392–418. https://doi.org/10.1163/1821889X-12340025

Pepa M., Minoia P. Africa-China Agricultural Cooperation and the Promises of Modernization. In: Adu Amoah L.G. (Ed.). *Africa-China Relations: Partnership, Peonage or Pawnage?* Singapore: Palgrave Macmillan, 2026. Pp. 207–232. https://doi.org/10.1007/978-981-95-4370-0_10

Strauss J.C. Layered rhetorics and multiple realities: China and Africa. In: Hartmann C., Noesselt N. (Eds.). *China's New Role in African Politics: From Non-Intervention towards Stabilization?* London: Routledge, 2019. Pp. 37–58. https://doi.org/10.4324/9780429422393

Sun M., Yu H., Ren F., Chen Z., Lee X., Ding L. Empowering Sustainable Agriculture in Africa through Sino-African Digital Cooperation: Geopolitics, South–South Collaboration, and Strategic Pathways to Bridge the Digital Divide. *Frontiers in Sustainable Food Systems*. 2026. Vol. 10. 1748216. https://doi.org/10.3389/fsufs.2026.1748216

Tortajada C., Zhang H. When food meets BRI: China's emerging Food Silk Road. *Global Food Security*. 2021. Vol. 29. Pp. 1–13. https://doi.org/10.1016/j.gfs.2021.100518

Van Dijk M.P. Conclusions from China's activities in Africa. In: Van Dijk M.P. (Ed.). *The New Presence of China in Africa*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. Pp. 199–220.

Yang L., Yang R. Analysis of China-Africa agricultural cooperation situation. *International Relations and Diplomacy*. 2025. Vol. 13. № 2. Pp. 39–49. https://doi.org/10.17265/2328-2134/2025.02.001

Zhan S. *China and Global Food Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. https://doi.org/10.1017/9781108914680

Zhang M., Lu H. China-Africa Agricultural Cooperation from the Perspective of Jointly Advancing Modernization. *Journal of Northwest University (Philosophy and Social Sciences Edition).* 2025. № 6. (In Chinese). https://doi.org/10.16152/j.cnki.xdxbsk.2025-06-015

Zhang Sh. Analysis of China's Food Security Cooperation with African Countries in the New Era. *IPCR Contemporary World Journal*. 2023. № 1. Pp. 12–18. https://contemporaryworld.ipcr.gov.ng/wp-content/uploads/2026/02/Zhang_Shuai_Analysis_Of_China_Food_Security_2023.pdf

Zhang D., Lin Q., Stephen O. T., Mao S. Assessing the Effects of China's Rice Technology Transfer to Africa: Economic and Environmental Impacts on Rice Production. Food and Energy Security. 2025. Vol. 14. № 6. e70146. https://doi.org/10.1002/fes3.70146

Zhao W., Zhu L., Lu L. China–Africa Agricultural Cooperation Towards Sustainable Development Goals: Present Situation, Challenges and Prospect. *Sustainability*. 2026. Vol. 18. № 6. 2921. https://doi.org/10.3390/su18062921

Research article

CHINA'S POLICY ON ENSURING FOOD SECURITY IN AFRICA: ACTORS, INSTITUTIONS, AND COOPERATION MECHANISMS

© 2026 O.P. Rubo

RUBO Olesya Petrovna, PhD (History), Associate Professor, Deputy Dean, Faculty of International Relations; Doctoral Candidate, Department of International Relations, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: rubo@bsu.by

Abstract. The article examines the policy of the People's Republic of China aimed at strengthening food security in Africa. It identifies the key actors, institutions, and mechanisms involved in policy implementation and assesses the role of China–Africa cooperation in addressing the continent's food security challenges. The analysis demonstrates that China–Africa engagement has evolved from politically motivated assistance toward a comprehensive strategy combining enhanced political cooperation, development assistance, investment, trade, and technology transfer through both bilateral arrangements and multilateral platforms, particularly the Forum on China–Africa Cooperation and the specialized Forum on China–Africa Agricultural Cooperation. Based on an analysis of official PRC documents, joint declarations, and data from international organizations, the article identifies China's contribution to reducing hunger and modernizing Africa's agricultural sector, while also highlighting persistent challenges, including trade imbalances, the risks associated with dependence on

commodity exports, and land-use issues. The study further demonstrates that the active engagement of China and African states in the activities of the United Nations and its specialized agencies creates additional opportunities for coordinating approaches to global food security and advancing the Sustainable Development Goals. Particular attention is paid to the prospects for agricultural digitalization in African countries as a factor contributing to increased productivity and the development of more resilient mechanisms for ensuring food access. The article concludes that the further development of the China–Africa strategic partnership is important for strengthening food security, provided that greater transparency of projects, broader participation of local communities, and improved mechanisms of multilateral coordination are ensured.

Keywords: China, Africa, food security, Sustainable Development Goals, Forum on China–Africa Cooperation, Belt and Road Initiative, Global South, United Nations, global food security governance

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Rubo O.P. (2026). China’s Policy on Ensuring Food Security in Africa: Actors, Institutions, and Cooperation Mechanisms. *Journal of the Institute for African Studies*. Vol. 12. № 3. Pp. 100–115. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-69-3-100-115

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья

НАТУРАЛЬНЫЕ СПЕЦИИ В КУМАСИ С 1980-х ГОДОВ: РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ, ЭКОНОМИКЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИИ[1]

© 2026 С. Аду-Гьямфи, К.К.Н. Бочвей, Н. Габиану, П.А. Аддае, Э.Э. Нкрума, Ф. Баффур-Авуа

АДУ-ГЬЯМФИ Сэмюэл, профессор, факультет истории, политологии и государственного управления, Университет науки и технологий имени Кваме Нкрумы, Кумаси, Гана. ORCID: 0000-0002-0193-867X. E-mail: mcgyamfi@yahoo.com

БОЧВЕЙ Кирк Коджо Ниахе, научный сотрудник, факультет истории, политологии и государственного управления, Университет науки и технологий имени Кваме Нкрумы, Кумаси, Гана. ORCID: 0009-0004-3416-3550. E-mail: botchwaykirk5@gmail.com

ГАБИАНУ Норкплим, научный сотрудник, факультет истории, политологии и государственного управления, Университет науки и технологий имени Кваме Нкрумы, Кумаси, Гана. ORCID: 0009-0002-9470-3307. E-mail: gabianunorkplim@gmail.com

АДДАЕ Принс Ампофо, научный сотрудник, факультет истории, политологии и государственного управления, Университет науки и технологий имени Кваме Нкрумы, Кумаси, Гана. ORCID: 0009-0007-3501-396X. E-mail: paddae576@gmail.com

НКРУМА Эммануэлла Эфуа, научный сотрудник, факультет истории, политологии и государственного управления, Университет науки и технологий имени Кваме Нкрумы, Кумаси, Гана. ORCID: 0009-0000-2982-2479. E-mail: emmanuellnkrumah2002@gmail.com

БАФФУР АВУА Франциска, научный сотрудник, факультет истории, политологии и государственного управления, Университет науки и технологий имени Кваме Нкрумы, Кумаси, Гана. ORCID: 0009-0007-2995-9505. E-mail: francescabawuah1@gmail.com

Аннотация. С 1980-х гг. в Гане начали заметно меняться паттерны производства и потребления натуральных специй. Это было связано с изменениями в торговле, осознанием пользы специй для здоровья, их культурной и социальной значимостью, а также с политическими преобразованиями того периода. Данное исследование открывает новые горизонты в понимании роли натуральных африканских специй, особенно в том, как они потребляются и какую роль играют в традиционных культурных практиках. В работе подробно рассматривается исторический контекст торговли специями в Гане, с особым вниманием к практике города Кумаси, начиная с 1980-х гг. Методологической основой исследования стали

[1] Предварительная версия статьи была размещена в виде препринта [Adu-Gyamfi et al. 2026].

устные интервью с жителями Кумаси. В ходе исследования было опрошено пятнадцать человек: тринадцать женщин и двое мужчин. Исследование показало, что натуральные пряности, такие как «райские зерна» и мавританский перец, занимали важное место в кулинарных, лечебных и духовных практиках народа Ашанти еще до колониального периода. В Кумаси главным центром торговли специями являлся рынок Кеджетия. Экономические преобразования в Гане повлияли на доступность пряностей и их цены. Натуральные пряности столкнулись с конкуренцией со стороны импортных переработанных специй, а также инфраструктурными ограничениями. Для сохранения традиционных знаний об использовании специй в исследовании предлагается ряд мер, которые рекомендованы правительству Ганы: создание национального реестра традиционных специй, введение финансовой поддержки для мелких фермеров, занимающихся их производством, и развитие соответствующей инфраструктуры.

Ключевые слова: специи, торговцы специями, традиционные знания, польза для здоровья, гастрономическая культура, традиционная медицина

Персональный вклад авторов. Авторы внесли равный вклад как в проведение исследования, так и в подготовку статьи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Аду-Гьямфи С., Бочвей К.К.Н., Габиану Н., Аддае П.А., Нкрума Э.Э., Баффур-Авуа Ф. Натуральные специи в Кумаси с 1980-х годов: роль в культуре, экономике и здравоохранении. У*ченые записки Института Африки РАН*. 2026. Т. 12. № 3. С. 116–131. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-116-131

Специи представляют собой ароматные продукты растительного происхождения, получаемые из различных частей растений, таких как листья, стебли, цветы, плоды, зерна, кора, корни и луковицы, которые имеют красный или коричневый цвет и используются для придания вкуса блюдам [Djiazet et al. 2022]. В кулинарии к натуральным специям относят любые высушенные части растений, применяемые для улучшения вкусовых качеств пищи, но не являющиеся ее основным компонентом. Примерами натуральных специй могут служить семена (например, анис, тмин, горчица), цельные плоды или их части (например, цедра лайма или лимона, черный перец, перец чили), цветочные почки (например, гвоздика), луковицы (например, чеснок, лук) и другие. С древних времен специи играли важную роль в истории человеческой цивилизации, торговле и формировании региональных кухонь. Помимо использования в кулинарии, натуральные специи пользуются спросом благодаря своим потенциально полезным свойствам для здоровья. Они могут защищать организм от окислительного стресса, воспалений, инфекций и нейродегенеративных процессов. В некоторых традициях даже утверждают, что определенные специи способны излечивать широкий спектр заболеваний [Abban 2009: 10; Fasoyiro 2014; Mazibuko et al. 2024; Woldetsadik et al. 2023].

В Гане в домашних хозяйствах широко используются такие пряности и специи, как ферментированные семена африканской рожковой акации (паркии Клаппертона, растения семейства бобовых), лавровый лист, мускатный орех калабаш, гвоздика, африканский черный перец, семена аниса и розмарин. Эти специи ценятся не только за свой вкус, но и за предполагаемую пользу для здоровья. Знания об их применении часто передаются из поколения в поколение в устной форме [Asante et al. 2022]. Специи используются для маскировки неприятных запахов, усиления вкуса и улучшения вкусовых качеств безвкусных блюд, а также для консервации продуктов.

Будучи столицей королевства Ашанти[2], Кумаси играл важнейшую роль в истории и культуре. Хотя специи и не были столь же известны, как золото, они занимали особое место в торговле империи Ашанти, обогащая местные традиции и кухню. Торговля специями здесь была не просто коммерческим занятием, но и символом богатства и влияния империи. В число товаров, которыми торговали в этом регионе, входили перец, гвоздика и другие ароматические растения, которые использовались как в кулинарии, так и в качестве ароматизаторов.

Отправной точкой нашего исследования стали 1980-е гг., поскольку именно в это время в Гане произошли значительные экономические изменения. В то время страна переживала серьезные экономические трудности, что оказало существенное влияние на доступность и стоимость натуральных специй. Исследование охватывает период вплоть до XXI в., когда Гана перешла из категории стран с низким уровнем дохода в категорию стран нижнего сегмента среднего уровня дохода и начала промышленную добычу нефти. Считается, что экономическая либерализация и расширение рынков в этот период привели в том числе к изменению ассортимента и доступности специй. Изучение данного периода позволяет получить динамичное представление о том, как внешние факторы влияли на местные обычаи. Кроме того, мы можем выявить основные тенденции и поворотные моменты в истории натуральных специй в регионе.

МЕТОДОЛОГИЯ

В данном исследовании использовался качественный подход, который позволил изучить культурные аспекты, экономические изменения и влияние натуральных специй на здоровье в городе Кумаси с 1980-х гг. по настоящее время. Для обеспечения всестороннего понимания предмета исследования были привлечены как первичные, так и вторичные источники данных. Первичные данные были собраны в ходе интервью с пятнадцатью респондентами, отобранными по целевому принципу (тринадцать женщин и двое мужчин). Среди участников были продавцы натуральных специй, покупатели и медицинские работники, которые «из первых рук» поделились информацией об особенностях использования, восприятии и ценности натуральных специй в местном сообществе. Выбор таких ключевых респондентов позволил выявить разнообразные точки зрения людей, непосредственно вовлеченных в торговлю специями, их потребление и применение в медицине. Интервью проводились на языке тви, а затем были переведены авторами на английский язык с использованием инструментов искусственного интеллекта для коррекции грамматики и стилистической обработки текста.

Вторичные данные были собраны из авторитетных источников, таких как научные журналы, специализированная литература и аналитические отчеты. Эти материалы послужили основой для теоретического и контекстуального анализа, что значительно повысило достоверность исследования и обоснованность интерпретации первичных данных. Качественные данные, собранные в ходе интервью, были подвергнуты тематическому анализу с целью выявления устойчивых закономерностей и ключевых тем, отражающих культурную значимость, пользу для здоровья, экономические аспекты и проблемы, связанные с использованием натуральных специй. На всех этапах исследования были соблюдены строгие этические нормы, включая получение информированного согласия участников и обеспечение конфиденциальности

[2] Ашанти, или Империя Асанте (Асантеман), Эджису – африканское государство доколониальной эпохи, появившееся в 1670 г. и завоеванное Британской империей в 1902 г. Ашанти включало в себя территории большей части современной Ганы.

предоставленной ими информации. Такой методологический подход позволил провести всестороннее изучение как эмпирического опыта, так и научных знаний, что способствовало более глубокому пониманию роли натуральных специй в социально-экономической и культурной жизни Кумаси.

КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ НАТУРАЛЬНЫХ СПЕЦИЙ В КУМАСИ

В традиционной ганской и в целом африканской семье женщины играют ключевую роль хранительниц домашнего очага. Они занимаются всеми аспектами ведения хозяйства: готовят еду, убирают, ухаживают за детьми и многое другое [Salifu 2019]. Однако в экономике Ганы женщины выполняют еще одну важную функцию – роль продавщиц: они занимают лидирующие позиции в торговле на традиционных рынках, включая рынки продовольственных товаров и специй [King 2022].

Торгуя специями на рынках, женщины понимают, как важно развивать и поддерживать доверительные отношения с постоянными покупателями. Как отмечает Адвуби: «Успех в производстве и продаже натуральных специй часто зависит от прочных связей и доверия, которые мы устанавливаем с нашими клиентами»[3]. Такой подход свидетельствует о сохранении исторической преемственности: женщины, торгующие на рынке, остаются важнейшими участниками торговой деятельности народа Ашанти. Их умение выстраивать доверительные отношения отражает как культурные традиции, так и неформальную систему сбыта, которая поддерживает стабильный спрос и потребление специй в Кумаси.

История торговли специями в Кумаси восходит к древним временам, когда они использовались как в повседневной жизни, так и в религиозных обрядах [Amoah et al. 2022: 10]. Такие специи, как гвоздика (*pɛprɛ*), западноафриканский перец (*ɛsoro wisa*), стручки дерева айдан (*prɛkɛsɛ*) и семена аниса (*nkitinkiti*), занимали центральное место в приготовлении традиционных блюд, таких как фуфу[4], «легкий суп»[5] и суп из плодов масличной пальмы[6]. Знания об использовании этих специй передавались из поколения в поколение, преимущественно среди женщин, и составляли часть семейного и общинного наследия. Приготовление блюд с использованием местных специй рассматривалось как способ сохранения культурной самобытности, особенно в городских районах Кумаси, где в конце 1990-х гг. наблюдался рост популярности фастфуда и импортных приправ [Amoah et al. 2022: 10].

Акуа Нимо, продавщица с рынка Айедуасе, с которой мы беседовали, поделилась своими мыслями: «В нашем доме мы обычно добавляем натуральные специи, например, имбирь, стручки дерева айдан и другие в легкие супы, суп из плодов масличной пальмы и даже в шито. Хотя можно использовать и искусственные приправы, они не сравнятся с натуральными по вкусу. Для меня важно сохранять традиции и культурные ценности, открыто демонстрировать, что я не приемлю внешних влияний. Мое понимание натуральных специй опирается на многовековой опыт поколений, который я унаследовала от своей бабушки. Она считала кулинарию

[3] Интервью с Адвуби. 02.08.2025. Рынок Атонсу, Кумаси.

[4] Фуфу: традиционное ганское блюдо, представляет собой колобки, скатанные из растолченных в плотную густую кашицу вареных корнеплодов, таких как ямс, батат, маниока.

[5] «Легкий суп» (тви: *nkrakra nkwan*): популярное в Гане традиционное кушанье, острый пряный суп на мясном или рыбном бульоне с томатной пастой и помидорами.

[6] Суп из плодов масличной пальмы (тви: *abenkwan*): традиционное ганское блюдо, густой кремовый суп красно-оранжевого цвета, приготовленный на основе мякоти плодов масличной пальмы с добавлением мяса, курицы или рыбы, помидоров, пряностей.

важнейшим навыком в жизни. Этот опыт помогает мне передавать аналогичные знания следующему поколению»[7]. Данное высказывание раскрывает роль специй как средства укрепления преемственности кулинарных знаний, передаваемых от бабушки к матери и далее к внучке. Это также подчеркивает, что предпочтение натуральных специй – это способ сохранить культурную самобытность в условиях иностранного кулинарного влияния.

Рынки Кеджетиа служили не только центрами экономической жизни, но были своего рода культурными площадками. Женщины, которые торговали специями, пользовались здесь особым уважением как хранительницы традиций. Они сохраняли знания коренных народов, обучая молодых женщин применению специй в медицине и духовных практиках. Специи использовались не только в кулинарии, но и в ритуалах, празднествах и других церемониях.

Пейшенс Аннор Тейко, 46-летняя женщина, обычно использующая в приготовлении пищи натуральные специи, рассказала: «В Кумаси, как я слышала, во время таких празднеств, как *Adae Kɛseɛ*[8], для приготовления напитков из сушеных цветков гибискуса, например, *sobolo,* часто используют натуральные специи, такие как стручки *prɛkɛsɛ*[9]. Из специй готовят и другие традиционные напитки, которые подают во время обрядов инициации (*Bragoro*), а также используют при приготовлении блюд для этих торжеств»[10]. В том же духе высказывается и госпожа Акуа Нимо: «Во время праздников, подобных *Adae Kɛseɛ*, готовят такие напитки, как *sobolo*, *ɛmu duro* и другие. Для улучшения вкуса в них добавляют специи: имбирь, *hwentea*[11], перец, *ɛsoro wisa*[12], *ɛfom wisa*[13], *pɛprɛ* и корицу»[14].

Приведенный выше фрагмент отражает глубокую коллективную культурную память, связанную с праздниками. Он демонстрирует, что использование специй на таких мероприятиях не случайно, а носит ритуальный и символический характер. Это своего рода институциональное пространство, где формируется и укрепляется идентичность сообщества. И достигается это благодаря защите традиционных продуктов от полного вытеснения их аналогами с глобального рынка.

Во время празднования Ид аль-Фитр[15] мусульмане Кумаси придают особое значение использованию натуральных специй. Кардамон, корица и имбирь становятся основой для приготовления напитков, таких как *Kashmiri Chai* (также известный как «полуденный чай» или «розовый чай») и *Keri Ka Sharbat* (традиционного летнего кисло-сладкого напитка из зеленых плодов манго). Специи не только придают аромат напиткам, но и играют важную роль в ритуалах. Считается, что они способны отпугивать злых духов и очищать жилище. Такие обычаи помогают сохранить священную связь между едой, землей и духовным миром. Кроме того, корица, гвоздика

[7] Интервью с Акуа Нимо. 05.07.2025. Рынок Айедуасе, Кумаси.

[8] Adae Kese – важное традиционное празднество ашанти, сочетающее элементы праздника урожая и ритуала поклонения предкам.

[9] Prɛkɛsɛ – местное название стручков дерева айдан (*tetrapleura tetraptera*), представляют собой твердый, блестящий, темно-фиолетово-коричневый плод с резким запахом с семенами, содержащими масло.

[10] Интервью с Пейшенс Аннор Тейко. 22.06.2025. Район Буокром-Эстейт, Кумаси.

[11] Местное название плодов ксилопии эфиопской (мавританский перец).

[12] Местное название западноафриканского черного перца (Piper guineense).

[13] Местное название семян растения Aframomum melegueta из семейства имбирных, известных в западной традиции как «райские зерна».

[14] Интервью с Акуа Нимо. 05.07.2025. Рынок Айедуасе, Кумаси.

[15] Ид аль-Фитр («праздник прекращения поста») – один из двух главных праздников в исламе, который знаменует окончание священного месяца Рамадан. В русскоязычной традиции этот праздник также известен как Ураза-байрам.

и мускатный орех используются в качестве благовоний. Иногда их смешивают с другими ингредиентами для ритуальных подношений и очищения дома.

Помимо традиционного ритуального применения, натуральные специи используются на свадебных церемониях. Эллен Акото Менса, продавщица на рынке Кеджетия, поделилась своим опытом: «Специи играют важную роль в свадебных обрядах. Например, в прошлом году, когда у моей подруги была свадьба, она попросила меня помочь повару приготовить *waakye*[16]. В процессе приготовления этого блюда использовались такие специи, как имбирь и корица, а также листья *waakye*[17]»[18].

Это отражает важность социальной символики специй в контексте свадебных обрядов и общих трапез, демонстрируя тесную связь кулинарных традиций с ритуалами и практиками, которые способствуют формированию идентичности.

НАТУРАЛЬНЫЕ СПЕЦИИ В ГАНЕ: ЗНАЧЕНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ

В 1980-х гг. в Гане произошли кардинальные преобразования в области товарного сельского хозяйства. Правительство предприняло решительные шаги, направленные на либерализацию торговли, отмену субсидий, ликвидацию рыночных советов, а также на поддержку экспорта и привлечение прямых иностранных инвестиций. Эти меры привели к росту аграрного сектора. Так, в период с 2000 по 2006 г. темпы роста производства и экспорта какао увеличились с 3,5% до 4,7% [Yaro, Teye, Torvikey 2018].

В этот период мелкие фермеры составляли основу сельскохозяйственного сектора, однако происходил постепенный рост доли фермеров среднего звена, которые, укрупняя свои земельные владения, стремились извлечь выгоду из участия в глобальных цепочках добавленной стоимости, выращивая новые для региона сельскохозяйственные культуры. Впоследствии либерализация экономики Ганы и необходимость привлечения прямых иностранных инвестиций для модернизации сельского хозяйства и перехода к частной модели хозяйствования привели к развитию крупномасштабного агробизнеса.

На фоне продовольственного и энергетического кризисов, которые охватили период с 1980-х до середины 2000-х гг., инвестиции в земельные ресурсы стали ключевым фактором развития, обеспечивая поступление доходов в государственный бюджет. Система государственного управления также претерпела изменения под влиянием моделей накопления капитала в агробизнесе. Иногда реформы управления представлялись как необходимый шаг для поддержки агросектора, а в других случаях сам агробизнес рассматривался как динамичный компонент новой системы управления. Правительство Ганы активно сотрудничало с международными компаниями в целях развития сельскохозяйственного сектора, включая производство специй, таких как перец [Yaro, Teye, Torvikey 2018].

При этом, несмотря на значительное развитие сельскохозяйственного сектора в последние годы, производство специй не играет существенной роли в экономике Ганы. В настоящее время страна является нетто-импортером большинства видов специй (гармонизированный код 0910: «Имбирь, шафран, куркума, тимьян, лавровый лист, карри и прочие специи»). Причем основным поставщиком выступают США[19].

[16] Блюдо из вареного риса и фасоли, которое обычно готовят для праздников с большим количеством приглашенных, например, на свадьбу.

[17] Листья *waakye* – высушенные листья злака сорго двуцветного, использующиеся как пищевой краситель при приготовлении *waakye*.

[18] Интервью с Эллен Акото Менса. 05.07.2025. Рынок Кеджетия, Кумаси.

[19] Spices in Ghana. 2024. *OEC*. https://oec.world/en/profile/bilateral-product/spices/reporter/gha (accessed: 09.08.2026)

Несмотря на культурную значимость и важную роль в кулинарных традициях Ганы, производство натуральных специй на национальном уровне не получает, в отличие от таких ключевых экспортных культур, как какао и ананасы, должного внимания. Это можно проиллюстрировать на примере Кумаси.

Исторически сложилось так, что Кумаси, расположенный в плодородном регионе, стал одним из основных центров выращивания специй наряду с другими сельскохозяйственными культурами. Благодаря благоприятным климатическим и почвенным условиям в окрестностях города стали выращивать такие специи, как перец, гвоздика и имбирь. Важным местом, где процветает торговля специями, является Центральный рынок Кумаси.

Однако в период 1990–2010 гг. облик Кумаси заметно изменился. В город хлынул поток мигрантов, появились супермаркеты, а промышленные специи начали конкурировать с местными аналогами. Несмотря на эти преобразования, многие семьи продолжали отдавать предпочтение свежемолотым специям с рынка, считая, что они обладают более правильным, ностальгическим вкусом и аутентичней, чем коммерческие магазинные продукты. В то же время многие семьи стали сочетать современную упаковку с традиционным использованием специй, а торговцы начали применять фасовку в пакетики и этикетки, сохраняя при этом местные названия и традиционные смеси. Так современная торговля переплеталась с культурной памятью.

Экономические трудности, с которыми сталкиваются мелкие фермеры, такие как ограниченный доступ к рынкам сбыта, финансированию и современным средствам производства, усугубили негативное влияние на сектор производства специй, приведя к снижению урожайности и нестабильности. Как отмечает Маргарет Аманор: «Растущая коммерциализация рынка натуральных специй создает серьезные препятствия для тех, кто только начинает свой путь в этом бизнесе. То, что когда-то было небольшим предприятием, теперь требует значительного капитала, доступа к подходящим земельным участкам и другим ресурсам. Без этого людям крайне сложно начать свой путь в этом деле, несмотря на его растущий потенциал в качестве единственного источника дохода для некоторых домохозяйств»[20].

Вышеизложенный обзор свидетельствует о том, что, несмотря на открывающиеся многообещающие перспективы, расширение рынка и его коммерциализация одновременно создали экономические барьеры для входа в этот бизнес. Исторически торговля специями была основана на системе небольших семейных предприятий. Однако современная коммерциализация сместила акцент на более капиталоемкие модели, вытеснив многих традиционных участников рынка. Глобализация и рост объемов торговли привели к увеличению импорта специй и готовых смесей приправ в Кумаси. Эта конкуренция повлияла на спрос на некоторые натуральные специи местного производства и в ряде случаев привела к сокращению их производства. Фермеры переходят на выращивание других культур или адаптируются к условиям рынка, на котором доминирует импортная продукция.

Кэтрин Серваа Донкор поделилась своим мнением: «Появление таких предприятий, как *Remie*, *Sankofa* и других, усложнило продажу натуральных специй. Люди считают, что импортные и прошедшие промышленную обработку продукты лучше тех, что производятся у нас. Единственной специей, способной конкурировать с ними, оказался имбирь»[21].

[20] Интервью с Маргарет Аманор. 02.08.2025. Рынок Атонсу, Кумаси.
[21] Интервью с Кэтрин Серваа Донкор. 12.07.2025. Рынок Атонсу, Кумаси.

Тем не менее в мире растет осознание ценности натуральных специй как с культурной, так и с экономической точки зрения. Этот интерес усиливается благодаря стремлению к использованию местных продуктов. В Гане эта тенденция также находит свое отражение. Некоторые частные компании, такие как *Organic Trade and Investment*s из Аккры, занимаются дистрибуцией, поставками, продажей и экспортом специй, включая гвоздику, имбирь, гибискус и красный перец, в другие страны Африки, а также в Европу и на Ближний Восток. Особое внимание уделяется органическому происхождению продукции и высокому качеству сырья, собранного вручную[22].

ПОЛЬЗА НАТУРАЛЬНЫХ СПЕЦИЙ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Натуральные специи издавна занимают важное место в кулинарных и лечебных традициях Африки [Michael 2026]. В Кумаси, как и во многих других частях Ганы, специи ценят не только за вкусовые качества, которые они придают блюдам, но и за их полезные для здоровья и целебные свойства. Это подтверждается как многолетним практическим опытом, так и научными исследованиями. Согласно имеющимся данным, специи оказывают благотворное влияние на организм человека, помогая предотвратить окислительный стресс[23], воспалительные процессы, онкологические и инфекционные заболевания, а также нейродегенеративные расстройства.

В Гане семьи часто прибегают к использованию специй для лечения легких недомоганий, прежде чем обращаться за медицинской помощью. Например, имбирь широко применяется для борьбы с простудой, улучшения пищеварения и снятия воспаления. Женщины часто готовят согревающий напиток, заваривая имбирь с гвоздикой и чесноком. Этот напиток помогает облегчить менструальные спазмы, симптомы гриппа и снять общую усталость [Gyapong 2022], он обладает множеством полезных свойств, включая противовирусное, антибактериальное, антикоагулянтное и противовоспалительное действие [Asante et al. 2022; Аду-Гьямфи и др. 2025].

Это особенно заметно в Кумаси, городе с богатой историей торговли специями. Афия Конама, продавец натуральных специй на рынке Кеджетия, поделилась своими наблюдениями: «Люди смешивают имбирь с *pɛprɛ*, готовят из них напиток и употребляют его для лечения насморка или облегчения симптомов простуды»[24]. Похожее мнение высказала Пейшенс Аннор: «Имбирь особенно популярен в холодную погоду. Его отваривают вместе с чесноком для лечения гриппа. Кроме того, я знаю, что в сочетании с другими натуральными пряностями он помогает организму восполнять энергию и поддерживать нормальное функционирование»[25].

Эти заявления продавцов специй находят подтверждение у медицинских специалистов. Доктор Дональд Кофи Менса, эксперт в области фитотерапии и авторитетный диетолог из больницы *KNUST*, подтверждает: «Да, такие специи, как имбирь, обладают антибактериальными и противовирусными свойствами, которые помогают укрепить иммунную систему, бороться с инфекциями и смягчать симптомы простуды и гриппа. Но это не единственное их действие. Специи, подобные имбирю, также обладают противовоспалительным и обезболивающим эффектом, помогая

[22] Organic Trade & Investments. *Spice Exporters Directory*. 2026. https://spiceexportersdirectory.com/company/organic-trade-investments-accra-ghana/ (accessed: 09.06.2026)
[23] Окислительный стресс – процесс повреждения клетки в результате окисления.
[24] Интервью с Афия Конама. 05.07.2025. Рынок Кеджетия, Кумаси.
[25] Интервью с Пейшенс Аннор Тейко. 22.07.2025. Район Буокром-Эстейт, линия Ф, Кумаси.

уменьшить воспаление, боль и скованность при таких состояниях, как артрит, мышечные боли, менструальные спазмы и болезненность мышц»[26].

Доктор Элизабет Гьякьева Квартенг, диетолог больницы *KNUST*, отмечает: «Специи, такие как имбирь, оказывают положительное влияние на пищеварение. Они стимулируют выработку пищеварительных ферментов, что способствует уменьшению тошноты и рвоты, а также облегчает симптомы несварения, вздутия живота и метеоризма. Имбирь особенно эффективен при тошноте, вызванной укачиванием, беременностью или химиотерапией»[27].

Другие исследования показывают, что имбирь также способен блокировать негативное воздействие простагландинов – веществ, которые могут вызывать воспаление кровеносных сосудов головного мозга. Кроме того, имбирь обладает рядом других полезных свойств [Gyapong 2022].

В ганских традициях гвоздика также широко используется в лечебных целях. По словам Амы Ньярко, которая торгует специями на рынке Айедуасе, «гвоздику, как и другие пряности, такие как *pɛprɛ*, обычно употребляют в виде чая. Если после его приема вы, чувствуя слабость, начинаете потеть, это свидетельствует о том, что средство начинает действовать».[28]

Многие пожилые люди в Кумаси верят, что гвоздика способна «очищать кровь». Хотя это может показаться лишь народной легендой, современные исследования доказали, что гвоздика действительно обладает мощными антимикробными и антиоксидантными свойствами. Одним из ключевых компонентов гвоздики является фенольное соединение эвгенол, которое составляет от 70 до 90% ее эфирного масла. Это вещество является природным антисептиком, способным разрушать клеточные мембраны микроорганизмов [Ullah, Hassan, Hamza 2023; Gyapong 2022]. Доктор Дональд Кофи Менса отмечает: «Гвоздика обладает антиоксидантными свойствами, которые помогают защитить организм от окислительного стресса и повреждения клеток. Ее используют для облегчения зубной боли и воспалений в полости рта, а также для устранения симптомов заболеваний дыхательных путей, таких как бронхит, астма и кашель»[29].

В Кумаси особенно популярны западноафриканский черный перец (*ɛsoro wisa*) и перец. Эти специи часто добавляют в супы и травяные отвары для улучшения пищеварения. Считается, что они «пробуждают желудок» и помогают «вывести газы» после обильной трапезы. Эти специи обладают ветрогонным действием, стимулируя пищеварение и уменьшая вздутие живота и газообразование. Яа Гьямфуа, продавец продовольственных товаров, поделилась своими наблюдениями: «Люди чаще всего покупают перец, потому что любят, чтобы супы были острыми, как, например, «легкие супы», но некоторые при этом испытывают трудности с отхождением газов, поэтому покупают больше перца, чтобы помочь организму избавиться от них. Ведь избыток газов может вызывать боль в животе»[30].

Акосуа Гьямфуа, которая широко применяет натуральные специи в быту, также поделилась своим мнением: «Если добавить немного перца к таким основным специям, как *prɛkɛsɛ*, кориандр, гвоздика и другим, то это поможет женщинам избавиться от

[26] Интервью с Дональдом Кофи Менса. 08.07.2025. Больница *KNUST*.
[27] Интервью с Элизабет Гьякьева Квартенг. 08.07.2025. Больница *KNUST*.
[28] Интервью с Амой Ньярко. 28.07.2025. Рынок Айедуасе, Кумаси.
[29] Интервью с Дональдом Кофи Менса. 08.07.2025. Больница *KNUST*.
[30] Интервью с Яа Гьямфуа. 23.07.2025. Район Буокром-Эстейт, линия Ф, Кумаси.

многих болезней, например, от «белых выделений»[31] и других недугов»[32]. Это высказывание отражает гендерный подход к использованию специй в лечебных целях, особенно в лечении заболеваний репродуктивной системы и других проблем со здоровьем у женщин.

Научные исследования подтверждают биомедицинское обоснование давних культурных традиций, демонстрируя взаимосвязь между устными преданиями и наукой о питании. Исаак Уильямс Офосу, доцент кафедры токсикологии и оценки рисков в пищевых системах Колледжа естественных наук (*KNUST*), отмечает: «Пиперин, содержащийся в перце, стимулирует выработку пищеварительных ферментов, что улучшает пищеварение и снижает симптомы несварения и вздутия живота. Кроме того, перец помогает бороться с окислительным стрессом и повреждениями клеток»[33].

Мамы и бабушки часто рекомендуют добавлять в блюда чеснок, лук и местные сорта перца, утверждая, что это способствует уничтожению микробов. Научные исследования подтверждают, что такие специи, как чеснок и «крокодилий перец»[34], содержат вещества, которые эффективно борются с бактериями, грибками и даже некоторыми паразитами. Это объясняет, почему блюда с традиционными специями портятся медленнее и почему им отдавали предпочтение в домах, где не было холодильников [Ekwenye, Elegalam 2005]. Кроме того, чеснок ценится за свои вкусовые качества и целебные свойства: он укрепляет иммунитет, способствует заживлению ран, улучшает кровообращение и разжижает кровь [Asante et al. 2022]. Использование этих продуктов может стать для ганских семей альтернативой зарубежным фармацевтическим препаратам и продуктам глубокой переработки, которые в условиях экономической нестабильности не всегда доступны.

Современные исследования показывают, что плоды айдана, также известные как *prɛkɛsɛ*, обладают множеством полезных свойств для здоровья и могут служить дополнительным источником витаминов [Gyapong 2022]. Пожилые жители Кумаси часто пьют чай и едят супы с добавлением *prɛkɛsɛ*, веря, что это улучшает память и успокаивает нервы. Профессор Исаак Уильямс Офосу делится своим личным опытом: «Конечно, я знаю, что каждая специя имеет свое особое назначение. Но, на мой взгляд, их функции взаимосвязаны: при смешивании двух или более специй они могут одновременно выполнять в организме одну и ту же задачу. Я считаю, что в сочетании друг с другом специи действуют эффективнее, чем по отдельности. Например, в приготовленной мной смеси я соединил множество компонентов: *prɛkɛsɛ*, немного перца, имбирь и чеснок. Я пью этот настой каждое утро, и он прекрасно помогает мне успокоить нервы и улучшить работу сердечно-сосудистой системы»[35].

Это утверждение раскрывает понятие синергичных сочетаний специй, подкрепляя бытующее в культуре представление о том, что смеси трав и специй обладают более сильным действием, чем их отдельные компоненты.

Доктор Дональд Кофи Менса подчеркивает: «Специи, такие как куркума, часто рекомендуют людям с повышенным уровнем сахара или холестерина в крови. Они

[31] Могут быть признаком кандидоза (молочницы), бактериального вагиноза, инфекций, передающихся половым путем, воспалительного процесса.

[32] Интервью с Акосуа Гьямфуа. 23.06.2025. Район Буокром-Эстейт, линия Ф, Кумаси.

[33] Интервью с Исааком Уильямс Офосу. 18.07.2025. Кафедра токсикологии и оценки рисков в пищевых системах, *KNUST*, Кумаси.

[34] «Крокодилий перец» – плоды нескольких видов деревьев рода Aframomum, к которому относится также упоминаемая выше специя «райские зерна».

[35] Интервью с проф. Исааком Уильямс Офосу. 18.07.2025. Кафедра токсикологии и оценки рисков в пищевых системах, *KNUST*, Кумаси.

содержат антиоксиданты, которые помогают бороться с этими нарушениями, и обладают свойствами веществ-модуляторов»[36]. Это утверждение связывает употребление специй с лечением современных неинфекционных заболеваний, подчеркивая, что натуральные средства остаются актуальными даже в условиях роста числа болезней, связанных с образом жизни. Куркума, с ее ярким золотистым цветом и многовековой историей использования, представляет собой уникальный пример сочетания кулинарных достоинств и пользы от традиционной медицины. Тот факт, что она повсеместно встречается как в гастрономических традициях, так и в современных научных исследованиях, служит убедительным свидетельством той мудрости, что заложена в природных компонентах, неизменно стирая грань между обычной приправой и мощным лечебным средством.

В Кумаси люди с давних времен верят в целебные свойства специй, и это не требует официальных лабораторных исследований. Эта вера уходит корнями в глубокое знание, передающееся из поколения в поколение. Бабушки, продавцы на рынках, травники и опытные кулинары – те, кто сохраняет и передает эту унаследованную мудрость. Они используют специи для приготовления различных блюд, будь то восстанавливающий суп с перцем после родов, горячий имбирный напиток, согревающий после ливня, или настой гвоздики на теплой воде перед сном. Постоянное употребление специй сформировало в местном сообществе традиции, направленные на поддержание здоровья и хорошего самочувствия.

Известно, что специи могут вызывать негативные побочные эффекты, но их польза значительно превышает возможный вред. Кэтрин Серваа Донкор, торгующая специями на рынке Атонсу, поделилась своим мнением: «К числу негативных последствий употребления натуральных специй можно отнести аллергические реакции. У некоторых людей возникает аллергия на определенные виды специй, например, на перец. Одна моя знакомая не любит перец, потому что он вызывает у нее першение в горле и затруднение дыхания»[37].

Ее комментарий свидетельствует о том, что люди в Гане хорошо знают о пищевой непереносимости и что в традиционных знаниях о специях учитываются как их полезные свойства, так и возможные ограничения. Медицинские специалисты в Гане также предупреждают о том, что специи не следует употреблять бесконтрольно. Доктор Элизабет Гьякьева Квартенг отмечает: «Некоторые специи, такие как гвоздика, могут влиять на уровень гормонов или взаимодействовать с гормональными препаратами. Они могут вступать в реакцию с такими лекарствами, как антикоагулянты, препараты для лечения диабета и средства для заместительной гормональной терапии. Кроме того, употребление определенных специй, например, перца, может вызвать желудочно-кишечные расстройства»[38].

В кулинарии крайне важно обеспечить безопасность специй как на этапе производства, так и во время их потребления. Специи могут быть загрязнены микотоксинами, которые вырабатываются плесневыми грибками, особенно это касается продуктов из тропических регионов с высокой влажностью. Правильная сушка сразу после сбора урожая и надлежащие условия хранения – ключевые факторы, позволяющие избежать развития плесени и образования микотоксинов. Профессор Исаак Уильямс предупреждает: «Покупателям и продавцам следует проверять специи

[36] Интервью с Дональдом Кофи Менса. 08.07.2025. Больница *KNUST*.
[37] Интервью с Кэтрин Серваа Донкор. 12.07.2025. Рынок Атонсу, Кумаси.
[38] Интервью с Элизабет Гьякьева Квартенг. 08.07.2025. Больница *KNUST*.

на наличие плесени и нежелательных металлов, таких как медь и свинец, которые могут нанести вред организму человека»[39].

Чтобы быть уверенными в безопасности употребления натуральных специй, важно визуально их осмотреть и тщательно промыть после покупки. Со своей стороны, продавцы специй должны выбирать поставщиков, которые следуют принципам надлежащей сельскохозяйственной практики. Эти принципы включают в себя использование безопасных пестицидов и удобрений, а также соблюдение правильных методов сбора урожая и сушки.

По мнению опрошенных, во многих семьях Кумаси традиционные специи, такие как имбирь, чеснок, *ɛsoro wisa* и *prɛkɛsɛ*, использовались не только в качестве приправы, но и в качестве профилактических и лечебных средств. Употребление этих специй рассматривалось как способ обеспечения фармацевтической самодостаточности, а также как важная часть культурной самобытности. В условиях реализации политики структурной перестройки экономики, когда расходы на медицинское обслуживание и импортные западные лекарства растут, семьи все чаще обращаются к традиционным знаниям о здоровье, которые передаются из поколения в поколение. Они предпочитают использовать целостный подход к лечению, который включает в себя использование как традиционных, так и современных методов, а не полагаться исключительно на дорогостоящую биомедицинскую помощь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Исследование рынка натуральных специй в Кумаси, охватывающее период с 1980-х гг., демонстрирует динамичное взаимодействие исторических и экономических факторов. В работе рассматриваются макроэкономические изменения и их влияние на торговлю специями в этом городе. Особенно сто́ит отметить глубокие местные корни использования специй в Гане, неотъемлемой части жизни общества Ашанти в доколониальную эпоху, сохранившей свое значение и после прихода европейцев. Результаты исследования раскрывают роль Кумаси как важнейшего центра торговли специями, где экономические реформы трансформировали устоявшиеся торговые модели. В целом, исследование подчеркивает, что индустрия натуральных специй глубоко укоренена в культуре Ганы, но при этом чутко реагирует на меняющиеся экономические условия и тенденции мировой торговли. Рассматриваемый период демонстрирует устойчивость и растущую ценность местных специй. Кроме того, отмечается, что на сектор натуральных специй в Кумаси повлияли политико-экономические факторы, в частности макроэкономические меры, такие как программы структурной перестройки, которые отразились на общей экономической динамике и источниках дохода женщин, работающих на рынках.

На протяжении веков натуральные специи играли существенную роль в социальной, экономической и политической жизни жителей Кумаси. Однако сегодня они сталкиваются с конкуренцией со стороны искусственных специй в промышленных упаковках, популярность которых неуклонно растет с конца XX в. Будучи неотъемлемой частью традиционных знаний и культуры Ганы, практика использования натуральных специй как в кулинарии, так и в медицине должна быть защищена на национальном уровне.

[39] Интервью с Исааком Уильямс Офосу. 18.07.2025. Кафедра токсикологии и оценки рисков в пищевых системах, *KNUST*, Кумаси.

Правительству Ганы следует задуматься о создании Национального реестра местных видов специй. Этот реестр позволит задокументировать информацию о натуральных специях и обеспечить защиту соответствующих знаний. В реестр можно включить такие специи, как *ɛsoro wisa*, *prɛkɛsɛ*, гвоздика, имбирь и многие другие, что поможет сохранить традиционное наследие. Ученые и представители местных властей могут сотрудничать с вождями, «королевами рынков», травниками и местными женщинами, чтобы собирать информацию о рецептах и ритуалах. Это обеспечит преемственность знаний в данной области. Кроме того, сведения о натуральных специях можно включить в школьную программу. Например, можно ввести модули, посвященные ганскому кулинарному наследию и целебным свойствам специй, в учебные курсы по домоводству и естественным наукам для начальной и средней школы. Это необходимо для того, чтобы знания о применении натуральных пряностей передавались подрастающему поколению.

Поддержка мелким фермерам, которые занимаются выращиванием специй, может быть оказана путем предоставления субсидий, организации обучения и обеспечения доступа к сертификации органической продукции. Это поможет увеличить доходы сельского населения, снизить зависимость от импорта и обеспечить поступления в бюджет для реализации проектов развития. Также можно улучшить условия хранения, сушки и сбыта специй для торговцев специями с помощью специальных государственных программ, направленных на сокращение послеуборочных потерь. Кроме того, у этих местных продуктов есть перспектива продвижения на мировой рынок.

В связи с этим заинтересованные стороны и лица, определяющие политику в Гане, должны рассматривать натуральные специи не просто как элементы культурного наследия, а как стратегический ресурс для укрепления здоровья и обеспечения экономического благополучия. Необходимо принять меры, направленные на систематизацию знаний и поддержку фермеров, а также на интеграцию пряностей в системы здравоохранения и образования. Это позволит сохранить богатое гастрономическое наследие страны и одновременно решить актуальные задачи в сфере продовольственной безопасности.

Использование ИИ. Авторы заявляют, что инструменты искусственного интеллекта (ИИ) использовались исключительно для языковой правки и уточнения перевода стенограмм интервью с языка Twi на английский. Авторы несут полную ответственность за все интеллектуальное содержание, интерпретацию данных, анализ и выводы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аду-Гьямфи С., Якубу Б., Ньяаба А.Я., Бемпонг Э., Бробби М.А. Традиционная медицина в системе здравоохранения ашанти: мнение врачей и жителей Абоабо. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2025. Т. 11. № 2. С. 147–165. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2025-71-2-147-165

Abban Z. *Heavy Metal Content of Some Local Spices on the Ghanaian Market*. Master's Thesis. Kwame Nkrumah University of Science and Technology, 2009.

Adu-Gyamfi S., Botchway K., Norkplim G., Addae P., Nkrumah E.E., Awuah F.B. Natural Spices in Kumasi (1980-2010): Cultural Significance, Economic Transformation, and Health Impacts. *Research Square*. 2026. Preprint. https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-10569685/v1

Amoah R., Wireko-Manu F., Oduro I., Saalia F., Ellis W., Owusu E. (2022). Application of spices in foods: consumer preferences, knowledge of health benefits, and quality of dried ginger. *Cogent Food and Agriculture*. 2022. Vol. 8. № 1. 2123766. https://doi.org/10.1080/23311932.2022.2123766

Asante M., Asante P., Nkumsah-Riverson P., Amokao-Mensah A., Dogbe Y. Ethnic spice use and perceived health benefits among women in a Suburb of the Greater Accra Region of Ghana. *African Health Sciences.* 2022. Vol. 22. № 4. Pp. 229–240. https://dx.doi.org/10.4314/ahs.v22i4.28

Djiazet S., Mezajoug Kenfack L.B., Serge Ngangoum E., Ghomdim Nzali H., Tchiégang C. (2022). Indigenous spices consumed in the food habits of the populations living in some countries of Sub-Saharan Africa: Utilisation value, nutritional and health potentials for the development of functional foods and drugs: A review. *Food Research International.* Vol. 155. № 3. https://doi.org/10.1016/j.foodres.2022.111280

Ekwenye U.., Elegalam N. (2005). Antibacterial Activity of Ginger and Garlic Extracts on Escherichia Coli and Salmonella Typhi. *International Journal of Molecular Medicine and Advance Sciences*. Vol. 1. № 4. Pp. 411–416.

Fasoyiro S. B. (2014). The Value and Utilization of Spice Plants in Tropical Africa. *Journal of Agricultural and Food Information*. Vol. 15. № 2. Pp. 109–120. https://doi.org/10.1080/10496505.2014.888945

Gyapong C. (2022). *Consumption of Herbs and Spices and Its Health Benefits on The Consumers. A Case Study of Kwadaso Municipality.* Master's Thesis. Winneba: University of Education.

Kaburi S.A., Otoo G.S., Azumah L.S., Ewudzie N.K., Nayame B., Kodape A., Lamptey F.P., Appiah F., Teye E. Pre- and post-harvest practices, aflatoxin risk, and food security under two agroecological zones in Ghana. *Food Safety and Risk*. 2026. Vol. 13. № 21. Pp. 1–21. https://doi.org/10.1186/s40550-026-00148-y

King A. Gender, Food and 'The Right to the City' in the Ghanaian Marketplace. *Gender and History.* 2022. Vol. 34. № 3. Pp. 810–826. https://doi.org/10.1111/1468-0424.12672

Mazibuko D.M., Maru R.N., Gono H., Okazawa H. (2024). Unravelling the diversity and utilisation of emerging spices and herbs in Malawi: a pathway to diversified nutrition and community health. *Transactions of the Royal Society of South Africa.* Vol. 79. № 3. Pp. 219–236. https://doi.org/10.1080/0035919X.2024.2435680

Michael M. (2026). African Traditional Healers, Human Flourishing, and Development in Northern Nigeria. In: Kilonzo S.M., Chitando E. (Eds.). *The Palgrave Handbook of Religion, Health and Development in Africa*. Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 159–180. https://doi.org/10.1007/978-3-032-05464-7_13

Osei-Djarbeng S., Abubakari A., Okai C., Boateng R., Pesewu G. (2016). Antimicrobial Potential of Some Local Spices Used in Ghanaian Meals. *International Journal of Current Microbiology and Applied Sciences.* Vol. 5. № 5. Pp. 692–700. https://doi.org/10.20546/ijcmas.2016.505.070

Overa R. When men do women's work: structural adjustment, unemployment and changing gender relations in the informal economy of Accra, Ghana. *Journal of Modern African Studies.* 2007. Vol. 45. № 4. Pp. 539–563. https://doi.org/10.1017/S0022278X0700287X

Salifu J.H. (2019). *Dealing with Obligations: Debt, Microcredit and Gender Relations in Matrilineal Offinso.* PhD Thesis. Birmingham: University of Birmingham.

Scheiterle L., Birner R. The myth of the market queens: A case study of women and power in Ghanaian markets. *Global Food Security.* 2023. Vol. 38. 100703. https://doi.org/10.1016/j.gfs.2023.100703

Ullah M.A., Hassan A., Hamza A. Role of Clove in Human Medical History. SAR Journal of Anatomy and Physiology. 2023. Vol. 4. № 2. Pp. 10–19. https://doi.org/10.36346/sarjap.2023.v04i02.001

Woldetsadik D., Hailu H., Gebrezgabher S., Adam-Bradford A., Mengistu T., Evans C.T., Madani N., Mafika T.P., Fleming D.E.B. Estimating the potential of spices for mineral provision in a refugee context in East Africa. *SN Applied Sciences.* 2023. Vol. 5. 1. https://doi.org/10.1007/s42452-022-05224-4

Yaro J.A., Teye J.K., Torvikey G.D. Historical Context of Agricultural Commercialisation in Ghana: Changes in Land and Labour Relations. *Journal of Asian and African Studies.* 2018. Vol. 53. № 1. Pp. 49–63. https://doi.org/10.1177/0021909616657368

Research article

NATURAL SPICES IN KUMASI SINCE THE 1980s: CULTURAL SIGNIFICANCE, ECONOMIC TRANSFORMATION, AND HEALTH IMPACTS[40]

© 2026 S. Adu-Gyamfi, K. Botchway, N. Gabianu, P.A. Addae, E.E. Nkrumah, F. Baffour Awuah

ADU-GYAMFI Samuel, Professor, Department of History, Political Science and Public Administration, Kwame Nkrumah University of Science and Technology, Kumasi, Ghana. ORCID: 0000-0002-0193-867X. E-mail: mcgyamfi@yahoo.com

BOTCHWAY Kirk Kodjo Niahe, Research Assistant, Department of History, Political Science and Public Administration, Kwame Nkrumah University of Science and Technology, Kumasi, Ghana. ORCID: 0009-0004-3416-3550. E-mail: botchwaykirk5@gmail.com

GABIANU Norkplim, Research Assistant, Department of History, Political Science and Public Administration, Kwame Nkrumah University of Science and Technology, Kumasi, Ghana. ORCID: 0009-0002-9470-3307. E-mail: gabianunorkplim@gmail.com

ADDAE Prince Ampofo, Research Assistant, Department of History, Political Science and Public Administration, Kwame Nkrumah University of Science and Technology, Kumasi, Ghana. ORCID: 0009-0007-3501-396X. E-mail: paddae576@gmail.com

NKRUMAH Emmanuella Efua, Research Assistant, Department of History, Political Science and Public Administration, Kwame Nkrumah University of Science and Technology, Kumasi, Ghana. ORCID: 0009-0000-2982-2479. E-mail: emmanuellnkrumah2002@gmail.com

BAFFOUR AWUAH Francisca, Research Assistant, Department of History, Political Science and Public Administration, Kwame Nkrumah University of Science and Technology, Kumasi, Ghana. ORCID: 0009-0007-2995-9505. E-mail: francescabawuah1@gmail.com

Abstract. The 1980s ushered in a revolution of natural spices in Ghana through trade patterns, health benefits, cultural and societal impacts, and policy changes. The current research has helped generate insights into natural African spices, particularly regarding their consumption and their role in traditional cultural practices. It examines the historical context of the spice trade in Ghana, focusing on Kumasi since the 1980s. The qualitative methodology used in the utilization of the study is oral interviews of Kumasi inhabitants. Fifteen individuals were interviewed, including thirteen females and two males. According to the research, natural spices such as grains of paradise and grains of selim were deeply rooted in precolonial Asante culinary, medicinal, and spiritual practices. In Kumasi, the Kejetia market served as a central hub of the spice trade. The study further reveals that Ghana's economic transformations had an impact on the availability of spices and pricing. Natural spices faced competition from imported processed spices and infrastructural limitations. To help preserve traditional cultural knowledge related to the use of spices, the study recommends a set of measures to be undertaken by the government of Ghana, such as creating a national registry of traditional spices, introducing financial support for small-scale farmers engaged in spice production, and improving the relevant infrastructure.

Keywords: spice, spice vendors, traditional knowledge, health benefits, gastronomic culture, traditional medicine

[40] A preliminary version of the article was uploaded as a preprint [Adu-Gyamfi et al.2026].

Authors' contribution. Authors contributed equally both to the conduct of the study and the preparation of the paper.

Conflict of interest. Authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Adu-Gyamfi S., Botchway K., Gabianu N., Addae P.A., Nkrumah E.E., Baffour Awuah F. (2026). Natural Spices in Kumasi Since the 1980s: Cultural Significance, Economic Transformation, and Health Impacts. *Journal of the Institute for African Studies*. Vol. 12. № 3. Pp. 116–131. https://doi.org/ doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-116-131

Научная статья

ТРУЩОБНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ И ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2026 Н.В. Гришина

ГРИШИНА Нина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Российская Федерация, Москва. ORCID: 0000-0002-3688-6208. E-mail: eestimaa8@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются причины возникновения и расширения трущобных поселений в странах Тропической Африки, связанные с многолетними проблемами сельскохозяйственного сектора: мелкомасштабным товарным производством, переизбытком в некоторых регионах безземельных крестьян, климатическими изменениями. Приведены примеры масштабных инфраструктурных проектов, проводимых с разной степенью успешности на национальных и международном уровнях, по преобразованию трущоб в жилые районы в соответствии с нормативами «ООН-Хабитат». Подчеркивается, что для сокращения потока мигрирующих из сельской местности в города необходима модернизация аграрной отрасли с учетом создания дополнительных рабочих мест и заинтересованности молодежи в сельскохозяйственном труде. Сделан вывод, что, будучи серьезной проблемой городского развития, трущобы являются индикатором и следствием продовольственных кризисов. Реализация планов по ликвидации трущоб, заявленная как одна из Целей устойчивого развития тысячелетия, в установленные сроки невозможна, поскольку перемещение населения по вектору «деревня-город» значительно опережает меры по строительству доступного жилья для неимущих жителей неформальных поселений. Отток сельскохозяйственного населения в города, питающий городскую трущобную среду, не только вызван деградацией аграрного сектора, но и чреват его дальнейшим упадком, поскольку сельское хозяйство, обеспечивающее продовольственную безопасность, лишается рабочих рук. Рост трущобных поселений несет угрозы продовольственной безопасности их жителям: из-за потребления некачественной и однообразной пищи увеличивается число желудочно-кишечных заболеваний; растут цены на продукты, привозимые из полузаброшенных сельскохозяйственных районов; не имеющие доступа к обеспечивающему прожиточный минимум заработку и к гуманитарной помощи оказываются на грани голода.

Ключевые слова: Тропическая Африка, трущобные поселения, ложная урбанизация, социальные проблемы, программы развития, инфраструктурные проекты

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гришина Н.В. Трущобные поселения в странах Тропической Африки и меры по их ликвидации. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2026. Т. 12. № 3. С. 132–148. https://doi.org/ doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-132-148

ВВЕДЕНИЕ

Нарастающие темпы урбанизации в африканских странах, в том числе в государствах Тропической Африки, напрямую связаны как с высоким демографическим приростом, так и с миграцией значительных масс населения из сельской местности в

города. Этот вид внутристрановой миграции специалисты считают наиболее масштабным на континенте и прогнозируют увеличение доли городского населения в 2019–2050 гг. с 43,1% до 59,1%, с 563 млн до 1470 млн человек, то есть в 2,6 раза[1].

В данном процессе прослеживаются факторы «выталкивания» и «притяжения», являющиеся главными мотиваторами формирования миграционного вектора «деревня-город». Основная причина существования и постоянного нарастания потока переселенцев сельского населения в города в течение последних десятилетий – деградация обрабатываемых земель, пастбищных и лесных угодий из-за их нерационального использования и/или негативных климатических изменений; невозможность вследствие этого вести хозяйство привычными методами. По данным на 2024 г., в Африке деградировали более 700 млн га земель, или 23% поверхности континента; ежегодно деградации подвергаются до 3 млн га, особенно в страдающих от опустынивания регионах [Birhanu et al. 2024].

Регионы, вследствие изменений климата затронутые засухами и опустыниванием, становятся все менее пригодными для земледелия и скотоводства. Низкопродуктивное мелкотоварное и натуральное хозяйство, отсутствие необходимых для успешного земледелия технологий и оборудования, низкая производительность труда приводят к разорению крестьян, их обеднению или обнищанию. В результате значительное число жителей сельскохозяйственных районов отправляются в города в поисках работы и лучших условий жизни. И это главная причина многолетнего существования и укрепления миграционного вектора «деревня-город». Менее значимыми мотивациями изменения места проживания служат реклама потребления, которое может обеспечить лишь городской образ жизни, и рассказы бывших односельчан, переехавших в города.

Отток рабочей силы из сельскохозяйственных районов приводит к снижению производства зерновых и продукции животноводческого сектора, в конечном итоге – к снижению продовольственной безопасности на национальном уровне. Отъезд из сельской местности означает не только перемену места жительства, но и существенные изменения привычной социокультурной и экономической среды. При переезде в города для постоянного проживания у бывших крестьян теряются навыки работы в сельском хозяйстве, невостребованные в новых условиях. Обосноваться в городе прибывающим из сельских районов помогают контакты с родственниками и односельчанами, приехавшими сюда ранее. Несмотря на расстояния, разделяющие членов традиционной многочисленной семьи, родственные связи сохраняются. Кроме того, в неформальных поселениях, разграниченных по этническому признаку, весьма высок авторитет местных вождей [Bekker, Croese, Pieterse 2021].

Российский африканист О.В. Константинова считает рост городов на Африканском континенте позитивным явлением, поскольку урбанизация способствует увеличению доходов населения и ведет в свою очередь к росту потребления [Константинова 2020]. Однако увеличение городов происходит не только за счет рождаемости, но и вследствие притока сельского населения. Основная масса переселенцев пополняет ряды голодных, бездомных и безработных горожан. Из-за неразвитости городской инфраструктуры это оборачивается расширением трущоб, антисанитарией, болезнями, дефицитом продовольствия в трущобных поселениях, а также безработицей и ростом преступности.

Таким образом, формируется деструктивная логическая линия: деградация земель – продовольственная нестабильность – миграция – трущобы.

[1] Handbook of Statistics 2020. *UNCTAD*. 2020. https://unctad.org/publication/handbook-statistics-2020 (accessed: 12.08.2026)

ТРУЩОБЫ КАК ОДНА ИЗ СЛОЖНОРЕШАЕМЫХ ПРОБЛЕМ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

В законодательстве многих стран Тропической Африки содержатся положения, непосредственно касающиеся миграции. Например, в 2015 г. в Нигерии вступила в силу Национальная миграционная политика (*National Migration Policy, NMP*), где определена, в частности, государственно-правовая база для отслеживания и регулирования перемещений населения внутри страны в интересах национального развития[2].

Аналогичные документы, действующие на государственном уровне, существуют в Кении, ЮАР, Уганде, Руанде, Замбии, других странах региона. Однако на практике законы о миграции исполняются далеко не всегда. Поэтому нерегулируемый или слабо регулируемый государственными структурами приток переселяющихся в города создает условия для возникновения, как правило, на городских окраинах, и разрастания целых трущобных районов.

Согласно одному из определений ООН, трущобные поселения – это массивы стихийной застройки, обитатели которых не имеют правовых гарантий владения и пользования землей или жилищем в месте проживания, что может принимать формы как незаконно захваченных помещений, так и съемного жилья в неформальном секторе. Здесь отсутствуют основные городские услуги и городская инфраструктура; жилые постройки не соответствуют нормам планирования и строительства, располагаясь зачастую на географически и экологически опасных территориях.

Трущобы представляют собой крупные массивы ветхого жилья, заселенные наиболее обездоленными и изолированными группами населения, страдающими от принудительного выселения, недоедания, болезней и насилия[3]. Наличие трущоб является проявлением *ложной урбанизации*, при которой увеличение городского населения несоразмерно возможностям городской инфраструктуры для адекватного пребывания бывших сельских жителей в новом для них культурно-экономическом пространстве.

Разрастанию на городских окраинах массивов неформального жилья сопутствуют ограниченные финансовые возможности населения. Во многих африканских странах только 5–10% граждан располагают средствами для приобретения или строительства объектов недвижимости, имеющих официальный правовой статус [Пряжникова 2023].

Нелегальная застройка бедняками городских окраин существует практически во всех государствах континента. В начале XXI в. в трущобных поселениях стран Африки южнее Сахары проживали 71,8% городских жителей, что составляло наибольшую долю обитателей трущоб в мире. Самый высокий процент жителей трущоб был зафиксирован в Эфиопии, Судане и Чаде (свыше 99% городского населения). К 2010 г. в трущобах суданских городов обитали примерно 32 млн человек, в Чаде – 11 млн, в Сьерра-Леоне – 6,3 млн, в ЦАР – 4,5 млн. Уже не одно десятилетие остро стоит проблема существования неформального жилья в Того, Нигере, Гвинее-Бисау, ДРК, в Мозамбике и на Мадагаскаре[4].

---

[2] National Migration Policy 2015. Federal Republic of Nigeria. *IOM*. 2015. https://nelex.gov.ng/documents/National_Migration_Policy_Nigeria_2015.pdf (accessed: 14.08.2026)

[3] Хабитат III. Исследовательские доклады. 22 – Неорганизованные поселения. Нью-Йорк, 31 мая 2015. С. 1. https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1771325641&tld=ru&lang=ru&name=2-Хабитат-3%20-%20Исследовательские%20доклады%206-22.pdf (дата обращения: 15.03.2025)

[4] UNEP 2010 Annual Report. *UNEP*. Nairobi. 2011. https://unep.org/resources/annual-report/unep-2010-annual-report (accessed: 15.06.2026)

Как полагают эксперты Кейптаунского университета (ЮАР) Н. Марренгане и С. Крузе, главная причина хаотичной застройки окраин африканских городов – дефицит свободных территорий для возведения легального жилья и быстрый рост количества переселенцев из сельской местности. Специалисты отмечают низкую эффективность городского планирования и государственного регулирования развития городов, отсутствие в законодательстве четких критериев землевладения или аренды земельных участков [Marrengane, Croese 2020].

В то время как в странах Тропической Африки городское законодательство относительно заселения трущоб проработано достаточно слабо, инициаторы незаконной застройки находят возможности «договориться» с властями; при этом в действие вступают формальные и неформальные подходы, характерные для африканской действительности [Пряжникова 2023].

Таким образом, существование ненормативных практик застройки, выражающееся в сочетании формальных и неформальных подходов к решению вопроса, становится своего рода «инновационным решением» в формировании африканской городской среды жителями трущобных окраин, руководствующимися уверенностью в том, что их нелегально возведенное жилье не должно вызывать противодействия у представителей городских властей. Кроме того, территории, застроенные подобным образом, могут принадлежать традиционным вождям, и в этом случае вступают в противоречие традиционное и официальное право [Bolay 2020].

Весьма непростой для бедных домохозяйств, в том числе находящихся в городских трущобах таких государств, как Сомали, Судан, Южный Судан, Эфиопия, представляется продовольственная ситуация, сложившаяся в последнее десятилетие в связи с климатическими сдвигами, проблемами в мировой торговле и, соответственно, ростом цен на основные продукты питания и топливо. Так, в Судане низкий урожай зерновых в 2021–2022 гг. вызвал резкий рост цен на большинство продовольственных товаров: цены на зерновые в феврале 2022 г. были на 80% выше зафиксированных в феврале 2021 г. и на 425% выше среднего пятилетнего показателя [Маглинова 2022].

В разное время власти некоторых стран Тропической Африки предпринимали определенные меры для ликвидации трущоб. Особенно ярко это проявлялось в первые годы независимости от колониального господства. Так, вскоре после освобождения от французской колонизации в Гвинее при участии президента А. Секу Туре (1958–1984 гг.) были проведены радикальные экономические преобразования, в определенной мере отразившиеся на уровне жизни обитателей трущоб. При поддержке СССР гвинейским правительством проводилась политика индустриализации и коллективизации, в ходе реализации которой появились рабочие места и, соответственно, возможность заработка для неимущего населения страны. Планы национального развития (Трехлетний план развития народного хозяйства, 1960–1963 гг., Семилетний план экономического и социального развития, 1964–1970 гг.) предусматривали не только экономические достижения, но и повышение уровня жизни населения страны, развитие социальной сферы. В частности, строилось новое жилье и проводилось благоустройство трущобных районов [Размыслов 2014]. Реализации этих планов помешало изменение внешнеполитического курса гвинейского руководства и последовавший за этим спад социально-экономического развития. До настоящего времени Гвинея остается государством, где районы трущоб имеют тенденцию к разрастанию.

В Буркина-Фасо во время нахождения у власти Т. Санкары (1983–1987 гг.), согласно «Пятилетнему народному плану развития», процесс сноса трущоб стал частью перестройки всей социально-экономической и политической сферы, сопровождавшейся

искоренением общественных пережитков: зависимой роли женщин в обществе, ликвидацией института вождей, упразднением системы традиционных связей [Harsch 2017]. Однако нахождение Т. Санкары во главе государства было кратковременным, а методы его правления – волюнтаристскими, так что его нововведения, в том числе по сносу неформальных поселений, не встретили понимания и одобрения всех буркинийцев и, соответственно, не дали заметных результатов.

Трущобные поселения наносят ущерб такой значимой для многих африканских государств сфере экономики, как туризм. Так, туристические маршруты, предлагающие посещение либерийской столицы Монровии, приводят отдыхающих в город, где санитарно-гигиенические проблемы далеки от разрешения. В неформальных поселениях, находящихся на территории Монровии, – Чугборе, Гайе, Вест-Пойнте, Лакпази, Пламкоре и других – не предусмотрена даже простейшая санитарно-гигиеническая инфраструктура; высятся горы бытового и промышленного мусора, уборка и вывоз которого практически не проводятся. Хотя с 2006 г. Всемирный банк взял на себя обязанность привести в норму санитарную обстановку в городе и оплачивает работу профильных компаний, ситуация не улучшается [Соломатин 2018].

Кардинальные преобразования трущобных поселений в нормальные городские районы требуют взаимодействия компетентных специалистов, дефицит которых весьма ощутим при градостроительных работах. К причинам нехватки квалифицированных инженерно-строительных кадров относятся нескорректированные под африканскую действительность программы обучения будущих профильных специалистов, низкая заработная плата, а также общая социально-экономическая нестабильность в ряде государств. В африканских странах, где задача ликвидации трущоб стоит особенно остро, наблюдается ярко выраженное несоответствие декларируемых планов городского благоустройства и реальных возможностей их воплощения.

МЕРЫ ПО ЛИКВИДАЦИИ ТРУЩОБНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НАЙРОБИ)

Совокупность экономических, политических и демографических факторов делает Кению одним из африканских государств, где стремительно развиваются урбанизационные процессы, значительно превосходящие возможности органов городского управления контролировать рост городских районов и обеспечивать их жителей инфраструктурными услугами. Подобная ситуация приводит к быстрому росту неформальных поселений в городах.

Наибольшее число мигрантов, в том числе переселенцев из сельской местности, стремятся попасть в Найроби, имеющего репутацию самого благополучного города страны. Согласно ретроспективным и современным данным, его население росло высокими темпами (см. *табл. 1*).

К наиболее крупным и проблемным трущобам относятся Кибера с населением более 1 млн человек, Матаре и Долина Матаре (не менее 600 тыс. жителей), Корогочо (180 тыс.), Кавангваре (130 тыс.) и Мукуру ква Нджента (свыше 100 тыс.), Киамбиу (более 50 тыс.), расположенные на окраинах кенийской столицы. Эти и другие неформальные поселения возникли еще до обретения Кенией независимости от Великобритании в 1963 г. Например, ныне крупнейшее трущобное поселение Африки – Кибера – возникло в 1920 г. как лагерь нубийских солдат в составе британских колониальных войск. Поскольку никакими имущественными правами они не обладали, лагерь формировался путем хаотичной постройки малопригодных для жизни лачуг. Волна миграции из сельских районов в Найроби и другие крупные

города была вызвана экономическим развитием колонии, в частности, расширением железнодорожной сети и превращением Найроби в крупный транспортный узел. Значительную роль в процессе возникновения неформальных поселений сыграла и расовая сегрегация: разрешение на проживание в городах получали преимущественно выходцы из Европы, что оставляло коренному населению возможность селиться лишь в неформальном жилье [Moindi 2023].

Таблица 1. **Темпы прироста городского населения Найроби**

Год	Численность населения, тыс. человек
1969	509
1979	828
1989	1325
1999	2143
2009	3138
2019	4397
2024	4800
2025	5767
2026	6200

Источники: [Gould 1985]; Nairobi, Kenya Population. *Population Statistics*. 2026. https://populationstat.com/kenya/nairobi (accessed: 17.04.2026)

После обретения Кенией независимости власти неоднократно и безуспешно пытались ликвидировать трущобы не только как наследие колониального прошлого, но и как воплощение вопиющей нищеты, наносящее несомненный вред международному имиджу столицы. После снятия расовых ограничений на проживание в городах население трущобных районов увеличивалось за счет прибытия переселенцев из сельской местности в поисках лучшей жизни. Строительство хибар продолжалось, так как аренда жилья в Найроби для бедняков была недоступна.

Несмотря на то, что принятая правительством Национальная жилищная политика предусматривала снос трущоб и строительство доступного жилья, Кибера не была снесена – как во избежание гуманитарного кризиса, так и из политических и экономических соображений, поскольку доступного недорогого жилья не хватало [Nestico et al 2025].

Значительной проблемой для населения трущоб является доступ к пищевым продуктам даже первой необходимости. Исследование, проведенное кенийскими и голландскими специалистами в 386 домохозяйствах Киберы, выявило факторы, влияющие на источники средств к существованию и на покупательскую способность. Домохозяйства страдают от отсутствия инклюзивности и справедливого распределения благ, нехватки безопасного и здорового питания – в целом от низкого уровня продовольственной безопасности, тесно связанного с уровнем доходов и прочностью товарно-денежных отношений с проживающими в сельской местности родственниками и/или торговцами. Источником дохода некоторых домохозяйств в трущобных районах является содержание кур, уток, овец и коз, а также выращивание плодовых деревьев и кустарников, что в определенной степени повышает продовольственную безопасность

[Soma et al. 2022]. Однако при отсутствии стабильных источников воды и электроэнергии, а также при дефиците свободных от застройки участков земли здесь крайне затруднены земледелие и/или скотоводство даже в малых формах и полноценная работа рынков, в том числе продовольственных.

Окраинам Найроби всегда был свойственен высокий уровень криминала: вооруженные грабежи и драки, воровство, похищение людей ради выкупа и убийства здесь обычные явления. Таков результат хаотичного переселения в городские районы сельских жителей, не нашедших себе места в новой социокультурной среде и не имеющих стабильного заработка. Уже в 2001 г. уровень преступности в Найроби оценивался как один из самых высоких в Африке, что дало основание ООН причислить столицу Кении к наиболее криминализированным городам мира[5].

Стремительный рост населения в Найроби в течение многих десятилетий свидетельствует о тенденциях продолжения и нарастания в стране процессов внутренней миграции и урбанизации. С начала нынешнего столетия принимаются масштабные меры для кардинального изменения последствий нерегулируемого притока населения в города. Программы, предлагаемые в этом направлении, осуществляются, как правило, с участием иностранных доноров и во многом дублируют друг друга.

Так, в 2003 г. правительство объявило о начале реализации в сотрудничестве с «ООН-Хабитат» и местными органами власти Программы благоустройства кенийских трущоб (*The Kenya Slum Upgrading Programme, KENSUP*) в крупнейших городах страны – Найроби, Момбасе и Накуру. Цель программы, рассчитанной до 2025 г., заключалась в строительстве жилья эконом-класса для 5,3 млн обитателей трущоб и создании социально-экономической инфраструктуры на месте трущобных поселений. Одной из задач стало привлечение членов местных сообществ к взаимодействию с представителями власти, а также организация деятельности, приносящей доход, и предотвращение конфликтов. Программа *KENSUP* финансировалась «ООН-Хабитат», стоимость ее реализации составила 884 млрд кенийских шиллингов ($13 млрд)[6].

Несмотря на достигнутые успехи в улучшении инфраструктуры, постройке жилья и социальных объектов, создании рабочих мест, претворение этой программы в жизнь не предусматривало обеспечения продовольственной безопасности в трущобах, проходило достаточно сложно и не осуществилось в полном объеме: участие местного населения в проводимых работах было незначительным, долгосрочное использование построенных объектов по назначению оказалось спорным, сказывался дефицит финансирования и непрофессиональное планирование при преобразовании трущобной застройки. Отсутствие полноценного взаимодействия с жителями Киберы и их принудительное переселение для реконструкции этого района обернулось конфликтами с участниками программы [Muchiri, Mungai 2024]. Среди удачных проектов, осуществленных в рамках *KENSUP*, – строительство жилья в Мавоко, ближайшем пригороде Найроби. Уже к 2017 г. здесь были введены в эксплуатацию 463 единицы жилья, построены торговые павильоны, мастерские, начальная школа и несколько детских садов[7].

[5] Lacey M. U.N. Study Says Nairobi Is Inundated with Crime. *The New York Times*. 29.11.2001. https://nytimes.com/2001/11/29/world/un-study-says-nairobi-is-inundated-with-crime.html (accessed: 18.04.2026)

[6] Kenya Slum Upgrading Programme (KENSUP). *Nairobi Planning Innovations.* 2003. https://nairobiplanninginnovations.wordpress.com/projects/kenya-slum-upgrading-programme-kensup (accessed: 18.04.2026)

[7] Mavoko SH1 6bn estate targeting slum dwellers 90pc ready. *Capital Group Limited*. https://capitalfm.africa/mavoko-sh1-6bn-estate-targeting-slum-dwellers-90pc-ready/ (accessed: 28.07.2026)

Постепенное развитие городского фермерства, не занимающего много места (вертикально расположенные грядки с посадками или гидропоника), позволяет выращивать небольшие объемы овощей и зелени; таким образом снижается зависимость жителей трущоб от поставщиков, ряд продуктов питания становится доступнее[8]. Представляется, что, несмотря на ограниченные объемы и возможности, городское фермерство может в какой-то степени смягчить продовольственные проблемы трущобных районов, однако для этого необходимы доступ к воде и электричеству, что практически невозможно без поддержки подобных инициатив со стороны государства.

Некоторые проекты городского развития, несомненно, необходимы, весьма амбициозны и едва ли претворимы в жизнь с учетом резкого материального и имущественного неравенства горожан. Например, в 2008 г. в целях ликвидации трущоб и преобразования застроенных ими городских окраин в соответствующие современным требованиям районы власти Кении обнародовали план *Nairobi Metro 2030*, предусматривающий превращение столицы страны к 2030 г. в экономический и технологический центр Восточной Африки, мегаполис мирового класса. Разработчики этого документа заявили о намерении «создать рабочую среду с широким спектром рабочих мест, транспортных возможностей и коммуникационной инфраструктурой, с современным жильем, здравоохранением, культурными и развлекательными учреждениями. Найроби намерен предоставлять высококачественные офисные, производственные и складские помещения с полным спектром вспомогательных услуг и информационной инфраструктурой». Предполагалось также создание эффективной системы переработки мусора, введения в строй новых средств санитарии, ремонта общественного транспорта и дорог[9]. В 2024 г. в рамках *Nairobi Metro 2030* в столичном районе Нгра был введен в строй жилой комплекс на 1370 квартир. Однако приобретение квартир, рассчитанных на представителей среднего класса, едва ли доступно обитателям трущобных поселений Найроби[10].

В 2024 г. президент Кении У. Руто заявил о планах по реализации на государственном уровне совместно с Национальной жилищной корпорацией программы «Доступное жилье», предполагающей снос всех трущобных поселений в стране и улучшение условий жизни их обитателей в течение ближайших 15 лет. Побуждающим фактором для принятия этого решения стали масштабные наводнения, вызванные ураганом Эль-Ниньо в декабре 2023 г. и лишившие крова более 163 тыс. обитателей трущоб в разных регионах страны. Но после введения 1,5% сбора с работников для финансирования строительства 250 тыс. единиц недорогого социального жилья в год данная правительственная инициатива вызвала массовое недовольство кенийцев. Тем не менее, к 2028 г. планируется возведение около 1 млн домов и предоставление их в аренду гражданам за небольшую плату. Строительные проекты для малообеспеченных слоев населения призваны решить проблемы безработицы, нехватки жилья и социальных услуг, но, по оценкам правительства, доступное жилье составляет лишь 2% от 50 тыс. домов, ежегодно

[8] Городское фермерство процветает в трущобах в Кении. Новости мира сегодня NTD. *New Tang Dynasty Television*. 06.07.2023. https://ntdtv.ru/127383-gorodskoe-fermerstvo-protsvetaet-v-trushhobah-v-kenii?ysclid=ms4ruio58265019387 (дата обращения: 28.07.2026)

[9] Nairobi Metro 2030 Strategy. *United Nations. Department of Economic and Social Affairs.* https://sdgs.un.org/partnerships/nairobi-metro-2030-strategy (accessed: 12.04.2026)

[10] Mynyasya J. Transforming Nairobi into a world-class city. *Daily Nation.* 11.11.2025. https://nation.africa/kenya/blogs-opinion/blogs/transforming-nairobi-into-a-world-class-city-5261298 (accessed: 18.04.2026)

возводимых в стране. У. Руто предлагает увеличить этот показатель примерно до 50%, но строительство нового жилья покрывает лишь пятую часть годового спроса в Кении и ориентировано в основном на состоятельных покупателей и людей со средним достатком[11].

В 2025 г. исследователи из Университета Салерно и Университета Саннио (Италия) провели оценку финансовых затрат для трансформации трущоб Кибера как наиболее крупного и социально проблемного неформального поселения Кении. Согласно предложенным ими программам городского развития, планируется снос ветхого жилья и утилизация старых стройматериалов, постройка новых жилых домов и создание городской инфраструктуры. Но поскольку кенийский рынок крайне нестабилен, цены на нем значительно колеблются из-за высокого уровня инфляции, в 2023 г. составившего около 7%. Вследствие этого стоимость строительства неуклонно растет; возведение стандартного малоэтажного многоквартирного дома в 2021–2022 г. обходилось в 36810 кенийских шиллингов ($284,25). По подсчетам итальянских экспертов, стоимость строительства на одного жителя составляет 2408 евро при соблюдении минимальных требований, установленных «ООН-Хабитат». При соблюдении этих требований городское поселение перестает считаться неформальным. Чтобы вывести городское поселение на уровень «едва удовлетворительный», стоимость строительства увеличивается примерно на 7%, а затраты на одного жителя составят 2564 евро. Таким образом, реконструкция городских территорий, будучи эффективным решением для улучшения условий жизни людей, проживающих в трущобных районах, является сложной и дорогостоящей, требует тщательного планирования и междисциплинарного подхода с участием различных заинтересованных сторон [Nestico et al. 2025].

Можно предположить, что вышеназванные проекты по преобразованию Найроби в один из современных урбанистических центров, кардинальному переустройству трущобных районов и улучшению условий жизни их обитателей в основном имеют декларативный характер и не учитывают реальное экономическое и демографическое положение Кении.

ЛИКВИДАЦИЯ АФРИКАНСКИХ ТРУЩОБ – НЕПРОСТАЯ ЦЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Одной из главных задач, возникающих при существующих высоких темпах ложной урбанизации на континенте, стала разработка политики городского развития. В настоящее время основной международной стратегией решения проблемы неформальных поселений является благоустройство трущоб.

В 2008 г. по инициативе Секретариата Группы государств Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, Европейской комиссии и «ООН-Хабитат» вступила в действие Программа улучшения условий жизни в трущобах (*The Participatory Slum Upgrading Programme, PSUP*) – ключевой документ, направленный на смягчение или решение этой сложной социально-экономической проблемы. Сотрудники *PSUP* работают в сотрудничестве с неправительственными структурами, коммерческими, предпринимательскими и научными организациями. По мнению экспертов этой организации, методологическим подходом, направленным на устранение дисбалансов в городском развитии, является совместное благоустройство трущоб их обитателями и

[11] Herbling D. Floods in Kenya Give Boost to Ruto’s Affordable Housing Push. *Bloomberg*. 08.05.2024. https://yahoo.com/news/floods-kenya-boost-ruto-affordable-040000364.html (accessed: 18.04.2026)

представителями всех уровней власти, общественности, гражданского общества, неправительственных организаций, научных кругов, частного сектора. Считается, что совместные действия множества заинтересованных сторон с большей вероятностью будут содействовать созданию необходимых партнерств, управлению, организационным формам и вариантам финансирования, ведущим к инклюзивному планированию и устойчивым результатам[12]. Однако планы по реализации этой программы не связаны напрямую с продвижением продовольственной безопасности в наиболее бедные жилые районы.

К африканским государствам, участвующим в реализации *PSUP*, относятся Ангола, Ботсвана, Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Камерун, ДРК, Кения, Мадагаскар, Малави, Мозамбик, Намибия, Руанда, Сомали, Чад, Эфиопия, ЮАР. Заинтересованным странам предлагаются проекты по обеспечению доступа населения трущоб к коммунальным, медицинским, сберегательным услугам и кредитам, физической безопасности, поддержке в получении устойчивого дохода, обучению финансовой грамотности и управлению семейным бюджетом, организации спортивных и оздоровительных мероприятий.

Среди примеров реализации *PSUP* в Африке – работа, проводимая с 2008 г. в неформальных поселениях Ганы Джеймс-Тауне, Га-Маши и Ушерт-Тауне, где появились асфальтированные улицы, общественные туалеты и душевые, система дренажных канав; был налажен вывоз мусора[13].

В Кот-д'Ивуаре *PSUP* проходила в три этапа: в 2012, 2015 и 2022 гг. За это время в неформальных поселениях городов Бундиали и Исиа, а также трущобах, находящихся на окраинах Абиджана – Трайчвилле, Абобо, Йопугоне, Порт-Буэте, – были проложены дороги, проведено электричество, открыт доступ населения к средствам санитарии, водоснабжению, школам и медпунктам[14].

Конечной целью *PSUP* является сокращение на 50% к 2030 г. количества жителей трущоб в 2000 городах и населенных пунктах во всем мире, что соответствует Цели устойчивого развития 11.1: «К 2030 г. обеспечить всеобщий доступ к достаточному, безопасному и недорогому жилью и основным услугам и благоустроить трущобы»[15]. Однако, судя по высоким темпам роста городского населения в странах Тропической Африки (примерно 3,5% в год), происходящего в основном за счет миграций из сельских районов [Пряжникова 2023], достижение этой цели в указанные сроки представляется нереальным.

Сходная ситуация наблюдается в Анголе. В Луанде, например, много лет наблюдается хронический дефицит средств санитарии и чистой питьевой воды, а на ее

[12] Последующая деятельность в связи с осуществлением Новой программы развития городов и укрепление Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат). Доклад Генерального секретаря. Генеральная Ассамблея ООН. 75-я сессия. *ООН*. 07.08.2020. https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/09/sg_rpt._on_un-habitat_to_ga_75_a_75_296_r.pdf (дата обращения: 29.03.2026)

[13] UN-Habitat's Participatory Slum Upgrading Programme in Ga-Mashie, Ghana to feature at World EXPO UN-Habitat. *The United Nations Human Settlements Programme*. 24.09.2020. https://unhabitat.org/news/24-sep-2020/un-habitats-participatory-slum-upgrading-programme-in-ga-mashie-ghana-to-feature (accessed: 21.04.2026)

[14] The Participatory Slum Upgrading Programme (PSUP). UN-Habitat. *The United Nations Human Settlements Programme*. 07.02.2020. https://unhabitat.org/programme/the-participatory-slum-upgrading-programme-psup (accessed: 20.03.2026)

[15] Цели в области устойчивого развития. Цель 11: Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов. *ООН*. https://un.org/sustainabledevelopment/ru/cities/ (дата обращения: 28.07.2026)

окраинах находятся десятки тысяч единиц самостроя без каких-либо бытовых удобств. Здесь живут свыше 6 млн человек при том, что инфраструктура Луанды, заложенная еще в колониальные времена, рассчитана примерно на 700 тыс. жителей[16]. Недоедание или голод, характерные для трущоб ангольских городов, – результат неравномерного распределения доходов и системных проблем в социально-экономической сфере. Значительные сложности связаны и с социальной интеграцией беженцев, пострадавших во время гражданской войны (1975–2002 гг.), в послевоенное время, за счет миграций которых во многом пополняются ряды жителей трущоб. Одной из первоочередных задач разрабатываемых на правительственном уровне реабилитационных программ является обеспечение беднейших слоев населения продовольствием.

Стремясь коренным образом изменить ситуацию, в 2009 г. власти заявили о намерении построить город Сасса-Бенго, отвечающий всем требованиям современности. Проект по его возведению – часть Обобщенного плана городского развития, составленного совместно с ливанской консультационной компанией «Дар аль-Хандасах». Предполагалось, что новый город появится к 2030 г. между Луандой, Кашито и Барра-ду-Данде и «разгрузит» ангольскую столицу, которая вследствие многолетней гражданской войны стала прибежищем для трети населения страны. В Сасса-Бенго из Луанды должно быть переселено 3 млн человек, в основном из трущобных районов. По прогнозам социологов, к 2030 г. при существующих темпах прироста населения в столице Анголы будут жить примерно 15 млн человек, в то время как население страны составит 30 млн. Таким образом, если план по строительству нового города будет реализован, жителями столичного региона станет половина ангольцев[17].

Однако это лишь отдельные примеры проектов по улучшению жизни обитателей трущоб, реализуемых с разной степенью успешности в странах Тропической Африки. В целом же ситуация представляется очень далекой от достижения действительно положительных сдвигов в этом направлении.

ПЛАНЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛОЖНОЙ УРБАНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЭФИОПИИ)

Одним из наименее урбанизированных государств континента до настоящего времени остается Эфиопия. По сравнению со странами Тропической Африки, где средний уровень урбанизации составляет 37%, здесь он достаточно низкий (23,1%). [Fente et al. 2025].

Однако Эфиопия находится в ряду стран, где миграционный вектор «деревня-город» проявляется достаточно ярко. Исследования, проведенные специалистами из Аддис-Абебы, на примере города Уольдыя (регион Амхара) показали, что урбанизация в Эфиопии в основном обусловлена естественным приростом населения, миграцией из сельской местности в города и изменением статуса сельских земель. Основными мотивациями к переезду являются почти полное отсутствие социальных услуг и низкий уровень жизни в регионах постоянного проживания. Главные факторы, привлекающие людей в города, – улучшенная социальная инфраструктура и возможности трудоустройства. Таким образом, приток мигрантов приводит к значительному увеличению нагрузки на пригородные районы с несанкционированной застройкой [Fente et al. 2025].

[16] Luanda. Nova Cidade – Sassa Bengo. *Skyscraper City Forum.* https://skyscrapercity.com/threads/luanda-nova-cidade-sassa-bengo.809066/ (accessed: 28.07.2026)
[17] Ibid.

Трущобы эфиопских городов специалисты классифицируют следующим образом:

– неформальные поселения на городских окраинах и незаконно присвоенных землях, возведенные без соблюдения строительных норм, но отличающиеся внешне добротным видом;

– неформальные поселения с постройками из отходов обрабатывающих производств и бытового мусора в местах отдыха горожан, вблизи автомобильных дорог, на заброшенных государственных землях;

– неформальные поселения в черте города, для которых характерны перенаселенность, антисанитария и ветхое жилье [Belete 2017].

Сложившаяся в стране ситуация требует принятия незамедлительных и конструктивных решений. Одним из способов снижения темпов миграций из сельских районов в города и ложной урбанизации стали национальные программы, направленные на развитие и повышение конкурентоспособности аграрной отрасли, составляющей свыше 36% ВВП страны, на укрепление продовольственной безопасности. Это тем более актуально, что сельское хозяйство страны основано на мелкомасштабном малорентабельном производстве.

Так, в 18 районах штатов Амхара, Оромия и Тыграй при поддержке и финансировании Германского агентства международного сотрудничества (*Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit, GIZ*) в 2015 г. был запущен Интегрированный проект управления плодородием почв (*Integrated Soil Fertility Management Project, ISFM+*). Его основными целями стали разработка и продвижение практик комплексного управления плодородием почвы для мелких фермеров; повышение урожайности и биомассы за счет сочетания дополняющих друг друга технологических пакетов; восстановление деградированных почв и улучшение плодородия используемых сельскохозяйственных земель. Одна из задач – обучение местных фермеров передовым методам обработки выращиваемых культур и увеличения их урожайности, что, предположительно, повысит заинтересованность крестьян в результатах своего труда и послужит препятствием для их переезда в город.

В 2021 г. некоторые результаты реализации этого проекта были проанализированы экспертами из Германии Д. Хернером и М. Волльни. Они оценили, насколько внедрение основных технологий Интегрированного проекта управления плодородием почв соотносится с изменением благосостояния домохозяйств, и пришли к выводу, что выращивание кукурузы, пшеницы или тефа[18] связано с более высокими трудозатратами, а также с более высоким доходом от этих культур в агроэкологических зонах, повышением продовольственной безопасности и увеличением числа детей, посещающих школу. Исследование также показало, что внедрение новых технологий в выращивание хотя бы одной из трех упомянутых культур связано с уменьшением вероятности участия фермеров в других видах экономической деятельности. В то же время влияние сельскохозяйственных инноваций на благосостояние может быть неоднородным в зависимости от стратегии диверсификации доходов фермеров [Hörner, Wollni 2021].

В 2020 г. специалистами министерства сельского хозяйства был разработан план «Эфиопия 2030: Путь к процветанию» (Десятилетний план развития), рассчитанный на 2021–2030 гг. Важнейшими отраслями в развитии страны названы электроэнергетика и сельское хозяйство. К приоритетным направлениям аграрной сферы относились садоводство, птицеводство и животноводство; выращивание сельскохозяйственных

[18] Теф или тефф – однолетнее травянистое растение семейства злаков, одна из древнейших одомашненных культур.

культур, наиболее востребованных на внутреннем и внешнем рынках (пшеница, чай, соя, кунжут, лук, томаты, авокадо, бананы, рис, кофе); производство пищевых масел, сахара. С целью увеличения производства сельскохозяйственной продукции для внутреннего потребления и экспорта задействованы комплексные агропромышленные парки в штатах Амхара, Оромия, Сидама и Тыграй[19].

В 2025 г. начались работы по повышению эффективности сельского хозяйства под эгидой проекта *TRANSFORM*, рассчитанного на 2025–2028 гг. Проект ориентирован на улучшение плодородия почв, увеличение сельскохозяйственных площадей за счет введения в эксплуатацию ранее необрабатываемых земель, повышение продовольственной безопасности, устойчивое использование природных ресурсов. В штатах Амхара, Оромия и Центральная Эфиопия планируется восстановление 65 тыс. га сельскохозяйственных угодий и обучение рациональному управлению земельными ресурсами 100 тыс. мелких фермеров. Проект осуществляется в сотрудничестве с Университетом Вагенингена (Нидерланды), Всемирным форумом по информации о почве, окружающей среде (*World Soil Information, ISRIC*), Форумом кофейных лесов Эфиопии (*Ethiopian Coffee Forest Forum, ECFF*) и региональной организацией *SOS Sahel Ethiopia*. Его финансирование обеспечивают Нидерланды и Евросоюз[20].

Следует особо отметить, что этот и аналогичные проекты предусматривают наряду с расширением и модернизацией сельскохозяйственного производства увеличение числа рабочих мест, что служит сдерживающим фактором для оттока населения, особенно молодежи, в города. Актуальность этих проектов несомненна, поскольку в горных районах Эфиопии, где наблюдается острый дефицит пригодных для сельскохозяйственной деятельности земель, высока молодежная безработица, что становится причиной миграций из деревень в города.

Важными факторами, определяющими возможности сельской молодежи зарабатывать на жизнь за счет мелкого фермерства, являются доступ к земле и наличие тягловой силы для ее обработки. В этом плане показательно исследование, посвященное восстановлению деградировавших общинных земель и проведенное в регионе Тыграй учеными из Норвегии и Эфиопии. По мнению М. Тилахуна и С.Т. Холдена, для решения проблемы безработицы среди молодежи необходима политика, учитывающая интересы молодых людей и создающая возможности для получения ими средств к существованию. Осуществление различных проектов по модернизации аграрной отрасли помогает организовать безземельную и малоземельную молодежь и выделять ей восстановленные земли для ведения сельского хозяйства в качестве источника дохода. Заинтересованность молодежи в сельскохозяйственных работах в значительной степени зависит не только от наличия тягловой силы (в данном случае – волов) для обработки земли, но и от необременительных для выплаты целевых кредитов, выделяемых на земледелие [Tilahun, Holden 2023].

Реализацию вышеназванных планов затрудняют дефицит финансирования и отсутствие либо недостаточное использование современных технологий, неэффективные рыночные системы, неразвитость научно-исследовательских и консультационных служб.

[19] Ethiopia Country Commercial Guide. Agricultural Sectors. *International Trade Administration.* 18.01.2024. https://trade.gov/country-commercial-guides/ethiopia-agricultural-sectors (accessed: 22.04.2026)

[20] Transform Soil Fertility Management in Ethiopia (TRANSFORM). *International Fertilizer Development Center*. 2025. https://ifdc.org/projects/transform-soil-fertility-management-in-ethiopia-transform/ (accessed: 12.04.2026)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Быстрый рост городов за последние десятилетия серьезно изменил демографический и социальный облик Африканского континента. Неблагоприятное влияние климатических изменений на сельскохозяйственную сферу многих государств Тропической Африки и сопутствующие экономические проблемы «выдавливают» людей из деревни, способствуя росту городов, в то время как сами города страдают от внутренних противоречий. Высокие темпы ложной урбанизации неизбежно ведут к росту трущобных поселений.

Процессы образования трущоб многогранны и часто варьируются от страны к стране, а также внутри страны и города. Поиск устойчивых подходов к благоустройству неформальных поселений требует всестороннего понимания физического развития трущоб и изучения социальных, экономических и экологических взаимосвязей внутри них [Givental 2017].

Миграционная политика, проводимая властями африканских стран для смягчения проблемы, не всегда приносит ожидаемые результаты: возрастает нагрузка на городскую инфраструктуру и социальные службы, среди мигрантов обостряется соперничество за рабочие места и нередко возникают конфликты на социальной и этнической основе.

По мнению российских исследователей С.В. Лагуновой и М.С. Костарева, для стран «Глобального Юга» реалистичным методом решения этого вопроса остается постепенная легализация существующих неформальных поселений с последующим включением их в официальную городскую сеть. Это не требует моментальных затрат на снос лачуг и переселение их жителей, а дает возможность развивать территорию поэтапно, улучшая условия жизни без разрушения сложившихся социальных связей [Лагунова, Костарев 2025]. Соглашаясь с позицией вышеупомянутых исследователей, приходится отметить, что данный процесс сложноосуществим. Исходя из африканских реалий, можно предположить, что поэтапное включение трущоб в городскую черту станет затяжным и материально затратным для большинства городских администраций.

Однако модернизация городских трущоб тем более актуальна, что является неотъемлемой составляющей цели 11 в области устойчивого развития (ЦУР) – «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов»: сделать города и населенные пункты инклюзивными, безопасными, жизнестойкими и устойчивыми, восстановить бедные районы, обеспечить всеобщий доступ к достаточному, безопасному и недорогому жилью и базовым услугам.

Кроме того, вышеназванная масштабная задача направлена на реализацию Новой городской повестки (*New Urban Agenda, NUA*), принятой ООН в 2016 г. на конференции *Habitat III* в Кито (Эквадор) и предусматривающей улучшение условий жизни нуждающегося населения путем ликвидации сохраняющихся форм бедности, неравенства и антропогенных форм негативного влияния на природу, что препятствует глобальному устойчивому развитию. В Новой городской повестке указывается также на необходимость создания районов для заселения людьми с разным уровнем дохода. При этом подчеркивается важность строительства доступного жилья и решения проблемы бездомности, расширения сети общественного транспорта, улучшения условий жизни уязвимых слоев населения (пожилых граждан, женщин и инвалидов)[21].

[21] Birch E.L. The New Urban Agenda's Road Map for Planning Urban Spatial Development: Tangible, Manageable and Measurable. *UN*. 10.10.2016. https://un.org/en/chronicle/article/new-urban-agendas-road-map-planning-urban-spatial-development-tangible-manageable-and-measurable (accessed: 13.04.2026)

В то же время весьма актуальными представляются предпринимаемые африканскими профильными структурами меры по оптимизации аграрного сектора, одним из положительных результатов которых является заинтересованность населения в продолжении сельскохозяйственной деятельности. Это напрямую связано с ростом продуктивности сельскохозяйственных культур, снижением потерь при сборе урожаев благодаря технической модернизации, внедрением ресурсосберегающих технологий, использованием качественных современных удобрений, а также усилением ветеринарного контроля в животноводческом секторе.

Таким образом, сочетание усилий по ликвидации трущоб и внедрению современных методов работы в животноводстве и растениеводстве может смягчить одну из острых проблем городского развития и одновременно укрепить продовольственную безопасность населения африканских стран. Однако этот путь требует больших материальных затрат и наличия квалифицированных кадров в области сельского хозяйства и преобразования городских территорий.

БИБЛИОГРАФИЯ

Константинова О.В. Сможет ли Африка воспользоваться демографическим дивидендом? *Экономические отношения*. 2020. Т. 10. № 2. С. 319–330. https://doi.org/10.18334/eo.10.2.100906

Лагунова С.В., Костарев М.С. Неформальные поселения и их влияние на городское развитие: международный и российский контекст. *Государственное управление и право*. 2025. № 2(06). С. 140–159.

Маглинова Т.Г. Стремительный рост цен на продовольствие и катастрофа в Восточной Африке. *Экономические науки.* 2022. Т. 8. № 3. С. 183–186. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-8-3-183-186

Пряжникова О.Н. Некоторые особенности урбанизации на Африканском континенте. *Экономические и социальные проблемы России.* 2023. № 3. С. 29–39. https://doi.org/10.31249/espr/23.03.02

Размыслов С.С. Советско-гвинейские отношения в период Первой Республики (1958–1984 гг.). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России.* 2014. № 1. С. 119–126.

Соломатин А.И. Всемирный банк и «нестабильные государства»: динамика взаимодействия и структура помощи. *Вестник международных организаций.* 2018. Т. 13. № 1. С. 114–132. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-07

Bekker S., Croese S., Pieterse E. (Eds.). *Refractions of the national, the Popular and the Global in African Cities.* Cape Town: African Minds, 2021.

Belete A.W. Assessment of Addis-Ababa's Urban Land Lease Implementation: A Backing to Make Informed Decision. *Civil and Environmental Research*. 2017. Vol. 9. № 5. Pp. 38–47.

Birhanu B.Z., Desta G., Cofie O., Tilahun S.A., Mabhaudhi T. Restoring degraded landscapes and sustaining livelihoods: sustainability assessment (cum-review) of integrated landscape management in sub-Saharan Africa. *Frontiers in Climate*. 2024. Vol. 6. 1338259. https://doi.org/10.3389/fclim.2024.1338259

Bolay J.-C. *Urban Planning Against Poverty. How to Think and Do Better Cities in the Global South.* Cham: Springer, 2020. https://doi.org/10.1007/978-3-030-28419-0

Fente M.F., Abebe B.G., Woldeamanuel M.G. Exploring the nexus of migration dynamics and urban expansion: key drivers of horizontal spatial growth in Woldia Township, Ethiopia. *Frontiers.* 2025. Vol. 6. 1517341. https://doi.org/10.3389/fhumd.2024.1517341

Gould W.T.S. Migration and Development in Western Kenya, 1971–82: A Retrospective Analysis of Primary School Leavers. Africa. *Journal of the International African Institute.* 1985. Vol. 55. № 3. Pp. 262–285. https://doi.org/10.2307/1160580

Hörner D., Wollni M. Integrated soil fertility management and household welfare in Ethiopia. *Food Policy*. 2021. Vol. 100. 102022. https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2020.102022

Harsch E. *Burkina Faso: A History of Power, Protest and Revolution.* London: Zed Books, 2017. https://doi.org/10.5040/9781350218802

Givental E. Addis Ababa Urbanism: Indigenous Urban Legacies and Contemporary Challenges. *Journal of Geography and Geology*. 2017. Vol. 9. № 1. Pp. 25–36. https://doi.org/10.5539/jgg.v9n1p25

Moindi K.M. The Colonial Political Economy in Kenya. In: Nasong'o W.S., Amutabi M.N., Falola T. (Eds.). *The Palgrave Handbook of Kenyan History*. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. Pp. 99–114. https://doi.org/10.1007/978-3-031-09487-3_9

Nestico A., Russo F., Maselli G., Vietri M. A novel cost estimation model for the urban regeneration of a slum: the case of Kibera (Nairobi). *Frontiers in Sustainable Cities*. 2025. Vol. 7. 1544486. https://doi.org/10.3389/frsc.2025.1544486

Marrengane N., Croese S. (Eds.). *Reframing the Urban Challenge in Africa: Knowledge Co-production from the South*. London: Routledge, 2020. https://doi.org/10.4324/9781003008385

Muchiri L., Mungai A.W. Interface Evaluation Approaches and Sustainable Development of Slum Upgrading Programme in Nairobi City County, Kenya. *International Journal of Social Sciences Management and Entrepreneurship*. 2024. Vol. 8. № 1. Pp. 445–471.

Soma K., Janssen V.C.J., Ayuya O.I., Obwanga B. Food Systems in Informal Urban Settlements – Exploring Differences in Livelihood Welfare Factors across Kibera, Nairobi. *Sustainability*. 2022. Vol. 14. № 17. 11099. https://doi.org/10.3390/su141711099

Tilahun M., Holden S.T. Livelihood diversification and migration intentions among land-poor youth in Tigray, Northern Ethiopia: do they correlate with livestock assets, trust, and trustworthiness? *Frontiers*. 09.06.2023. Vol. 7. 1175572. https://doi.org/10.3389/fsufs.2023.1175572

Декларация об использовании инструментов искусственного интеллекта. При подготовке статьи использовались инструменты генеративного ИИ для языкового редактирования текста и при переводе отдельных материалов на русский язык. Текст статьи является оригинальной авторской работой; содержание, анализ, выводы и ответственность за достоверность данных полностью принадлежат автору.

Research article

SLUM SETTLEMENTS IN SUB-SAHARAN AFRICA AND THE PROBLEM OF FOOD SECURITY[22]

© 2026 N.V. Grishina

GRISHINA Nina Vladimirovna, PhD (History), Senior Research Fellow, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3688-6208. E-mail: eestimaa8@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the causes of the emergence and expansion of slum settlements in tropical African countries in connection to the long-term problems of the agricultural sector: small-scale agricultural production, the surplus of landless farmers in some regions, and climate change. The paper offers some examples of large-scale infrastructure projects, which are carried out, with varying degrees of success, at the national and international levels to transform slums into residential areas in accordance with UN-Habitat standards. It emphasizes that in order to reduce the flow of migrants from rural areas to cities, it is necessary to modernize the agricultural sector, creating additional jobs and motivating young people to engage in agricultural labor. It is concluded that, being a serious problem of urban development, slums are an indicator and consequence of food crises. The implementation of

[22] Declaration on the use of artificial intelligence. Generative AI tools were used only to support the translation of selected materials and to check language, spelling, and style. The article is an original work by the author, who is solely responsible for its content, analysis, conclusions, and the accuracy of the data presented.

plans to eliminate slums, declared as one of the Millennium Development Goals, is impossible within the established time frame, since the population's movement towards cities significantly outstrips measures to build affordable housing for poor residents of informal settlements. The outflow of the agricultural population to the cities, which feeds the urban slum environment, while being caused by the degradation of the agricultural sector, is also fraught with its further decline, since agriculture, which ensures food security, is losing workers. The growth of slum settlements poses threats to the food security of their inhabitants: due to the consumption of poor-quality and monotonous food, the number of gastrointestinal diseases increases; prices for products imported from semi-abandoned agricultural areas are constantly rising; those without means to earn their subsistence or an access to humanitarian aid are on the verge of starvation.

Keywords: Sub-Saharan Africa, slum settlements, false urbanization, social problems, development programs, infrastructure projects

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Grishina N.V. (2026). Slum Settlements in Sub-Saharan Africa and the Problem of Food Security. *Journal of the Institute for African Studies*. Vol. 12. № 3. Pp. 132–148. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-132-148

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Научная статья

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ЭКОВАС В ОТНОШЕНИИ МАЛИ И НИГЕРА: ГУМАНИТАРНЫЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ И ИЗДЕРЖКИ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ (2022–2025 гг.)

© 2026 М.Б. Умар

УМАР Мохаммед Белло, аспирант, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Российская Федерация. ORCID: 0009-0000-0707-115X. E-mail: mbumar2000@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается, как вопросы продовольственной безопасности связаны с санкциями, которые ЭКОВАС ввело против Мали и Нигера в 2022 и в 2025 гг. Цель исследования – сопоставить гуманитарное планирование, практику применения и политические последствия этих двух эпизодов санкций. Кроме того, анализируется, как продовольственные издержки влияют на эффективность и легитимность принудительных мер, не сводя сложный региональный разрыв отношений к одному лишь фактору. Научная новизна заключается в том, что это первое системное сравнение гуманитарного аспекта санкций ЭКОВАС, основанное на доступном и воспроизводимом протоколе кодирования, который был применен к четырем ключевым коммюнике Конференции глав государств и правительств ЭКОВАС: по Мали от 9 января и 3 июля 2022 г. и по Нигеру от 30 июля 2023 г. и 24 февраля 2024 г. Историко-институциональный анализ дополняется методом сравнительного отслеживания процессов. Санкции сами по себе не стали единственной причиной отсутствия продовольственной безопасности и не подорвали авторитет ЭКОВАС, поскольку на результат также повлияли вооруженный конфликт, оспаривание легитимности государств, нарративы о суверенитете, геополитическая перестройка и стремление сохранить региональное единство. Однако неравномерная защита гражданского населения усугубила кризис доверия, вызванный расхождением между декларируемыми целями институтов продовольственной безопасности ЭКОВАС и практикуемыми им принудительными мерами. В статье предлагается ввести постоянное гуманитарное исключение, предварительную оценку воздействия, автоматический пересмотр мер, презумпцию адресных санкций и заключение технического договора между ЭКОВАС и Альянсом государств Сахеля о защите продовольственных коридоров, пастбищной мобильности, обмене данными раннего предупреждения и доступе к Региональному резерву продовольственной безопасности.

Ключевые слова: ЭКОВАС, Мали, Нигер, продовольственная безопасность, экономические санкции, гуманитарные исключения, военные перевороты, Региональный резерв продовольственной безопасности, Альянс государств Сахеля, региональная интеграция

Благодарности. автор благодарит анонимных рецензентов за замечания, существенно улучшившие аргументацию и источниковую базу статьи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Умар М.Б. Продовольственная безопасность в санкционной политике ЭКОВАС в отношении Мали и Нигера: гуманитарные исключения и издержки мер принуждения (2022–2025 гг.). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2026. Т. 12. № 3. С. 149–167. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-149-167

ВВЕДЕНИЕ

В результате смены режимов в Мали (август 2020 г. и май 2021 г.) и Нигере (июль 2023 г.) Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС) оказалось перед сложной дилеммой, проистекающей из двух его уставных задач. ЭКОВАС стремилось защитить конституционный порядок с помощью мер экономического принуждения, в то же время сохраняя функционирование самой развитой в Африке системы обеспечения продовольственной безопасности. Возникшая дилемма разворачивалась в крайне непростых условиях: вооруженные мятежи, вынужденное перемещение населения, слабость государственных служб, климатические и эпидемиологические потрясения и зависимость от импорта продовольствия создали угрозу продовольственной безопасности задолго до принятия санкционных пакетов.

К концу 2024 г., по оценкам Комиссии ЭКОВАС, в срочной продовольственной помощи в Западной Африке нуждались 34,7 млн человек[1]. Таким образом, санкции не стали первопричиной кризиса; они наложились на уже существовавший комплекс проблем, связанных с конфликтами и нехваткой продовольствия, оказав влияние на ценообразование, транспортное сообщение, энергоснабжение и возможности доставки гуманитарной помощи в этих условиях.

Основной причиной уязвимости Мали стал вооруженный конфликт, который начался на севере страны в 2012 г. и быстро распространился на центральную часть Сахеля. Этот конфликт нанес значительный ущерб сельским районам, вынудил общины мигрировать и подорвал доверие к гражданскому правительству. Со временем произошло переплетение множества факторов, таких как повстанческое движение, оспаривание властных полномочий, иностранное вмешательство и особенности местных политико-экономических систем [Bøås, Torheim 2013; Charbonneau 2017; Thurston 2020].

В данном контексте продовольственная безопасность рассматривается через призму концепции доступа, разработанной Нобелевским лауреатом по экономике 1998 г. А. Сеном: необходимо не только наличие продовольствия, но также и стабильный физический, экономический и социальный доступ людей к полноценному питанию [Sen 1981; Pinstrup-Andersen 2009; Devereux 2009]. Таким образом, закрытие границ, блокировка транзакций, а также перебои в энергоснабжении или транспортной системе могут привести к отсутствию продовольственной безопасности даже при сохранении физического наличия соответствующих товаров. В исследованиях, посвященных гуманитарным последствиям санкций, отмечается, что масштабные ограничения перекладывают издержки на домохозяйства с наименьшими возможностями для адаптации, тогда как адресные меры могут оказать давление на лиц, принимающих решения [Hufbauer et al. 2007; Drezner 2011; Moret 2015].

[1] ECOWAS Regional Economic Outlook 2025 to 2027: Food Security and Challenges of Regional Integration in ECOWAS. *ECOWAS Commission*. 03.2026. Pp. xii, 84. https://ecowas.int/publication/ecowas-regional-economic-outlook-2025-to-2027/ (accessed: 26.08.2026)

Пример ЭКОВАС представляет особый интерес, поскольку эта организация сочетает в себе функции как регионального органа, наделенного полномочиями по принуждению, так и структуры, обеспечивающей функционирование региональных институтов в области сельского хозяйства, формирования резервов и раннего предупреждения.

В научных работах можно найти множество различных подходов к анализу данного вопроса. В российских работах рассматриваются роль Африки в обеспечении глобальной продовольственной безопасности [Ксенофонтова 2015; Абрамова 2022; Ревенко, Солдатенкова, Ревенко 2022], опыт применения санкций в масштабах континента [Фитуни 2021] и стратегия коллективной опоры на собственные силы в Сахеле [Дегтерев 2024]. Другие работы посвящены анализу институтов мира и безопасности ЭКОВАС [Adebajo 2002; Francis 2006; Obi 2009; Yabi 2010; Hartmann 2017] и легитимности региональных интервенций в Африке [Witt 2020]. Непосредственно вопрос о мерах принуждения, применяемых ЭКОВАС, также стал предметом изучения. Так, российские исследователи Т.А. Андреева и А.Д. Новиков приходят к выводу, что санкционный инструментарий Сообщества позволил добиться процедурных уступок в среднесрочной перспективе, однако не смог восстановить политические режимы, к которым стремилось ЭКОВАС. Юристы ивуариец Я.Н. Аду и россиянин А.Б. Мезяев исследуют правовые основы таких мер [Андреева, Новиков 2024; Аду, Мезяев 2023]. Согласно количественным исследованиям, военные режимы наименее подвержены внешнему экономическому давлению [Morgan, Bapat, Kobayashi 2014; Portela, Mora-Sanguinetti 2023].

При этом недостаточно изученным остается более частный вопрос: когда ЭКОВАС вводит санкции в отношении государства-члена, испытывающего продовольственную уязвимость, как это влияет на доступ гражданского населения к товарам первой необходимости и какие политические последствия могут возникнуть, если такая защита оказывается непоследовательной и неэффективной?

В статье сопоставляются два кейса принятия рестрикций за период с 9 января 2022 г., когда был принят пакет санкций в отношении Мали, и до 29 января 2025 г., когда официально начался процесс выхода Мали, Буркина-Фасо и Нигера из состава организации. Кризисный цикл, начавшийся в 2012 г., рассматривается скорее как структурный фон, а не как часть анализируемой выборки санкционных мер. При этом краткосрочные санкции против Мали, введенные в 2020 г., служат сравнительным контекстом (когда еще были доступны данные мониторинга).

Цели исследования заключаются в следующем: реконструировать архитектуру обеспечения продовольственной безопасности ЭКОВАС; разработать и применить воспроизводимый протокол кодирования для анализа четырех ключевых коммюнике; сравнить ход реализации мер, их гуманитарные последствия и политические результаты; проверить альтернативные объяснения произошедшего разрыва; а также определить механизмы, способные сохранить сотрудничество в сфере продовольствия, несмотря на возникший раскол.

Выводы исследования носят условный характер: отсутствие прямого исключения из санкционного режима само по себе не стало причиной выхода трех государств, поскольку на это решение повлиял целый комплекс факторов – проблемы безопасности, нарративы о суверенитете, антифранцузские настроения, геополитическая диверсификация и опасения утраты регионального единства. Тем не менее гуманитарная составляющая санкций имела значение, поскольку именно она определяла, какие издержки были предсказуемы, как быстро они сказывались на гражданском населении и могли ли правительства подсанкционных стран убедительно

представить действия региональной организации как коллективное наказание. Таким образом, ущерб, связанный с продовольствием, выступал в качестве промежуточного звена в многофакторном процессе, а не как единственная причина событий.

АРХИТЕКТУРА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЭКОВАС И СТРУКТУРНАЯ УЯЗВИМОСТЬ

В 2005 г. ЭКОВАС утвердило свою сельскохозяйственную политику (*ECOWAP*) в качестве региональной основы реализации Всеобъемлющей программы развития сельского хозяйства в Африке, разработанной Африканским союзом (АС). *ECOWAP* представляет собой не систему создания чрезвычайных запасов, а рамочный документ, увязывающий региональные приоритеты с национальными инвестиционными планами и специализированными учреждениями, среди которых Региональное агентство сельского хозяйства и продовольствия и Сельскохозяйственная информационная система ЭКОВАС (*ECOAGRIS*)[2]. Часто упоминаемые в этой области обязательства, принятые в Мапуту[3] в 2003 г. и в Малабо[4] в 2014 г., представляют собой декларации Африканского союза, а не инструменты ЭКОВАС. ЭКОВАС лишь переводит эти общеконтинентальные обязательства в плоскость региональной политики.

Региональный резерв продовольственной безопасности, созданный в 2013 г. после продовольственного кризиса в Сахеле 2012 г., представляет собой основной региональный антикризисный инструмент *ECOWAP*. Он не заменяет, а дополняет запасы на уровне местных сообществ и национальные резервы, которые обеспечивают, соответственно, первый и второй уровни реагирования. Это различие имеет важное аналитическое значение, поскольку режим санкций может формально не затрагивать сам региональный резерв, но при этом блокировать транспортировку, проведение платежей, доступ к топливу или получение разрешений, необходимых для доставки продовольствия уязвимым группам населения.

Практические результаты деятельности резерва свидетельствуют о том, что его мандат носит не просто декларативный характер: в период 2017–2024 гг. было проведено 19 операций с использованием более 55 тыс. тонн зерновых. Среди них были поставки в Мали в тот период, когда членство этой страны в руководящих органах Сообщества было приостановлено. Это показывает, что доступ к продовольственным механизмам не обязательно должен зависеть от участия в политической деятельности ЭКОВАС. Однако, несмотря на это, сама Комиссия признает проблемы с финансированием и координацией[5].

---

[2] ECOWAS Agricultural Policy (ECOWAP): sector architecture and policy documents. *ECOWAP — ECOWAS Commission.* https://ecowap.ecowas.int/ecowap-sector/5 (accessed: 26.08.2026); Decision A/DEC.11/01/05 on adopting an Agricultural Policy for ECOWAS. *ECOWAP – ECOWAS Commission.* 19.01.2005. https://ecowap.ecowas.int/see-document/9 (accessed: 26.08.2026)

[3] AU 2003 Maputo Declaration on Agriculture and Food Security. Assembly/AU/Decl.7(II). Maputo, 10–12.07.2003. *AUDA-NEPAD.* https://nepad.org/caadp/publication/au-2003-maputo-declaration-agriculture-and-food-security (accessed: 26.08.2026)

[4] AU 2014 Malabo Declaration on Accelerated Agricultural Growth and Transformation for Shared Prosperity and Improved Livelihoods. Assembly/AU/Decl.1(XXIII). *African Union*. 26–27.06.2014. Commitment II(a). https://au.int/sites/default/files/documents/31247-doc-malabo_declaration_2014_11_26.pdf (accessed: 15.09.2026)

[5] См.: Supplementary Act AS/2/02/13 Establishing the Regional Food Security Reserve of ECOWAS. Yamoussoukro, 27–28.02.2013. *ECOWAP – ECOWAS Commission.* https://ecowap.ecowas.int/see-document/20 (accessed: 26.08.2026); ECOWAS Regional Economic Outlook 2025 to 2027: Food Security and Challenges of Regional Integration in ECOWAS. *ECOWAS Commission*. 03.2026. Pp. 84–89. https://ecowas.int/publication/ecowas-regional-economic-outlook-2025-to-2027/ (accessed: 26.08.2026)

Несмотря на институциональное развитие, в Западной Африке сохраняются серьезные структурные ограничения. По данным Африканского банка развития за 2023 г., доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте региона составляет около 24,6%[6]. Конфликты препятствуют региональной торговле, а в странах «Сахельской пятерки» наблюдается тенденция к увеличению расходов на безопасность за счет сокращения финансирования развития[7]. Большинство государств по-прежнему не достигают целевого показателя Африканского союза, который предусматривает выделение не менее 10% государственных расходов на сельское хозяйство[8]. В последней оценке ЭКОВАС также отмечается зависимость от импорта, негативное влияние климатических изменений, недостаточное финансирование продовольственной системы и высокий уровень детского недоедания. Так, например, согласно отчету ЭКОВАС, в Нигерии в 2024 г. у 36,9% всех детей в возрасте до 5 лет наблюдалась задержка роста, связанная с недоеданием[9].

Эта уязвимость возникла задолго до введения санкций. Полузасушливый климат, периодические засухи и конфликты между скотоводами и земледельцами привели к структурной нестабильности, которая была зафиксирована со времен голода 1968–1974 гг. и 1984–1985 гг., задолго до того, как меры экономического принуждения стали частью региональной политики, и система обеспечения продовольственной безопасности ЭКОВАС была создана в ответ на эти вызовы.

К началу кризиса 2023 г. Нигер уже находился в крайне уязвимом положении: в период сезонной нехватки продовольствия (июнь-август 2023 г.) 3,3 млн человек (13% населения) испытывали острую нехватку продовольствия, что стало вторым по величине показателем с момента внедрения в стране в 2012 г. Гармонизированной рамочной системы (*Cadre Harmonisé*)[10]. Еще 7,3 млн человек (28%) сталкивались с умеренной нехваткой продовольствия и были особенно уязвимы именно перед теми потрясениями, которые последовали[11]. Кампальская декларация, принятая в январе 2025 г., определившая общеконтинентальные цели в сфере сельского хозяйства на период 2026–2035 гг. (как дальнейшее развитие обязательств, принятых в Малабо), признает существующий разрыв между заявленными целями и реальным бюджетным

[6] West Africa Economic Outlook 2023: Mobilizing Private Sector Financing for Climate and Green Growth in West Africa. *African Development Bank Group*. 07.2023. P. 5. https://afdb.org/sites/default/files/documents/publications/west_africa_economic_outlook_2023_final.pdf (accessed: 15.09.2026)

[7] Étude sur les dépenses de sécurité et leurs effets d'éviction sur le financement des dépenses de développement dans les pays du G5 Sahel. FERDI, Chaire Sahel. 12.2020. Pp. 32–33. https://ferdi.fr/dl/df-AjcUdP1nhY8qgwTmhoA2j3wJ/chaire-sahel-etude-sur-les-depenses-de-securite-et-leurs-effets-d-eviction.pdf (accessed: 15.09.2026)

[8] См.: AU 2014 Malabo Declaration on Accelerated Agricultural Growth and Transformation for Shared Prosperity and Improved Livelihoods. Assembly/AU/Decl.1(XXIII). *African Union*. Malabo, 26–27.06.2014. Commitment II(a). https://au.int/sites/default/files/documents/31247-doc-malabo_declaration_2014_11_26.pdf (accessed: 15.09.2026); ECOWAS Regional Economic Outlook 2025 to 2027: Food Security and Challenges of Regional Integration in ECOWAS. *ECOWAS Commission*. 03.2026. Pp. xviii, 88–89 (Figure 64). https://ecowas.int/publication/ecowas-regional-economic-outlook-2025-to-2027/ (accessed: 15.09.2026)

[9] ECOWAS Regional Economic Outlook 2025 to 2027: Food Security and Challenges of Regional Integration in ECOWAS. *ECOWAS Commission*. 03.2026. Pp. xviii, 124–125 (Table 9), 134. https://ecowas.int/publication/ecowas-regional-economic-outlook-2025-to-2027/ (accessed: 15.09.2026)

[10] Cadre Harmonisé – гармонизированная региональная система для анализа острой нехватки продовольствия и питания в регионе Сахеля и Западной Африки. См: Cadre Harmonisé. Integrated Food Security Phase Classification. https://ipcinfo.org/ch/en/ (accessed: 15.09.2026)

[11] Niger: Preliminary Analysis on the Impacts of the Political Crisis and Sanctions on Food Security and Markets. A World Food Programme Report. *Food Security Cluster*. 12.08.2023. https://fscluster.org/sites/default/files/documents/wfp_niger_food_security_impacts_political_crisis_and_sanctions_cleared120823.pdf (accessed: 12.06.2026)

финансированием. Однако она появилась слишком поздно, чтобы решить те проблемы региональных инструментов принуждения, которые вскрылись в результате событий 2023 г.[12]

Структура торговли объясняет, почему так важно учитывать объем исключений из санкционного режима в данном контексте. В пресс-релизе Комиссии ЭКОВАС от июля 2021 г. отмечалось, что доля внутрирегиональной торговли составляет лишь около одной десятой от общего объема внешней торговли стран-членов[13]. Основная часть экспорта трех государств Сахеля – золото, хлопок и уран – в подавляющем большинстве направляется покупателям за пределы Западной Африки. Товары, которые эти страны получают от своих соседей по ЭКОВАС, иного характера: это продукты нефтепереработки, продовольствие, медикаменты и электроэнергия. Именно эти категории товаров были исключены из пакета санкций для Мали, а для Нигера – нет. Кроме того, все три страны входят в число крупнейших импортеров электроэнергии в регионе, что делает ограничения на поставку коммунальных услуг исключительно мощным инструментом воздействия [Андреева, Новиков 2024; Калиниченко, Новикова 2023].

Таким образом, тотальная, без исключений, приостановка операций может оказать непосредственное давление на уровень потребления домашних хозяйств, даже если основные покупатели экспортной продукции находятся за пределами региона. В связи с этим возникает достаточно узкая аналитическая проблема: создали ли санкции дополнительные препятствия для наличия продовольствия, его физической и экономической доступности, а также для его надлежащего использования и стабильности этих показателей, и были ли эти риски учтены и минимизированы лицами, принимавшими решения?

МЕТОДОЛОГИЯ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОДИРОВАНИЕ

В данном исследовании сочетаются историко-институциональный анализ со структурированным целенаправленным сопоставлением двух санкционных кейсов. Метод сравнительного отслеживания процессов позволяет связать воедино четыре ключевых момента принятия решений: введение и ослабление ограничительных мер в отношении Мали (9 января и 3 июля 2022 г.) и Нигера (30 июля 2023 г. и 24 февраля 2024 г.). В качестве единицы кодирования выступает итоговое коммюнике; четыре этих документа содержат официальные решения, на основании которых вводились или отменялись соответствующие режимы. При этом сведения о ходе их реализации анализируются отдельно.

Протокол содержит шесть принудительных (*C1–C6*) и пять примирительных (*D1–D5*) индикаторов, подробно представленных в *табл.* 1. Принудительные индикаторы варьируются от установления четкого срока выполнения требований и введения ограничений (пограничных, торговых, в отношении активов и коммунальных услуг) до угрозы применения силы; примирительные индикаторы охватывают посредничество, согласованный график, прямо предусмотренное гуманитарное исключение в рамках действующего масштабного санкционного режима, гуманитарные потребности в

[12] Kampala CAADP Declaration on Building Resilient and Sustainable Agrifood Systems in Africa. *African Union.* 11.01.2025. https://au.int/en/documents/20250109/kampala-caadp-declaration-building-resilient-and-sustainable-agrifood-systems (accessed: 26.08.2026)

[13] ECOWAS Launches Its Regional Trade Promotion Organization Network. *ECOWAS Commission.* 15.07.2021. https://ecowas.int/ecowas-launches-its-regional-trade-promotion-organization-network/ (accessed: 15.09.2026)

качестве основания для смягчения мер, а также механизм пересмотра. Значение, равное 1, указывает на то, что этот показатель присутствует явно, 0 – что он отсутствует, а прочерк – что он неприменим, поскольку масштабный санкционный режим был отменен. Отсутствие индикатора в коммюнике не означает, что он не будет учтен при последующей реализации мер (*табл.* 1).

Таблица 1. **Кодирование принудительных и примирительных положений в четырех коммюнике ЭКОВАС**

Индикатор	Мали 09.01.2022	Мали 03.07.2022	Нигер 30.07.2023	Нигер 24.02.2024
C1. Срок выполнения требований или ультиматум	1	0	1	0
C2. Ограничения на пересечение границы, использование воздушного пространства или выполнение полетов	1	0	1	0
C3. Общая приостановка торговых или финансовых операций	1	0	1	0
C4. Замораживание государственных активов, услуг или коммунального обслуживания	1	0	1	0
C5. Адресные санкции в отношении физических лиц	1	0	1	1
C6. Угроза применения силы или санкционирование ее применения	0	0	1	0
D1. Посредничество или продолжение диалога	1	1	1	1
D2. Согласованный график переходного периода	0	1	0	0
D3. Прямо предусмотренное гуманитарное исключение	1	–	0	–
D4. Ссылка на гуманитарные потребности как основание для смягчения мер	0	1	0	1
D5. Механизм пересмотра или путь к реинтеграции	1	1	1	1

Источник: составлено автором на основе полных текстов четырех коммюнике Конференции глав государств и правительств ЭКОВАС. Записи кодирования отражают только положения текстов; оценка реализации представлена в *табл.* 2.

Такое кодирование направлено на то, чтобы скорректировать потенциальные искажения, которые могут возникнуть при анализе в случае применения простой дихотомии «наличие/отсутствие исключений».

Коммюнике по Нигеру включало в себя элементы примиряющих мер: ЭКОВАС назначило специального представителя, потребовало восстановить конституционный порядок в течение недели и предусмотрело возможность пересмотра мер по мере развития событий. Исключительный характер этого документа заключался в одновременном применении всех видов принудительных мер, включая отключение

коммунальных услуг и возможность использования силы, без каких-либо оговорок об исключениях.

В коммюнике по Мали, напротив, был предусмотрен широкий комплекс санкций, однако из их сферы действия были прямо исключены товары и услуги первой необходимости. Таким образом, различие этих двух кейсов заключается не в противопоставлении диалога и мер принуждения, а в наличии или отсутствии защитных механизмов в рамках самих принудительных мер.

У данного метода есть свои ограничения: четыре решения не могут служить основой для формирования общей практики ЭКОВАС, а формулировки коммюнике сами по себе не всегда позволяют выявить истинные намерения или наличие негласных разрешений. Чтобы преодолеть эти трудности, коды сопоставляются с информацией из докладов ООН, результатами мониторинга *FEWS NET*[14], ежеквартальными бюллетенями Национального института статистики Нигера, статистикой торговли и официальными заявлениями, а альтернативные объяснения проверяются с помощью тех же данных.

МАЛИ 2022: ПРИНУЖДЕНИЕ С ЭКСПЛИЦИТНО ЗАЯВЛЕННОЙ ЦЕЛЬЮ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

9 января 2022 г. ЭКОВАС отклонило предложение переходных властей отложить выборы до декабря 2025 г. и ввело масштабные санкции, которые включали закрытие сухопутных и воздушных границ, приостановку коммерческих и финансовых операций (за исключением операций первой необходимости), замораживание государственных активов Мали и отзыв послов. Тем не менее, эти меры не распространялись на продовольствие, фармацевтическую продукцию, медикаменты и медицинское оборудование, нефтепродукты, а также электроэнергию. Было заявлено, что ограничения разработаны таким образом, чтобы избежать воздействия на население[15]. Разумеется, наличие подобных исключений не делало санкционный пакет безвредным для населения: финансовые ограничения, транспортные перебои и неопределенность все равно сказывались на его доходах и на ценах. Однако такая формулировка установила письменно зафиксированный запрет на блокирование поставок товаров первой необходимости и сформировала критерий для оценки хода реализации принятых мер.

Опыт более ранних пакетов санкций позволяет судить, как подобный запрет работает на практике. В период действия мер августа-октября 2020 г., предусматривавших исключения для товаров первой необходимости, продовольственная инфляция в Мали выросла с 5 до 7%, и резко снизилась после отмены санкций. В рамках пакета мер 2022 г., содержавшего аналогичные исключения, она поднялась с 11 до 17%, причем цены на основные продукты питания на пике превышали средний показатель за пять лет примерно на 25%, а годовые цены на кукурузу выросли на 41% в Мали и на 48% в Буркина-Фасо[16]. Эти весьма ощутимые

[14] FEWS NET (Сеть систем раннего предупреждения о голоде) – ведущий глобальный поставщик услуг раннего предупреждения и анализа острой нехватки продовольствия в мире.

[15] Final Communiqué of the 4th Extraordinary Summit of the ECOWAS Authority of Heads of State and Government on the Political Situation in Mali. 09.01.2022. Paragraphs 9–11. *ReliefWeb.* https://reliefweb.int/report/mali/final-communique-4th-extraordinary-summit-ecowas-authority-heads-state-and-government (accessed: 26.08.2026)

[16] Niger: Preliminary Analysis on the Impacts of the Political Crisis and Sanctions on Food Security and Markets. A World Food Programme Report. *Food Security Cluster*. 12.08.2023. https://fscluster.org/sites/

издержки говорят о том, что гуманитарные исключения из санкций отнюдь не гарантируют защиту населения от этих санкций. Тем не менее наличие таких исключений позволило сохранить цепочки поставок основных продуктов питания. Следует сделать важную оговорку: мониторинг по Мали не так детализирован, как данные по Нигеру за 2023 г. Поэтому приведенные цифры скорее отражают общую тенденцию и влияние исключений, чем являются точными эмпирическими аналогами.

Процесс принятия санкций против Мали разворачивался на общем фоне борьбы за восстановление легитимности малийского государства. Бамако настаивал на необходимости длительного переходного периода для обеспечения безопасности и институциональных реформ, в то время как ЭКОВАС отстаивало ранее согласованные обязательства по проведению выборов. Споры о суверенитете нельзя сводить к продовольственным трудностям, поскольку военные власти уже начали перестраивать внешние связи в сфере безопасности.

Урегулирование конфликта также не может быть обусловлено исключительно гуманитарными соображениями, так как значительную роль в нем сыграли интенсивное посредничество и экономические потери, которые понесли Мали и ее соседи. 3 июля 2022 г. ЭКОВАС приняло 24-месячный переходный график и отменило масштабные экономические и финансовые меры, сохранив при этом отстранение Мали от участия в уставных органах, и призвало международных партнеров поддержать гуманитарные нужды переходного периода[17]. Таким образом, смягчение мер принудительного характера шло параллельно с переговорным процессом о достижении конкретных политических результатов.

В ходе последующего разрыва отношений проявились два последствия применения этого пакета мер. Первое из них носит правовой характер. Статья 77 Пересмотренного договора ЭКОВАС 1993 г.[18] и статья 45 Протокола о демократии и надлежащем управлении 2001 г.[19] допускают приостановку выдачи займов и осуществления выплат, отстранение от должностей в структурах Сообщества и приостановку участия в его органах. Однако такие меры, как закрытие границ, тотальная заморозка транзакций и блокировка государственных активов, хранящихся в региональном центральном банке, прямо не указаны в этих положениях. Некоторые правоведы, таким образом, считают, что Сообщество действовало с превышением своих полномочий (*ultra vires*) [Аду, Мезяев 2023]. Политические последствия этого нашли отражение в официальных документах – в совместном коммюнике Буркина-Фасо, Мали и Нигера о выходе из ЭКОВАС, опубликованном в январе 2024 г. В нем эти три страны обвиняли Сообщество во введении санкций в нарушение собственных нормативных актов[20]. Финансовые же связи оказались де-факто разрушены. В начале 2022 г., потеряв доступ

default/files/documents/wfp_niger_food_security_impacts_political_crisis_and_sanctions_cleared120823.pdf (accessed: 12.06.2026)

[17] Final Communiqué. Sixty-First Ordinary Session of the Authority of Heads of State and Government. *ECOWAS Commission*. 03.07.2022. Paragraphs 14–16, 64–69. https://ecowas.int/wp-content/uploads/2022/07/UK_Final-Communique-Summit-July-2022-VF.pdf (accessed: 26.08.2026)

[18] Revised Treaty of the Economic Community of West African States (ECOWAS). 1993. *ECOWAS Commission*. Article 77. Pp. 43–44. https://ecowas.int/wp-content/uploads/2022/08/Revised-treaty-1.pdf (accessed: 26.08.2026)

[19] Protocol A/SP1/12/01 on Democracy and Good Governance Supplementary to the Protocol Relating to the Mechanism for Conflict Prevention, Management, Resolution, Peacekeeping and Security. *ECOWAS Commission*. Dakar, 21.12.2001. Article 45. https://ecowas.int/wp-content/uploads/2024/08/SUDA7D1.pdf (accessed: 26.08.2026)

[20] Joint Communiqué of Burkina Faso, Mali and Niger Announcing Withdrawal from ECOWAS. 28.01.2024. *Agence Nigérienne de Presse*. https://anp.ne/lalliance-des-etats-du-sahel-aes-quitte-la-cedeao/ (accessed: 26.08.2026)

к своим счетам в региональном центральном банке, Мали объявила дефолт по внешнему долгу. К моменту отмены ограничительных мер объем накопленной задолженности достиг примерно 3% от валового внутреннего продукта [Андреева, Новиков 2024].

Второе последствие носит внутриполитический характер. Несмотря на предусмотренные исключения, пакет ограничительных мер вызвал стойкое недовольство: на митингах в Бамако 14 января 2022 г. рестрикции подверглись осуждению, а сама дата была впоследствии объявлена национальным праздником – Днем восстановления суверенитета.

Полевые исследования, проведенные в Бамако в 2022 и 2023 гг., показали, что санкции, призванные оказать давление на военное правительство, на деле лишь усилили антиколониальные настроения в обществе [Stambøl, Sylla, Cold-Ravnkilde 2026: 1275][21]. Таким образом, внешнее экономическое давление может не подорвать, а, напротив, укрепить претензии военного правительства на внутреннюю легитимность, даже при наличии продуманной стратегии.

НИГЕР 2023: МАКСИМАЛЬНЫЙ ОХВАТ И ИСКЛЮЧЕНИЯ, ВВЕДЕННЫЕ В ОПЕРАТИВНОМ ПОРЯДКЕ

30 июля 2023 г. был принят пакет гораздо более жестких мер. ЭКОВАС установило недельный срок для восстановления конституционного порядка и заявило о возможности применения всех необходимых мер, включая использование силы. Были закрыты сухопутные и воздушные границы, приостановлены коммерческие и финансовые операции, заморожены государственные активы, а также запрещены операции в сфере услуг, включая коммунальные[22]. В отличие от решения по Мали, в данном коммюнике не было сделано никаких прямых исключений для продовольствия, медикаментов, гуманитарных грузов, топлива или электроэнергии. Для государства, не имеющего выхода к морю и зависящего от импортных коридоров и энергосетей, которые проходят через соседние страны ЭКОВАС, отсутствие такой оговорки имело серьезные последствия.

Здесь крайне важно провести разграничение между принятым решением и его воплощением. Некоторые государства-члены впоследствии одобрили гуманитарные исключения, а соответствующие учреждения получали индивидуальные разрешения. Однако, по мнению ООН, принятые послабления оказались недостаточными. 17 августа 2023 г. Координатор по чрезвычайной помощи обратился к руководству ЭКОВАС с просьбой внести коррективы в меры и разрешить проведение гуманитарных операций. 29 августа 2023 г. представитель Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Нигере заявил на брифинге в Женеве, что доставка гуманитарной помощи в страну невозможна, поскольку установленный механизм не предусматривает для нее исключений и она подпадает под общий запрет на коммерческие операции[23].

[21] A Course Correction for Mali's Sovereign Turn. Africa Report № 315. *International Crisis Group.* 14.05.2025. https://crisisgroup.org/rpt/en/africa/sahel/mali/315 (accessed: 12.06.2026)

[22] Final Communiqué. Extraordinary Summit of the ECOWAS Authority of Heads of State and Government on the Political Situation in the Republic of Niger. *ECOWAS Commission.* 30.07.2023. Paragraph 10. https://ecowas.int/wp-content/uploads/2023/07/Final-Communique_Extra-Summit-on-Niger.pdf (accessed: 26.08.2026)

[23] Miles T. UN Seeks Niger Sanctions Relief amid Aid Blockages. *Reuters*. 29.08.2023. https://reuters.com/world/africa/un-seeks-niger-sanctions-relief-amid-aid-blockages-2023-08-29/ (accessed: 31.08.2026)

Последствия этой ситуации были подробно задокументированы. К сентябрю 2023 г. более 9300 т грузов Всемирной продовольственной программы, которые должны были быть доставлены в Нигер и Буркина-Фасо через территорию Нигера, включая продукты специального питания, оказались заблокированы между портом Ломе в Того и границей с Бенином. С начала сентября была приостановлена программа дополнительного питания для 90 тыс. детей с умеренной степенью недостаточности питания в регионах Тахуа, Маради и Зиндер. Агентство предупредило, что к октябрю число детей в возрасте до пяти лет, лишенных доступа к продовольствию, может достичь 160 тыс.[24]

Данные национальной статистики позволяют глубже понять сложившуюся ситуацию. В Нигере годовая инфляция возросла с 1,5% в январе до 7,8% к сентябрю 2023 г., при этом продовольственная инфляция достигла своего пика в 12,7%. В течение третьего квартала объемы импорта и экспорта сельскохозяйственной продукции сократились на 60–80%. Экспорт скота, который является критически важным источником дохода для скотоводческих домохозяйств, упал на 79,5%[25]. В сентябре 2023 г. сотрудник одного из медицинских учреждений в Ниамее сообщил службе гуманитарных новостей о десятках случаев смерти в больницах и медицинских центрах, связанных с истощением запасов медикаментов и продуктов питания[26]. Анализ географии первоначального скачка цен на рис проливает свет на причины его возникновения. За неделю с 31 июля по 6 августа 2023 г. цены на рис выросли на 36% в Маради, на 30% в Доссо и на 25% в Зиндере – регионах, которые особенно зависели от импорта из Нигерии и Бенина. Однако в Диффе и Тиллабери, где преобладает местное производство, изменений цен не наблюдалось[27]. Таким образом, этот ценовой шок был вызван не общим инфляционным давлением, а непосредственной реакцией рынка на закрытие определенных транспортных коридоров.

При анализе произошедшего необходимо учитывать некоторые нюансы. Меры, предпринятые ЭКОВАС, были не единственным внешним потрясением. В те же недели Франция, Германия, Европейский союз и США также приостановили поддержку бюджета Нигера. При этом внешняя помощь составляла до половины бюджета страны[28].

Практическая реализация принятых решений также не всегда была последовательной. Различные политические факторы, членство Нигера в Западноафриканском экономическом и валютном союзе и введение гуманитарных исключений привели к тому, что на практике санкционный режим стал менее строгим, чем было заявлено в тексте от 30 июля. Стоит также отметить, что грузопоток в Котону

[24] Thousands of Children in Niger at Risk of Severe Nutritional Crisis as Border Closures Leave Trucks Stranded. *World Food Programme*. 21.09.2023. https://wfp.org/news/thousands-children-niger-risk-severe-nutritional-crisis-border-closures-leave-trucks-stranded (accessed: 31.08.2026)

[25] Note de Conjoncture, 3ème Trimestre 2023. *Institut National de la Statistique du Niger*. 2023. https://stat-niger.org/wp-content/uploads/rapport_economique/Note_conjoncture_3T_2023.pdf (accessed: 12.06.2026)

[26] "Collective Punishment": Sanctions Worsen Humanitarian Conditions in Post-Coup Niger. *The New Humanitarian*. 14.09.2023. https://thenewhumanitarian.org/news-feature/2023/09/14/collective-punishment-sanctions-worsen-humanitarian-conditions-post-coup (accessed: 12.06.2026)

[27] Niger: Preliminary Analysis on the Impacts of the Political Crisis and Sanctions on Food Security and Markets. A World Food Programme Report. *Food Security Cluster*. 12.08.2023. https://fscluster.org/sites/default/files/documents/wfp_niger_food_security_impacts_political_crisis_and_sanctions_cleared120823.pdf (accessed: 12.06.2026)

[28] Aubyn F.K. Beyond Sanctions and the Use of Force: How ECOWAS Can Negotiate a Political Solution to Niger's Coup. Conflict & Resilience Monitor. *African Centre for the Constructive Resolution of Disputes*. 31.08.2023. https://accord.org.za/analysis/beyond-sanctions-and-the-use-of-force-how-ecowas-can-negotiate-a-political-solution-to-nigers-coup/ (accessed: 31.08.2026)

(Бенин), главном морском порту для Нигера, в 2023 г. упал на 20,4%. Таким образом, прибрежные экономики ощутили на себе последствия введенных ими же санкций и получили стимул к деэскалации[29].

Таблица 2. **Разработка, реализация и результаты применения санкций ЭКОВАС в отношении Мали и Нигера**

Направление	Мали, январь–июль 2022	Нигер, июль 2023 – февраль 2024
Первоначальный замысел	Пограничные, торговые, финансовые меры и меры в отношении активов; прямое исключение для продовольствия, медикаментов, нефтепродуктов и электроэнергии	Пограничные, воздушные, торговые, финансовые меры, меры в отношении активов, услуг и коммунального хозяйства; угроза применения силы; отсутствие явных исключений
Реализация	Правило в отношении товаров первой необходимости установило регулирование на основе принципа *ex ante*; косвенные издержки продолжали присутствовать	Выдача разрешений постфактум в каждом конкретном случае; задержки на границах и в предоставлении услуг; Практика правоприменения варьировалась в зависимости от коридора
Влияние на цены на продовольствие	Продовольственная инфляция выросла с 11 до 17%; цены на основные продукты питания увеличились примерно на 25% выше среднего показателя за 5 лет	Цена на рис выросла на 17% за одну неделю, до 36% в приграничных регионах; продовольственная инфляция достигла пика в 12,7%
Гуманитарные последствия	Давление на цены, доходы и логистику на фоне уже имевшегося кризиса; бремя расходов для населения не было устранено	Задержки поставок продовольствия; приостановка питания для 90 тыс. детей; энергетический стресс
Политические результаты	Отменены после согласования графика перехода к конституционному порядку, рассчитанного на 24 месяца; при этом сохранены возможность приостановки действия режима и точечные меры	Отменены без освобождения президента или согласованного графика
Альтернативные объяснения	Посредничество, взаимные экономические издержки, риторика о суверенитете, внешние партнерства	Претензии к безопасности, легитимация режима, нарративы о суверенитете, координация Альянса, неравномерное правоприменение, региональное единство

Источник: составлено автором на основе коммюнике руководящих органов ЭКОВАС, докладов ООН по гуманитарным вопросам, данных мониторинга рынков Всемирной продовольственной программой и *FEWS NET*, квартальной статистики Национального института статистики Нигера, а также Регионального экономического обзора ЭКОВАС на 2025–2027 гг.

[29] См.: Obasi N. ECOWAS, Nigeria and the Niger Coup Sanctions: Time to Recalibrate. *International Crisis Group*. 05.12.2023. https://crisisgroup.org/africa/west-africa/niger/ecowas-nigeria-and-niger-coup-sanctions-time-recalibrate (accessed: 12.06.2026); ECOWAS Regional Economic Outlook 2025 to 2027: Food Security and Challenges of Regional Integration in ECOWAS. *ECOWAS Commission*. 03.2026. Pp. 80–81. https://ecowas.int/publication/ecowas-regional-economic-outlook-2025-to-2027/ (accessed: 26.08.2026)

Эти наблюдения позволяют сделать следующий ограниченный вывод: в условиях существующего кризиса непрозрачные, вводимые в экстренном порядке исключения повысили риски невозможности доставки товаров и услуг. Однако они не свидетельствуют о том, что санкции были единственной причиной голода или что все разрешенные поставки были заблокированы.

24 февраля 2024 г. ЭКОВАС приняло решение об отмене большинства ограничений, касавшихся пересечения границ, торговли, финансовых операций и коммунальных услуг. Это решение вступило в силу незамедлительно по гуманитарным соображениям. В качестве обоснований были приведены Великий пост, приближение Рамадана и призывы религиозных и гуманитарных организаций.

Однако некоторые точечные ограничения все же остались в силе. ЭКОВАС не удалось ни добиться освобождения президента Нигера (2021–2023 гг.) М. Базума, ни согласовать график дальнейших действий. Таким образом, гуманитарные факторы стали одним из непосредственных поводов смягчения санкций, но не единственной возможной причиной: к тому моменту Буркина-Фасо, Мали и Нигер уже объявили о своем выходе из ЭКОВАС, и у сообщества был веский стимул предотвратить дальнейший раскол. В СМИ того времени этот примирительный шаг связывали с новой стратегией по сохранению регионального единства[30].

Последствия ранее введенных мер для рынков продолжали ощущаться и после их отмены. В опубликованном после снятия санкций прогнозе *FEWS NET* сообщалось, что цены на зерновые в пострадавших регионах по-прежнему превышали показатели предыдущего года на 10–29%, а продовольственная инфляция в январе 2024 г. составила около 9,6%; также содержалось предупреждение о том, что альтернативные транспортные коридоры, созданные в условиях санкций (проходящие через Буркина-Фасо и Мали вместо более коротких маршрутов через Бенин и Нигерию), продолжат увеличивать транзакционные издержки и потребительские цены даже после открытия границ[31]. Подобные меры могут быть введены в действие в течение считанных дней, однако диспропорции, созданные ими, сохраняются даже после политического урегулирования (*табл.* 2).

РАСХОДЫ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ, ЛЕГИТИМНОСТЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ПОСЛЕ СНЯТИЯ САНКЦИЙ

Проведенный анализ подтверждает наличие трех взаимосвязанных эффектов. Во-первых, гуманитарные оговорки сыграли важную роль в распределении и видимости издержек, связанных с принудительным воздействием. В Мали наличие эксплицитно заявленного правила позволило исключить определенные товары первой необходимости из-под действия ограничений еще на этапе разработки правовых норм. В Нигере же отсутствие подобного правила поставило защиту этих товаров в зависимость от последующих разрешений, вынудив гуманитарные организации и

[30] См.: Final Communiqué. Extraordinary Summit of the ECOWAS Authority of Heads of State and Government on the Political, Peace and Security Situation in the Region. 24.02.2024. Paragraphs 12–13. *ReliefWeb*. https://reliefweb.int/report/niger/final-communique-extraordinary-summit-ecowas-authority-heads-state-and-government-political-peace-and-security-situation-region-abuja-24th-february-2024 (accessed: 26.08.2026); West African ECOWAS Bloc Mulls New Strategy towards Junta States. *Reuters*. 24.02.2024. https://reuters.com/world/africa/west-african-ecowas-bloc-mulls-new-strategy-towards-junta-states-2024-02-24/ (accessed: 26.08.2026)

[31] Niger Food Security Outlook, February–September 2024. *FEWS NET*. https://fews.net/west-africa/niger/food-security-outlook/february-2024 (accessed: 12.06.2026)

торговцев действовать в условиях неопределенности уже после того, как были введены ограничения на пересечение границ и предоставление услуг. Это различие носит институциональный характер, даже при невозможности установить скрытые намерения, поскольку причиной подобного упущения могли стать как спешка, так и преднамеренное решение максимально усилить давление. Этот вывод подтверждается историческим контекстом: в Нигере после государственных переворотов цены на продовольствие всегда росли с задержкой примерно в три месяца (так, после переворота в январе 1996 г. среднегодовая цена на пшено увеличилась на 43%), тогда как санкции 2023 г. сократили этот период до одной недели. Это указывает на то, что сам режим санкций стал механизмом ускорения, не оставив реального времени для принятия корректирующих мер гуманитарного характера[32].

Во-вторых, издержки, связанные с обеспечением продовольствием и оказанием гуманитарной помощи, ограничивали продолжительность применения масштабных принудительных мер. В обоих случаях ЭКОВАС ссылалось на гуманитарные причины при смягчении санкций. Однако обстоятельства различались: ослабление ограничений для Мали происходило после согласования графика восстановления конституционного порядка в стране, тогда как в отношении Нигера оно предшествовало политическим уступкам, которые требовала организация. Это сопоставление подтверждает, хотя и не доказывает окончательно, что режим без заранее оговоренных «предохранительных механизмов» становится все труднее удерживать. Ведь ЭКОВАС столкнулось с давлением не только из-за бедственного положения гражданского населения, но и вследствие высоких издержек на поддержание санкционного режима, дипломатического тупика и опасений по поводу распада организации. Подобный сценарий также подтверждается сравнительными исследованиями: военные режимы относятся к числу наиболее устойчивых к внешнему принуждению объектов, а у инициатора санкций, который не обладает значительным экономическим весом, мало шансов добиться смены режима, если страна-объект санкций способна перенаправить торговые потоки через соседние государства, не участвующие в санкциях [Morgan, Bapat, Kobayashi 2014; Portela, Mora-Sanguinetti 2023; Андреева, Новиков 2024].

В-третьих, различия в мерах по защите гражданского населения позволили правительствам стран, попавших под санкции, выдвинуть утверждения, которые поставили под сомнение легитимность ЭКОВАС. В совместном коммюнике о выходе из организации ЭКОВАС обвинялось в неспособности помочь в борьбе с терроризмом, в действиях под внешним давлением и во введении санкций, которые были охарактеризованы как незаконные и бесчеловечные[33]. Хотя эти заявления отражают официальную позицию режимов, а не общественное мнение, и должны рассматриваться как политические нарративы, они демонстрируют, как гуманитарные последствия стали частью обоснования разрыва отношений. Аналогичный механизм был отмечен в описываемый период и внешними наблюдателями: так, в августе 2023 г. указывалось, что власти в Ниамее используют санкции для укрепления внутренней легитимности, позиционируя себя как защитников населения, страдающего от действий

[32] Niger: Preliminary Analysis on the Impacts of the Political Crisis and Sanctions on Food Security and Markets. A World Food Programme Report. *Food Security Cluster*. 12.08.2023. https://fscluster.org/sites/default/files/documents/wfp_niger_food_security_impacts_political_crisis_and_sanctions_cleared120823.pdf (accessed: 12.06.2026)

[33] Joint Communiqué of Burkina Faso, Mali and Niger Announcing Withdrawal from ECOWAS. 28.01.2024. *Agence Nigérienne de Presse*. https://anp.ne/lalliance-des-etats-du-sahel-aes-quitte-la-cedeao/ (accessed: 26.08.2026)

ЭКОВАС и его западных союзников[34]. Этот нарратив активно распространялся: в декабре того же года государственная пресса Нигера описывала санкции как жестокий и преступный инструмент достижения внешних интересов, а меры, предпринятые в ответ военным советом, – как свидетельство суверенной стойкости. Примером таких мер были система конвоев под военной охраной, доставивших через границу более 4000 грузовиков с продовольствием в период с 28 ноября по 9 декабря 2023 г., и ввод в эксплуатацию солнечной электростанции в Гору-Банда мощностью 30 МВт для компенсации прекращения поставок электроэнергии из Нигерии[35].

Легитимность – это механизм обеспечения подчинения, отличный от материального принуждения [Hurd 1999]. Эффективность регионального вмешательства во многом зависит от его признания со стороны государств-членов, поскольку реализация мер опирается на национальные правительства [Söderbaum 2016; Hartmann 2017]. Таким образом, меры, которые воспринимаются как неизбирательные, могут ослабить авторитет власти, который необходим для их реализации.

Альтернативные объяснения также остаются актуальными. Правительства стран Сахеля использовали продолжительную нестабильность и неудачи предыдущих гражданских правительств, чтобы укрепить свои позиции внутри стран. Волна антифранцузских настроений началась еще до введения санкций против Нигера. ЭКОВАС само становилось объектом критики из-за непоследовательности его позиции в отношении манипуляций с конституцией со стороны гражданских должностных лиц. Кроме того, коллективная стратегия, проводимая Альянсом государств Сахеля, сделала выход из организации более убедительным шагом. Таким образом, имеющиеся данные позволяют предположить, что непоследовательность гуманитарных мер усугубила кризис легитимности, вызванный множеством факторов. Однако нет достаточных оснований для категоричного вывода о том, что именно это упущение стало причиной выхода из организации.

Выход из объединения не изменил материальную основу взаимозависимости, поскольку три государства, покинувшие содружество, по-прежнему не имеют выхода к морю и сохраняют связи с прибрежными портами, электросетями, маршрутами сезонного перегона скота и трансграничными рынками, а структурные факторы, негативно влияющие на продовольственную безопасность, по-прежнему сохраняют свое значение. Реакция ЭКОВАС оказалась прагматичной: в заявлении от 29 января 2025 г. властям было предписано до особого распоряжения признавать паспорта с символикой ЭКОВАС, сохранять безвизовый режим передвижения и проживания, а также продолжать применять схему либерализации торговли ЭКОВАС в отношении товаров и услуг из трех государств[36].

Эти меры были направлены не только на обеспечение продовольственной безопасности, но и на защиту интеграционных достижений, накопленных обеими сторонами. Связи между сторонами асимметричны, но значительны: на страны Альянса приходилось 45,2% экспорта Того в страны ЭКОВАС против 15,8% импорта.

[34] Aubyn F.K. Beyond Sanctions and the Use of Force: How ECOWAS Can Negotiate a Political Solution to Niger's Coup. Conflict & Resilience Monitor. *African Centre for the Constructive Resolution of Disputes.* 31.08.2023. https://accord.org.za/analysis/beyond-sanctions-and-the-use-of-force-how-ecowas-can-negotiate-a-political-solution-to-nigers-coup/ (accessed: 31.08.2026)

[35] Conséquences des sanctions imposées par la Cédéao: Le Niger demeure digne et résilient. *Le Sahel* (*ONEP*). 18.12.2023. https://lesahel.org/consequences-des-sanctions-imposees-par-la-cedeao-le-niger-demeure-digne-et-resilient/ (accessed: 12.06.2026)

[36] Press Statement: The Withdrawal of Burkina Faso, the Republic of Mali and the Republic of Niger from ECOWAS Is Now a Reality. *ECOWAS Commission. 2*9.01.2025. https://ecowas.int/burkina-faso-mali-and-nigers-withdrawal-from-ecowas-is-now-a-reality/ (accessed: 26.08.2026)

Проведенное Комиссией моделирование показало, что в случае выхода из объединения общий объем внутрирегиональной торговли снизился бы на 2,7% до $8,8 млрд по сравнению с $9,1 млрд в базовом 2024 г.[37] Отчасти это связано с возможностью перенаправления торговых потоков через прибрежные страны-члены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ продемонстрировал наличие противоречий между функцией ЭКОВАС как гаранта региональной продовольственной безопасности и его практикой применения санкций. В январе 2022 г. организация ввела масштабные санкции против Мали, однако четко объявила об исключениях для продовольствия, медикаментов, нефтепродуктов и электроэнергии. В июле 2023 г. в отношении Нигера был принят гораздо более жесткий пакет мер, который включал ограничения на коммунальные услуги и угрозу применения силы, но без аналогичных защитных оговорок. Хотя впоследствии были выданы разрешения, которые несколько смягчили сферу применения санкций, отчеты ООН и национальная статистика Нигера, фиксирующие задержки поставок, приостановку программ питания, скачки цен и энергетический кризис, свидетельствуют о неэффективности системы, которая создавалась наспех уже после введения ограничений.

Ниже представлены пять предлагаемых реформ. ЭКОВАС следует принять постоянное гуманитарное исключение для продовольствия, медикаментов, сельскохозяйственных ресурсов, гуманитарного финансирования, топлива, электроэнергии и связанных с ними услуг, в соответствии с принципом, закрепленным резолюцией 2664 (2022) Совета Безопасности, касающимся режимов санкций ООН[38]. Каждая масштабная мера должна проходить предварительную оценку гуманитарного воздействия, анализирующую ее влияние на цены, питание, энергетику, транзит и гендерную уязвимость. В течение 30 дней должно быть опубликовано заключение о реализации мер. При этом любая мера, препятствующая доставке жизненно важных грузов, должна быть автоматически приостановлена. Меры принуждения должны быть точечно направлены на ответственных должностных лиц, а не на целые торговые коридоры. При этом точечный характер мер принуждения не является панацеей, поскольку запреты на поездки и замораживание активов должностных лиц Нигера не всегда реализовывались должным образом. Однако это лишь означает, что такие точечные меры требуют совместной реализации и поддержки со стороны соседних государств, а не применения мер широкого охвата. Наконец, деятельность институтов сельскохозяйственной политики ЭКОВАС, Сельскохозяйственной информационной системы ЭКОВАС и Регионального резерва продовольственной безопасности должна быть полностью защищена от возможности приостановления по политическим решениям, при условии, что выполняются требования мониторинга и подотчетности.

Помимо упомянутых выше моментов, относящихся к вопросам разработки и применения мер принуждения, рациональным шагом представляется заключение технического соглашения между ЭКОВАС и Альянсом государств Сахеля, которое позволило бы сохранить сотрудничество без необходимости немедленной политической реинтеграции. В рамках такого соглашения можно было бы

[37] ECOWAS Regional Economic Outlook 2025 to 2027: Food Security and Challenges of Regional Integration in ECOWAS. *ECOWAS Commission*. 03.2026. Pp. 73–82. https://ecowas.int/publication/ecowas-regional-economic-outlook-2025-to-2027/ (accessed: 26.08.2026)

[38] Resolution 2664 (2022). S/RES/2664 (2022). *United Nations Security Council*. 09.12.2022. https://docs.un.org/en/S/RES/2664%282022%29 (accessed: 26.08.2026)

предусмотреть пять основных положений: гарантированный гуманитарный и коммерческий транзит продовольствия, сельскохозяйственных ресурсов, медикаментов и топлива по заранее определенным коридорам с механизмом быстрого разрешения споров; взаимное признание ветеринарных сертификатов, календарей отгонного скотоводства и защищенных пастбищных маршрутов; продолжение обмена анонимизированными данными *ECOAGRIS* и данными систем раннего предупреждения между техническими агентствами; сохранение доступа к Региональному резерву продовольственной безопасности на основе заранее согласованных правил распределения затрат, пополнения и аудита, чтобы помощь не рассматривалась как политическое покровительство; а также публикация портами и властями стран, не имеющих выхода к морю, информации о стоимости коридоров и сроках обработки грузов, что позволило бы снизить неопределенность, превращающую политические споры в ценовые шоки. Финансирование такого соглашения требует увеличения регионального суверенного финансирования наряду с прозрачным софинансированием со стороны доноров и независимой отчетностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамова И. О. Народонаселение Африки в условиях трансформации мирового порядка. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 5–15. https://doi.org/10.31857/S032150750023555-2

Аду Я.Н., Мезяев А.Б. Конфликт между ЭКОВАС и Мали: международно-правовые и политические аспекты. *Вестник международных организаций*. 2023. Т. 18. № 1. С. 170–189. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-01-07

Андреева Т.А., Новиков А.Д. Санкции как инструмент принуждения в рамках ЭКОВАС. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 9. С. 71–80. https://doi.org/10.31857/S0321507524090097

Дегтерев Д.А. «Коллективная опора на собственные силы»: новое прочтение концепции в Сахеле в контексте становления многополярного мира. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 60–81. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-60-81

Калиниченко Л.Н., Новикова З.С. ЭКОВАС: энергетическая и цифровая инфраструктура как фактор региональной интеграции и развития. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 58–67. https://doi.org/10.31857/S032150750026540-6

Ксенофонтова Н.А. (Ред.). *Африка в контексте глобальной продовольственной безопасности*. М.: Институт Африки РАН, 2015.

Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. Продовольственная безопасность Африки: недоедание и ожирение. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 5. С. 37–45. https://doi.org/10.31857/S032150750020171-0

Фитуни Л.Л. (ред.). *Африка: санкции, элиты и суверенное развитие*. М.: Институт Африки РАН, 2021.

Adebajo A. *Building Peace in West Africa: Liberia, Sierra Leone, and Guinea-Bissau*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002.

Bøås M., Torheim L.E. The Trouble in Mali – Corruption, Collusion, Resistance. *Third World Quarterly*. 2013. Vol. 34. № 7. Pp. 1279–1292. https://doi.org/10.1080/01436597.2013.824647

Charbonneau B. Intervention in Mali: Building Peace between Peacekeeping and Counterterrorism. *Journal of Contemporary African Studies*. 2017. Vol. 35. № 4. Pp. 415–431. https://doi.org/10.1080/02589001.2017.1363383

Devereux S. Why Does Famine Persist in Africa? *Food Security*. 2009. Vol. 1. № 1. Pp. 25–35. https://doi.org/10.1007/s12571-008-0005-8

Drezner D.W. Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice. *International Studies Review*. 2011. Vol. 13. № 1. Pp. 96–108. https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2010.01001.x

Francis D.J. *Uniting Africa: Building Regional Peace and Security Systems*. Aldershot: Ashgate, 2006.

Hartmann C. ECOWAS and the Restoration of Democracy in The Gambia. *Africa Spectrum*. 2017. Vol. 52. № 1. Pp. 85–99. https://doi.org/10.1177/000203971705200104

Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2007.

Hurd I. Legitimacy and Authority in International Politics. *International Organization*. 1999. Vol. 53. № 2. Pp. 379–408. https://doi.org/10.1162/002081899550913

Moret E.S. Humanitarian Impacts of Economic Sanctions on Iran and Syria. *European Security*. 2015. Vol. 24. № 1. Pp. 120–140. https://doi.org/10.1080/09662839.2014.893427

Morgan T.C., Bapat N., Kobayashi Y. Threat and Imposition of Economic Sanctions 1945–2005: Updating the TIES Dataset. *Conflict Management and Peace Science*. 2014. Vol. 31. № 5. Pp. 541–558. https://doi.org/10.1177/0738894213520379

Obi C.I. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. *African Security*. 2009. Vol. 2. № 2–3. Pp. 119–135. https://doi.org/10.1080/19362200903361945

Pinstrup-Andersen P. Food Security: Definition and Measurement. *Food Security*. 2009. Vol. 1. № 1. Pp. 5–7. https://doi.org/10.1007/s12571-008-0002-y

Portela C., Mora-Sanguinetti J.S. Sanctions Effectiveness, Development and Regime Type. Are Aid Suspensions and Economic Sanctions Alike? *World Development*. 2023. Vol. 172. 106370. https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2023.106370

Sen A. *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. Oxford: Clarendon Press, 1981.

Söderbaum F. *Rethinking Regionalism*. London: Palgrave Macmillan, 2016.

Stambøl E.M., Sylla A., Cold-Ravnkilde S.M. Anticolonial Imaginaries in Mali: The Longue Durée of Sovereignty, Security, and Geopolitics. *Geopolitics*. 2026. Vol. 31. № 4. Pp. 1261–1286. https://doi.org/10.1080/14650045.2025.2523411

Thurston A. *Jihadists of North Africa and the Sahel: Local Politics and Rebel Groups*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

Witt A. *Undoing Coups: The African Union and Post-Coup Intervention in Madagascar*. London: Zed Books, 2020.

Yabi G.O. *The Role of ECOWAS in Managing Political Crisis and Conflict: The Cases of Guinea and Guinea-Bissau*. Abuja: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2010.

Research article

FOOD SECURITY IN ECOWAS SANCTIONS AGAINST MALI AND NIGER: HUMANITARIAN EXEMPTIONS AND THE COSTS OF COERCION (2022–2025)

© 2026 M.B. Umar

UMAR Mohammed Bello, PhD Candidate, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation. ORCID: 0009-0000-0707-115X. E-mail: mbumar2000 @gmail.com

Abstract. The article examines how food security was incorporated into the sanctions imposed by ECOWAS on Mali and Niger between January 2022 and January 2025. It compares the humanitarian design, the implementation, and the political outcomes of the two episodes and establishes how food-related costs affected coercive effectiveness and legitimacy without reducing a multicausal regional rupture to a single factor. The study's novelty lies in the first systematic comparison of the humanitarian design of ECOWAS sanctions, resting on a disclosed and reproducible coding protocol applied to the four decisive communiqués of the ECOWAS Authority: on Mali of 9 January and 3 July 2022 and on Niger of 30 July 2023 and 24 February 2024. The historical and institutional analysis is complemented by the method of comparative process tracking. Sanctions neither created food insecurity nor alone eroded the authority of ECOWAS, since armed conflict, contested state legitimacy, sovereignty narratives, geopolitical realignment, and the concern of the organization for regional unity also shaped the outcome; but the uneven protection of civilians widened the credibility gap between the food-security institutions of the Community and its coercive practice. The article proposes a standing humanitarian exemption, prior impact assessment, automatic review, a presumption of targeted measures, and a technical compact between ECOWAS and the Alliance of Sahel States on food corridors, pastoral mobility, early-warning data, and access to the Regional Food Security Reserve.

Keywords: ECOWAS, Mali, Niger, food security, economic sanctions, humanitarian exemptions, military coups, Regional Food Security Reserve, Alliance of Sahel States, regional integration

Acknowledgments. The author thanks the anonymous reviewers for comments that substantially improved the argument and the evidentiary base of this article.

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Umar M.B. (2026). Food Security in ECOWAS Sanctions Against Mali and Niger: Humanitarian Exemptions and the Costs of Coercion (2022–2025). *Journal of the Institute for African Studies.* Vol. 12. № 3. Pp. 149–167. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-149-167

Научная статья

«АТЛАНТИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА» КОРОЛЯ МАРОККО МУХАММЕДА VI: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2026 П.Н. Мамед-заде

МАМЕД-ЗАДЕ Первин Ниязи оглы, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения стран Северной Африки и Африканского Рога, Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация. ORCID: 0009-0000-0353-0881. E-mail: mamed-zade@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые цели и задачи «Атлантической инициативы», выдвинутой королем Марокко Мухаммедом VI в 2023 г. для реализации совместных проектов со странами Центрального Сахеля – Буркина-Фасо, Мали, Нигером и Чадом. Анализируются концептуальные основы и заявленные цели официального Рабата, который после возвращения в ряды Африканского союза в 2017 г. проводит активную наступательную внешнюю политику в Африке, используя различные инструменты, в том числе экономические и инфраструктурные, а также свое выгодное географическое положение на стыке Африки и Европы. Актуальность темы обусловлена важностью Центрального Сахеля, находящегося в фокусе повышенного внимания Совета Безопасности ООН в связи с резко возросшими вызовами в сфере безопасности, а также с повышенным интересом к субрегиону со стороны ряда европейских и мировых держав. За счет реализации королевской инициативы Рабат стремится разрешить в свою пользу конфликт вокруг Западной Сахары. В статье рассматриваются декларируемые властями Марокко выгоды от присоединения Буркина-Фасо, Мали, Нигера и Чада к проектам, включенным в дорожную карту королевской инициативы. Подробно изучены два основных проекта – строительство нового порта «Дахла Атлантик» в контролируемом Марокко южном сахарском регионе и строительство большого африкано-атлантического газопровода из Нигерии в Марокко вдоль всего побережья Западной Африки. В статье показано, что реализация инициативы Мухаммеда VI, которая преподносится королевством как комплексная программа развития и интеграции Центрального Сахеля в мировую торговлю, может столкнуться с рядом серьезных препятствий.

Ключевые слова: Марокко, Мухаммед VI, Сахель, Атлантика, инфраструктура, дипломатия, порты, газопровод

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мамед-заде П.Н. «Атлантическая инициатива» короля Марокко Мухаммеда VI: геополитические и экономические аспекты. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2026. Т. 12. № 3. С. 168–181. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-168-181

ВВЕДЕНИЕ

Королевство Марокко в первой четверти XXI в. взяло курс на проведение активного внешнеполитического и внешнеэкономического курса, одним из приоритетов которого стало сотрудничество с африканскими странами [Es-Salehy, Sabri 2024: 93]. В преамбуле конституции, принятой в июле 2011 г., говорится о приверженности Рабата

укреплению отношений сотрудничества и солидарности с народами и странами Африки, в частности, со странами к югу от Сахары и зоны Сахеля[1].

Новый импульс африканский вектор внешней политики Марокко получил вслед за возвращением в 2017 г. королевства в Африканский союз (АС) после более чем 30-летнего отсутствия в рядах этой межправительственной организации[2]. Король Мухаммед VI в своей речи, адресованной участникам 29-го саммита глав государств и правительств АС, состоявшегося в июле 2017 г. в Аддис-Абебе, заявил о важности того, чтобы «африканские государства установили реалистичные и прагматичные цели, основанные на истинных приоритетах континента. Африке больше не нужны идеологические лозунги, ей нужны конкретные и решительные действия в области мира, безопасности и развития человеческого потенциала»[3].

К моменту, когда Мухаммед VI два десятилетия находился на троне, между королевством и африканскими государствами действовало свыше 1 тысячи соглашений о сотрудничестве, а сам монарх совершил более 50 рабочих, официальных и государственных визитов в страны Африки [Alaoui 2019: 150]. Марокко придерживается всеобъемлющей стратегической концепции, основанной на политических, экономических, культурных и религиозных подходах [Rached 2020: 153–155]. При этом монарх принимает личное участие в их выработке и продвижении на региональном и международном уровнях. Среди целей на Африканском континенте значится в том числе создание условий для окончательного урегулирования конфликта вокруг Западной Сахары в соответствии с предложенным Рабатом планом о предоставлении автономии сахарским регионам Эль-Аюн – Сегиет-эль-Хамра и Дахла – Уэд-эд-Дахаб в рамках марокканского суверенитета[4].

Целью данной статьи является анализ направлений и задач выдвинутой Мухаммедом VI в конце 2023 г. «Атлантической инициативы», нацеленной на развитие инфраструктурной интеграции в регионе и повышение роли Марокко в Африке. В российской науке тема инфраструктурных проектов как двигателя интеграционных процессов исследовалась в работах целого ряда авторов [Баринов, Шарова 2021; Бухарин, Коваленко, Цыганков 2024; Володина 2021]. Вопросу выстраивания странами Сахеля стратегии развития и обеспечения суверенитета посвящены научные работы Д. Дегтерева [Дегтерев 2024], Л. Исаева [Исаев 2025] и И. Лошкарева [Лошкарев 2024].

ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РАБАТА

В ноябре 2023 г. Мухаммед VI в обращении к нации по случаю 48-й годовщины «зеленого марша» на Западную Сахару[5] обнародовал Королевскую атлантическую

[1] Texte intégral de la Constitution du Royaume du Maroc adoptée par voie de référendum le 01 juillet 2011. *Chambre des Représentants*. 2011. https://chambredesrepresentants.ma/fr/la-constitution-du-royaume-du-maroc-2011 (accessed: 12.07.2026)

[2] Марокко покинуло Организацию африканского единства (предшественницу Африканского союза) в ноябре 1984 г. в знак протеста против принятия в ОАЕ частично признанного государства – Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР), которая добивается независимости Западной Сахары.

[3] SM le Roi adresse un Discours au 29ème Sommet des chefs d'Etat et de gouvernement de l'UA. *Portail national du Royaume du Maroc*. 03.07.2017. https://maroc.ma/fr/discours-messages-royaux/discours-royaux/sm-le-roi-adresse-un-discours-au-29eme-sommet-des-chefs-detat-et-de-gouvernement-de-lua (accessed: 12.07.2026)

[4] В Марокко вместо географического названия Западная Сахара в официальных документах и в прессе традиционно используется название Марокканская Сахара.

[5] «Зеленым маршем» называется пеший поход в ноябре 1975 г. около 350 тыс. безоружных марокканцев в Западную Сахару, бывшую тогда испанской колонией. Целью акции, инициатором и идейным

инициативу (КАИ), призванную предоставить четырем странам Центрального Сахеля – Буркина-Фасо, Мали, Нигеру и Чаду – свою дорожную, портовую и железнодорожную инфраструктуру через побережье регионов Эль-Аюн – Сегиет-эль-Хамра и Дахла – Уэд-эд-Дахаб[6]. Соседней с Марокко Мавритании отводится роль важнейшего транзитного звена, связывающего «сахельскую четверку» с атлантическим побережьем королевства [Ben Attou 2025: 251].

КАИ развивает и дополняет идеи, изложенные в Новой модели развития для провинций Юга (*Nouveau modèle de développement pour les provinces du Sud*) – комплексной программе, которую в октябре 2013 г. представил королю Экономический, социальный и экологический совет Марокко. Итогом ее реализации должно стать «превращение южных провинций в ведущий геостратегический центр ради мира, стабильности и общего процветания во всем евро-африканском регионе». Марокканской Сахаре отводится роль хаба между регионом Арабского Магриба и субсахарскими странами путем развития сети портов, объектов морского и воздушного транспорта[7]. И как итог – интеграция Марокканской Сахары в африканское торгово-экономическое и транспортно-логистическое пространство, что должно способствовать признанию статуса этих регионов странами-участницами как неотъемлемой части территории королевства [Abourabi, de Sanctis 2024: 24].

В марокканской инициативе Мухаммеда VI отчетливо видны признаки **инфраструктурной дипломатии** Рабата. КАИ призвана перенаправить транспортные потоки стран Центрального Сахеля к побережью Атлантического океана непосредственно через территорию королевства [Ghoulidi, Lyammouri 2026: 3]. Предполагается возведение глубоководного порта «Дахла Атлантик» в сахарском регионе Дахла – Уэд-эд-Дахаб, создание транспортного пути из Чада в Марокко (так называемый сухопутный «коридор Нджамена-Дахла»), строительство Африкано-атлантического газопровода.

С конца 2023 г. марокканские официальные лица развернули на различных зарубежных площадках активную информационную и дипломатическую кампанию по продвижению КАИ, разъяснению ее ключевых концепций и нарративов. По словам официального Рабата, королевская инициатива «появилась в период международной тревожности и неопределенности», она носит «альтруистический характер, направлена на высвобождение экономической энергии стран, не имеющих выхода к морю, и своей конечной целью ставит достижение стабильности и устойчивого развития». КАИ направлена на то, чтобы «вывести эти страны из изоляции, предоставив им более широкое пространство и интегрировав их в открытую миру экономическую и торговую систему», помочь им «преодолеть физические и нефизические барьеры и таким образом реализовать огромный потенциал их торгового обмена, укрепить связи с остальным миром благодаря большим атлантическим воротам»[8].

вдохновителем которой выступил тогдашний марокканский король Хасан II, было принуждение Испании к передаче Западной Сахары под контроль марокканского правительства.

[6] SM le Roi adresse un discours à la Nation à l'occasion du 48ème anniversaire de la Marche Verte. *Maroc.ma*. 06.11.2023. https://maroc.ma/fr/discours-messages-royaux/discours-royaux/sm-le-roi-adresse-un-discours-la-nation-loccasion-du-48eme-anniversaire-de-la-marche-verte-texte (accessed: 12.07.2026)

[7] Nouveau modèle de développement pour les provinces du Sud. *Le Conseil Economique, Social et Environnemental présente son rapport*. 2013. https://cese.ma/media/2020/10/Nouveau-modèle-de-développement-pour-les-provinces-du-Sud.pdf (accessed: 14.07.2026)

[8] Initiative royale pour l'Atlantique: l'analyse de Omar Hilale au Forum annuel MD Sahara. *Medias24*. 10.05.2024. https://medias24.com/2024/05/10/initiative-royale-pour-latlantique-lanalyse-de-omar-hilale-au-forum-annuel-md-sahara/ (accessed: 19.07.2026)

Марокко подчеркивает значительный масштаб КАИ, рассматривая ее как «проект человеческого и социального развития для Африканского континента»[9], способный придать импульс механизмам Африканской континентальной зоны свободной торговли (АфКЗСТ), соглашение о формировании которой вступило в силу в мае 2019 г. [Oualla 2026: 333].

КАИ также направлена на закрепление за Марокко статуса региональной морской державы, которая имеет возможность извлекать выгоду от маритимизации[10] экономики благодаря производству национального богатства на береговой линии за счет наличия активной морской торговли, эффективной эксплуатации рыболовных и шельфовых углеводородных ресурсов, функционирования объектов промышленности и динамичного развития прибрежных городов [Kerrouch 2024: 689].

Появление КАИ совпало по времени с завершением вывода французских воинских контингентов поочередно из Мали, Буркина-Фасо и Нигера, который происходил в 2022–2023 гг. и стал свидетельством уменьшения влияния Парижа в Центральном Сахеле. Этот же период отмечен активизацией сотрудничества этих трех стран с Россией, Турцией и Китаем.

Создание новых транспортных коридоров в Сахеле марокканская элита преподносит как восстановление сети некогда успешно действовавших транссахарских торговых путей, утраченных в результате деятельности европейских колонизаторов[11]. Одновременно подчеркивается важность КАИ как инструмента устранения раскола Северной Африки и региона Сахеля, преодоления разрыва их географического пространства и геополитического единства как наследия колониальной эпохи[12]. Целью КАИ также является поощрение политического диалога между странами-участницами, совместное принятие решений, согласованное управление проблемами безопасности региона [Oualla 2026: 330].

Для алжирских властей обнародование КАИ и стремление Рабата расширить свое влияние в сахельской зоне посредством реализации долгосрочных проектов – очевидный повод для беспокойства, поскольку субрегион Центрального Сахеля, и прежде всего Мали и Нигер, традиционно воспринимались Алжиром как зона его интересов. Алжир глубоко вовлечен в вопросы обеспечения безопасности в Сахеле, от которой зависит и его собственная безопасность [Hamadouche 2014: 105].

СОДЕЙСТВИЕ РАЗВИТИЮ САХЕЛЯ

Марокко видит в Центральном Сахеле субрегион с большим нераскрытым потенциалом – человеческим, экономическим, энергетическим. Отсутствие у Буркина-Фасо, Мали, Нигера и Чада выхода к морю создает для них серьезные препятствия для интеграции в глобальные рынки. Географическая изоляция и отдаленность портов, принадлежащих соседним странам, приводят к тому, что транспортно-логистические

[9] Omar Hilale: «L'initiative Royale est ambitieuse par son objectif ultime de stabilité et de développement durable». Maroc Diplomatique. 10.05.2024. https://maroc-diplomatique.net/linitiative-royale-est-ambitieuse-par-son-objectif-ultime-de-stabilite/ (accessed: 20.07.2026)

[10] Под термином маритимизация ряд специалистов понимает усиление роли морей и океанов в жизни общества, что выражается, в частности, в повышении значимости прибрежных зон, развитии морской торговли и увеличении роли защиты морских интересов в военной политике государства.

[11] Sahara marocain: Portail d'ouverture sur le Sahel. *Maroc Diplomatique*. 14.05.2024. https://maroc-diplomatique.net/sahara-marocain-portail-douverture-sur-le-sahel/ (accessed: 12.07.2026)

[12] Omar Hilale: l'Initiative Atlantique, vecteur de transformation économique et politique du Sahel. *Maroc Diplomatique*. 14.05.2024. https://maroc-diplomatique.net/omar-hilale-linitiative-atlantique-vecteur-de-transformation-economique-et-politique-du-sahel/ (accessed: 12.07.2026)

издержки составляют от 30 до 40% от стоимости импорта, а это, в свою очередь, серьезно подрывает экономическую конкурентоспособность и сдерживает перспективы развития. К числу структурных проблем также относится неразвитая дорожная инфраструктура, особенно в сельских районах, и ограниченный доступ к энергоресурсам [Lyammouri, Ghoulidi 2024: 3]. КАИ, как отмечают власти Марокко, должна способствовать «укреплению экономического суверенитета и продовольственной безопасности стран Сахеля, стать фактором изменения геополитического статуса региона в долгосрочной перспективе», а также «послужить рычагом для активизации развития не только в странах Сахеля, но и на всем Африканском континенте в более долгосрочной перспективе»[13].

КАИ, уверены в Рабате, «выгодно отличается от других, часто бесперспективных и мертворожденных инициатив, поскольку способна обеспечить странам Центрального Сахеля выход к Атлантическому океану, а через него – к разветвленным международным торговым сетям». При этом королевство указывает на равноправный характер взаимоотношений между странами-участницами инициативы, подчеркивая, что она «сосредоточена на непатерналистском сотрудничестве со странами Центрального Сахеля, построена на стремлении не к вмешательствам, а к созданию партнерств, основанных на общей судьбе»[14].

Создание Альянса государств Сахеля (АГС), который в 2023 г. учредили Буркина-Фасо, Мали и Нигер с целью формирования архитектуры коллективной обороны и взаимной поддержки, не встретило негативной реакции в Марокко [El Mouden 2025: 339]. В интеллектуальных, научных сферах Марокко распространено мнение, что Сахель для Марокко – это не далекая периферия, а стратегический сосед королевства, естественное продолжение его сферы влияния на юг [El Mouden 2025: 340].

Вовлеченность Марокко в реализацию проектов в рамках КАИ и его стремление обеспечить защиту «атлантических ворот» Сахеля, по всей видимости, потребуют от королевства адаптации своей оборонной стратегии и политики безопасности к реалиям обострившейся региональной обстановки. Одним из проявлений этого может стать дальнейшее укрепление военного флота Марокко ради гарантирования безопасного функционирования конечных отрезков логистических коридоров, выходящих к портам на атлантическом побережье[15]. При этом учитывается риск расширения деятельности террористических группировок Сахеля на прибрежные зоны с целью причинения вреда международному морскому судоходству [Bassou 2025: 9].

Участие четырех стран Центрального Сахеля в КАИ пока не оформлено институционально, при этом Марокко, страны КГС и Чад на регулярной основе обсуждают конкретные меры и проекты формирующейся дорожной карты. Кроме того, Рабат, помимо многостороннего формата, использует методы выстраивания двустороннего партнерства, в том числе с учетом того, что между сахельскими странами могут быть расхождения во взглядах на актуальные вопросы региональной повестки в сферах политики, безопасности, экономики и других.

---

[13] Initiative royale pour l'Atlantique: l'analyse de Omar Hilale au Forum annuel MD Sahara. *Medias24*. 10.05.2024. https://medias24.com/2024/05/10/initiative-royale-pour-latlantique-lanalyse-de-omar-hilale-au-forum-annuel-md-sahara/ (accessed: 14.07.2026)

[14] Omar Hilale: «L'Initiative Royale pour une prospérité partagée se profile comme un catalyseur de changement». *Maroc Diplomatique*. 14.05.2024. https://maroc-diplomatique.net/omar-hilale-linitiative-royale-pour-une-prosperite-partagee-se-profile-comme-un-catalyseur-de-changement/ (accessed: 12.07.2026)

[15] Initiative Atlantique royale: quelles sont les implications militaires? *Medias24*. 25.01.2024. https://medias24.com/2024/01/25/initiative-atlantique-royale-quelles-sont-les-implications-militaires (accessed: 16.07.2026)

ВАЖНОСТЬ ПОЗИЦИИ МАВРИТАНИИ

Вскоре после речи короля в Марракеше 23 декабря 2023 г. прошла координационная министерская встреча, посвященная обсуждению КАИ, в которой приняли участие руководители внешнеполитических ведомств Буркина-Фасо, Мали, Марокко, Нигера и Чада. В итоговом коммюнике страны Центрального Сахеля выразили поддержку инициативе Мухаммеда VI, отметив ее стратегическую важность. Они подтвердили «общее стремление к укреплению сотрудничества посредством совместных многоотраслевых, структурирующих и инновационных партнерств, отражающих ценности сотрудничества Юг-Юг и совместного развития». Министры договорились создать в своих странах национальные рабочие группы для подготовки и предложения механизмов претворения в жизнь КАИ, а также условились передать их на рассмотрение глав своих государств[16].

В дальнейшем вопрос реализации КАИ стал одной из главных тем на встречах различного уровня между официальными лицами Марокко, Буркина-Фасо, Мали, Нигера и Чада. В ходе аудиенции у Мухаммеда VI, состоявшейся 28 апреля 2025 г. во дворце в Рабате, министры иностранных дел Буркина-Фасо, Мали и Нигера – стран-участниц Конфедерации государств Сахеля (КГС) – заявили о своей «полной поддержке королевской атлантической инициативы и о приверженности ускорению ее реализации», подчеркнув, что КАИ «предоставляет возможность диверсификации доступа к морю, укрепления мира и безопасности»[17]. Продолжилась работа национальных рабочих групп, которые ведут разработку проектов, которые могут быть реализованы как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе[18].

Мавритания, не принявшая участие 23 декабря 2023 г. в координационной встрече в Марракеше, занимает стратегическое положение между Марокко и Сахелем и в силу этого играет решающую роль в вопросе реализации концепции региональной взаимосвязи в рамках КАИ [Lyammouri, Ghoulidi 2024: 5]. Мавритания является для Рабата «неотъемлемым и важнейшим участником проектов, которые предстоит реализовать в соответствии с планом КАИ»[19]. Глава МИД Марокко Насер Бурита по этому поводу заявил, что «успех этой инициативы немыслим без конструктивного, позитивного и конкретного участия Мавритании»[20].

---

[16] Réunion ministérielle de coordination sur l'initiative internationale de SM le Roi Mohammed VI pour favoriser l'accès des pays du Sahel à l'Océan Atlantique: Les points saillants du communiqué final. *Ministère des affaires étrangères et de la coopération internationale et des marocains résidant à l'étranger*. 23.12.2023. https://diplomatie.ma/fr/réunion-ministérielle-de-coordination-sur-l'initiative-internationale-de-sm-le-roi-mohammed-vi-pour-favoriser-l'accès-des-pays-du-sahel-à-l'océan-atlantique-les-points-saillants-du-communiqué-final (accessed: 14.07.2026)

[17] S.M. le Roi reçoit les ministres des Affaires étrangères des trois pays de l'Alliance des États du Sahel. *Le Matin*. 28.04.2025. https://lematin.ma/activites-royales/alliance-des-etats-du-sahel-sm-le-roi-recoit-les-ministres-des-ae/276400 (accessed: 14.07.2026)

[18] Réunion de suivi sur l'opérationnalisation de l'Initiative Royale pour favoriser l'accès des pays du Sahel à l'Océan Atlantique. *Le Matin*. 25.09.2025. https://lematin.ma/nation/reunion-sur-linitiative-royale-pour-connecter-le-sahel-a-latlantique/303764 (accessed: 14.07.2026)

[19] Nasser Bourita: "La Mauritanie est une composante essentielle de l'Initiative d'accès du Sahel à la Façade Atlantique". *L'Opinion*. 21.01.2024. https://lopinion.ma/fr/actu-maroc/nasser-bourita--la-mauritanie-est-une-composante-essentielle-de-linitiative-dacces-du-sahel-a-la-facade-atlantique_a53203?articleId=4b3ad0fd-7fe7-4ed1-8e72-eba5630c9515 (accessed: 22.07.2026)

[20] La Mauritanie appelée à rejoindre l'Initiative Atlantique offerte par le Maroc aux pays de Sahel. *Le Desk*. 25.12. 2023. https://ledesk.ma/2023/12/25/la-mauritanie-appelee-a-rejoindre-linitiative-atlantique-offerte-par-le-maroc-aux-pays-du-sahel/ (accessed: 10.07.2026)

Мавритания, имеющая более чем 750-километровую атлантическую береговую линию, в силу своего географического положения представляет собой для Марокко естественного стратегического партнера для формирования атлантического коридора [Ammari, Lyammouri 2025: 7]. Рабат отмечает роль Нуакшота как важнейшего игрока в «обеспечении территориальной преемственности инициативы»[21]. Марокко и Мавритания могли бы создать эффективную систему морских транспортных узлов, адаптированную для обслуживания различных сегментов рынка и торговых маршрутов. [Lyammouri, Ghoulidi 2024: 4].

При этом, формулируя свою позицию в отношении КАИ и включенным в нее инфрастуктурным проектам, Нуакшот оказывается перед непростой задачей сохранения нейтралитета и равноудаленности по отношению к продолжающемуся кризису между Марокко и Алжиром [Ammari, Lyammouri 2025: 7].

ПОРТ «ДАХЛА АТЛАНТИК» – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Для привлечения стран Сахеля к КАИ Марокко предлагает уже действующие или вводимые в строй в ближайшем будущем транспортные и инфраструктурные объекты. Прежде всего речь идет о портах на атлантическом побережье Марокко, железнодорожных сетях и скоростных автотрассах, которые страны Центрального Сахеля – Буркина-Фасо, Мали, Нигер и Чад – смогут использовать для ведения внешнеэкономической деятельности и расширения числа коммерческих партнеров в Африке и мире.

Краеугольным камнем в комплексе проектов в рамках дорожной карты КАИ по развитию транспортных и коммуникационных сетей и в контексте выстраивания атлантического коридора из стран Центрального Сахеля в Марокко власти королевства называют строящийся в 40 км к северу от города Дахла (в контролируемом марокканскими властями регионе Дахла – Уэд-эд-Дахаб) большой глубоководный порт «Дахла Атлантик» (*Dakhla Atlantique*), который должен укрепить портовый потенциал Марокко и сыграть важную роль в африканской морской связанности[22]. Его строительство должно быть завершено в конце 2028 г., а введение в эксплуатацию намечено на 2029 г.

Стоимость «Дахла Атлантик», который считается флагманским проектом Национальной портовой стратегии до 2030 г., оценивается в 12,65 млрд дирхамов (более $1,3 млрд)[23]. Будущий порт будет включать в себя несколько терминалов, при этом каждый из них предназначен для определенных видов деятельности. Это коммерческий порт, готовый обрабатывать 35 млн тонн грузов, рыболовный порт с пропускной способностью 1 млн тонн морепродуктов, а также инфраструктура для ремонта судов и обработки насыпных грузов и контейнеров [Kerrouch, Hdidou 2025: 18]. В целях логистической оптимизации запланирована интеграция порта «Дахла

[21] Nasser Bourita: "La Mauritanie est une composante essentielle de l'Initiative d'accès du Sahel à la Façade Atlantique". *L'Opinion.* 21.01.2024. https://lopinion.ma/fr/actu-maroc/nasser-bourita--la-mauritanie-est-une-composante-essentielle-de-linitiative-dacces-du-sahel-a-la-facade-atlantique_a53203?articleId=4b3ad0fd-7fe7-4ed1-8e72-eba5630c9515 (accessed: 12.07.2026)

[22] Nisrine Iouzzi: «Le futur port Dakhla Atlantique renforcera la connectivité portuaire continentale». *Pouvoirs d'Afrique.* 09.07.2024 https://pouvoirsafrique.com/article/1174/nisrine-iouzzi-le-futur-port-dakhla-atlantique-renforcera-la-connectivite-portuaire-continentale (accessed: 21.07.2026)

[23] Coût, capacité, taux d'avancement, mise en service… Tout savoir sur le port Dakhla Atlantique. *Challenge.* 06.07.2024. https://challenge.ma/cout-capacite-taux-davancement-tout-savoir-sur-le-port-de-dakhla-atlantique-283945/ (accessed: 16.07.2026)

Атлантик» с промышленными кластерами, предприятиями добывающей и рыболовной отрасли.

Как отмечается в Национальной портовой стратегии до 2030 г., будущий порт в Дахле «послужит логистическим и экономическим инструментом для содействия экономическому и социальному развитию южного Марокко». Кроме того, в зависимости от разрабатываемых в регионе природных ресурсов (морских, минеральных и других), порт «Дахла Атлантик» сможет при необходимости расширить свои услуги за счет специализированных терминалов[24].

По задумке марокканских властей, порт «Дахла Атлантик» должен стать альтернативой перегруженным портам Абиджана, Дакара и Лагоса, содействовать укреплению региональной конкуренции в сфере логистики и привлечь к себе растущую долю торговых потоков по линии Юг-Юг. В качестве важного конкурентного преимущества порта «Дахла Атлантик» марокканские власти отмечают технические новшества, которые позволят сократить задержки и логистические затраты, традиционно затрудняющие внутрирегиональные торговые операции [Kerrouch, Hdidou 2025: 17]. Для стран Центрального Сахеля, не имеющих выхода к морю или океану, вопрос доступа к портам представляет важность с точки зрения не только осуществления торговых операций, но также обеспечения продовольственной безопасности, бесперебойного импорта продуктов питания [Ouedraogo 2024: 2].

Порт «Дахла Атлантик» будет связан с национальной автотрассой *RN1* (*Route nationale 1*), связывающей северные и южные регионы Марокко, что усилит ее значимость как торгово-логистического коридора [Ayass, Zouiri 2026: 32]. Кроме того, «Дахла Атлантик» будет соединен с введенной в эксплуатацию в январе 2025 г. автомагистралью Тизнит-Дахла протяженностью в 1055 км – трассой, которая призвана улучшить транспортную доступность южных районов королевства и сыграть стимулирующую роль в деле укрепления торговых обменов со странами Западной Африки и зоны Сахеля[25].

В настоящее время основным маршрутом снабжения **Мали** является транспортный коридор Дакар-Бамако (1368 км), по которому ежегодно проходит около 2–3 млн тонн грузов, что составляет более 60% импорта Мали. К числу рисков, возникающих на маршруте Дакар-Бамако, необходимо отнести многочисленные проверки на контрольно-пропускных пунктах, низкое качество дорожного покрытия на отдельных участках, участившиеся атаки со стороны террористической группировки «Джамаат Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин»[26] [Jabbar 2025].

Альтернативным маршрутом (длиной в 1120 км) для Мали служит дорога из Бамако в порт Абиджана – крупнейшего города и главного экономического центра Кот-д'Ивуара, расположенного на побережье Гвинейского залива [Jabbar 2025]. Однако и эта трасса в последнее время все чаще подвергается нападениям связанных с «Аль-Каидой» боевиков, атакующих грузовики, перевозящие продовольствие и топливо. Нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как нестабильные политические отношения Мали и Кот-д'Ивуара, способные привести к сбоям в переходе транспортных средств, вовлеченных в трансграничную торговлю.

[24] La stratégie portuaire nationale à l'horizon 2030. *L'Agence Nationale des Ports*. https://anp.org.ma/fr/publications/strategieportuaire (accessed: 16.07.2026)

[25] Tout savoir sur la voie express Tiznit-Dakhla, saluée par Donald Trump. *Maroc Diplomatique*. 27.07.2026. https://maroc-diplomatique.net/tout-savoir-sur-la-voie-express-tiznit-dakhla-saluee-par-tout-savoir-sur-la-voie-express-tiznit-dakhla-saluee-par-donald-trump/ (accessed: 29.07.2026)

[26] «Группа поддержки ислама и мусульман», JNIM, связанная с запрещенной в РФ «Аль-Каидой».

Буркина-Фасо осуществляет выход к Атлантическому океану по двум основным направлениям. Первый транспортный коридор – Уагадугу-Абиджан протяженностью 1158 км. Однако на возможность его использования, пропускную способность и стоимость транспортных расходов влияет состояние политических отношений между Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуаром, которые в последние годы неоднократно переживали кризис из-за обвинений со стороны официального Уагадугу в адрес своего соседа в региональной дестабилизации и содействии террористам. В этом случае Уагадугу прибегает к альтернативному выходу к атлантическим водам Гвинейского залива в виде коридора (длиной 947 км) к глубоководному Автономному порту Ломе в столице Того.

Нигер на протяжении долгих лет осуществлял большую часть внешнеторговых сделок по морю через порт Котону (финансовой столицы и крупнейшего города Бенина). Однако политическая напряженность и пограничный кризис, возникшие между странами после совершенного в июле 2023 г. военного переворота в Нигере, вынудили власти в Ниамее искать обходные транспортные коридоры, в частности, в направлении порта Ломе [Jabbar 2025].

В сложившейся ситуации порт «Дахла Атлантик» может стать одним из таких альтернативных вариантов для стран Центрального Сахеля при условии, если на этих маршрутах будет обеспечена безопасность.

АФРИКАНО-АТЛАНТИЧЕСКИЙ ГАЗОПРОВОД

Еще одним крупным стратегическим проектом, включенным в дорожную карту КАИ, стало строительство большого газопровода из Нигерии в Марокко, именуемого Африкано-атлантическим газопроводом (*African Atlantic Gas Pipeline, AAGP*). Рабат считает его механизмом региональной интеграции, направленным на создание условий для достижения общего экономического подъема.

Инициаторами строительства газопровода выступили в 2016 г. король Марокко Мухаммед VI и тогдашний президент Нигерии Мухаммаду Бухари. Процесс согласования между странами и работы по тщательному изучению технических особенностей заняли почти десять лет. Наконец, 19 июля 2026 г. страны ЭКОВАС на саммите в столице Сьерра-Леоне, городе Фритаун, подписали межправительственное соглашение в поддержку проекта строительства газопровода протяженностью около 6900 км[27].

Согласно утвержденному плану, газопровод пройдет через 13 государств вдоль атлантического побережья Африки, в том числе под водами океана, и позволит транспортировать до 30 млрд куб. м природного газа в год. Половина из этого объема – около 15 млрд куб. м – будет использоваться для поставок газа на рынки Европы через существующий газопровод Магриб-Европа (*Maghreb-Europe*), соединяющий Марокко с Испанией. Оставшийся объем направится на обеспечение нужд африканских стран[28]. В Буркина-Фасо, Мали и Нигер топливо поступит по специально построенным ответвлениям от главного магистрального Африкано-атлантического газопровода. Это

[27] Gazoduc atlantique: pourquoi le projet Nigeria-Maroc à 23 milliards d'euros change la donne. *Jeune Afrique*. 20.07.2026. https://jeuneafrique.com/1825169/economie-entreprises/gazoduc-atlantique-pourquoi-le-projet-nigeria-maroc-a-23-milliards-deuros-change-la-donne/ (accessed: 22.07.2026)

[28] Gazoduc Africain Atlantique: l'approbation des chefs d'État de la CEDEAO lève les derniers obstacles à la réalisation de cette infrastructure stratégique. *Le360*. 19.07.2026. https://afrique.le360.ma/economie/gazoduc-africain-atlantique-lapprobation-des-chefs-detat-de-la-cedeao-leve-les-derniers-obstacles-a_3AUZW4GUXFEBZFIPCPEID5VCBI/ (accessed: 26.07.2026)

позволит обеспечить их доступ к энергоресурсам для поддержки проектов промышленного развития [Lyammouri, Ghoulidi 2024: 6].

Включение проекта стоимостью 23 млрд евро в дорожную карту КАИ обосновано тем, что газопровод «соединит газовые ресурсы Западной Африки с основными региональными центрами потребления, одновременно усиливая интеграцию африканских энергетических рынков и создавая новый коридор развития, соединяющий Западную Африку, государства Сахеля, Марокко и Европу»[29].

Провозглашаемые Марокко цели строительства Африкано-атлантического газопровода дополняют задачи КАИ в части, касающейся стимулирования внутреннего роста, преодоления энергетической отсталости и поощрения программ развития в Центральном Сахеле. Официальный Рабат, в частности, отмечает, что проект *AAGP* «направлен на ускорение доступа к энергии в регионе и содействие его экономическому и социальному развитию за счет роста всех отраслей промышленности, особенно тех, которые связаны с минеральными ресурсами»[30].

РИСКИ, ПРЕПЯТСТВИЯ И ОСЛОЖНЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ

КАИ, как следует из заявлений официальных марокканских лиц, является крайне необходимым и выгодным проектом для стран Центрального Сахеля. Она выдвинута и курируется лично Мухаммедом VI, что придает ей репутационный вес, обеспечивает политическую и дипломатическую поддержку как внутри Марокко, так и на переговорах с заинтересованными сторонами.

В то же время нельзя не отметить слабые места инициативы:

1. Строительство портов, инфраструктурных коридоров, транспортно-логистических путей в сахельском регионе представляет собой масштабные проекты, требующие стабильного финансирования в долгосрочной перспективе. В числе тех, кто может предоставить такую поддержку, Марокко называет США, Китай, ряд стран Европы, Францию и государства Персидского залива, международные финансовые институты, включая Всемирный банк и Международный валютный фонд. Однако гарантии того, что проекты из дорожной карты КАИ будут обеспечены денежными средствами в полном объеме, в настоящее время отсутствуют. Негативную роль могут сыграть и макроэкономические потрясения в виде колебаний процентных ставок, скачков цен на строительные материалы, энергоносители и страхование транспортных перевозок.

2. Серьезным фактором, осложняющим строительство и последующее функционирование атлантического коридора из Чада на южное марокканское побережье, является перманентная нестабильность в Центральном Сахеле, характеризующаяся вооруженными нападениями экстремистских и террористических группировок на объекты инфраструктуры и грузовой транспорт, установками мин на трассах, высокой активностью трансграничной преступности.

3. На ход реализации дорожной карты КАИ могут повлиять напряженные отношения Буркина-Фасо, Мали и Нигера со своими соседями. В АГС считают, что с

[29] Gazoduc atlantique: pourquoi le projet Nigeria-Maroc à 23 milliards d'euros change la donne. *Jeune Afrique*. 20.07.2026. https://jeuneafrique.com/1825169/economie-entreprises/gazoduc-atlantique-pourquoi-le-projet-nigeria-maroc-a-23-milliards-deuros-change-la-donne/ (accessed: 22.07.2026)

[30] Les pays de la CEDEAO adhèrent au Gazoduc Nigeria-Maroc. *Aujourd'hui le Maroc*. 30.07.2026. https://aujourdhui.ma/economie/les-pays-de-la-cedeao-adherent-au-gazoduc-nigeria-maroc (accessed: 24.07.2026)

территории ряда стран-членов ЭКОВАС исходит прямая угроза безопасности и стабильности.

4. К числу рисков также могут относиться возможные акты саботажа со стороны государств, находящихся в конфликте с Марокко[31]. Так, марокканские власти упоминают перспективы КАИ в контексте кризиса в отношениях с соседним Алжиром, серьезно обострившегося после 2021 г., когда алжирские власти приняли решение разорвать дипломатические отношения с королевством. В Рабате открыто заявляют, что КАИ обращена к странам, которые Алжир считает своей зоной влияния, при этом осуществляя «вопиющее вмешательство в их внутренние дела»[32].

5. Нельзя сбрасывать со счетов нерешенность конфликта вокруг Западной Сахары в рамках зашедшего в тупик переговорного процесса, курируемого ООН. Принимая во внимание отсутствие мирных договоренностей между противоборствующими сторонами – Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО – сохраняется риск новой вооруженной эскалации с непредсказуемыми последствиями для перспективы трансграничной торговли и интеграционных проектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного анализа напрашивается следующий вывод: КАИ, с одной стороны, представляет собой комплексное предложение Рабата в интересах развития многостороннего сотрудничества со странами сахельской Африки для решения общих проблем в области безопасности и экономической интеграции, создания регулируемых торговых коридоров, а с другой, является инструментом внешнеполитической стратегии Рабата на Африканском континенте.

Обнародование и публичное продвижение КАИ свидетельствует о возросших амбициях Марокко, которое рассматривает себя в качестве самодостаточной региональной державы, способной предложить странам Центрального Сахеля модель экономического взаимодействия и механизмы ее воплощения в жизнь.

Для реализации королевской инициативы странам-участницам придется выстроить надежную систему координации действий, обеспечить безопасность вдоль транспортных коридоров, эффективно управлять сложным взаимодействием региональных противоречий и стратегических интересов. Ради успеха КАИ ее кураторам необходимо согласовать долгосрочное экономическое видение с непосредственными логистическими и геополитическими реалиями [Jabri, Hanine 2026: 1268]. Без всего этого стратегический проект Рабата рискует остаться на уровне декларативных предложений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Баринов А.К., Шарова А.Ю. Инфраструктурное развитие Африканского континента (транспорт Восточной Африки). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 7. С. 38–46. https://doi.org/10.31857/S032150750015770-9

[31] L’Initiative Royale Pour L'Afrique Atlantique: Enjeux, Facteurs-clé de Succès Et Feuille de Route Pour Le Maroc. *Institut Royal des Etudes Stratégiques*. Septembre 2024. https://ires.ma/fr/publications/rapports-thematiques/linitiative-royale-pour-lafrique-atlantique-enjeux-facteurs-cle-de-succes-et-feuille-de-route-pour-le-maroc (accessed: 20.07.2026)

[32] Initiative royale pour l'Atlantique: l'analyse de Omar Hilale au Forum annuel MD Sahara. *Medias24*. 10.05.2024. https://medias24.com/2024/05/10/initiative-royale-pour-latlantique-lanalyse-de-omar-hilale-au-forum-annuel-md-sahara/ (accessed: 19.07.2026)

Бухарин М.Д., Коваленко В.И., Цыганков П.А. Основы глобальной конкуренции: логистика, технологии и полярные союзы в прошлом, настоящем и будущем. Часть 2. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2024. № 3. С. 46–66. https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-3-46-66

Володина М.А. Конкуренция внешних игроков за транспортно-логистические проекты в западной и северной Африке (на примере морских портов). *Сравнительная политика*. 2021. № 12 (1). С. 34–48. https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10004

Дегтерев Д.А. «Коллективная опора на собственные силы»: новое прочтение концепции в Сахеле в контексте становления многополярного мира. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 60–81. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-60-81

Исаев Л.М. Конфедерация государств Сахеля: проблемы и перспективы развития. *Пути к миру и безопасности*. 2025. № 1(68). С. 239–251. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2025-1-239-251

Лошкарев И.Д. Альянс государств Сахеля как «лаборатория» минилатерализма. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2024. № 5. С. 108–119. https://doi.org/10.31696/S086919080030925-4

Abourabi Y., de Sanctis J.D. The Royal Atlantic Initiative: a manifestation of African agency in regional integration? *Afrique(s) en mouvement*. 2024. № 9. Pp. 18–31. https://doi.org/10.3917/aem.009.0018

Alaoui H. *Mohammed VI. Le siècle d'un Roi.* Casablanca: La Croisée des Chemins, 2019.

Ammari F., Lyammouri R. *The Atlantic Initiative and Morocco-Mauritania Relations: Strategic Opportunities and Shared Challenges*. Policy Center for the New South. 2025. № 09/25. Pp. 1–26.

Antil A. *Le Royaume du Maroc et sa politique envers l'Afrique subsaharienne.* Paris: IFRI, 2003.

Ayass H., Zouiri H. The Afro-Atlantic Space amid Sahelian Fragmentation: The Atlantic Initiative as a Regional Integration Framework. *La Revue Journal d'Economie, de Management, d'Environnement et de Droit*. 2026. Vol. 9. № 1. Pp. 27–38. https://doi.org/10.48398/IMIST.PRSM/jemed-v9i1.61903

Azizi M. L'extension du Maroc sur l'Ocean Atlantique: enjeux diplomatiques et defis economiques. *Revue d'étude des migrations africaines*. 2024. Vol. 2. № 1. Pp. 134–142.

Bassou A. *Le Maroc dans la cartographie de l'Afrique atlantique: la communauté d'intérêts neutralise les paradoxes*. Policy Center for the New South. Policy Paper. № 34/25. 2025. Pp. 1–19.

Benaziz S. Reconfigurer la résilience régionale: l'Initiative Atlantique marocaine et la géoéconomie de la connectivité en Afrique de l'Ouest. *Revue Française d'Economie et de Gestion*. 2026. Vol. 7. № 2. Pp. 384–398.

Ben Attou M. Es-Semara et l'initiative atlantique marocaine: vers un nouveau carrefour géostratégique. *Espace Géographique et Société Marocaine*. 2025. Vol. 1. № 100. Pp. 247–261. https://doi.org/10.34874/IMIST.PRSM/EGSM/58251

Boucetta M. L'Afrique atlantique: un levier stratégique pour le développement continental. Dynamiques géoéconomiques, intégration régionale et connectivité logistique. *Brief*. 2025. № 43/25. Pp. 1–17.

Dag F. The African Atlantic Gas Pipeline and the Trans-Saharan Gas Pipeline: Geopolitical Competition in North Africa, West Africa, and the Sahel Triangle. *Ortadogu Etutleri*. 2025. Vol. 17. № 1. Pp. 67–98. https://doi.org/10.47932/ortetut.1745945

Dzaguiss A. La géopolitique marocaine en Afrique: un nouveau paradigme de cooperation. *Al Maarifa Journal*. 2024. № 17. Pp. 1–20.

El Abboubi B. La proposition marocaine d'accès à l'océan pour les pays africains enclavés: analyse des implications politiques et économiques. *Revue Internationale du Chercheur*. 2024. Vol. 5. № 2. Pp. 192–208. https://doi.org/10.5281/zenodo.11417478

El Jaafari M., Hinti S. Effets du changement structurel sur les échanges commerciaux entre le Maroc et l'Afrique Atlantique. *African Scientific Journal*. 2025. Vol. 3. № 28. Pp. 551–571. https://doi.org/10.5281/zenodo.14891639

El Mouden A. Le Maroc et l'Alliance des États du Sahel: entre enjeux géopolitiques et inputs d'influence dans un Sahel en recomposition. *Problématiques de recherche*. 2025. № 3. Pp. 332–365.

Es-Salehy M., Sabri A. La Diplomatie du Maroc en Afrique: Enjeux Stratégiques et Politique. *African Scientific Journal*. 2024. Vol. 3. № 25. Pp. 93–115. https://doi.org/10.5281/zenodo.12914826

Fhail A. Internationalisation des entreprises marocaines en Afrique Atlantique: modes et perspectives de croissance. *Revue Internationale des Sciences de Gestion*. 2021. Vol. 4. № 4. Pp. 1223–1248.

Ghoulidi A., Lyammouri R. *Unlocking the Sahel, Reconfiguring the Western Mediterranean: Morocco's Atlantic Initiative as an Integration Corridor*. Policy Center for the New South. Research Paper. № 02/26. 2026.

Guegan J. La région de Dakhla-Oued Eddahab, une plateforme maritime: enjeux, risques et perspectives. *Espace Géographique et Société Marocaine*. 2018. № 24–25. Pp. 353–374. https://doi.org/10.34874/IMIST.PRSM/EGSM/14192

Hamadouche L. L'Algérie et la sécurité au Sahel: lecture critique d'une approche paradoxale. *Confluences Méditerranée*. 2014. № 90. Pp. 105–121. https://doi.org/10.3917/come.090.0105

Hanine S., Dinar B. The blue economy: the future of the Atlantic African Sea front Initiative? *Espace Géographique et Société Marocaine*. 2024. Vol. 1. № 86. Pp. 77–107. https://doi.org/10.34874/IMIST.PRSM/EGSM/49326

Jabbar C. *Corridors des pays de l'Alliance des États du Sahel: vulnérabilités logistiques, contraintes sécuritaires et dynamiques d'adaptation*. Policy Center for the New South. Policy Brief. № 67/25. 2025.

Jabri N., Hanine S. L'initiative Maroc Atlantique: opportunités et défis. *African Scientific Journal*. 2026. Vol. 3. № 35. Pp. 1256–1271. https://doi.org/10.5281/zenodo.19596899

Kerrouch M., Hdidou K. Le port de Dakhla atlantique: levier stratégique de connectivité logistique pour l'intégration régionale et le développement territorial des provinces du sud. *African Scientific Journal*. 2025. Vol. 3. № 33. Pp. 11–29. https://doi.org/10.5281/zenodo.17659787

Kerrouch M. L'espace Atlantique, enjeux et défis pour une ambitieuse initiative marocaine. *International Journal of Accounting Finance Auditing Management and Economics*. 2024. Vol. 5. № 9. Pp. 681–697. https://doi.org/10.5281/zenodo.13856968

Lakir R., Habboub S. Le Maroc: un pôle logistique entre l'Union Européen et l'Afrique Subsaharienne. *Revue Française d'Economie et de Gestion*. 2022. Vol. 3. № 11. Pp. 56–79.

Lyammouri R., Ghoulidi A. Morocco's Atlantic Initiative: A Catalyst for Sahel-Saharan Integration. *Policy Center for the New South. Policy Brief*. 2024. № 68/24.

Makpawo M. L'adhésion du Maroc à l'Union Africaine: entre une logique méditerranéenne et une logique subsaharienne. *Études internationals*. 2021. Vol. 52. № 3. Pp. 241–376. https://doi.org/10.7202/1088836ar

Nachoui I., Nachoui M. Les specificites et les apports de la logistique et de la connectivite maritime au développement des relations entre le Maroc et les pays de l'Afrique de l'Ouest. *Espace Géographique et Société Marocaine*. 2025. Vol. 1. № 95. Pp. 7–45. https://doi.org/10.34874/IMIST.PRSM/EGSM/54570

Nel M., Blaine M. Maritime Diplomacy: Advancing Africa's Strategic Interests. *Scandinavian Journal of Military Studies*. 2026. Vol. 9. № 1. Pp. 119–132. https://doi.org/10.31374/sjms.411

Oualla K. L'Initiative Royale pour l'Afrique Atlantique: une vision stratégique. *Revue Internationale du Chercheur*. 2026. Vol. 7. № 1. Pp. 320–338.

Ouedraogo N. Strategic Gateway: The Port of Lomé's Pivotal Role in Togo's Economic Prosperity and West African Hinterland Development Through the Lens of Communication and Information. *International Journal of African Studies*. 2024. Vol. 4. № 2. Pp. 1–15.

Rached T. *La Stratégie africaine du Maroc*. Saint-Denis: Edilivre, 2020.

Talkhokhet D., Moutmini M. Les ports du Maroc: Gouvernance et Régionalisation. *Revue Organisation et Territoire*. 2016. Vol. 2. https://doi.org/10.48407/IMIST.PRSM/OT-N2.6519

Research article

THE ATLANTIC INITIATIVE OF KING MOHAMMED VI OF MOROCCO: GEOPOLITICAL AND ECONOMIC ASPECTS

© 2026 P.N. Mamed-zade

MAMED-ZADE Pervin Niyazi ogly, PhD (History), Senior Research Fellow, Centre for North African and African Horn Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0009-0000-0353-0881. E-mail: mamed-zade@yandex.ru

Abstract. The article examines the key goals and objectives of the Atlantic Initiative put forward by King Mohammed VI of Morocco in 2023 to implement joint projects with the countries of the Central Sahel, namely Burkina Faso, Mali, Niger, and Chad. An analysis is presented of the conceptual foundations and stated goals of Rabat, which, after returning to the African Union in 2017, has been pursuing an active, assertive foreign policy in Africa, using various instruments, including economic and infrastructural, as well as its advantageous geographical position at the junction of Africa and Europe. The relevance of the topic is due to the importance of the Central Sahel which is the focus of increased attention of the UN Security Council due to sharply increased security challenges and to the growing interest in the subregion on the part of various European and global actors. By implementing the king's initiative, Rabat seeks to resolve the conflict over Western Sahara in its favor. The article

examines the benefits declared by the Moroccan authorities from the accession of Burkina Faso, Mali, Niger, and Chad to the projects included in the roadmap of the king's initiative. Two major projects were studied in detail: the construction of the new Dakhla Atlantic port in the Moroccan-controlled southern Saharan region and the construction of a large African-Atlantic gas pipeline from Nigeria to Morocco along the coast of West Africa. The article shows that the implementation of Mohammed VI's initiative, which is presented by the kingdom as a comprehensive program for the development and integration of the Central Sahel into world trade, may face a number of serious obstacles.

Keywords: Morocco, Mohammed VI, Sahel, Atlantic, infrastructure, diplomacy, ports, gas pipeline

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Mamed-zade P.N. (2026). The Atlantic Initiative of King Mohammed VI of Morocco: Geopolitical and Economic Aspects. *Journal of the Institute for African Studies*. Vol. 12. № 3. Pp. 168–181. https://doi.org/ doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-168-181

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия

АФРИКА ЮЖНЕЕ САХАРЫ: ВОДА ЖИЗНИ И ЖИЗНЬ ВОДЫ

© 2026 Н.А. Белкина, Ю.Д. Крючков

БЕЛКИНА Надежда Анатольевна, научный сотрудник, Центр изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация. ORCID: 0009-0009-6813-2388. E-mail: belkina.nady@yandex.ru

КРЮЧКОВ Юрий Давыдович, научный сотрудник, Центр изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация. E-mail: yurikriuchkov@mail.ru

Рецензия на монографию: Гришина Н.В. *Водные ресурсы Африки южнее Сахары: возможности и проблемы использования*. М.: Институт Африки РАН, 2022.

Ключевые слова: Африка южнее Сахары, гидроресурсы, продовольственная безопасность, аквакультура, рыболовство, экология, природно-климатические факторы, антропогенный фактор

Для цитирования: Белкина Н.А., Крючков Ю.Д. Африка южнее Сахары: вода жизни и жизнь воды (рецензия). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2026. Т. 12. № 3. С. 182–185. https://doi.org/ doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-182-185

Актуальность вышедшей в Институте Африки РАН монографии очевидна уже из ее названия – «Водные ресурсы Африки южнее Сахары: возможности и проблемы использования». Вода для африканцев – не только необходимая составляющая повседневного существования, но и субстанция, имеющая сакральное значение. В африканской мифологии с водной стихией неразрывно связан процесс мироздания, а боги, ассоциирующиеся с этой сферой, занимают центральное место в пантеоне божеств, отвечающих за жизнь.

При этом в современном мире недостаток воды стал одной из глобальных проблем. От ее нехватки, по данным ВОЗ и ЮНИСЕФ за 2025 г., страдают 2,1 млрд человек (каждый четвертый житель планеты). В первую очередь это касается жителей Центральной Африки, Восточной Азии и отдельных районов Южной Америки. Но наиболее серьезная ситуация складывается там, где уже сегодня есть проблемы с пресноводными источниками – на Ближнем Востоке и в африканском Сахеле[1]. По данным исследования, опубликованного в журнале *Nature* в 2026 г., около 717 млн жителей континента (примерно половина населения Африки) не имеют доступа к чистой воде[2].

[1] Доклад ООН: преодолеть водный кризис можно только сообща. *ООН*. 21.03.2023. https://news.un.org/ru/story/2023/03/1438972 (дата обращения: 20.10.2026)

[2] Бабинцева Е.А. Управление водными ресурсами Африки. *Вестник РУДН. Государственное и муниципальное управление*. 2023. Т. 10. № 3. С. 434–449.

Дефицит воды в Африке, возникающий из-за препятствий к водоснабжению, быстрых темпов урбанизации и роста численности населения, загрязнения окружающей среды, последствий изменения климата и интенсификации использования водных ресурсов в экономической деятельности, стал одной из самых серьезных угроз для социально-экономического прогресса и препятствием для сокращения масштабов бедности. По мнению автора, глобальная борьба за энергоресурсы в обозримом будущем может перерасти в конфликты и столкновения за воду (с. 86).

Изучению данной проблематики применительно к Африканскому континенту посвящены многие работы, в частности труды российских ученых И.О. Абрамовой[3], В.И. Данилова-Данильяна[4], С.Н. Волкова[5], Е.В. Морозенской[6], Л.Л. Фитуни[7], а также их зарубежных коллег К. Беккера[8], У.М. Хейнеманна[9], Дж.Р. Старра[10], К.У. Кинга[11] и многих других. Однако если в большинстве своем их исследования касались экономических вопросов водопользования, то автор рассматриваемой монографии сосредоточила свое внимание прежде всего на социальных аспектах влияния природно-климатических и антропогенных факторов на состояние природных ресурсов, на санитарно-гигиенических условиях жизни населения, на анализе государственных и международных проектов, способствующих развитию систем водоснабжения и водопользования. Проблемы, связанные с водными ресурсами Африки, настолько многоплановы, что охватить их в одной работе невозможно, и Н.В. Гришина концентрируется на анализе использования океанических и внутриконтинентальных вод и на влиянии доступа к водным ресурсам на благосостояние населения.

Рост населения африканских государств естественно ведет к увеличению потребности в продуктах питания и, соответственно, к развитию агросектора – к повышению урожайности пищевых культур, расширению занятых под ними площадей, развитию мелиоративных систем. Риски, связанные с дефицитом и качеством воды в африканских странах, превратились в существенный фактор, сдерживающий экономическое развитие, источник межгосударственных конфликтов и социального напряжения.

Задействование все бóльших объемов водных ресурсов диктуется также возрастающим спросом на электроэнергию. В свете этого автор делает правомерный вывод, что «эффективное использование гидроресурсов во многих районах Африки –

[3] Абрамова И.О. Ресурсный потенциал Африки: структура, параметры, значимость для мировой экономики и внутреннего развития. *Проблемы современной экономики*. 2013. № 3(47); Абрамова И.О. Глобальные политические и экономические процессы в Африке в контексте реализации целей развития континента в XXI веке. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 1 (32). С. 4–13.

[4] Данилов-Данильян В.И., Веницианов Е.В., Аджиенко Г.В., Козлова М.А. Оценка современных подходов к управлению качеством поверхностных вод и их охране. *Вестник Российской академии наук*. 2019. Т. 89. № 12; Данилов-Данильян В.И., Веницианов Е.В., Беляев С.Д. Некоторые проблемы снижения загрязнения от диффузных источников. *Водные ресурсы*. 2020. Т. 47. № 5.

[5] Волков С.Н. *Дефицит пресной воды и проблемы безопасности в Африке. Африканские конфликты и кризисы: причины и пути решения*. М.: Институт Африки РАН, 2019.

[6] Морозенская Е.В. *Роль инфраструктуры в экономике стран Африки. Экономическая инфраструктура стран Африки*. М.: Институт Африки РАН, 2012.

[7] Фитуни Л.Л. *Африка: ресурсные войны XXI века*. М.: Институт Африки РАН, 2012.

[8] Bakker K. The Commons Versus the Commodity: «Alter»-globalization, Privatization, and the Human Right to Water in the Global South. *Antipode*. 2007. № 39(3).

[9] Hanemann W.M., Baumann D.D., Boland J.J. *Determinants of Urban Water Use. Urban Water Demand Management and Planning*. New York: McGraw-Hill, 1997.

[10] Starr J.R. Water Wars. *Foreign Policy*. № 82. 1991.

[11] King C.W., Stillwell A.S., Twomey K.M., Webber M.E. *Coherence between Water and Energy Policies.* Paris: Organization of Economic Cooperation and Development, 2011.

одна из важнейших предпосылок сокращения масштабов бедности, укрепления здоровья населения, снабжения его продовольствием, достижения устойчивости окружающей среды, общего экономического развития» (с. 6). Отдельным аспектом автор выделяет экологическое благополучие. Неблагоприятное состояние окружающей среды неизбежно ведет к деградации социума, ограничивая спектр доступных каждому человеку жизненно важных возможностей. Особенно актуальными эти вызовы являются для государств, расположенных в жарких климатических зонах, в засушливых и пустынных регионах. «Поэтому сохранение водных экосистем и их оптимальное использование, – пишет Н.В. Гришина, – предполагают решение целого комплекса экономических, экологических, технических, социальных, культурологических и юридических вопросов» (с. 5).

Автор монографии дает общую характеристику гидросистемы рассматриваемого региона. Она, в частности, отмечает, что на Африку приходится примерно 20% мировой гидроэнергии, по запасам которой этот континент занимает второе место после Азии. Общие запасы пресной воды составляют 2390 тыс. куб. м. По количеству воды на душу населения – 12 тыс. куб. м. в год – Африка близка к средним мировым показателям, но бóльшая часть континента испытывает острый дефицит воды вследствие несоответствия водных ресурсов тепловым характеристикам региона (с. 12). К тому же водные ресурсы распределены крайне неравномерно, в то время как некоторые страны обладают избытком воды, другие испытывают острый ее недостаток. Но даже там, где воды, казалось бы, достаточно, значительная ее часть недоступна или слишком дорога для разработки. Водные ресурсы эксплуатировались в Африке бессистемно и иррационально, и систематическое изучение этого жизненно важного аспекта началось лишь со второй половины XIX в. Серьезный и системный подход к проблеме, в частности, отражает изданный в СССР в 1978 г. фундаментальный труд «Гидрогеология Африки»[12].

Поскольку в Африке даже крупные реки из-за многочисленных порогов и обмеления в засушливый сезон не пригодны для судоходства, но могут быть использованы для генерации электроэнергии, автор подробно рассматривает плотины, водохранилища и гидроэлектростанции в регионе. При этом Н.В. Гришина отмечает, что строительство крупных гидротехнических объектов связано с порой неподъемными материальными затратами, социальными издержками при переселении населения из затапливаемых районов, экологическими рисками, а также политическими конфликтами с другими государствами, поскольку большинство крупных рек имеют трансграничный характер.

Рассматривая рыболовство, автор отмечает, что оно обеспечивает Африке 25% мирового вылова и дает средства к существованию примерно 90 млн африканцев (с. 45). Автор подчеркивает, что этот промысел нередко выступает чуть ли не единственным ресурсом питания, доступным малообеспеченным людям. Причем если первичной добычей рыбы в основном занимаются мужчины, то ее обработку в значительной степени осуществляют женщины, что дает им возможность пополнить скудный семейный бюджет.

Рыболовство как естественная для региона форма экономической деятельности в последнее время дополнилась аквакультурой, которая в значительной степени обеспечивает население стран Африки южнее Сахары средствами к существованию, продуктами питания и работой, способствует повышению благосостояния. Впрочем, автор отмечает, что эта сравнительно новая отрасль развивается очень медленно.

[12] Гидрогеология Африки. Маринов Н.А. (ред.). М.: Недра, 1978.

В структуре водохозяйственного баланса стран Африки главным потребителем воды является агрокомплекс, на который приходится 85% водопотребления (с. 82). Анализируя проблемы обеспечения водой сельскохозяйственного населения и варианты их решения, Н.В. Гришина приходит к выводу, что достижение странами Африки южнее Сахары продовольственной безопасности как главной задачи сельскохозяйственного производства благодаря полноводным рекам и озерам, обильным осадкам в тропических областях, а также богатым и до настоящего времени мало освоенным источникам подземных гидроресурсов представляется вполне реальной, хотя и непростой задачей. Ирригация способна в короткие сроки сократить масштабы голода и недоедания, способствовать повышению доходов африканцев и улучшению экономических перспектив региона в целом.

Монография «Водные ресурсы Африки южнее Сахары: возможности и проблемы использования» снабжена обширным приложением с выдержками из документов, иллюстрирующих актуальность рассматриваемой темы. Это доклады и программы ООН, протоколы международных организаций по использованию трансграничных водных бассейнов, проекты сохранения озерных и речных систем. Все это представляет собой богатый справочный материал, который, наряду с глубокими выводами автора книги, дает почву для дальнейшего изучения крайне актуальной темы.

Review

SUB-SAHARAN AFRICA: THE WATER OF LIFE AND THE LIFE OF WATER

© 2026 N.A. Belkina, Yu.D. Kryuchkov

BELKINA Nadezhda Anatolyevna, Research Fellow, Centre for Transition Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0009-0009-6813-2388. E-mail: belkina.nady@yandex.ru

KRYUCHKOV Yuri Davydovich, Research Fellow, Centre for Transition Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: yurikriuchkov@mail.ru

Review of the book: Grishina N.V. (2022). *Water Resources of Sub-Saharan Africa: Potential and Challenges of Use*. Moscow: Institute for African Studies. (In Russ.)

Keywords: Sub-Saharan Africa, water resources, food security, aquaculture, fisheries, ecology, natural and climatic factors, anthropogenic factors

For citation: Belkina N.A., Kryuchkov Yu.D. (2026). Sub-Saharan Africa: The Water of Life and the Life of Water (Review). *Journal of the Institute for African Studies.* Vol. 12. № 3. Pp. 182–185. https://doi.org/ doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-182-185

Рецензия

ЖУРНАЛЫ «ЛОТОС» И «ПРИЗЫВ»: НОВАЯ ЖИЗНЬ АФРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

© 2026 А.И. Яковлев

ЯКОВЛЕВ Артем Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация. ORCID: 0009-0001-6268-938X. E-mail: artyakovlev@googlemail.com

Рецензия на антологию: Mehmood T. (Ed.). *Lines of Fire: Poetry of the Afro-Asian Writers Movement*. Beirut: American University of Beirut Press, 2025.

Ключевые слова: литература стран Африки, деколонизация, неоколониализм, афро-азиатские литературы, африканская поэзия, Лотос, Призыв

Для цитирования: Яковлев А.И. Журналы «Лотос» и «Призыв»: новая жизнь африканской поэзии (рецензия). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2026. Т. 12. № 3. С. 186–189. https://doi.org/ doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-186-189

Первая конференция писателей стран Азии и Африки, состоявшаяся в 1958 г. в Ташкенте, собрала представителей более 50 государств и положила начало взаимодействию, которое в дальнейшем привело к становлению многоязычных литературных журналов. Хотя эти издания существовали на протяжении десятилетий, то богатейшее литературное наследие, которое они вобрали в себя, до сих пор остается достоянием лишь узких специалистов-литературоведов.

Проект «Лотос», организованный Американским университетом в Бейруте[1], ставит перед собой цель обратить внимание широкого читателя на уникальное прошлое журнала «Лотос»[2], издававшегося в 1968–1976 гг. в Каире, а с 1983 г. – в Тунисе на английском, французском и арабском языках. Над проектом по поиску и сбору литературных произведений, опубликованных в «Лотосе», работает команда, включающая специалистов не только из Ливана, но и из Каира и Иордании. Хотя исследователи планируют выложить в открытый доступ найденные на сегодняшний день материалы позднее, работа проекта уже принесла значительные результаты. Преподаватель кафедры английского языка факультета гуманитарных и естественных наук Американского университета в Бейруте Т. Мехмуд[3] подготовил антологию поэзии журналов «Лотос» и «Призыв» (*The Call*), второе издание которой вышло в 2025 г.

Рецензируемая антология сфокусирована именно на поэтическом наследии журналов «Лотос» и «Призыв», так как, по словам редактора, «поэзия – это не просто способ выразить гнев, скорбь или любовь; это выражение сопротивления и несогласия, это – отказ быть вычеркнутым из памяти» (с. xii). Ссылаясь на работы крупной

[1] The Lotus Project. *American University of Beirut*. https://aub.edu.lb/fas/ampl/Pages/lotus.aspx (accessed: 23.09.2026)

[2] Lotus, первоначальное название – Afro-Asian Writings

[3] Tariq Mehmood Ali. *American University of Beirut*. https://aub.edu.lb/fas/english/Pages/TariqMehmood Ali.aspx (accessed: 23.09.2026)

исследовательницы в области постколониальной литературы Б. Харлоу и панафриканиста, поэта, одного из основателей Африканской партии независимости Гвинеи и Кабо-Верде А. Кабрала, Т. Мехмуд отмечает, что возвращение к собственному историческому опыту невозможно без разрушения империалистического доминирования (с. 22). Являясь эмоционально заряженным и метафорическим, поэтический язык позволяет преодолеть рамки времени и исторического контекста. Не случайно поэтические произведения публиковали такие крупные политические деятели, как Мао Цзэдун, Хо Ши Мин, Ахмед Секу Туре и Антонио Агостиньо Нето, творчество которых представлено в антологии.

Т. Мехмуд подробно описывает становление Ассоциации писателей Азии и Африки, поддержку Ассоциации со стороны сочувствующих государств и постепенное угасание афро-азиатского движения. Несмотря на то, что подготовленная антология поэзии выпущена на английском языке, редактор намеренно старался не заострять внимание исключительно на англоязычной поэзии; в сборнике представлена широкая выборка произведений, написанных представителями разных государств Азии и Африки. По словам Т. Мехмуда, некоторые из приведенных в сборнике стихотворений выглядят и звучат так, будто они являются переводами уже переведенных текстов. Это представляется весьма логичным, ведь журналы «Лотос» и «Призыв» стирали не только колониальные, но и лингвистические границы: в середине XX в., во времена, когда не было ни «всемирной паутины», ни широкого разнообразия онлайн-проектов, благодаря публикации на трех языках такие периодические издания давали возможность большому количеству поэтов из наиболее отдаленных регионов Африки и Азии быть услышанными (с. 41–42).

Работая над антологией, Т. Мехмуд обнаружил, что «Лотос» не был единственным журналом, публиковавшимся Ассоциацией писателей Азии и Африки. Уже во время Ташкентской конференции внутри международной организации возникли два относительно независимых лагеря. Первый из них был настроен радикально по отношению к капиталистическим государствам, представители этого крыла Ассоциации считали, что искусство в целом и литература в частности должны служить вооруженной классовой борьбе. Писатели, придерживавшиеся такого мнения, были уверены, что искусство ради искусства не имеет права существовать, так как подобный подход приводит к постепенному отдалению писателя от народной борьбы.

С другой стороны, менее радикальные писатели верили в возможность мирного сосуществования и взаимодействия между Востоком и Западом. Они видели необходимость в культурных обменах между двумя идеологическими системами и по этой причине настороженно относились к необходимости активной анти-империалистской и антиколониальной борьбы.

Как отмечает Т. Мехмуд, представители первого лагеря опирались на идейное наследие Мао Цзэдуна, в то время как вторые были сторонниками политики СССР мирного сосуществования, за что были квалифицированы первыми как «советские ревизионисты» (с. 33). Штаб-квартира Ассоциации писателей Азии и Африки в Коломбо постепенно перешла под влияние прокитайских сил, что привело в 1961 г. к возникновению журнала «Призыв» – первого периодического издания организации, копии которого на сегодняшний день являются огромной редкостью[4]. Журнал публиковал литературные произведения, в которых звучал призыв к социалистическим революциям и движению за защиту равноправия. Поэтические произведения,

[4] Джагалов Р. *От интернационализма к постколониализму: литература и кинематограф между вторым и третьим миром*. М.: Новое литературное обозрение, 2025.

публиковавшиеся в журнале, в значительной мере отражали социальные и политические конфликты своего времени – в частности, апартеид в Южной Африке и войну за независимость Гвинеи-Бисау (с. 54–55).

На данный момент неизвестен точный состав редакционной коллегии журнала, а многие авторы публиковались без указания имен. Значительным достижением редактора антологии является попытка установить авторство некоторых стихотворений. Так, Т. Мехмуду удалось идентифицировать произведения отдельных авторов из Мадагаскара, Танзании, Алжира и Южной Африки, а также представить краткие биографические справки некоторых из них (с. 435–450). Тем не менее редактор отмечает, что ряд авторов до сих пор остается неустановленным; неизвестно также и примерное время, когда журнал прекратил свое существование (с. 41). В антологию были включены все стихотворения из журнала «Призыв», на данный момент обнаруженные Т. Мехмудом.

Журнал «Лотос» возник в результате раскола внутри организации: сторонники СССР были недовольны все более отчетливо прослеживающимся доминированием маоистской идеологии в Ассоциации писателей Азии и Африки. В 1964 г. будущий редактор журнала Фаиз Ахмад Фаиз, поддерживаемый рядом писателей, обратился к советскому руководству с просьбой способствовать становлению журнала, а в 1967 г. в Бейруте состоялась конференция авторов, симпатизировавших СССР, которую крыло организации, базировавшееся в Коломбо, объявило «нелегальной». Просуществовав в течение почти двух десятилетий, этот журнал был более разнообразным по своему наполнению, чем «Призыв»: в нем публиковались рассказы, поэтические произведения, фольклор, научные работы.

«Лотос» поднимал вопросы, связанные с политическими и социальными явлениями: апартеидом в Зимбабве и Южной Африке, освободительным движением в африканских странах, но вместе с тем значительное внимание уделялось и экзистенциальным вопросам – бытия и религии, любви и ненависти, самопожертвования и самоанализа. Журнал прекратил свое существование в 1991 г., так как «ни СССР Михаила Горбачева, ни Египет Хосни Мубарака не были заинтересованы в его поддержке» (с. 41). Составитель монографии включил в нее почти все стихотворные произведения из ранних выпусков журнала «Лотос», выпущенных до 1973 г. Так как за долгую историю периодического издания в нем были опубликованы сотни произведений, написанных десятками авторов, акцент на первых пяти годах его истории позволил редактору более тщательно подойти к систематизации материала.

Т. Мехмуд представляет стихотворные произведения в пяти тематических группах. Хотя сам он говорит о том, что данное разделение носит условный характер и многие произведения могут быть с легкостью перенесены из одного раздела в другой (с. 44), такая организация материала позволяет не только проследить общие для разных авторов идеи, но и увидеть сходство мировоззрения представителей разных государств и даже разных континентов.

Первая группа озаглавлена как «Изгнание» (с. 63–110), так как многие представленные в сборнике поэты жили вдали от родных стран и описывали свой горький эмигрантский опыт. Второй раздел под названием «Независимость и освобождение» (с. 111–182) включает в себя произведения, описывающие борьбу стран Азии и Африки за суверенитет и национальное освобождение не только от колонизаторов, но и от местных сторонников колониальных держав. Глава «Место и земля» (с. 183–262) содержит стихотворения, описывающие связь между восстановлением права на свою землю и возвращением культуры, а также

произведения о поиске идентичности и собственного места в новом мире, свободном от колониального гнета. Как отмечает редактор, многие поэтические тексты в этом разделе описывают природу сквозь призму антиколониальной борьбы.

«Надежда и терпение» (с. 263–412) – центральные понятия для Ассоциации писателей Азии и Африки, уверенных в том, что без стойкости и веры в собственные силы невозможно противодействие угрозам и разрушительной силе империализма. Наконец, раздел «Солидарность» (с. 413–431) представляет стихотворения, в которых голоса разных авторов, представленных в сборнике, сливаются в унисон: прошедшие через угнетение и сопротивление, поэты не просто выражали солидарность друг с другом, но и сплачивались в горе и скорби – например, при совместной подготовке стихотворений, посвященных памяти Патриса Лумумбы.

Как утверждает Т. Мехмуд, солидарность – это одна из центральных тем стихотворений, написанных авторами из стран Африки: «гнев африканских поэтов был направлен на искоренение несправедливостей прошлого, на наделение Африки тем чувством собственного достоинства, которое она заслуживала» (с. 57). Именно идеи панафриканизма, объединенной Африки прослеживаются во многих поэтических произведениях, где Африка метафорически описывается как объединенное пространство, в котором нет места шрамам государственных границ, нанесенным континенту колонизаторами (с. 58–59).

Представленная антология поэзии – оригинально оформленный, снабженный иллюстрациями фундаментальный труд, в котором впервые за многие годы задокументирован значительный и крайне важный пласт африканской антиколониальной и постколониальной литературы. Порядка 80 стихотворений – почти половина всех текстов, опубликованных в сборнике – написано африканскими авторами, представляющими 29 государств. По этой причине книга будет интересна историкам, культурологам, а также лингвистам и литературоведам, занимающимся изучением литературного наследия Африканского континента.

Review

MAGAZINES “LOTUS” AND “THE CALL”: THE NEW LIFE OF AFRICAN POETRY

© 2026 A.I. Yakovlev

YAKOVLEV Artem Igorevich, PhD (Linguistics), Associate Professor, Department of the English Language, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Russian Federation, Yaroslavl. ORCID: 0009-0001-6268-938X. E-mail: artyakovlev@googlemail.com

Review of the book: Mehmood T. (Ed.). (2025). *Lines of Fire: Poetry of the Afro-Asian Writers Movement*. Beirut: American University of Beirut Press.

Keywords: African literature, decolonization, neocolonialism, African and Asian literatures, African poetry, Lotus, The Call

For citation: Yakovlev A.I. (2026). Magazines “Lotus” and “The Call”: The New Life of African Poetry (Review). *Journal of the Institute for African Studies*. Vol. 12. № 3. Pp. 186–189. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-69-3-186-189

Рецензия

ЕГИПЕТСКИЙ ТРУДОВОЙ КОРПУС: ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ПОЛУМИЛЛИОНА ЕГИПТЯН

© 2026 К.М. Абул-Дахаб

АБУЛ-ДАХАБ Карим Мохамед, доктор делового администрирования (DBA), старший специалист по морским телекоммуникациям, Национальное управление по регулированию телекоммуникаций (NTRA); научный сотрудник, Арабская академия науки, технологии и морского транспорта, Каир, Египет. ORCID: 0000-0002-5116-8036. E-mail: kabouldahab@ntra.gov.eg

Рецензия на книгу: Aboul-Ghar M. *Al-faylaq al-misri: Jarimat ikhtitaf nisf milyun misri* [The Egyptian corps: The crime of abducting half a million Egyptians]. (In Arab.). Cairo: Dar El Shorouk, 2023.

Ключевые слова: Египетский трудовой корпус (*ELC*), Египетский верблюжий транспортный корпус (*CTC*), британская колонизация Египта, Ближний Восток во время Первой мировой войны, Средиземноморский экспедиционный корпус (*MEF*), египетское крестьянство

Для цитирования: Абул-Дахаб К.М. Египетский трудовой корпус: принудительная мобилизация полумиллиона египтян (рецензия). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2026. Т. 12. № 3. С. 190–193. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-190-193

Доктор Мохамед Абуль-Гар, также известный как Абу Эль-Гар, рассказывает об эпизодах истории времен Первой мировой войны в своей книге на арабском языке «Египетский корпус: преступление похищения полумиллиона египтян». Несмотря на то, что эта книга не переведена на английский и другие языки, она обладает несомненными достоинствами, поскольку объединяет оригинальные источники, записи того времени и рассказы историков, живших в тот период. Автор использует сведения из работы Кайла Дж. Андерсона «Египетский трудовой корпус: раса, пространство и место в Первой мировой войне», вышедшей в 2021 г. в издательстве Техасского университета[1].

Книга К. Андерсона – современное издание по данной теме, в котором представлен обзор деятельности Египетского корпуса. Автор показывает, как более 500 тыс. египтян, в основном крестьян, были насильственно лизованы в Британский египетский экспедиционный корпус в таких местах, как Палестина, Левант и Европа.

В одном из разделов книги К. Андерсона рассматривается роль национальности, расы и культуры в военных действиях Британской империи. Он объясняет, как британские офицеры жестоко обращались с членами Трудового корпуса по расовому признаку, называя их «цветной расой». Дж. Андерсон сравнивает эту систему расовой

[1]Anderson K.J. *The Egyptian Labor Corps: Race, space, and place in the First World War*. Austin: University of Texas Press, 2021.

дискриминации и контроля с отношением к афроамериканцам в Соединенных Штатах в то время (с. 16–18).

Оценки численности египетских крестьян, мобилизованных на трудовую службу под британским командованием во время Первой мировой войны, значительно разнятся, отчасти потому, что учитываются разные периоды набора и категории рабочих. Абдель Рахман аль-Рафи‘и оценил, что было набрано более миллиона египетских крестьян (с. 27), и эта цифра впоследствии была приведена несколькими египетскими учеными. Однако британские архивные записи, проанализированные К. Андерсоном, дают более точную оценку набора в Египетский трудовой корпус: к концу 1917 г. было набрано около 327 тыс. человек, а с начала 1918 г. – еще 179 тыс. Эти цифры дают в сумме около 506 тыс. набранных человек (с. 47).

Историческое отношение к египетским рабочим, служившим британцам во время Первой мировой войны, иллюстрирует неравенство, сохранявшееся в увековечивании памяти погибших в колониальных войнах (с. 132–134). Так, в докладе Комиссии по военным захоронениям Содружества за 2021 г. об историческом неравенстве в увековечивании памяти, подготовленном под председательством сэра Тима Хитченса, подчеркивается неспособность зафиксировать или увековечить память многих африканских и египетских военнослужащих. Автор также обращает внимание на мемориал в Гизе, посвященный египетским крестьянам и погонщикам верблюдов, на котором нет имен отдельных лиц, и число погибших остается неопределенным.

В 1882 г. Великобритания установила военный контроль над Египтом. После этого британский верховный комиссар стал самым влиятельным человеком в стране. Процесс набора в Рабочий корпус быстро перешел от добровольной системы к жестокому режиму принудительной вербовки. Поскольку добровольной вербовки было недостаточно для удовлетворения потребностей британской армии, местные чиновники начали применять принуждение. Чиновники приходили в деревни на закате, окружали возвращающихся с поля крестьян и силой отбирали мужчин и мальчиков для службы. Любого, кто сопротивлялся призыву, подвергали жестоким телесным наказаниям.

Во время принудительной мобилизации игнорировали возраст и физическую подготовку. Забирали детей в возрасте от четырнадцати лет и мужчин старше семидесяти. Призывников подвергали изнурительной работе, что приводило к крайнему истощению и болезням. Их подвергали телесным наказаниям без какой-либо ответственности. Шокирует то, что медицинским работникам также поручали наносить удары плетью или наблюдать за этим. Больные рабочие боялись, что небольшая ошибка может перевести их из очереди на медицинское обслуживание в очередь на порку (с. 32).

Египетские феллахи, призванные в Рабочий корпус, выполняли вспомогательные задачи, обеспечивавшие бесперебойность британских военных операций на Ближнем Востоке во время Первой мировой войны. Они работали в портах, разгружая корабли. Они перегоняли караваны верблюдов по пустынным районам. Они строили дороги, прокладывали водопроводные трубы и железнодорожные пути. Строительство железных дорог имело особое значение. Прокладывая рельсы через Синай и Палестину, рабочий корпус обеспечивал быструю переброску солдат, тяжелых орудий и припасов в зоны боевых действий (с. 42). Все это помогало обеспечивать снабжение Египетского экспедиционного корпуса.

Первоисточники, в том числе мемуары британского лейтенанта Э.К. Венаблса, дали непосредственное представление об оперативной обстановке Синайской и Палестинской кампании во время Первой мировой войны. Э. Венаблс подробно описал логистическое обеспечение 300-километровой железной дороги, построенной

египетским рабочим корпусом от Эль-Кантары-Ист на Суэцком канале в Палестину. В условиях противостояния османским войскам, окопавшимся в северной части долины Газы, британская военная логистика в значительной степени зависела от этой инфраструктуры, а также от ночных операций по снабжению с использованием верблюжьих караванов и тракторов для доставки продовольствия и боеприпасов на линию фронта. Несмотря на первоначальные трудности при прокладке железнодорожных путей по каменистой местности, египетские рабочие быстро адаптировались к выполнению строительных работ под руководством британских офицеров (с. 51–85).

В 1918 г. острая нехватка продовольствия заставила крестьян, особенно в Верхнем Египте, сосредоточиться на выращивании основных сельскохозяйственных культур – таких как пшеница, кукуруза – для обеспечения выживания своих семей. В результате, когда вспыхнула революция 1919 г., сельские повстанцы решили атаковать однопутные железнодорожные линии с целью перекрыть транспортные пути и тем самым предотвратить сбор и транспортировку сельскохозяйственной продукции в Каир. Саботаж этой инфраструктуры мог быть осуществлен небольшими местными группами. Сто́ит отметить, что, хотя сельское население стремилось сохранить важные сельскохозяйственные ирригационные системы в целости, британские военные власти рассматривали крайнюю меру – разрушение плотин и ирригационной инфраструктуры для затопления страны – как средство борьбы с повстанцами, хотя от этой радикальной идеи в конечном итоге отказались (с. 92).

Революция 1919 г. стала решающим поворотным моментом в современной истории, превратив абстрактные представления о государственности в определенную коллективную идентичность. И городская элита, и бедное сельское население почувствовали себя единым народом в борьбе против британской колониальной эксплуатации, объединяя богатых и бедных, жителей городов и сельскохозяйственных районов в защиту египетского суверенитета. Хотя в начале 1900-х гг. политические дискуссии обычно были сосредоточены на более широких панисламских идеях уммы, пережитая травма и общие жертвы, принесенные во время Первой мировой войны, привели к появлению четкого, светского египетского национального государства (аль-умма аль-мисрийя). Это чувство национального единства проявилось в политике в замечательном межрелигиозном сотрудничестве; копты занимали важные руководящие должности. Копт по происхождению Макрам Эбейд (1889–1961 гг.), например, стал генеральным секретарем партии «Вафд», занимал должности министра связи, а затем министра финансов, еврейские политики были избраны в парламент (с. 108–110).

В итоге крестьяне, сыгравшие важную роль в Первой мировой войне и последующей революции, не получили никаких прав и компенсации за понесенные потери. Тем не менее их жестокая эксплуатация и решительное сопротивление послужили катализатором формирования современного египетского национального самосознания.

Review

THE EGYPTIAN LABOUR CORPS: THE FORCED CONSCRIPTION OF HALF A MILLION EGYPTIANS

© 2026 K.M. Aboul-Dahab

ABOUL-DAHAB Karim Mohamed, DBA (Business Administration), Senior Specialist in Maritime Telecommunications, National Telecom Regulatory Authority (NTRA); Researcher, Arab

Academy for Science, Technology and Maritime Transport, Cairo, Egypt. ORCID: 0000-0002-5116-8036. E-mail: kabouldahab@ntra.gov.eg

Review of the book: Aboul-Ghar M. (2023). *Al-faylaq al-misri: Jarimat ikhtitaf nisf milyun misri* [The Egyptian corps: The crime of abducting half a million Egyptians]. (In Arab.). Cairo: Dar El Shorouk,

Keywords: Egyptian Labour Corps (ELC), Egyptian Camel Transport Corps (CTC), British colonization of Egypt, World War I Middle East Theater, Mediterranean Expeditionary Force (MEF), Egyptian peasantry

For citation: Aboul-Dahab K.M. (2026). The Egyptian Labour Corps: The Forced Conscription of Half a Million Egyptians (Review). *Journal of the Institute for Africa Studies.* Vol. 12. № 3. P. 190–193. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-190-193

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Рецензия

У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ О РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ (К 125-летию со дня рождения С.И. Тюльпанова)

© 2026 Е.В. Морозенская, Н.П. Кузнецова

МОРОЗЕНСКАЯ Евгения Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-0531-9873. E-mail: evmorozen@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Наталия Петровна, доктор экономических наук, профессор, кафедра управления рисками и страхования, Экономический факультет, Почетный профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-3612-9127. E-mail: n.p.kuznetsova@spbu.ru

Рецензия на книгу: Тюльпанов С.И. *Очерки политической экономии (Развивающиеся страны)*. М.: Мысль, 1969.

Ключевые слова: развивающиеся страны, экономика, политика, неоколониализм, производительные силы, стратегии развития

Для цитирования: Морозенская Е.В., Кузнецова Н.П. У истоков российской экономической науки о развивающихся странах (к 125-летию со дня рождения С.И. Тюльпанова) (рецензия). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2026. Т. 12. № 3. С. 194–198. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-194-198

Сергей Иванович Тюльпанов (03.10.1901–16.02.1984), доктор экономических наук, профессор Ленинградского государственного университета (ЛГУ), почетный доктор Лейпцигского университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации. В 1920–1930-х гг. он преподавал политэкономию в Ленинграде – в Военно-политической Академии РККА, в Лесотехнической академии заведовал кафедрой, был инициатором создания в 1940 г. экономического факультета ЛГУ[1].

Впоследствии С.И. Тюльпанов был заведующим кафедрой политэкономии в Военно-морской академии и в Военной академии связи (1950–1956 гг.), проректором ЛГУ (1956–1961 гг.), а в 1956–1977 гг. возглавлял созданную им кафедру экономики

[1] Подробнее см.: Кузнецова Н.П., Сутырин С.С., Широкорад Л.Д. Сергей Иванович Тюльпанов: государственный деятель и выдающийся ученый, историческая роль и академическое наследие. *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Серия экономика. 2024. Т. 40. № 3. С. 506, 510–514.

современного капитализма[2] на экономическом факультете ЛГУ[3], сформировав научную школу, роль которой значима и сегодня.

Из более чем 200 научных работ С.И. Тюльпанова следует особо отметить труды, посвященные социально-экономическому становлению освободившихся стран – прежде всего, это монографии «Экономические и политические проблемы новых суверенных государств»[4] и «Очерки политической экономии (развивающиеся страны)»[5]. Именно в этих работах впервые прозвучали новаторские идеи о переходном характере производственных отношений в странах «третьего мира»[6], что было обусловлено многоукладностью их хозяйства[7]. Автором были продемонстрированы пути укрепления экономической независимости развивающихся государств, включая меры по преодолению сложившегося международного капиталистического разделения труда – за счет индустриализации, внедрения достижений научно-технического прогресса и влияния мировой социалистической системы.

В «Очерках политической экономии» дальнейшее развитие получило исследование ряда новых процессов и явлений в развивающихся государствах – особой группе государств, обладающих исторической, национальной, политической, социально-экономической и пространственно-географической спецификой. Автор поставил важнейший вопрос выбора ими социально-экономической модели – рыночной либо централизованно-государственной. С.И. Тюльпанов отвечает на него неоднозначно: учитывая историко-экономическую, ценностно-нравственную подоплеку и опыт национально-освободительной революции, а также колониального прошлого, положительные и отрицательные черты двух указанных моделей зависят от конкретных условий обретения независимости.

При этом автор подчеркивает системообразующую роль государства вне зависимости от выбранной модели развития. Один из важных выводов С.И. Тюльпанова: «…рассчитывая только на стихийные законы капитализма, нельзя преодолеть экономическую отсталость, поднять угрожающе низкий уровень жизни населения, достичь экономической независимости…» (с. 360). При этом «в большинстве колониальных и зависимых стран» происходит «увеличение преобразующей роли государства и его экономической функции» (с. 192), а «планирование экономического развития выступает как объективная необходимость» (с. 360–361).

На основе глубокого и смелого для своего времени анализа реального экономического положения получивших независимость государств С.И. Тюльпанов дал откровенную оценку их неоколониальной зависимости, в частности, прочных позиций транснациональных компаний, что наблюдается и по сей день. В этом сказывался его

[2] С 1996 г. – кафедра мировой экономики.

[3] В 2026 г. переименована в кафедру мировой экономики имени С.И. Тюльпанова.

[4] Тюльпанов С.И. *Экономические и политические проблемы новых суверенных государств.* Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964.

[5] Тюльпанов С.И. *Очерки политической экономии (Развивающиеся страны).* М.: Мысль, 1969. Издана также на немецком языке: Tjulpanow S.I. *Politische Ökonomie und ihre Anwendung in den Entwicklungsländern.Übersetzung aus dem Russischen.* Berlin: Verlag die Wirtschaft. 1975.

[6] Термин употреблен в том значении, как он был введен в научный оборот в 1952 г. французским демографом А. Сови, по мнению которого мир был разделен на первый (капиталистический), второй (социалистический) и третий (развивающийся, не интегрированный в полной мере ни в первый, ни во второй).

[7] Расков Н.В. Уроки Тюльпанова. *Основные тенденции развития мировой экономики: контуры нового тысячелетия: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.И. Тюльпанова*. СПб.: Издательство ОЦЭиМ, 2001. С. 12–15.

опыт практической деятельности, когда для выработки конкретных решений был необходим объективный анализ реальной ситуации.

Значение этих публикаций предопределялось стремлением автора «перейти к конкретному обсуждению существующей практики» в целях создания общей теории развития освободившихся стран в условиях «повышения роли экономической науки как орудия преобразования социально-экономической действительности» (с. 3–4). Рассматривая развивающиеся страны как особую группу государств с новым способом производства, С.И. Тюльпанов предлагал создать «продуманную отраслевую стратегию развития, опирающуюся на научно обоснованную программу последовательной модернизации» (с. 26).

Труды С.И. Тюльпанова способствовали становлению научной школы в части, касающейся исследования экономики развивающихся стран. Под его руководством в ЛГУ сформировался междисциплинарный подход, сочетающий макроэкономический анализ с изучением политической и экономической истории, равно как и культуры развивающихся стран. Так, его последовательница Н.Г. Поспелова рассматривала процессы распада колониальной системы и борьбы ряда стран Африки и Ближнего Востока за независимую национальную экономику[8].

В 1970–1980-е гг. С.И. Тюльпанов и В.Л. Шейнис[9] впервые в российской политэкономии применили комплексные методы анализа индустриально развитых экономик[10]. В результате плодотворного многолетнего сотрудничества учеников и последователей С.И. Тюльпанова с учеными из ИМЭМО РАН[11] был опубликован ряд значимых книг по экономике стран «третьего мира». Среди них – работы по многообразию форм развития и специфике развивающихся стран в мировой экономике[12], по моделированию развивающихся экономик и их классификации[13], труды И.В. Алешиной, Г.Е. Скорова, В.Л. Тягуненко, В.М. Коллонтая, Е.А. Брагиной и других ученых.

В развитие идей С.И. Тюльпанова о роли национального государства и его институтов при переходе к новому технологическому укладу, а также о взаимовлиянии слаборазвитости и экономической зависимости развивающихся стран Н.С. Бабинцева доказывала, что для преодоления созданного этими процессами порочного круга требуются проведение индустриализации и активизация технологического развития на основе усиления экономической роли государства[14].

---

[8] См.: Поспелова Н.Г. *Развивающиеся страны в борьбе за независимую национальную экономику: условия, факторы, перспективы.* М.: Мысль, 1967.; Поспелова Н.Г. *Распад колониальной системы*. Ленинград: Лениздат, 1961.; Поспелова Н.Г. *Алжир. Экономико-политический очерк*. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.

[9] Виктор Леонидович Шейнис (1931–2023 гг.) – советский и российский политический деятель, экономист, политолог, доктор экономических наук, профессор.

[10] Тюльпанов С.И., Шейнис В.Л. *Актуальные проблемы политической экономии современного капитализма.* Ленинград: Издательство ЛГУ, 1973.

[11] Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук.

[12] Шейнис В.Л., Болотов Б.М. *Экономика развивающихся стран в цифрах. Опыт справочно-статистического исследования 1950–1985*. М.: Наука, 1988.

[13] Алешина И.В. *Проблемы моделирования экономики развивающихся стран (К критике буржуазной теории и методологии).* Л.: Издательство Ленинградского университета, 1970.; Алешина, И.В. Брагина Е.А., Волков М.Я. *«Третий мир» и судьбы человечества.* М.: Мысль, 1990.; Алешина И.В., Иванов И.Д., Чешков М.А. и др. *Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие.* М.: Наука, 1983.

[14] Бабинцева Н.С. *Политико-экономические проблемы индустриализации в развивающихся странах: экономическая роль государства.* Л.: Издательство Ленинградского университета, 1977.

До сих пор сохраняют острую актуальность последствия ускоряющегося технического прогресса для развивающихся стран. В частности, это касается наращивания ввоза технологически усовершенствованной продукции из промышленно развитых стран по все более высоким ценам, что способствует сохранению экономической отсталости. При этом главными препятствиями на пути технологического прогресса в самих развивающихся странах были и во многом остаются ограниченность производственной инфраструктуры и недостаток квалифицированных кадров[15].

Актуальные политико-экономические проблемы развития государств Африки стали с середины 1960-х гг. ключевыми темами исследований в Институте Африки РАН. Среди них – изучение возможностей проведения индустриализации на континенте, разработка и реализация стратегий экономического развития[16]. В настоящее время в центре макроэкономических исследований находятся как внутренние, так и внешние (торговые, инвестиционные, финансовые) аспекты развития африканских государств в условиях глобальных сдвигов, влияющих на изменение роли иностранного капитала, внешней помощи и продвижение межафриканской экономической интеграции.

Научные идеи С.И. Тюльпанова, наряду с работами других советских и российских исследователей, заложили основы различных направлений изучения экономики освободившихся от колониализма государств и продолжают служить целям достижения ими подлинного суверенитета[17].

Review

THE TRAILBLAZER OF RUSSIAN ECONOMIC STUDIES OF DEVELOPING COUNTRIES (ON THE 125th ANNIVERSARY OF S.I. TYULPANOV)

© 2026 E.V. Morozenskaya, N.P. Kuznetsova

MOROZENSKAYA Evgenia Victorovna, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Head, Centre for Transition Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0531-9873. E-mail: evmorozen@mail.ru

KUZNETSOVA Natalia Petrovna, DrSc (Economics), Professor, Risk Management and Insurance Department, Faculty of Economics; Professor Emeritus, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3612-9127. E-mail: n.p.kuznetsova@spbu.ru

Review of the book: Tyulpanov S.I. (1969). *Essays on Political Economy (Developing Countries)*. Moscow: Mysl Press. (In Russ.)

---

[15] Бабинцева Н.С. *Индустриализация в развивающихся странах*. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982.

[16] Александровская Л.И. *Проблемы промышленного развития стран Африки*. М.: Наука, 1986; Гончаров Л.В. и др. (ред.). *Производительные силы стран Африки. Транспорт Африки*. М.: Наука, 1978; Гончаров Л.В. (ред.). *Производительные силы стран Африки. Сельское хозяйство*. М.: Наука, 1978; Гончаров Л.В. (ред.). *Производительные силы стран Африки. Трудовые ресурсы*. М.: Наука, 1981; Гончаров Л.В. (ред.). *Производительные силы стран Африки. Горнодобывающая промышленность*. М.: Наука, 1982; Гончаров Л.В. (ред.). *Производительные силы стран Африки. Энергетика*. М.: Наука, 1982; Абрамова И.О., Морозенская Е.В. (ред.). *Африка: современные стратегии экономического развития*. М.: Институт Африки РАН, 2016.

[17] Абрамова И.О., Дегтерев Д.А. (ред.). *Укрепление суверенитета стран Африки в контексте формирования многополярного мира*. М.: Институт Африки РАН, 2025.

Keywords: developing countries, economy, politics, neocolonialism, productive forces, development strategies

For citation: Morozenskaya E.V., Kuznetsova N.P. (2026). The Trailblazer of Russian Economic Studies of Developing Countries (on the 125th Anniversary of S.I. Tyulpanov) (Review). *Journal of the Institute for African Studies.* Vol. 12. № 3. Pp. 194–198. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-194-198

Рецензия

СКОТОВОДЫ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ: ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

© 2026 Х.М. Турьинская

ТУРЬИНСКАЯ Христина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел истории и методологии науки, Институт этнологии и антропологии РАН; старший научный сотрудник, Центр изучения стран Африки южнее Сахары, Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация. ORCID: 0000-0001-5536-6278. E-mail: krikri75@yandex.ru

Рецензия на монографию: Калиновская К.П. *Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв.: хозяйство и социальная организация*. М.: Наука, 1989.

Ключевые слова: К.П. Калиновская, история науки, Восточная Африка, скотоводы, экономика и хозяйство, общественный строй, культура.

Для цитирования: Турьинская Х.М. Скотоводы Восточной Африки: экономика и общество (рецензия). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2026. Т. 12. № 3. С. 199–202. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-199-202

Фундаментальный труд советского и российского этнографа-африканиста Клары Петровны Калиновской (1934–2020 гг.) «Скотоводы Восточной Африки» (1989 г.) – одна из наиболее заметных попыток рассмотреть и классифицировать скотоводческие общества региона. Осуществить подобное исследование К.П. Калиновской помогли многолетняя работа под руководством выдающегося советского африканиста Д.А. Ольдерогге в Ленинградской части Института этнографии Академии наук СССР; затем в Московской части – ныне Институте этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН) – а также экспедиционные выезды в Эфиопию, включая Эритрею, в регионы Советского Союза, населенные скотоводческими группами.

В книге с опорой на истмат разрабатывается систематика скотоводческих обществ Восточной Африки, куда К.П. Калиновская относит Кению, Танзанию, Сомали, Уганду, Эфиопию, Южный Судан, тогда еще входивший в состав Большого Судана. Автор изучает теоретическую проблему соотношения типа хозяйства и социальной организации. Причем общественный строй многих из этих обществ характеризуется такой особенностью как наличие системы возрастных классов (*age classes* в трактовке автора[1]).

При знакомстве с книгой надо быть готовым к некоторой терминологической разноголосице, возникшей, возможно, вследствие сосуществования в позднесоветской науке различных теоретических и терминологических традиций. Так, в тексте мы видим и «народы», и «племена», и «подплемена», и «этносы», и «этносоциальные организмы», и «этнические группы», и «традиционные общества», и «демосоциальные организмы», и «этносы традиционных обществ», и «кочевой скотоводческий организм», и «антропогенную деятельность»...

[1] В зарубежной науке используются термины *age-grades, age societies, age-sets, age groups, age organizations, generational class cycles, Altersklassen.*

Во введении приводится перечень народностей и племен, о которых говорится в книге. Это амхара, арусси, аруша, афар / данакиль, ачоли, барабаиг / дасанеч, беджа, галла (оромо), галла борана, гого, джиэ, динка, додос, тесо, камба, карамоджонг, кикуйю, кипсигис, консо, лугбара, луо, мади, масаи, мурле, нанди, нгонде, нгони, нуэр, ньякьюса, оторо, покот, самбуру, сахо, сидамо, сомали, сонджо, сук, туркана, туру, шиллук, эмбу и другие (с. 3–4) – в общем около пяти десятков групп.

К.П. Калиновская обосновывает выделение территории Восточной Африки как объекта изучения, отмечая при этом, что определение данного региона как «области географически-этнографической» в историографии пока не утвердилось (с. 9–10). В книге обращено внимание на одновременное хождение в литературе и «широких этнополитических наименований населения», например, «ганцы», «эфиопы», и «традиционных этнических названий» – «галла»[2] и прочие (с. 11).

Автор выступает за неукоснительное следование принципу историзма и подвергает критике психологизированные и механистичные подходы, популярные в зарубежной историографии по проблемам номадизма, в том числе позицию эфиопского-эритрейского антрополога Асмарома Легессе[3] с его трудами по системе «гада» и по «демократии оромо», продвигавшего «этнический» национализм в Эфиопии. К.П. Калиновская критикует метод, которым пользуется А. Легессе применительно к восточноафриканским народам (галла, нуэр, дарасса, джиэ, кикуйю) (с. 15), и дает характеристику самой системе «гада» у оромо, якобы являющейся образцом африканской демократии, отмечая, что со временем традиционное равенство «демократической» системы оказалось нарушено, и отдельные лица могли теперь использовать «гада» «для извлечения личной выгоды», а в результате – усиление экономического и социального расслоения (с. 144).

Автор монографии разбирает попытки этнографической классификации народов в литературе и отмечает общий методологический просчет, который допускают представители западных научных школ: за системный принцип берется не базисное явление, а какой-либо вторичный признак, что в целом является отражением «субъективного подхода в отборе признаков как следствие игнорирования социально-экономических закономерностей развития общества и в конечном счете идеалистической методологии» (с. 22). К.П. Калиновская предлагает свою систематику скотоводческих обществ и хозяйства с учетом разработанной в советской науке идее о хозяйственно-культурных типах. На примере различных восточноафриканских племен и народностей она рассматривает особенности скотоводства в оседлом хозяйстве, оседлое и полуоседлое отгонное скотоводство, подвижное пастушеское скотоводство в Восточной Африке. Автор отмечает, что номады – не только особая хозяйственная, но и социальная система; мобильность для них – жизненная необходимость (с. 78).

В связи с дискуссионным вопросом о тупиковости скотоводства как весьма нестабильной и ненадежной системы хозяйствования заметим, что автор книги транслирует мысль о том, что в тех условиях, в которых живут, например, нуэр и динка, «их жизнеобеспечение возможно только на основе пастушеского хозяйства-трансгуманс» (с. 64), а у гого «подвижность представляет <…> обязательное условие приспособления к окружающей среде» (с. 67).

Материалами по галла К.П. Калиновская иллюстрирует военно-миграционный класс подвижного хозяйства. Она также подробно останавливается на северных

[2] Галла в советских политических изданиях, как и в постсоветской литературе, принято именовать оромо.
[3] Исследования Легессе по системе «гада» стали частью обоснования для признания этого социального института объектом нематериального культурного наследия человечества (ЮНЕСКО, 2016 г.).

сомали – «больших» номадах, чье кочевничество относится к «азиатской» форме номадизма, система возрастных классов у них отсутствует, а сомали «называют в литературе то нацией, то семьей племен, то конфедерацией и подконфедерацией» (с. 79). Автор также рассуждает о действительной или мнимой воинственности кочевников, о вооруженных конфликтах внутри вождеств и даже внутри семей, о связи военной деятельности с возрастной и племенной организацией.

Рассматривая социальные отношения, автор пишет о разделении труда, о социальных функциях власти и отмечает, что «возрастные классы образуют социальную структуру, исключающую возможность возникновения паразитических слоев и узурпацию отдельными лицами или группами власти, так как она периодически и регулярно переходит от одного возрастного класса к другому, следующему за ним» (с. 119). В монографии приводится анализ собственности на скот, на пастбища и обрабатываемую землю, на колодцы и солончаки, автор рассматривает формы зависимости и эксплуатации.

Процесс перехода социально-статусного превосходства в экономическое – вплоть до эксплуатации – в книге иллюстрируется примером из истории южных сомали (саб). Превращение зависимости саб от сомали из преимущественно социальной в экономическую произошло, по мнению К.П. Калиновской, «в ходе перехода саб к оседлому хозяйству, когда окончательно произошло разделение труда между двумя частями сомали», то есть между «презренными», согласно расхожему стереотипу, земледельцами и «благородными» скотоводами-кочевниками; постепенно установились «отношения кабальной зависимости» саб от сомали. Как отмечает автор, «саб не являются рабами или крепостными, им платят за работу, они могут переходить от одного хозяина к другому. Но при этом они подвергаются эксплуатации, поскольку часть производимого ими продукта изымается у них в пользу сомали» (с. 148).

Автор резюмирует: в целом в традиционных обществах Восточной Африки по мере установления частной собственности на землю усиливалось имущественное и социальное расслоение, что вело к «разложению кочевничества, оседанию и переходу к интенсивным формам хозяйства», причем в колониальную эпоху отношения эксплуатации и зависимости лишь расширялись (с. 151); затем наметился переход от предклассовых отношений к классовым.

Анализируя общественную организацию рассматриваемых сообществ, автор монографии обращается к проблеме племени. По поводу термина «племя» и его содержания шли и продолжают идти дискуссии как в российской, так и в зарубежной науке. К.П. Калиновская предлагает термин «социальный возраст», рассматривает два типа систем возрастных классов – линейный и циклический, а также упоминает о политических функциях систем возрастных классов. Автор исследует социальное значение скота, в том числе его роль в сосредоточении реальной политической власти в руках скотовладельцев.

В заключение суммируются сравнительные материалы по скотоводству в Азии и Африке, различия «азиатского» и «африканского» номадизма, первичной и вторичной форм разделения труда. Исследователь приходит к выводу, что «значение возрастных связей сохранилось лишь в сфере идеологических представлений» (с. 230). Здесь хотелось бы добавить, что в наши дни система возрастных классов, например, у оромо может играть не только идеологическую, но и политическую роль. Отказ от социализма в Эфиопии породил усиление консервативных тенденций в обществе и возрождение таких архаичных социальных институтов как «гада».

Подытоживая, К.П. Калиновская констатирует объективно идущий процесс ухудшения условий жизни традиционных обществ, особенно номадов, и необходимость

государственного регулирования этих обществ, включая «перевод подвижных скотоводов к оседлости». Автор подчеркивает наличие «общей тенденции исчезновения подвижного экстенсивного пастушества и номадизма как исторической формы существования общества, не имеющей возможностей и внутренних стимулов для дальнейшего <…> развития» (с. 233–234). И всё же из книги остается неясным, в чем различие «социального» и «общественного».

Дополнительные материалы о влиянии капитализма на скотоводческие общества Восточной Африки, о местных политических условиях их существования, о переводе – а иногда и переходе в принудительном порядке – на оседлость и о туманных перспективах подвижных скотоводов в современных африканских социумах можно найти в более поздних трудах К.П. Калиновской.

Review

PASTORALISTS OF EAST AFRICA: ECONOMY AND SOCIETY

© 2026 Kh.M. Turinskaya

TURINSKAYA Khristina Mikhailovna, PhD (History), Senior Research Fellow, Department of History and Methodology of Science, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow, Centre for Sub-Saharan Africa, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5536-6278. E-mail: krikri75@yandex.ru

Review of the book: Kalinovskaya K.P. (1989). *Pastoralists of East Africa in the 19th–20th Centuries: Economy and Social Structure*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Keywords: K.P. Kalinovskaya, history of science, East Africa, pastoralists, economics and economy, social structure, culture

For citation: Turinskaya Kh.M. (2026). Pastoralists of East Africa: Economy and Society (Review). *Journal of the Institute for African Studies*. Vol. 12. № 3. Pp. 199–202. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2026-76-3-199-202

Подписано в печать 22.09.2026 Объем 17 п.л. Тираж 50 экз. Заказ № 76
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д. 12. Тел./факс: +7 (495) 994-49-94. www.cherrypie.ru